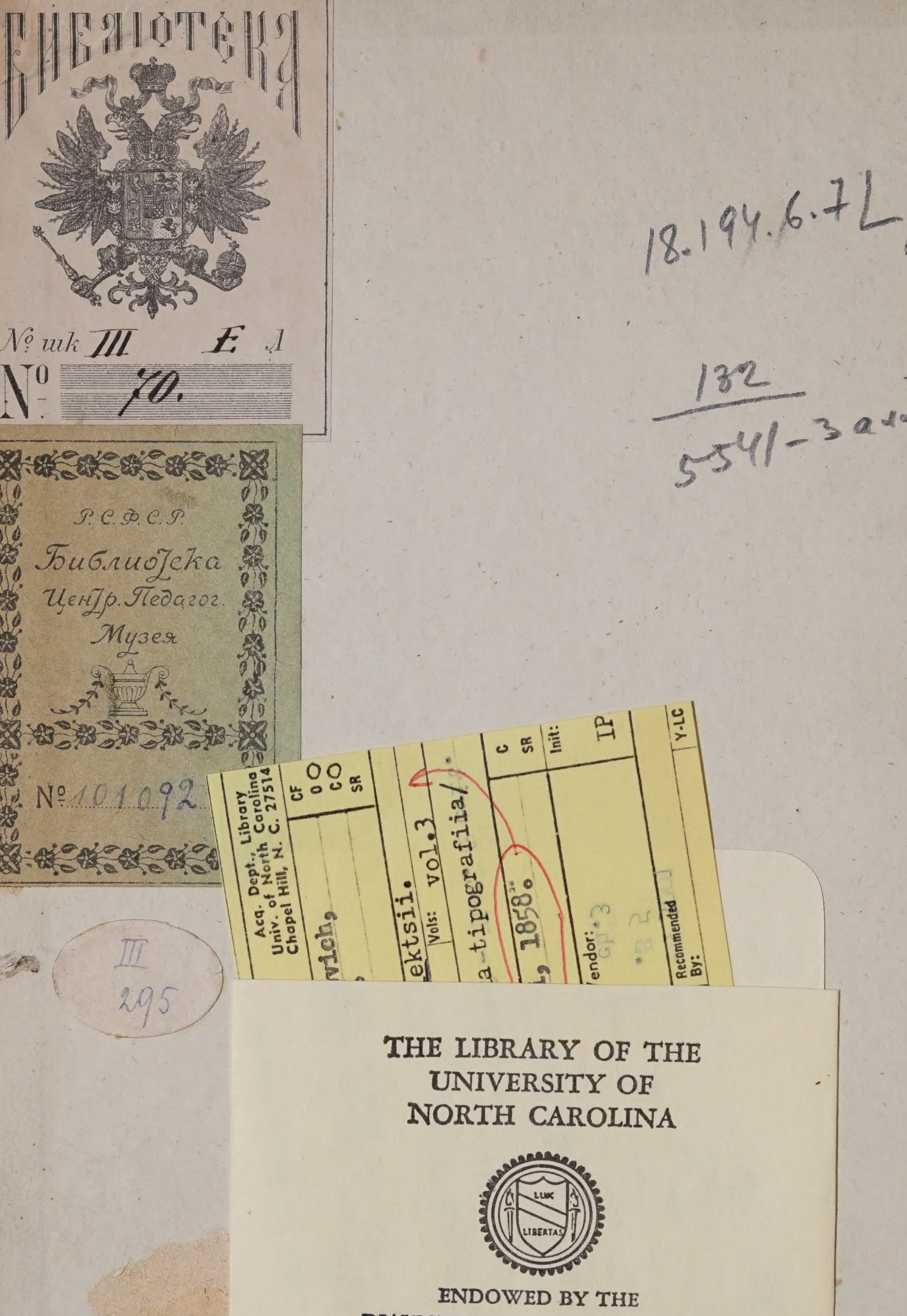
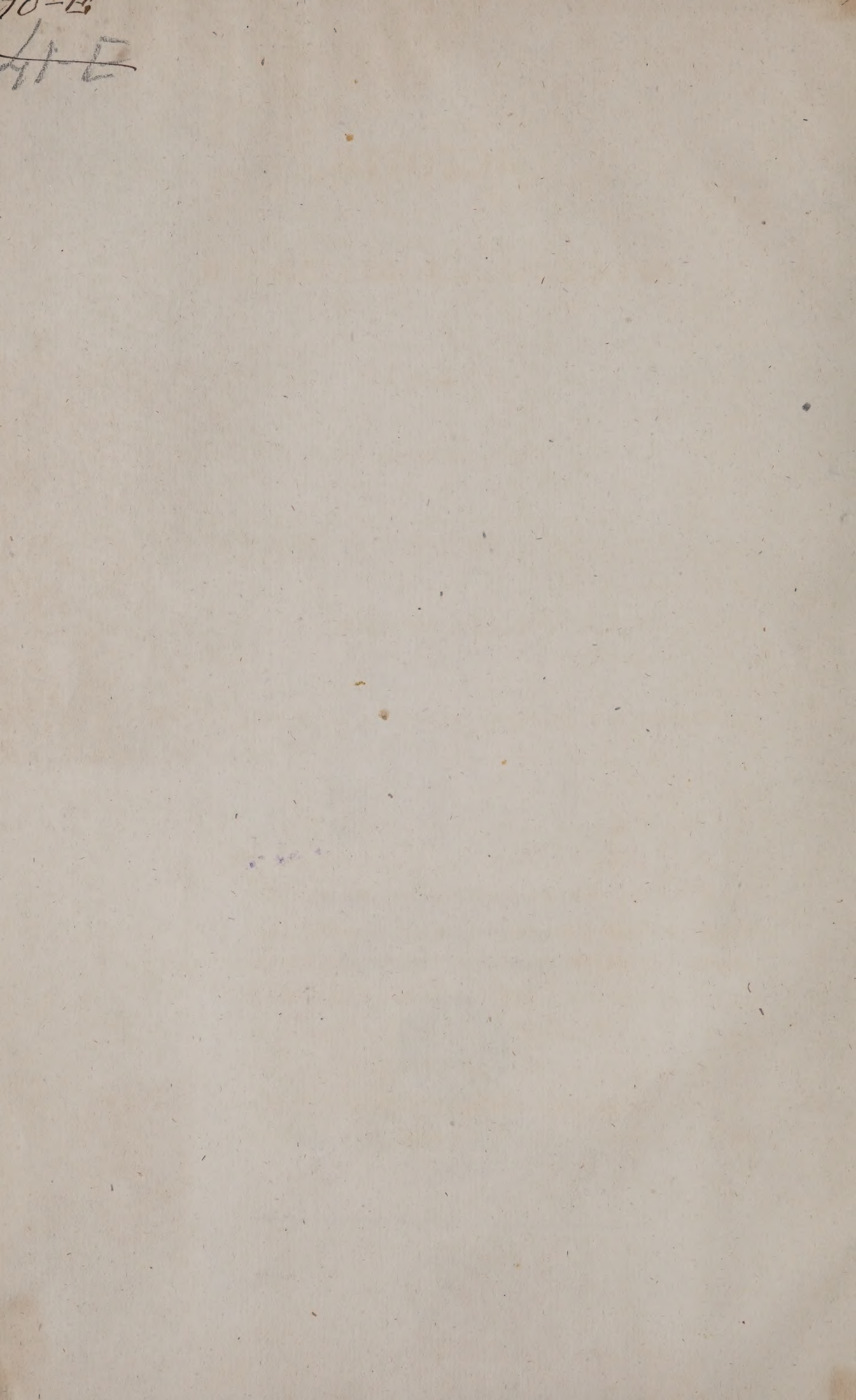

Библіотека
№ шк III Е Л
№ 70.
Р.С.Ф.С.Р.
Библиотека
Центр. Педагог.
Музея
№ 101092
III
295
18.194.6.7L
132
5541-3 экз.
Acq. Dept., Library
Univ. of North Carolina
Chapel Hill, N. C. 27514
vol.3
1858.
Vendor:
Recommended By:

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

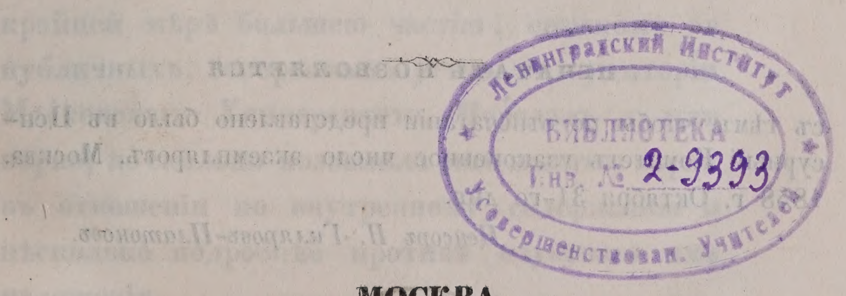
ЛЕКЦІИ

СТЕПАНА ШЕВЫРЕВА,

Ординарнаго Академика и Профессора.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

СТОЛѢТІЯ XIII-е, XIV-е И НАЧАЛО XV-го.

МОСКВА.

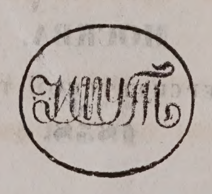
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1858 г. Октября 31-го дня.

Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ III-й ЧАСТИ

ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Первыя десять лекцій этого курса Исторіи Русской Словесности обнимають, кромѣ общаго ея обзора въ древнемъ періодѣ, все южное его отдѣленіе, вплоть до нашествія Татаръ, или до конца первой четверти XIII-го вѣка. Въ ней изображенъ первый разсвѣтъ нашей духовной жизни и первое выраженіе ея въ словѣ, сколько можемъ мы возсоздать ее изъ тѣхъ развалинъ, какія оставила намъ скупая древность. Эти лекціи, по своему содержанію, составляютъ свое отдѣльное цѣлое, какъ и самые вѣка, въ нихъ изображенные, суть только первое, но самостоятельное звено въ Исторіи нашего древняго слова.

Первыя изданныя мною лекціи были, по крайней мѣрѣ большею частію, спискомъ съ публичныхъ, говоренныхъ устно въ аудиторіи Московскаго Университета. Передалъ я ихъ вѣрно, во сколько позволила мнѣ память, вѣрно въ отношеніи ко внутреннему содержанію и нѣсколько подробнѣе противъ изустнаго ихъ изложенія.

Съ тѣхъ поръ какъ вышли первая и вторая части этого курса, прошло ровно 12 лѣтъ.

Теперь выходитъ третья. (*) Она обнимаетъ столѣтія XIII-е, XIV-е и начало XV-го. Ясно, что лекціи, теперь выходящія, не могутъ быть уже спискомъ съ тѣхъ публичныхъ, которыя сказаны были въ 184⁴/₅ академическомъ году. Наука шла впередъ и почти ежегодно дѣлала новыя открытія. Я самъ слѣдилъ за ними и въ нихъ участвовалъ. Не ограничиваясь тѣмъ, что̀ было изучено прежде, я велъ предметъ свой далѣе, предпринималъ поѣздки, работалъ въ библіотекахъ Кирилло - Бѣлозерской, Сунодальной, Іосифа Волоколамскаго и другихъ. Напечатанныя теперь лекціи представляютъ такимъ образомъ плодъ новаго труда, болѣе полнаго, болѣе оконченнаго, нежели прежній, касавшійся того же времени.

Когда вышли мои двѣ первыя книги, пять журналовъ: Отечественныя Записки, Библіотека для Чтенія, Современникъ, Сынъ Отечества и Финскій Вѣстникъ, какъ вооруженная противъ меня пентархія, со всѣмъ ожесточеніемъ напали на трудъ мой. Виною этихъ нападеній, впрочемъ, былъ я самъ, поставивъ себя въ Московскомъ Наблюдателѣ и въ Москвитянинѣ въ полемическое отношеніе къ тѣмъ журналамъ.

(*) Раздѣленіе на томы, какъ неудобное при теперешнемъ изданіи, я уничтожаю.

Не смотря на неблагосклонный пріемъ, сдѣланный журналами моему труду, мнѣ пріятно было видѣть, какъ по слѣдамъ моимъ вели науку далѣе другіе ученые и трудилось молодое поколѣніе, которое скоро и представило отличныхъ дѣятелей по тому же предмету. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ лично выражали признательность свою за то, что начали изучать Русскую Словесность древняго періода по моей книгѣ. Желаю душевно, чтобы и вновь выходящая книга принесла такой же плодъ, какой принесенъ былъ двумя первыми.

Всѣмъ, слѣдящимъ за движеніемъ мысли въ нашемъ отечествѣ, извѣстна важнѣйшая распря, которая дѣлитъ ученыхъ и писателей Русскихъ на два рѣзко противоположные стана, какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ. Она касается взгляда на древнюю и новую Русь. Объ этой распрѣ я говорилъ еще въ Москвитянинѣ 1844 года и въ моей вступительной лекціи на публичномъ курсѣ. Теперь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, давшихъ новое движеніе современной Русской Словесности, при открывшейся возможности мыслителямъ Русскимъ выражать свои мнѣнія какъ можно искреннѣе, эта распря достигла всевозможныхъ размѣровъ и раздѣлила мнѣнія на такія двѣ рѣзкія противоположности,

какія едва ли когда нибудь встрѣчались въ нашей умственной жизни.

Всего непріятнѣе для общества и всего безполезнѣе для самой науки духъ вражды, который раздражаетъ противниковъ. Мы, мало привыкшіе къ умственному движенію въ нашей общественной жизни, не доросли еще до высоты того душевнаго состоянія, той благородной и плодотворной терпимости, на которой противники во мнѣніяхъ уважаютъ другъ друга. Кто же помогаетъ намъ яснѣе видѣть и полнѣе обнимать истину, какъ не противникъ нашему на нее воззрѣнію? Онъ долженъ быть для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя истины не ненавистнымъ врагомъ, а желаннымъ гостемъ, который вызванъ нашимъ же къ ней обращеніемъ. Въ этомъ смыслѣ, даже и въ науку, въ самую жаркую область ея разумныхъ преній, можно внести Христіанское правило: *любите враги ваша.*

Тогда только, когда ученый воспитаетъ себя до той высоты разумнаго спокойствія, что не будетъ оскорбляться никакимъ противоположнымъ ему мнѣніемъ, — тогда только онъ яснѣе увидитъ истину и внесетъ добытыя имъ знанія, какъ достойный вкладъ, въ сокровищницу науки.

Трудно человѣку достигнуть до такой высоты разума; но каждый добросовѣстный искатель истины долженъ по крайней мѣрѣ стремиться къ ней. Думаю, что въ раздраженной ненависти, съ какою сторонники противоположныхъ мнѣній встрѣчаютъ другъ друга, скрывается и большáя доля взаимной неправды ихъ же исключительныхъ воззрѣній.

Разумѣется, главное состоитъ въ томъ, чтобы противорѣчія были добросовѣстны, основаны на искреннемъ желаніи узнать истину, проникнуты благороднымъ чувствомъ безпристрастія и чужды всякой личности.

Труду нашему вредятъ не столько противники нашихъ мнѣній, которыхъ мы можемъ только благодарить за ихъ содѣйствіе къ раскрытію истины, сколько порицатели самой мысли общаго труда, или хладнокровные скептики, отвергающіе важность словесныхъ памятниковъ старины Русской.

Въ прошломъ году Авторъ Обзора Русской духовной литературы съ первыхъ строкъ труда своего отринулъ всякую возможность написать полную ея исторію — и встрѣтилъ, къ удивленію нашему, сочувственный отголосокъ въ Профессорѣ Русской Словесности Московскаго Университета, который тѣмъ самымъ уже отказался отъ возможности передать ее съ своей каѳедры. Мы совершенно

согласны съ Авторомъ Обзора, что «писать исторію по предположеніямъ, по соображеніямъ, не основаннымъ ни на чемъ—дѣло неумное;» но кто же такъ писать рѣшится? — А хорошо ли охлаждать другихъ въ намѣреніи писать полную исторію Русской Словесности древняго періода, содержаніе котораго составляетъ по преимуществу духовная литература?... Удивительно, что нападеніе на возможность нашего труда совершилось изъ такого стана, откуда всего менѣе мы могли ожидать его. Конечно, для полной Исторіи Русской Церкви, которая обнимаетъ эпизодически исторію и духовной литературы, еще менѣе было данныхъ въ 1847 году; но Авторъ Обзора не усомнился подарить насъ пятью томами такой Исторіи и, не смотря на видимое несовершенство труда, никто не подумалъ охладить вниманіе къ нему читателей указаніемъ на его преждевременность.

Не смѣемъ сравнивать своего труда съ безсмертнымъ подвигомъ Карамзина въ Исторіи Государства Россійскаго; но вздумалось ли бы кому нибудь изъ просвѣщенныхъ Русскихъ людей въ началѣ столѣтія, останавливать великій трудъ славнаго Русскаго Историка мнѣніемъ, что не настало еще время писать полную Исторію Государства Россійскаго, когда еще вполнѣ и пра-

вильно не издана была даже первая наша лѣтопись?

По нашему мнѣнію, всѣ труды по части Исторіи Русской Словесности, древней и новой, труды общіе и частные, въ одно и тоже время равно необходимы. Новый Обзоръ Русской духовной литературы теперь же неполонъ; нерѣдко открываемъ въ немъ недосмотры; несогласны съ мнѣніемъ Автора, что при его Обзорѣ Біографическій Словарь духовныхъ писателей Россіи Митрополита Евгенія становится безполезнымъ; но, несмотря на все это, благодаримъ Автора за его трудъ, считаемъ его необходимымъ, пользуемся имъ, исправляемъ его, и совѣтуемъ другимъ справляться съ нимъ, хотя и не во всемъ ему довѣрять. Номенклатура писателей, конечно, не есть еще исторія ихъ слова. Для такого труда недостаточно одной механической сшивной работы; для него нуженъ процессъ органическій, трудъ мысли. Изученіе одного значительнаго писателя въ его произведеніяхъ потребуетъ болѣе умственныхъ усилій, нежели полобзора исторической номенклатуры. Но и за нее благодарность, какъ за всякій трудъ, въ дѣлѣ науки необходимый.

Намъ случалось встрѣчать въ печати подобныя охлаждающія мнѣнія и касательно

Изложу ихъ по порядку столѣтій.

Калайдовичь въ изданіи Памятниковъ Словесности XII в. напечаталъ подъ № XII Слово, приписавъ его Кириллу Туровскому, чему послѣдовалъ и Г. Сухомлиновъ въ новомъ изданіи его твореній по рукописямъ Графа А. С. Уварова. Въ библіотекѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря мнѣ удалось найти настоящаго автора этого слова: *о небесныхъ силахъ, чего ради созданъ бысть человѣкъ*, въ Авраамiи Смоленскомъ. Означеніе имени Авраамія въ заглавіи сочиненія и согласіе между содержаніемъ слова и извѣстіями объ авторѣ изъ его Житія, что онъ любилъ передъ концомъ жизни бесѣдовать о тѣхъ самыхъ предметахъ, которые въ этомъ словѣ излагаются, ясно убѣждаютъ въ томъ, что оно должно быть приписано не Кириллу Туровскому, а Авраамію.

Преосвященный Макарій въ статьѣ своей о Григоріѣ Цамблакѣ, Митрополитѣ Кіевскомъ, какъ писателѣ, напечатанной въ шестомъ томѣ Извѣстій Академіи Наукъ по Отд. Русск. яз. и Слов. (листы 7 — 10), говоритъ: «Въ продолженіе двухъ столѣтій, четырнадцатаго и пятнадцатаго, когда жилъ онъ и святительствовалъ, въ Россіи не было ни одного писателя-проповѣдника, который бы могъ сравняться съ

нимъ по краснорѣчію и по внутреннему достоинству своихъ твореній.» Пятнадцатая лекція моя, надѣюсь, обнаружитъ, что современно Григорію Цамблаку дѣйствовалъ у насъ писатель - проповѣдникъ Митрополитъ Фотій, который не уступитъ Григорію ни въ краснорѣчіи, ни во внутреннемъ достоинствѣ своихъ твореній.

Въ той же статьѣ Григорію Цамблаку приписаны Богослужебный стихъ на Успеніе Пресвятой Богородицы и слово на тотъ же праздникъ, какъ два особыя творенія, тогда какъ, при первомъ взглядѣ на оба произведенія, ясно видно, что стихъ есть только извлеченіе изъ того же слова.

Въ другой статьѣ: *Труды Митрополита Ѳеодосія*, жившаго въ XV вѣкѣ, напечатанной во 2-мъ томѣ тѣхъ же Извѣстій (листъ 21), приписано Ѳеодосію Посланіе къ Новгородскому Архіепископу Іонѣ о непризнаваніи Григорія Цамблака митрополитомъ.—Это посланіе, писанное въ 1461 году, не могло касаться Григорія Цамблака, который скончался въ 1419-мъ, а касалось другаго Григорія, который поставленъ былъ на Литву лжепатріархомъ Григоріемъ Маммою въ 1458 году и оставался еще митрополитомъ Кіевскимъ въ то самое время, когда Ѳеодосій святительствовалъ въ Москвѣ.

Въ той же статьѣ Слово похвальное святымъ верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу названо новооткрытымъ твореніемъ Ѳеодосія, что преосвященный Филаретъ внесъ и въ свой Обзоръ Русской духовной литературы; а слово это есть ничто иное, какъ сокращеніе изъ слова на тотъ же предметъ Григорія Цамблака, отличающееся отъ своего подлинника однимъ маленькимъ къ нему приступомъ.

Митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ духовныхъ писателей Россіи назвалъ извѣстнаго Вассіана Рыло, Архіепископа Ростовскаго, автора славнаго посланія къ Іоанну III, сродникомъ Іосифу Волоколамскому. Эту ошибку повторилъ и А. Н. Муравьевъ въ Житіи Пафнутія Боровскаго (Мая 1-го), назвавъ Вассіана, автора посланія, братомъ Іосифа Волоцкаго. Здѣсь смѣшаны два Вассіана, которые оба были Архіепископами Ростовскими и Ярославскими; но одинъ изъ нихъ, авторъ славнаго посланія, скончался въ 1480 г. Марта 23, по другимъ же лѣтописямъ, въ 1481-мъ (*); а второй Вассіанъ, братъ Іосифа Волоколамскаго, въ 1515-мъ, Августа 28.

(*) Различіе, вѣроятно, происходитъ отъ того, что одинъ лѣтописецъ ведетъ счисленіе уже Сентябрскимъ годомъ, а другой Мартовскимъ.

Этого смѣшенія избѣгнули г. Сухомлинъ статьѣ своей: Вассіанъ, современникъ Іоанна III, напечатанной во 2-мъ томѣ Извѣстій (л. 12 и 13), и Авторъ Обзора духовной Русской литературы; но оба они, слѣдуя Митрополиту Евгенію и П. М. Строеву, приписали Житіе Пафнутія Боровскаго первому Вассіану, творцу посланія, и назвали его ученикомъ Пафнутія.

Вассіанъ Рыло скончался въ 1480 или въ 1481 г., а Пафнутій Боровскій въ 1479-мъ, какъ сказано у г. Сухомлинова. Страннымъ кажется, какъ Вассіанъ въ одинъ годъ успѣлъ собрать всѣ матеріалы и написать такъ скоро житіе своего учителя, особливо, какъ духовникъ В. Князя, при обширныхъ своихъ занятіяхъ епархіальныхъ и государственныхъ. Авторъ Обзора полагаетъ годъ кончины Св. Пафнутія 1477-й, согласно Житію его. Въ такомъ случаѣ было бы, конечно, почти три года для составленія житія; но и этого, по обычаю того времени, кажется слишкомъ мало. Тогда у насъ Житія Святыхъ мужей не писались на скорую руку. Епифаній, по кончинѣ Преп. Сергія, свободный отъ другихъ занятій, не Архіепископъ, не государственный дѣятель, не стражъ отечества въ эпоху Монголовъ, употребилъ 26 лѣтъ для сочиненія Житія Сергіева; къ тому же онъ самъ жилъ

въ той же обители и имѣлъ всѣ матеріалы подъ руками. У Вассіана же не было тѣхъ удобствъ. Пахомій Логоѳетъ для того, чтобы написать Житіе Кирилла Бѣлозерскаго, долженъ былъ самъ отправиться въ его обитель и тамъ собирать матеріалы.

Другое обстоятельство, препятствующее приписать Житіе Пафнутія Вассіану первому, заключается въ годахъ его. Конечно, въ точности лѣта Вассіановы при кончинѣ его остались неизвѣстны; но все таки онъ былъ уже въ глубокой и маститой старости, когда въ 1480 году говорилъ Іоанну: «Дай сѣмо вои въ руку мою, коли *азъ старый* утулю лице противъ Татаръ.» Кромѣ силы духа, вѣроятно и лѣта его давали ему право быть духовникомъ Государя и такъ сильно дѣйствовать на него за одно съ Митрополитомъ Геронтіемъ. Могъ ли по этому Вассіанъ быть постриженикомъ и ученикомъ Пафнутія, которому былъ почти сверстникомъ, если не превышалъ его годами?

По всѣмъ этимъ даннымъ Житіе Пафнутія скорѣе должно быть приписано второму Вассіану, также Архіепископу Ростовскому и Ярославскому, который изъ Архимандритовъ Симоновскихъ въ 1506 году былъ хиротонисанъ на эту каѳедру и скончался въ 1515-мъ. Онъ былъ дѣйствительно братомъ Св. Іосифу Воломолам-

скому, какъ это засвидѣтельствовано въ помянникахъ рода Іосифа, послѣ котораго онъ всегда поминается, и во всѣхъ рукописныхъ преданіяхъ обители. Оба они были пострижениками и учениками Св. Пафнутія, какъ значится и въ самомъ Житіи его. Послѣ кончины учителя, этотъ Вассіанъ имѣлъ все время и всѣ средства собрать отъ своихъ соучениковъ, товарищей и брата, всѣ свѣденія, касающіяся житія его учителя.

Поводомъ къ смѣшенію двухъ Вассіановъ послужило то, что авторъ Житія упоминаетъ о томъ, что онъ былъ постриженикомъ и ученикомъ Пафнутія, что ему сожительствовалъ и пѣлъ съ нимъ въ одномъ ликѣ; а потомъ въ третьемъ лицѣ говоритъ объ Вассіанѣ, братѣ Іосифа, которому Пафнутій предсказалъ Архимандритство въ Симоновской обители. Такая скромность въ духовномъ лицѣ того вѣка понятна: прозрѣніе о немъ Пафнутія авторъ Житія раскazываетъ въ третьемъ лицѣ, чтобы оно не могло быть прямо отнесено къ нему; а о своемъ постриженіи отъ Пафнутія расказываетъ въ первомъ лицѣ, но себя не называя по имени.

На основаніи этихъ данныхъ, слѣдовало, конечно, отнести Житіе Пафнутія къ Вассіану второму, а не первому. Эти данныя, наконецъ, несомнѣнно подтверждаются свидѣ-

*

тельствомъ Іосифовскаго отечника обители, гдѣ записаны многія преданія о Св. Пафнутіи, слышанныя отъ учениковъ его, Іосифа и Вассіана. Тому же Вассіану въ другомъ сборникѣ приписывается грозное обличительное посланіе противъ Латинской церкви, въ которомъ находимъ и объясненіе знаменательныхъ небесныхъ явленій въ православной литургіи(*).

Въ заключеніе позволю еще небольшое замѣчаніе: въ Обзорѣ Духовной Литер. сказано, что Пахомій Логоѳетъ прибылъ въ Россію при Василіи Темномъ; но, по свидѣтельству Никоновой лѣтописи, священноинокъ Пахомій Болгаринъ, «пріиде на Русь изъ Грекъ съ Фотіемъ Митрополитомъ», слѣд. при Василіи Димитріевичѣ, въ 1410 году.

Кажется, довольно приведено доказательствъ въ пользу необходимой связи изученія общаго со спеціальнымъ. Не спорю также, что и спеціальное изученіе приноситъ много пользы изученію общему, но тогда только, когда оно на связи съ общимъ основано. Къ тому же, вѣдь спеціальному изученію конца нѣтъ, а по этому

(*) Есть мѣсто въ этомъ объясненіи, которое соотвѣтствуетъ въ житіи одному видѣнію инока Ѳеимія: сличеніе обоихъ мѣстъ еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что авторъ житія естъ Вассіанъ, братъ Іосифа.

общая Исторія Русской Словесности никогда не будетъ возможна. Спрашиваю: какъ же Профессоры Русской Словесности будутъ читать ея Исторію, если она невозможна?

Кромѣ порицателей дѣла, есть еще, какъ сказали мы, скептики или отрицатели памятниковъ старины Русской. Недавно, въ большомъ новомъ трудѣ своемъ, который совершается по вновь разработаннымъ источникамъ, въ Исторіи Петра Великаго, Г. Устряловъ, призвавшій за нужное во Введеніи сказать хотя нѣсколько словъ о Россіи до Петра В., выразился о Русской Словесности въ древнемъ періодѣ нашей жизни слѣдующими словами: «Словесность ограничивалась списываніемъ старинныхъ лѣтописей, хронографовъ и книгъ душеспасительныхъ.» Обаяніе завѣсы преобразованія такъ еще сильно дѣйствуетъ на историка Петровой эпохи, что взглядъ его какъ будто не имѣетъ силы проникнуть сквозь туманъ ея. Для него не существуютъ даже всѣ открытія, сдѣланныя учеными любителями старины въ первой половинѣ текущаго столѣтія, и даже на глазахъ нашихъ. Правда, что душеспасительныя книги составляютъ главное содержаніе древне-Русской Словесности; но если Русскій народъ въ древнемъ періодѣ своей жизни задалъ себѣ главною задачею въ произведеніяхъ своего слова

указать пути для спасенія души человѣческой; то не уже ли такое явленіе въ своемъ народѣ Историкъ новаго періода считаетъ дѣломъ столь маловажнымъ, что позволяетъ себѣ такъ небрежно объ немъ отозваться? На этихъ книгахъ основано религіозно-нравственное могущество Россіи, безъ котораго ни реформа Петрова, ни всѣ, за нею послѣдовавшія и вновь ожидаемыя, не имѣли бы своего правильнаго и прочнаго развитія. Историкъ Петра позволилъ себѣ такъ поверхностно выразиться о древнемъ періодѣ Русской Словесности потому, вѣроятно, что, увлеченный своимъ предметомъ, преобразованіемъ въ самомъ его началѣ, когда оно было только противодѣйствіемъ крайностямъ стараго времени, не вникъ глубоко во все то, что̀ ему предшествовало, отъ чего многія явленія временъ Петровыхъ, даже и въ эту первую эпоху, остаются у него необъясненными, а впослѣдствіи будутъ еще темнѣе и неопредѣленнѣе. Откуда выйдутъ внезапно на свѣтъ сподвижники Петровы: Святитель Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичь, Гавріилъ Бужинскій? Это дѣятели въ духовной и умственной жизни народа; но какъ же изъ древней Руси, при отсутствіи всякой промышленности, всякаго знанія, такъ какъ представлена она Историкомъ реформы, объяснить *искуснаго и опытнаго кормщика*, Антипа Тимоѳеева, кото-

рому мы, въ рогахъ Унской губы, обязаны спасеніемъ жизни Петра? Къ томуже, слѣдя все царствованіе Петрово, мы видимъ, что какъ сильно въ началѣ онъ отторгся отъ жизни древнихъ предковъ, такъ послѣ, все болѣе и болѣе, сознавалъ необходимость возобновленія связи съ существенными ея началами. Думаемъ, что Историкъ не обнялъ еще совокупною мыслію предмета во всю глубину его и находится подъ излишнимъ вліяніемъ самой ранней эпохи преобразованія, которую теперь излагаетъ.

Но въ нѣкоторыхъ современныхъ явленіяхъ нашей жизни, въ связи съ Западомъ Европы, мы встрѣчаемъ уже сильные отголоски въ пользу древней Руси. Въ Парижѣ вышло недавно сочиненіе: Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie par Nicolas de Gérébtzoff, въ двухъ томахъ. Большое это сочиненіе обнимаетъ всѣ отрасли Русскаго просвѣщенія въ самомъ обширномъ смыслѣ, какъ въ древней, такъ и въ новой Россіи. Конечно, при такомъ великомъ трудѣ не льзя избѣгнуть маленькихъ промаховъ, въ которыхъ каждый добросовѣстный читатель извинитъ Автора. Но кто любитъ свое отечество и кто вѣрно понимаетъ его жизнь и исторію, тотъ изъявитъ полное сочувствіе трудолюбивому и даровитому Автору этой книги, проливающей новый свѣтъ передъ всѣмъ про-

свѣщеннымъ Западомъ на прошедшія, настоящія и грядущія судьбы нашего Отечества(*).

(*) Излагая исторію образованія и словесности древней Руси вообще и особенно въ первыхъ вѣкахъ ея, Авторъ, какъ мнѣ пріятно было видѣть, пользовался и моею книгою, извлекъ изъ нея многія подробности, кой въ чемъ ошибся тамъ, гдѣ неточно мнѣ слѣдовалъ, а главное изъ нея заимствовалъ основное свое воззрѣніе на христіанское просвѣщеніе древней Руси. Въ доказательство тому, что онъ имѣлъ книгу мою передъ глазами, могъ бы я привести разныя мѣста изъ его книги; но, чтобы не утруждать читателя, приведу только полстраницы, въ его переводѣ.

«Parmi les contes héroiques, les plus remarquables sont ceux qui chantent les hauts faits d'Ilia Mourometz de Kieff, chevalier ou bogotyr du temps de Vladimir.

«Dans tous ces contes, le héros se distingue par sa bienfaisance pour les malheureux, son respect filial, sa générosité, sa force herculéenne, qui ne lui est donnée par le bon Dieu que comme récompense de ses vertus: il se garde d'offenser quelqu'un sans cause, il ne fait jamais verser le sang chrétien, il ménage même les brigands, il ne frappe que pour la défense de la chrétienté; son désintéressement est exemplaire, car il ne demande jamais de récompense pour ses exploits: il ne veut ni terres, ni honneurs; mais tout au contraire, c'est lui qui fait des dons magnifiques à son prince T. I. 455.

Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней, часть I. стран. 190 и 197.

«Любимый витязь Русскаго народа, любимый герой его устныхъ преданій—Илья Муромецъ.....

«Вотъ въ какихъ чертахъ, Русскій народъ воображаетъ своею любимаго Витязя; онъ милосердъ къ нищимъ, его сила—награда за его милостыню; онъ добрый сынъ; онъ бережется напрасной обиды; онъ не проливаетъ крови Христіанской; онъ щадитъ даже разбойниковъ; онъ поднимаетъ оружіе только для защиты народа и Вѣры противъ враговъ и язычества; онъ, безъ похвальбы, служитъ Русской землѣ.... онъ не требуетъ ни земель, ни почестей, ни даровъ за свои услуги, но самъ несетъ дары къ стольнымъ Князьямъ»....

Не могу не принести нѣкоторыхъ оправданій передъ публикою въ томъ, что замедлилъ продолженіемъ моего труда. Мнѣ остается здѣсь вкратцѣ повторить то, что́ сказано уже подробнѣе въ моей автобіографіи, напечатанной вмѣстѣ съ біографіями другихъ Профессоровъ Московскаго Университета, по случаю его столѣтняго праздника. Съ тѣхъ поръ прочтено было мною два курса публичныхъ: Исторіи всеобщей Поэзіи и Исторіи живописи Италіянской: послѣдній напечатанъ вмѣстѣ съ курсами товарищей. Издана Поѣздка въ сѣверную область Россіи, совершеніе которой нужно было особенно для продолженія моего труда. Основана новая каѳедра Педагогіи въ Московскомъ Университетѣ. Кончина Гоголя вызвала меня на труды по изданію посмертныхъ его сочиненій. Кончина Жуковскаго не могла пройти въ Московскомъ Университетѣ безъ сознательнаго и полнаго отголоска его жизни и поэзіи. Девятилѣтнее деканство, во времена Университета самыя трудныя, отнимало много времени на пользу младшихъ товарищей по

Кажется, достаточно ясно, что книга моя была передъ глазами у Автора и что онъ иногда переводилъ изъ нея цѣликомъ; но назвавъ меня Авторомъ Теоріи Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ (стр. 321 2-го тома), Н. А. Жеребцовъ не рѣшился къ этому прибавить, что я также авторъ той Исторіи Русской Словесности, откуда онъ и самъ кое-что позаимствовалъ.

наукѣ и на пользу студентовъ. Столѣтній праздникъ Университета, всѣмъ грузомъ трудовъ своихъ, и большихъ и мелкихъ, палъ на меня, отнималъ цѣлыхъ четыре года всѣ часы досуга, даже необходимаго сна, и разстроилъ много мои тѣлесныя силы.

Вотъ причины видимыя замедленію въ трудѣ. А что за дѣло читателю до невидимыхъ? Человѣкъ, дѣйствующій передъ обществомъ, обязанъ ему отчетомъ въ своихъ дѣлахъ общественныхъ, а въ душевныхъ скорбяхъ, въ борьбѣ съ судьбою, въ великомъ и трудномъ дѣлѣ жизни, его отчетъ только Богу.

Главное въ ученомъ то, чтобы, не смотря на всѣ препятствія и противодѣйствія судьбы и людей, сохранить любовь къ наукѣ и совершать трудъ ея, хотя медленно, но добросовѣстно. Любовь къ наукѣ цѣла и неизмѣнна — а трудъ все идетъ и подвигается, постоянно вѣрный одной путеводной мысли, которая легла ему въ основу.

Оставивъ преподаваніе, я передаю теперь печатному слову плоды многолѣтнихъ трудовъ и занятій. Въ великодушное извиненіе медленности труда прошу читателей вмѣнить мнѣ и то, что я работаю безъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, которые могли бы облегчить мнѣ построеніе цѣлаго и разработку подробностей. Многіе литературные матеріалы столѣтій, содержа-

щихся въ этой части, еще неизданы, а существуютъ въ рукописяхъ. Не имѣя пра́ва, облегчающаго въ десять разъ трудъ, изучать рукописи на рабочемъ столѣ своемъ, я долженъ переписывать ихъ въ затворахъ библіотекъ и монастырей, и потомъ уже этотъ сырой матеріалъ претворять въ дѣло науки и въ изложеніе историческое по лекціямъ.

Считаю сердечною обязанностію принести чувства моей глубоко-сознаваемой благодарности Митрополиту Московскому, Филарету, за то, что Архипастырь благосклонно и немедленно допускалъ меня ко всѣмъ сокровищамъ древнихъ библіотекъ, попеченію его ввѣренныхъ.

Благодарю отъ души исполнителей воли Московскаго Архипастыря. Въ смиренной и тѣсной кельѣ, у Отца Ризничаго Сѵнодальной библіотеки, Архимандрита Саввы, я переписывалъ поученія Фотія, Григорія Цамблака и другія; въ кельяхъ у Архимандрита Чудовской обители, Паисія, трудился надъ Евангеліемъ Святителя Алексія; въ кельяхъ Архимандрита Іосифова Волоколамскаго монастыря Гедеона, я работалъ надъ рукописями знаменитой библіотеки по каталогу, вновь составленному подробно, который облегчалъ мнѣ труды мои.

Приношу мою благодарность Князю М. А. Оболенскому, за рукописи, которыми безот-

казно снабжалъ меня на домъ, и В. М. Ундольскому, который, на малыя средства собравъ одну изъ самыхъ значительныхъ частныхъ библіотекъ, радушно дѣлится своими книжными сокровищами со всѣми, занимающимися наукою. Нельзя не пожелать, чтобы его рѣдкое книгохранилище, собранное съ такимъ знаніемъ дѣла, ухоженное и усовершенное въ каждомъ экземплярѣ, перешло въ городскую собственность нашей столицы и долго бы состояло по всѣмъ правамъ подъ вѣденіемъ самого собирателя.

Книга моя, обнимающая часть жизни древне-Русской въ томъ, что̀ осталось отъ нея лучшаго, выходитъ въ такое время, когда новая Россія увлечена совершенно иными практическими стремленіями, работою надъ всякимъ устройствомъ великой земли своей. Древняя Русь можетъ обратить къ новой слѣдующія смиренныя слова, заимствованныя у одного изъ своихъ представителей, сказавшаго ихъ въ началѣ XVI вѣка: «И ты со мною грѣшнымъ и худымъ инокомъ Даніиломъ совѣта о семъ не имѣй: еже бы высоту небесную увѣдѣти, и глубину морскую измѣрити, и концы земныя обтицати и исчислити, и езерамъ и рѣкамъ каменныя стезя художьствовати, и весь міръ строити, и якожъ въ кругъ нѣкый вселенную

всю объяти, и всѣхъ въ единъ нравъ привести и отъ всея поднебесныя неправду, и лукавство, и всякое злохитрьство изгнати, не навыклъ есмь: понеже безуменъ и окаяненъ есмь человѣкъ и не дѣлатель никоторому благу; но точію божественныя писанія глаголю слышащимъ и пріемлющимъ и хотящимъ спастися...»

Мы думаемъ, что новое дѣло, которое сильно замышляется у насъ на Руси въ настоящую минуту и необходимость котораго сознавали однако и наши смиренные предки въ началѣ XVI вѣка, не должно быть чуждо дѣлу древнему, положенному въ основу Русской жизни. Духовное единство Русскаго міра, заложенное тамъ, должно получить въ новой Россіи внѣшнее выраженіе и скрѣпить ея внѣшнія силы. Безъ путей соединяющихъ духа безсильны бы были пути единенія матеріяльнаго. Чтó прибыли, если желѣзныя дороги будутъ насъ сближать только въ географическомъ отношеніи, а духовно станемъ мы разъединяться на безконечныя разстоянія и въ разныя стороны? Единство внутреннее, духовное, заготовила намъ древняя Русь: да облечетъ его во внѣшнее Русь новая! Вотъ, по нашему мнѣнію, какая связь между періодомъ древнимъ и новымъ, связь неразрывная, которая таится въ духѣ народа и, болѣе и болѣе, должна быть приводима въ сознаніе.

Въ наше время привыкли думать, что вѣкъ нашъ все увлекается одними только матеріяльными стремленіями. Желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы приводятся, какъ самыя очевидныя тому доказательства. Намъ кажется, что на эти великіе плоды ума человѣческаго можно смотрѣть совершенно съ другой точки зрѣнія. Никогда еще духъ человѣческій такъ не торжествовалъ надъ условіями матеріяльнаго міра, надъ пространствомъ и временемъ, какъ въ эпоху, до которой мы такъ счастливо дожили. Желѣзный путь уничтожаетъ между людьми пространство, а электрическая искра время. Въ этихъ явленіяхъ чувствуетъ и сознаетъ человѣкъ осязательнымъ образомъ свое духовное назначеніе и предвкушаетъ, такъ сказать, на землѣ то совершенное уничтоженіе времени и пространства, которое ожидаетъ его въ будущей жизни. Мнѣ кажется, что никогда еще душа человѣческая не объявляла столь очевидныхъ правъ на свое безсмертіе, какъ въ наше время, когда она сдѣлалась почти владычицею двухъ главныхъ условій вещества, стѣснявшихъ жизнь ея въ земной, ограниченной ея оболочкѣ.

Жизнь Русскаго человѣка, если только онъ хочетъ въ нее глубоко вникнуть, совершается по законамъ непререкаемой божественной логики. Да не колеблетъ ее въ каждомъ изъ

насъ какое-нибудь личное наше мудрованіе! Въ древней своей жизни, Русскій человѣкъ, чувствуя выше всего духовное свое назначеніе, проложилъ духовные пути сближенія и этому дѣлу принесъ все на жертву: не ужели же въ новое время, его потомокъ, пролагая пути сближенія матеріяльнаго, позабудетъ о первыхъ и для единства физическаго земли своей пренебрежетъ единствомъ народнымъ въ духѣ? Чтобы не могло это быть, новый Русской человѣкъ не долженъ забывать древняго своего собрата: новый и древній Русской должны составлять одно и, безъ совмѣщенія ихъ, не можетъ быть полнаго Русскаго человѣка, а будетъ одна только половина, и для новаго самая невыгодная, потому что, отринувъ въ своемъ древнемъ собратѣ основаніе высокой половины духовной, новый человѣкъ останется при одной матеріяльной и испортитъ только великое дѣло всецѣлой жизни народа Русскаго.

Вотъ основанія, на которыхъ полагаю, что книга моя, возобновляющая въ памяти Русскихъ людей завѣты ихъ доблестныхъ и святыхъ предковъ, думавшихъ и неуклонно дѣйствовавшихъ въ пользу насажденія и распространенія духовной жизни, по всѣмъ предѣламъ Русской земли, не будетъ въ противорѣчіи съ новыми стремленіями Русскихъ людей, а восполнитъ то, что̀ въ настоящее время для нихъ особенно надобно.

Катитесь во всѣ стороны нашего любезнаго отечества, пути желѣзные, пароходы крылатые, и соединяйте въ одно живое, гибкое и стройное тѣло, всѣ дремлющіе члены великаго Русскаго исполина! Разработывай, Россія, богатства, данныя тебѣ Богомъ въ твоей неисчерпаемой и разнообразной природѣ, развертывай и высвобождай всѣ свои личныя силы человѣческія для великаго труда надъ нею! Но помни, что неизмѣримая духовная сила твоя заготовлена еще предками въ древней твоей жизни, вѣрь въ нее, храни ее, какъ зѣницу ока, и во всѣхъ твоихъ новыхъ дѣйствіяхъ призывай ее на помощь, потому что безъ нея никакая сила твоя не прочна, никакое дѣло не состоятельно, и полная, всецѣлая жизнь всего Русскаго народа и каждаго человѣка отдѣльно, невозможна.

С. Шевыревъ.

Октября 18-го.
1858.

ЛЕКЦІЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

одиннадцатой лекціи.

На границѣ между XII и XIII столѣтіями, въ послѣдней половинѣ XII-го и первой XIII-го, встрѣчаемъ двухъ писателей замѣчательныхъ, связанныхъ дружбою и единствомъ труда. Мы уже знакомы отчасти съ ними и ихъ произведеніемъ; но нельзя не возвратиться къ нимъ на томъ мѣстѣ, которое они занимаютъ въ порядкѣ Исторіи. Эти писатели — Симонъ и Поликарпъ, сочинители Кіевскаго Патерика. Здѣсь доскажемъ объ нихъ то, что̀ прежде не было сказано (1).

Симонъ и Поликарпъ.

Симонъ былъ черноризцемъ Кіевопечерскаго монастыря и самымъ ревностнымъ его приверженцемъ; въ 1214 году, изъ игумновъ обители Рождества Богородицы поставленъ онъ епископомъ Суздальскимъ и Владимирскимъ, а въ 1226 году, скончался во Владимирѣ, принявши схиму. Лѣтопись именуетъ его блаженнымъ, милостивымъ и *учительнымъ* (2). Кромѣ Сказанія о Кіевопечерской церкви (3), Симонъ написалъ Посланіе къ Поликарпу и при немъ Житія Кіевопечерскихъ Святыхъ: Евстратія постника, Никона многотерпѣливаго, прозваннаго сухимъ; священномученика Кукши, крестителя Вятичей; Аѳанасія затворника; Николая Святоши, князя Черниговскаго; Эразма, истощившаго все имѣніе свое на иконы Кіевопечерской церкви; Арефы, которому имѣніе, украденное ворами, вмѣнилось въ милостыню; попа Тита, желавшаго тщетно погасить вражду діакона Евагрія.

Симонъ.

Посланіе Симона къ Поликарпу.

Посланіе Симона къ Поликарпу (4) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній, завершающихъ первую эпоху нашей словесности до Татаръ. Извѣстно, что наша литература богата посланіями духовныхъ и даже свѣтскихъ лицъ. Первоначальный образецъ для нихъ заключается въ Посланіяхъ апостольскихъ. Степенная книга объясняетъ мѣстное происхожденіе этого рода сочиненій у насъ изъ обычая, что если кто по простотѣ сердца, или по невѣдѣнію божественныхъ писаній, впадалъ въ прегрѣшеніе, то знающіе дѣло бесѣдами и посланіями, любовно и разумно исправляли такого (5). Главная цѣль Симонова Посланія заключается въ томъ, чтобы успокоить честолюбіе Поликарпа, который желалъ быть игумномъ въ обители Козмодемьянской, или у святаго Димитрія: Верхуслава, супруга Ростиславова, желала поставить его епископомъ въ Новгородѣ, или въ Смоленскѣ, или въ Юрьевѣ. Симонъ, прозрѣвая, конечно, что Поликарпъ довершитъ дѣло, имъ начатое—описанія житій угодниковъ Кіевопечерскихъ—склонялъ его къ тому, чтобы онъ остался въ монастырѣ и послужилъ архимандриту Анкидину. Главная мысль, одушевляющая Симона въ его словѣ къ Поликарпу, есть мысль о Церкви. Такъ онъ ее выражаетъ: «Какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла: все что творишь ты въ келліи ни во что̀ вмѣняется, Псалтырь ли читаешь, дванадесять ли псалмовъ поешь, ни единому Господи помилуй подобится соборнаго пѣнія. Вспомни, братъ, что верховный апостолъ Петръ, самъ будучи церковью Бога живаго, взятый Иродомъ и посаженный въ темницу, избавленъ былъ отъ руки его церковною молитвою! Да-

видъ молился такъ: одного прошу у Господа и того ищу, чтобы жить мнѣ въ дому Господнемъ во всѣ дни жизни моей, и видѣть красоты Господни, и посѣщать святую Его церковь. Самъ Господь говоритъ: домъ Мой — домъ молитвы наречется; гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я среди ихъ. Если же такой соборъ соберется болѣе ста, вѣруй, что Богъ нашъ съ ними. Отъ Его божественнаго огня ихъ обѣдъ сотворяется, отъ него же и я желаю хотя одной крупицы, болѣе всего сущаго передо мною» (6). — Возможность олицетворить эту мысль о Церкви представляется Симону въ Печерскомъ монастырѣ, который, по слову его, «море есть, не держитъ въ себѣ гнилаго, но измещетъ вонъ». — «Какъ отъ самого Христа Бога нашего апостолы во всю вселенную были посланы, такъ отъ Матери Госпожи нашей Богородицы великаго монастыря многіе епископы поставлены были въ Русскую землю». — Симонъ самъ оставилъ бы епископство и работалъ бы игумену, если бы Владимирская и Суздальская соборная церковь, имъ созданная, не удерживала его своими красотами. Но всѣ города, области и села, и десятину, всю славу и власть, онъ вмѣнилъ бы во прахъ, если бы только могъ *трескою* торчать за воротами Печерскаго монастыря, или *сметіемъ* въ немъ валяться, попираемымъ человѣками. Лучше счесть одинъ день временной жизни въ дому Божіей Матери, нежели тысячу лѣтъ въ селеніяхъ грѣшничьихъ». — И далѣе говоритъ Симонъ: «Я грѣшный епископъ Симонъ тужу и скорблю, и плачу и желаю тамъ мнѣ скончаться, чтобы только положенъ я былъ въ божественной этой персти и принялъ отраду отъ многихъ грѣховъ моихъ».

Таковы были любовь и благоговѣніе иноковъ Кіевопечерскихъ къ обители, ихъ воспитавшей. Чтобы сильнѣе устремить брата на желанный подвигъ и возбудить въ немъ ревность къ монастырю, Симонъ представляетъ ему примѣры святыхъ его мужей. Евстратій у Жидовъ, Никонъ у Половцевъ, Кукша у Вятичей свидѣтельствуютъ мученіями истину Христовой Вѣры. Аѳанасій изображаетъ подвигъ 12-ти лѣтняго затворничества; Святоша — отреченіе отъ княжеской власти и почестей; Эразмъ и Ареѳа — отъ стяжаній; Титъ— любовь, сремящуюся погасить вражду, не угасавшую въ вѣкѣ вражды непрерывной.

Житія Святыхъ Кіевопечерскихъ.

Источниками Симону для описанія житій угодниковъ Божіихъ служили живыя преданія самой обители. Всѣ знаютъ, говоритъ онъ, о Кукшѣ, какъ онъ бѣсовъ прогонялъ, и Вятичей крестилъ, и дождь свелъ съ неба, и озеро изсушилъ. Вавила, изцѣленный затворникомъ Аѳанасіемъ, самъ разсказывалъ Симону объ этомъ изцѣленіи. Келья, гдѣ жилъ Святоша, еще при немъ звалась Святошиною. Въ обители былъ огородъ, устроенный его руками; хранились книги, имъ подаренныя. Никто въ монастырѣ не видалъ Святошу празднымъ. Иконы, окованныя Эразмомъ, находились во время Симона надъ олтаремъ. Подробности о постриженіи въ схиму и о кончинѣ Эразма онъ слышалъ «отъ тѣхъ свидѣтелей святыхъ и самовидцевъ блаженныхъ старцевъ». Арефу онъ самъ видѣлъ, самъ вмѣстѣ съ отцами обители былъ свидѣтелемъ перемѣны, происшедшей въ его умѣ и нравѣ, когда воры украли его имѣніе, которое прежде составляло единственный предметъ заботъ его.

Вражда попа Тита и діакона Евагрія, болѣзнь

перваго и внезапная смерть втораго, не захотѣвшаго уступить просьбѣ братіи и помириться съ противникомъ—случились на глазахъ Симона. Въ помянникахъ сохранялись имена святыхъ: Евагрій записанъ былъ *протостраторомъ* ради его мученической кончины, а Никонъ названъ *сухимъ*, потому что высохъ отъ ранъ, полученныхъ имъ отъ Половцевъ. Изъ книгъ ссылается Симонъ на Іоанна Лѣствичника, на Лѣтописца стараго Ростовскаго, касательно числа епископовъ, вышедшихъ изъ монастыря Кіевопечерскаго, на Житія Антонія и Ѳеодосія, особенно же перваго во многихъ мѣстахъ (7).

Тому же епископу Симону Татищевъ приписываетъ участіе въ продолженіи Несторовой лѣтописи, на основаніи рукописей, которыя были въ рукахъ его, но до насъ не дошли (8).

Ни годъ рожденія Поликарпа, ни годъ кончины его не извѣстенъ. Вѣроятно, въ юныхъ лѣтахъ постригся онъ въ монастырѣ (9). Двои двери въ большомъ храмѣ святой Богородицы Печерской были устроены имъ (10). Знаемъ, по его же свидѣтельству, что онъ былъ въ Ростовѣ самовидцемъ чуда, совершившагося отъ иконы, писанной Алипіемъ Кіевопечерскимъ (11). Монастыри св. Козьмы и Даміана, и св. Димитрія, желали его имѣть своимъ игуменомъ. Княгиня Верхуслава или Анастасія, дочь Всеволода III, намѣревалась доставить ему епископскій санъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ, или Юрьевѣ. Князь Георгій Всеволодовичь, братъ ея, хотѣлъ поставить его намѣстникомъ Симона на епископіи Владимирской и Суздальской. Всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ объ умѣ, дарованіяхъ и учености Поликарпа. Но Симонъ

Поликарпъ.

отвлекъ его отъ этихъ прельщеній возвышенія, и самъ воспротивился желаніямъ княгини Верхуславы и князя Георгія. Онъ, вѣроятно, провидѣлъ въ немъ будущаго продолжателя начатаго имъ труда, и потому писалъ, чтобы Поликарпъ не оставлялъ обители (12).

Посланіе Поликарпа къ Анкидину.

Поликарпъ совершилъ это дѣло, по желанію архимандрита Анкидина, какъ онъ самъ то свидѣтельствуетъ (13). Въ Посланіи къ нему онъ изложилъ житія тѣхъ святыхъ и блаженныхъ черноризцевъ Кіевопечерскихъ, которые не были описаны епископомъ Симономъ (14). Въ изложеніи своемъ онъ подражалъ древнимъ мужамъ, слагателямъ житій святыхъ отецъ въ Патерикѣ Печерскомъ (15), равно и Нестору, написавшему въ Лѣтописцѣ своемъ кратко о Даміанѣ, Іереміи, Матѳіи и Исаакіи. Цѣль его при этомъ изложеніи состояла въ томъ, чтобы потомкамъ, пользы ради, оставить то, чтò пришло бы въ совершенное забвеніе, если бы онъ о томъ умолчалъ (16). Время своего труда авторъ самъ опредѣляетъ пятнадцатымъ годомъ игуменства Анкидинова. Объ Анкидинѣ упоминаетъ лѣтопись подъ 1231 годомъ: онъ участвовалъ въ ставленіи Кирилла епископомъ Ростову (17). Но неизвѣстно, сколько времени тогда онъ уже былъ архимандритомъ. Ближе опредѣляется время Поликарпова труда слѣдующими его словами: «сто шестьдесятъ лѣтъ не было воспоминовенія о святыхъ отцахъ обители», говоритъ онъ въ слѣдъ за тѣмъ, какъ упомянулъ о сказаніи Нестора. Ясно, что онъ имѣлъ предъ глазами лѣтопись, которая подъ 1074 годомъ содержитъ въ себѣ житія, описанныя Несторомъ. Если приложимъ къ этому числу 160, то время труда Поликарпова опредѣлится со всею вѣ-

роятностію 1234 годомъ — и оправдывается обстоятельствомъ, приведеннымъ выше относительно архимандрита Анкидина.

Житія Святыхъ Кіево-печерскихъ.

Главнымъ источникомъ для Поликарпа послужили устныя сказанія епископа Симона, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ два раза (18). Лѣтопись Нестора была ему извѣстна, какъ то ясно изъ его двукратнаго объ ней упоминанія. Кромѣ того онъ ссылается на лѣтописца въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о небесномъ знаменіи, о трехъ столпахъ, явившихся надъ трапезницею во время преставленія Пименова (19). Въ другомъ мѣстѣ, повѣствуя о дѣлахъ происходившихъ у Ляховъ, ссылается на лѣтописца, вѣроятно Польскаго (20); а иногда дополняетъ событія, извѣстныя изъ лѣтописи, монастырскими сказаніями. Такъ Григорій чудотворецъ, обезчещенный отроками Ростислава Всеволодовича, предсказываетъ имъ гибель отъ воды вмѣстѣ съ княземъ ихъ, за что и самъ брошенъ въ воду симъ послѣднимъ: лѣтопись дѣйствительно доноситъ намъ о томъ, какъ Ростиславъ погибъ въ рѣкѣ Стугнѣ. Слово о Полку Игоревѣ также оплакиваетъ кончину его въ рѣкѣ (21). Въ Житіи Прохора, творившаго хлѣбъ изъ лебеды и соль изъ пепла, сказано объ рати, которая была между Святополкомъ и Давидомъ Игоревичемъ по случаю ослѣпленія Василька: не пускали гостей изъ Галича, ни ладей изъ Перемышля, и не было соли во всей Русской землѣ (22). Въ Житіи Θеодора и Василія говорится о томъ, какъ Мстиславъ Святополковичь выпытывалъ у нихъ о сокровищѣ, которое скрылъ Θеодоръ, какъ Василій былъ уязвленъ отъ князя стрѣлою до́ смерти и предсказалъ ему смерть отъ стрѣлы же, и какъ Мстиславъ,

пораженный на стѣнахъ Владимира стрѣлою, во время битвы съ Давидомъ Игоревичемъ, припомнилъ тогда же предсказаніе Василіево. Лѣтопись дѣйствительно упоминаетъ о подобной кончинѣ Мстислава, но безъ подробностей о Василіи и его предсказаніи (23 а).

Взглянемъ теперь на тѣ образцы святости, которые изобразилъ Поликарпъ Анкидину. Никита затворникъ, въ послѣдствіи епископъ Новгородскій, представляетъ гордость знанія, побѣжденную молитвою иноковъ и смиреніемъ. Агапитъ, безмездный врачь, торжествуетъ надъ искуснымъ врачемъ Армениномъ; чтобы не нарушить монастырскаго устава и не покидать обители, не рѣшается идти къ больному Владиміру Мономаху на его приглашеніе, но изцѣливъ его заочно, отвергаетъ дары князя и побуждаетъ его раздать все имѣніе нищимъ. Григорій чудотворецъ борется съ ворами и обращаетъ ихъ въ усердныхъ работниковъ обители. Іоаннъ затворникъ, сражаясь съ помысломъ чувственнымъ, употребляетъ противъ него безсоніе, жажду, тяжкія вериги, наконецъ яму и персть земную на все тѣло, кромѣ рукъ и головы. Привлекательна повѣсть о цѣломудренномъ красавцѣ Моѵсеѣ, родомъ Венгерцѣ, который былъ братомъ Георгію, убитому вмѣстѣ съ святымъ Борисомъ на Альтѣ. Уведенный въ плѣнъ Болеславомъ вмѣстѣ съ Предславою, сестрою Ярослава, въ Польшу, Моѵсей становится предметомъ страстной любви одной богатой Польской жены, противостоитъ всѣмъ ея искушеніямъ, терпитъ муки и спасаетъ свое цѣломудріе. Прохоръ, во время голода, печетъ вкусные хлѣбы изъ лебеды, и во время безпорядковъ, разрушившихъ торговлю, добываетъ соль изъ пепла (вѣ-

роятно, поташъ), и тѣмъ помогаетъ страдающему народу. Маркъ печерникъ копаетъ могилы для братіи, и мертвые его слушаются. Ѳеодоръ и Василій заставляютъ бѣсовъ работать на монастырь, и презираютъ скрытое первымъ сокровище, вынося за то муки отъ власти княжеской. Алипій иконописецъ украшаетъ храмы обители и другіе чудными иконами, и своими цѣлебными вапами врачуетъ безобразіе человѣка, покрытаго струпами. Наконецъ Пименъ многострадальный, въ теченіе двадцати лѣтъ, страдаетъ въ обители тяжкимъ недугомъ, и, какъ Іовъ, поетъ хвалу Господу.

Сочиненіе Кіевскаго Патерика восходитъ такимъ образомъ къ самому началу Татарскаго нашествія. Изображеніе подобныхъ примѣровъ святости явилось кстати въ эпоху, когда своекорыстіе, себялюбіе и ненависть, раздирая утробу Россіи, привлекали въ нее полчища дикарей самыхъ грубыхъ. Чтеніе Патерика послужило много къ тому, чтобы воспитывать въ духовенствѣ и во всѣхъ сословіяхъ Русскаго народа, въ древнемъ періодѣ его жизни, тѣ добродѣтели, которыми и теперь пока еще твердо наше Отечество.

Св. Авраамій Смоленскій.

На рубежѣ тѣхъ же двухъ столѣтій встрѣчается еще святой мужъ, сильно дѣйствовавшій словомъ, Св. Авраамій Смоленскій. Житіе его написано было ученикомъ его, инокомъ Ефремомъ, вскорѣ послѣ его кончины. Ефремъ описалъ даже его внѣшній образъ, находя въ немъ сходство съ Василіемъ Великимъ. 12 дочерей было у родителей Авраамія; мать молила Бога о сынѣ: онъ былъ ей посланъ. Какъ только стало можно, отданъ былъ на ученье грамотѣ. Призванье его къ иночеству открылось рано. По смерти родителей, онъ ему послѣдовалъ и постригся въ Бо-

городицкомъ монастырѣ, близь Смоленска. Онъ читалъ неутомимо житія и поученія Антонія великаго, Илларіона, Евѳимія, Саввы, Ѳеодосія что̀ близь Іерусалима, Ефрема Сирина, Іоанна Златоуста и Ѳеодосія Печерскаго. Имѣя необыкновенный даръ слова, онъ привлекалъ своими поученіями весь городъ. Не только мастеръ былъ читать, но и толковать писаніе. Даже несвѣдущіе его понимали. Память его обнимала все — и ничто изъ писанія не могло отъ него утаиться. Не умолкалъ онъ, поучая и большихъ и малыхъ, рабовъ, свободныхъ и ремесленниковъ. Днемъ поучалъ, ночью молился за народъ. Поставленный въ священники при Мстиславѣ, Князѣ Смоленскомъ, онъ ни дня не пропустилъ, чтобы не служить литургіи. Былъ и живописцемъ, написалъ двѣ иконы: страшный судъ и испытанія воздушныхъ мытарствъ, и любилъ о томъ бесѣдовать.

Но зависть поднялась на краснорѣчиваго учителя. И духовенство, и граждане возстали и обнесли его клеветою. Самъ Епископъ Игнатій ему позавидовалъ. Авраамій перешелъ въ монастырь св. Креста, но число его слушателей все увеличивалось. Тогда завистники стали обвинять его въ ереси, въ томъ, что читаетъ какія-то *глубинныя* книги, требовали отъ епископа, чтобы Авраамій былъ преданъ суду. — И вотъ, позорно, повлекли его на судъ; но онъ спасенъ былъ какимъ-то благочестивымъ инокомъ, Лукою Прусиномъ, который, совершая тогда девятый часъ молитвы, услышалъ таинственный голосъ въ пользу невиннаго и пошелъ на его защиту. Мученикъ былъ избавленъ отъ позора. Вступился за него и Смоленскій священникъ, Лазарь, послѣ бывшій преемникомъ

Епископа Игнатія. Правда обнаружилась. Авраамій былъ избранъ въ Игумены Богородицкой обители. Поучительное слово его все не умолкало. Передъ кончиною онъ любилъ поминать о разлученіи души съ тѣломъ, о мытарствахъ ее ожидающихъ, объ отвѣтѣ на страшномъ судѣ, объ огненной рѣкѣ, которая пожжетъ всю землю, о томъ, что кромѣ покаянія, милостыни, молитвы и любви, не будетъ ни для кого иной помощи. 50 лѣтъ продолжался его подвигъ. Время кончины его неизвѣстно. Полагаютъ въ первой четверти XIII вѣка. Поученія его до сихъ поръ не были открыты; но въ библіотекѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря есть слово *преподобнаго отца нашего Авраамія о небесныхъ силахъ, чего ради созданъ бысть человѣкъ.* Содержаніе его совершенно сходно съ тѣмъ, о чемъ любилъ бесѣдовать въ послѣднее время жизни своей Авраамій, по свидѣтельству его ученика и жизнеописателя. Главная мысль, проникающая все Слово, есть отношеніе человѣка къ міру вышнихъ силъ. Проповѣдникъ начинаетъ словами Кирилла Философа, что созданы мы были не для того, чтобы ѣсть, пить и одѣваться въ различныя одежды, а для того, чтобы угодить Богу и наслѣдовать будущія блага. Сначала сотворены были ангелы, но нѣкоторые изъ нихъ пали. Въ восполненіе падшихъ, не соотвѣтствовавшихъ Богу, созданъ былъ человѣкъ: и онъ палъ, но не совсѣмъ, не безъ надежды на возстаніе. Въ теченіе 7000 лѣтъ, опредѣленныхъ на существованіе человѣчеству, долженъ быть восполненъ чинъ ангеловъ, отпадшихъ на небесахъ. Къ сему велъ Господь человѣка въ мірѣ древнемъ казнями; къ сему ведетъ его искупленіемъ и ожиданіемъ страш-

наго суда. Два ангела, добрый и злой, блюдутъ за всею жизнію человѣка. Отъ изображенія ея подъ вліяніемъ этихъ двухъ силъ, проповѣдникъ переходитъ къ смертному часу и къ мытарствамъ, ожидающимъ душу по ея исходѣ. Душѣ показывается Ангелами весь міръ духовный, и свѣтлый и темный. Слово заключается мыслію о обновленіи земли.

Въ рукописяхъ того же монастыря это Слово встрѣчается иногда съ именемъ Кирилла. Въ сокращенномъ видѣ оно было напечатано Калайдовичемъ въ числѣ проповѣдей Кирилла Туровскаго. Замѣчательно мнѣніе о семитысящелѣтнемъ существованіи міра: въ послѣдніе три года седьмаго тысящелѣтія, пророчитъ слово, будетъ пришествіе Антихристово, а по истеченіи трехъ лѣтъ, Архангелы Михаилъ и Гавріилъ затрубятъ и созовутъ на судъ вселенную. Мы еще встрѣтимся съ этимъ мнѣніемъ въ столѣтіяхъ XIV и XV-мъ, когда оно всего сильнѣе дѣйствовало (23 b).

Обратный взглядъ на XII вѣкъ.

Переходя къ XIII столѣтію и обращая взоръ на совокупность памятниковъ словесности XII-го вѣка, мы можемъ, со всею вѣроятностію, сказать, что это одни только значительные обломки отъ великаго кораблекрушенія нашей до-Татарской древности. Славяно-Русское слово говорило въ XII-мъ вѣкѣ устами богомольнаго странника, великаго князя, митрополита, юмориста-заточника, глубокомысленнаго и краснорѣчиваго проповѣдника, пѣвца — друга отечества, мужей святыхъ, славившихъ свою обитель, плодотворную чудесами. Въ глубинѣ всѣхъ этихъ произведеній лежитъ одна великая и живая мысль—какъ зерно будущаго величія Россіи, какъ залогъ ея соединенія государственнаго, какъ основа ея силъ

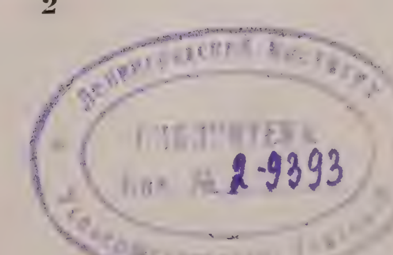
нравственныхъ, какъ опора и точка отправленія въ ея умственномъ развитіи — мысль о православной Церкви нашей, источникѣ спасенія и временнаго и вѣчнаго. Изъ памятниковъ древнѣйшаго нашего слова мы видимъ, что сѣмя Русское взошло было славно, но Татарскіе снѣга его завалили: волею Промысла оно было уже окрещено, и потому не могло погибнуть; долго лежало подъ снѣгами; росло между тѣмъ крѣпкою внутреннею, духовною жизнію, пока Провидѣнію угодно стало вызвать его снова на свѣтъ Божій.

Впечатлѣніе отъ XIII вѣка.

Рѣзкая граница отдѣляетъ XII вѣкъ отъ послѣдующаго, начиная со второй его четверти. Внезапное безплодіе, поражающее насъ въ XIII вѣкѣ, можно было бы сравнить съ впечатлѣніемъ пустыни, встрѣчавшей въ тѣ времена странниковъ нашихъ на ихъ пути изъ населенной Россіи къ полудню, къ Татарскимъ кочевьямъ. Слова̀, читаемыя нами подъ 1224 годомъ лѣтописи, объясняютъ намъ это безплодіе: «Томъ же лѣтѣ, по грѣхомъ нашимъ, придоша языци незнаеми, ихъ же добрѣ никтоже не вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племене суть, и что вѣра ихъ; а зовуть я̀ Татары».

Нашествіе Татаръ.

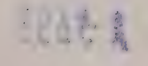
Не льзя лучше выразить всей внезапности ужаса, который обуялъ тогда нашихъ соотечественниковъ. Силы Моголовъ, въ то время еще не разъединенныя, были огромны; наши же, не смотря на личную храбрость многихъ князей и на самоотверженіе многихъ городовъ, раздроблены и потому ничтожны. Вспомнимъ, что нашествіе Татаръ поразило страхомъ всю Европу. Императоры созвали противъ нихъ крестовый походъ. Папа испугался за безопасность своей

церкви (24) и счелъ за нужное отправить къ Татарамъ пословъ-миссіонеровъ, которые въ ордѣ подвергались всѣмъ унизительнымъ условіямъ Ханскаго обычая. Плано-Карпини и Асцелинъ, съ двухъ сторонъ, проникли въ Татарскія орды, въ 1246 году. Французскій король Людовикъ святой, въ 1253, отправилъ къ нимъ также и своего посла, монаха Рубруквиса.

Храбрость, смѣшанная съ легкомысліемъ, обнаружилась въ первыхъ дѣйствіяхъ нашихъ противъ Татаръ. Отдѣльные князья вооружились мужественно, а избили Татарскихъ пословъ легкомысленно. Битва Калкская проиграна потому только, что три Мстислава, Кіевскій, Козельскій и Галицкій, старѣйшины Русской земли, ненавидѣли другъ друга. Втунѣ покрытъ ранами храбрый, осмнадцатилѣтній юноша, Даніилъ Романовичь; втунѣ стоитъ твердо Олегъ Курскій; даромъ льется Русская кровь какъ вода: пораженіе при Калкѣ было такое, какого князья наши не испытали отъ самаго начала Русской земли. Татары клали ихъ подъ доски и, сидя на нихъ, обѣдали. Изъ воиновъ десятый не избѣжалъ меча. Погибло семьдесять великихъ и храбрыхъ богатырей, въ томъ числѣ Александръ Поповичь и Добрыня Рязанскій, золотой поясъ. Самъ великій князь Кіевскій, Мстиславъ Романовичь, съ дѣтьми и съ зятемъ, былъ убитъ руками Татаръ. Кіевлянъ однихъ избито 60,000, а другихъ сколько? одинъ Богъ то вѣдаетъ: «число безчисленное».

Несчастный примѣръ юга не былъ спасителенъ для раздробленнаго сѣвера. Батый, «молнійная стрѣла», устремился на Рязань. Юрій Всеволодовичь не пошелъ на приглашеніе Юрія Игоревича Рязанскаго. Ѳеодоръ

Юрьевичь убитъ Батыемъ за то, что не хотѣлъ выдать прекрасной супруги своей стастолюбцу. Бросилась съ высокаго своего терема и прекрасная Евпраксія съ сыномъ своимъ Иваномъ, когда услыхала о смерти мужа, и убилась до́ смерти. Городъ за городомъ берутъ Татары: 14 городовъ взято ими за одинъ Февраль мѣсяцъ въ Рязанской и Суздальской области. Воевода Филиппъ Нянька погибъ въ Москвѣ за православную вѣру: старцы и дѣти обагрили кровью улицы города. Владимиръ, лишенный своего князя, славно противится и въ соборномъ храмѣ возноситъ къ небу жертвенникъ всесожженія, въ которомъ сгараютъ владыка Митрофанъ, великая княгиня съ дочерьми и снохами, бояре съ семействами. Евпатій Коловратъ, богатырь Рязанскій, собираетъ дружину, бьетъ воиновъ Батыевыхъ, поражаетъ Татарскаго богатыря, Хоздоврула, и самъ уступаетъ только множеству враговъ. Меркурій, витязь Смоленскій, родомъ Римлянинъ, положилъ Татарскаго исполина, на долгомъ мосту. Козельскъ увѣнчался славою имени *злаго города*, даннаго ему Батыемъ, и умылся кровью своихъ младенцевъ, непощаженныхъ мстителемъ. Палъ великодушно на берегахъ Сити Юрій Всеволодовичь съ своими воеводами, боярами и воинствомъ. Преданъ мученической смерти и братаничь его, Василько Константиновичь Ростовскій, въ плѣну у Татаръ, за тѣ слова̀, которыми онъ поносилъ ихъ. Отъ многовѣтвистаго дерева князей Русскихъ уцѣлѣло всего 15 князей, избывшихъ меча Татарскаго. — Погасла передъ Батыемъ и величественная красота Кіева: едва ли 200 домовъ оставалось въ городѣ въ то время, когда посѣтилъ его Папскій посланникъ, Плано-Карпини. Одинъ за од-

нимъ, сдавались Батыю Русскіе города. Въ 1243 году, великій князь Ярославъ Всеволодовичь кланялся ему въ ордѣ, и принялъ отъ него старѣйшинство надъ всѣми князьями и народомъ. Начались жалкія странствія князей Русскихъ въ орду, гдѣ они подвергались всевозможнымъ униженіямъ своего сана, гдѣ самые низшіе прислужники ханскіе ходили впереди ихъ, занимали всегда первое и верхнее мѣсто, и часто сажали ихъ позади себя. Въ 1257-мъ году, Татары сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, не сочли только одного духовенства. Въ 1259 году, Новгородцы, боясь Татарской рати, добровольно сами пригласили къ себѣ Татарскихъ счетчиковъ, которые изочли земли, и Новгородскую, и Псковскую. Изрѣдка вспыхиваетъ открыто ненависть противъ Татаръ: въ 1262 г. Русскіе князья избиваютъ Татарскихъ баскаковъ, а другихъ изгоняютъ; иные Татары крестятся въ нашу вѣру (25). Въ Ярославлѣ народъ предаетъ смерти и псамъ на съѣденіе отступника монаха Зосиму, который гонитъ православіе въ пользу магометанства и мирволитъ Татарамъ! Но въ 1278 году Русскіе князья воюютъ уже за-одно съ Татарами противъ Ясовъ.

Вліяніе наше на Татаръ.

Образованіемъ своимъ мы дѣйствовали тогда на Татаръ. Воевода Батыевъ, Мангу-ханъ, удивился красотѣ и величеству Кіева, и даже сначала не хотѣлъ разорять его. Плано-Карпини, проѣзжая черезъ Кіевъ, нанялъ въ нѣмъ толмача для переговоровъ съ Татарами; но онъ однако не былъ въ состояніи перевести Латинскую папскую грамоту на Татарскій языкъ. Золотыхъ дѣлъ мастера были весьма честимы

Татарами. Такъ Русскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, Кузьма, былъ очень любимъ ханомъ Гаюкомъ и помогалъ миссіонерамъ папскимъ въ ихъ нуждахъ. Онъ сдѣлалъ для Хана престолъ и печать (26). Толмачемъ при великомъ князѣ Ярославѣ и спутникѣ его, Половецкомъ князѣ Сангорѣ, былъ Русскій изъ Суздаля. Монахъ Рубруквисъ, посолъ Людовиковъ, нашелъ при дворѣ Мангу-хана Русскаго архитектора. Къ духовенству Русскому Татары питали уваженіе. Ихъ перепись, которая забирала все въ подданство ханамъ, не коснулась только духовенства: они не считали ни архимандритовъ, ни игуменовъ, ни иноковъ, ни поповъ, ни діаконовъ, ни крылошанъ, ни всего причта церковнаго, говорятъ лѣтописцы. Многіе духовные Русскіе люди пребывали при дворѣ ханскомъ, когда былъ тамъ Плано-Карпини. Передъ большимъ шатромъ Гаюка, отличавшагося особеннымъ сочувствіемъ къ христіанству, всегда была христіанская часовня, гдѣ наши священнослужители открыто звонили къ часамъ и пѣли. Въ 1261 году, учреждена была въ Сараѣ епархія, и Кириллъ митрополитъ поставилъ первымъ Сарайскимъ епископомъ Митрофана, который въ 1269 году облекся въ схиму и уступилъ свое мѣсто новопоставленному епископу Переславскому и Сарайскому, Ѳеогносту.

Юго-Западъ Руси.

На юго-западѣ Руси, въ Галиціи, куда не столько достигала Татарская гроза, было болѣе приволья строить города и украшать ихъ храмы. Лѣтописецъ Волынскій разсказываетъ о городѣ Холмѣ, сожженномъ въ войну съ Куремсою, какъ онъ созданъ былъ Даніиломъ, какъ приходили къ нему Нѣмцы, Ляхи и Русь, какъ всякіе мастера бѣжали отъ Татаръ,

ковачи желѣза, мѣди и серебра, *и была жизнь*, и дворами наполнились всѣ окрестности, поля и села, окружавшія городъ. Создана была великолѣпная церковь во имя св. Іоанна: своды ея были поставлены на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваянныхъ какимъ-то художникомъ: должно думать, что онѣ изображали четырехъ Евангелистовъ; три окна были украшены Римскими стеклами, вѣроятно расписанными; два столпа изъ цѣльнаго камня стояли въ олтарѣ; надъ ними своды, а верхъ украшенъ золотыми звѣздами по лазурю; внутренній помостъ вылитъ изъ мѣди и чистаго олова, и блестѣлъ какъ зеркало; двои дверей украшены камнемъ Галицкимъ бѣлымъ и зеленымъ Холмскимъ: узоры на нихъ дѣлалъ художникъ Авдѣй, шарообразные и золотые; на однихъ дверяхъ изображался Спаситель, на другихъ св. Іоаннъ. Огромная башня поднималась середи города, снизу каменная, верхъ деревянный; выбѣленная, свѣтилась она во всѣ стороны. И послѣ пожара Даніилъ возобновилъ городъ и храмъ, но не могъ возобновить башни, потому что надобно было строить города противъ Татаръ. Другую церковь построилъ онъ въ городѣ Холмѣ, во имя Пресвятыя Богородицы, и украсилъ ее чашею изъ багрянаго мрамора, принесенною изъ земли Угорской: чудно была она изваяна и змѣиныя главы обвивали ее.

Тотъ же Волынскій лѣтописецъ упоминаетъ вскользь о славномъ пѣвцѣ Митусѣ, который за гордость не хотѣлъ служить князю Даніилу и жилъ въ Перемышлѣ: дворецкій Даніиловъ, Андрей, привелъ пѣвца связаннаго и въ разодранномъ рубищѣ къ своему князю. — Въ той же лѣтописи говорится о слав-

ной пѣсни, которую пѣли Даніилу и его воинамъ, послѣ побѣдъ ихъ надъ Ятвягами и послѣ того, какъ они многихъ христіанъ освободили изъ плѣна. Лѣтописецъ сравниваетъ Даніила съ отцомъ его, Романомъ, который, какъ левъ, выходилъ на поганыхъ: именемъ Романа Половцы стращали дѣтей. Но лѣтописецъ не распространяется объ этой пѣсни, заимствуя, можетъ быть, изъ нея выраженіе объ Романѣ: ибо, по его мнѣнію, изъявленному въ другомъ мѣстѣ по случаю хвальнаго слова, произнесеннаго Даніиломъ, *Богъ похвальнаго слова не любитъ* (27).

Въ лѣтописяхъ XIII-го же вѣка упоминается о томъ, какъ въ областяхъ Олега князя Рыльскаго и Волгорскаго были ловища лебединыя и сокольники царя Ногая ловили ему лебедей соколами. Въ этихъ ловляхъ древней Руси, которыя совершались въ 1284 году въ Курскомъ княженіи, заимствованъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ образовъ превосходной хороводной пѣсни нашего народа: *Ахъ по морю, морю синему, плыла лебедь бѣлая со лебедушками.... Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ, убилъ, ушибъ лебедь бѣлую....* (28).

Три князя олицетворяютъ для насъ Россію этого времени: Александръ, Михаилъ и Владиміръ. **Три Князя, представители эпохи.**

Во времена униженія народнаго духа и страданій всякаго рода, мысль лѣтописца и съ нимъ вмѣстѣ мысль всякаго Русскаго отдыхаетъ на величавомъ и прекрасномъ образѣ родоначальника будущихъ освободителей Россіи, князей Московскихъ, Александра Невскаго, въ которомъ не умирала наша древняя воинская слава. Западныя страны, по словамъ лѣтописца, дивились ему и завидовали его славѣ. Мужество и благоразуміе сочетались въ немъ. Въ то время, **Св. Александръ Невскій.**

когда на югѣ одолѣвали насъ Татары, Александръ на сѣверѣ, окруженный шестью богатырями, побѣждалъ Нѣмцевъ. Онъ ѣдетъ въ орду, по призыву Батыя, и Батый удивляется его добротѣ и величеству, и жены Татарскія, какъ вѣроятно пѣли тогда въ народныхъ пѣсняхъ, убаюкивали плачущихъ младенцевъ словами: молчи, в. князь Александръ ѣдетъ. Слава его расходится по всѣмъ землямъ отъ моря Варяжскаго до Понтійскаго, до горъ Араратскихъ и до Рима. «Чада милыя, разумѣйте, что зашло сонце земли Русской!» сказалъ митрополитъ Кириллъ, по преставленіи сего князя.

Св. Михаилъ Черниговскій.

Въ то время, какъ Александръ Невскій подвигами меча питалъ воинственный духъ въ князьяхъ и народѣ, другой великій князь, Михаилъ Черниговскій, съ своимъ вѣрнымъ бояриномъ Ѳеодоромъ, подвигомъ мученичества укрѣплялъ въ нихъ вѣру и кровію своею посѣялъ сѣмя будущаго спасенія отечества. Когда всѣ Русскіе князья, миссіонеры папы и послы короля Французскаго совершали языческое поклоненіе огню и солнцу, по требованію хановъ, Михаилъ Всеволодовичь, князь Черниговскій, и бояринъ его Ѳеодоръ объявили рѣшительно волхвамъ или жрецамъ хана, что христіане не поклоняются ни твари, ни идоламъ, а поклоняются только Пресвятой Троицѣ — Отцу и Сыну и Святому Духу. Тщетно племянникъ Михаила, князь Борисъ Васильковичь Ростовскій, тщетно многіе Русскіе князья и бояре, со слезами, убѣждали Михаила исполнить волю цареву и обѣщались, возвратясь въ свою землю, всею землею взять этотъ грѣхъ на себя и совершить всенародную эпитимію за князя; тщетно говорили Михаилу, что онъ многими благами

Русской землѣ и имъ всѣмъ искупитъ этотъ грѣхъ. Подкрѣпило Михаила, въ минуту искушенія, слово Ѳеодора, напомнившаго ему о Евангельскомъ наставленіи духовника ихъ, Ивана.—Рѣшительный отвѣтъ Михаила Эльдегѣ, ханскому вельможѣ, что онъ готовъ умереть, вызвалъ мученіе. Нашелся отступникъ изъ Русскихъ, нѣкто Доманъ, Сѣверянинъ, родомъ изъ Путивля, чтобы отрѣзать ножемъ честную главу святаго великомученика Михаила, которая, отброшенная отъ тѣла, проговорила: христіанинъ есмь. Бояринъ Ѳеодоръ принялъ тоже мученіе. Посторонній очевидецъ событія, папскій посолъ Плано-Карпини, засвидѣтельствовалъ его истину (29). Князь Романъ Олеговичь Рязанскій, въ 1270 г., послѣдовалъ примѣру Михаила и вынесъ въ ордѣ жесточайшія истязанія за Вѣру.

Владиміръ Волынскій.

Третій князь, въ которомъ олицетворяется Россія XIII вѣка, былъ Владиміръ Васильковичь Волынскій. Высокій ростъ, сильныя плечи, прекрасное лицо, русые кудрявые волосы, борода остриженая, стройныя руки и ноги, исподняя часть рта полная и голосъ громкій, составляли признаки его наружности. Онъ былъ искусный ловецъ, храбръ, кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимецъ, ненавидѣлъ воровство, не пилъ вина отъ раннихъ лѣтъ своихъ, имѣлъ высокое просвѣщеніе, говорилъ вразумительно отъ книгъ, любилъ бесѣду съ духовными, украсилъ храмы городовъ Берестья и Каменца, имъ основанныхъ, Бѣльска, Владиміра Волынскаго, Перемышля, Чернигова, Луцка, Любомля — иконами, сосудами, ризами и другими церковными потребами, снабдилъ книгами— евангеліями, апостолами, служебниками, прологами,

минеями, сборниками отца своего. Изъ этихъ книгъ онъ самъ своею рукою переписалъ многія. Былъ иконописцемъ; написалъ многія иконы, между прочими икону св. Георгія на золотѣ, а другую Пресв. Богородицы не докончилъ (30). Лѣтописецъ, воспѣвая похвалу сему князю, говоритъ объ немъ: правда облекала его, крѣпость препоясывала, милостыня, какъ золотая гривна, украшала его, обвивала истина и смыслъ вѣнчалъ его. И вотъ за четыре года до своей кончины, онъ началъ страдать болѣзнію, которая была такъ замѣчательна, что со всѣми подробностями описана въ лѣтописи. У него начала гнить исподняя часть рта, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Сначала эта болѣзнь не мѣшала ему ходить и ѣздить на конѣ; онъ раздавалъ все имѣніе свое нищимъ. Потомъ, на четвертый годъ, опало у него все мясо съ бороды, выгнили нижніе зубы, кость бородная перегнила, обнаружилась внутренность гортани, въ теченіи семи недѣль онъ не питался ничѣмъ кромѣ воды и то скудно,—и наконецъ скончался, послѣ тяжкихъ страданій, въ 1288 году, 10-го декабря, въ городѣ Любомлѣ.

Мужество, вѣру и терпѣніе въ страданіяхъ олицетворяла Россія XIII вѣка въ этихъ трехъ князьяхъ: Александрѣ Невскомъ, Михаилѣ Черниговскомъ и Владимірѣ Волынскомъ.

События Церкви.

Въ 1227 году, князь Ярославъ Всеволодовичь распространялъ христіанство на сѣверѣ и послалъ священниковъ, которые окрестили почти всѣхъ Корелъ. Въ томъ же году, Новогородцы варварски сожгли четырехъ волхвовъ на Ярославовомъ дворѣ, которые

причиняли много зла въ народѣ; но духовенство не принимало въ томъ никакого участія.

Въ 1274 году, по случаю поставленія Кіевопечерскаго архимандрита Серапіона въ епископы Владимірскіе и Суздальскіе, Кіевскій митрополитъ Кириллъ II созвалъ соборъ епископовъ во Владимиръ, и, самъ собою или черезъ другихъ узнавъ о многихъ нестроеніяхъ въ церквахъ, поставилъ вмѣстѣ съ епископами соборное Правило, составляющее значительный памятникъ нашей словесности (31). Прежде всего, согласно правиламъ семи соборовъ, онъ возстаетъ противъ ставленія на мздѣ не только настоятеля обители или священника, но даже и ключаря церковнаго: семью гривнами на клирошанъ должна ограничиваться вся издержка попа или дьякона. Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви, а ходатайствующіе за нихъ прокляты. Это совершалось у насъ въ то время, когда на западѣ въ Германіи императоры, во Франціи короли обогащались продажею епископскихъ мѣстъ, а Римскою тіарою, въ 1276 году, украшался Николай III, котораго Дантъ, вмѣстѣ съ Бонифаціемъ VIII и Климентомъ V, казнилъ въ Аду за святокупство (32). Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпускной отъ своего господина. Житіе ставленика должны были свидѣтельствовать семь священниковъ и добрые сосѣди, знавшіе его съ дѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію: кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготою, страдою, т. е. рабочею порою мучилъ, убѣгалъ дани, чародѣйствовалъ, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни даже причетникомъ. Во священники ставили не менѣе тридцати лѣтъ. Пьяницы всѣ отвер-

гались, если не покаются: «Лучше одинъ достойный служитель олтаря, нежели тысяча беззаконныхъ», говоритъ Правило. — Возстаетъ оно также противъ игрищъ народныхъ, на которыхъ люди убивали себя до́ смерти. Въ предѣлахъ же Новгородскихъ держались еще языческіе обычаи и суевѣрія: водили невѣстъ къ водѣ, а въ субботу, въ ночь наканунѣ воскресенья, мужья и жены вмѣстѣ праздновали какой-то нечестивый Діонисовъ праздникъ (33).

Въ началѣ этого Правила есть замѣчательное мѣсто, гдѣ митрополитъ обращаетъ слова̀ укоризны ко всему Русскому народу своего времени: «Какую прибыль получили мы, оставивъ Божественныя правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильные князья наши остріемъ меча? Не отведены ли въ плѣнъ дѣти наши? Не запустѣли ли святыя Божіи церкви? Не томятъ ли насъ каждый день безбожные и нечистые поганые? Все это постигло насъ за то, что мы не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ Отецъ» (34). Эти слова, раздавшіяся изъ устъ пастыря, скорбѣвшаго о несчастіяхъ Русской земли, повторялись нерѣдко и послѣ, въ лѣтописяхъ и словахъ, при бѣдствіяхъ отечества, подобныхъ тому, которое постигло его въ XIII столѣтіи. Видно, что они глубоко врѣзывались въ памяти и переходили изъ рода въ родъ по устному и письменному преданію.

Въ 1284 году, всѣ Русскіе епископы созваны были въ Кіевъ къ митрополиту Максиму. Вѣроятно, къ этому времени относится Правило Максима митрополита, встрѣчающееся въ Кормчихъ, о мясопустѣ и о храненіи законнаго брака (35).

Уже давно обстоятельства требовали, чтобы средоточіе Церкви Русской перенесено было съ юга, задавленнаго Татарами, на сѣверъ, гдѣ могло зародиться освобожденіе. Митрополиты весьма часто оставляли Кіевъ и не рѣдко жили во Владимирѣ. Сношенія съ церквами Русскими и съ великими князьями были отсюда гораздо удобнѣе. Наконецъ въ 1300 году, митрополитъ Максимъ, не терпя Татарскаго насилія, какъ сказано въ лѣтописи, перенесъ окончательно митрополію изъ Кіева во Владимиръ. Весь Кіевъ разбѣжался, прибавляетъ лѣтописецъ, въ слѣдъ за митрополитомъ: такъ сильна была охрана Церкви.

Въ 1301 году, не смотря на смуты времени и на затрудненія пути, въ Константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ при патріархѣ Іоаннѣ Веккѣ, участвовали Русскій митрополитъ Максимъ и Сарайскій епископъ Ѳеогностъ. Отвѣты собора на вопросы, предложенные Максимомъ, существуютъ въ нашихъ рукописяхъ. Вопросы вызваны были преимущественно нуждами Сарайской церкви: таковы особенно о крещеніи Татаръ, Несторіанъ и Яковитовъ, которыхъ было много въ войскѣ Монголовъ изъ Персіи, Индіи и Монголіи (36).

Памятники письменности.

Памятники письменности, относящіеся несомнѣнно къ XIII вѣку и означенные годами или обстоятельствами, опредѣляющими годы, слѣдующіе: 1) Евангеліе, писанное въ Новгородѣ попомъ Домкою, повелѣніемъ *Милятина Лукиниця*, принадлежащее Публичной библіотекѣ и по признакамъ, почти несомнѣннымъ, относимое Востоковымъ къ 1215-му или 1230-му году (37). 2) Апостолъ толковый 1220 года, въ Синодальной библіотекѣ, судя по филологическимъ признакамъ списанный съ древнѣйшаго текста (38). 3) Евангеліе 1270

года, писанное Георгіемъ, сыномъ попа Лотыша, по заказу чернеца Симона, съ признаками Новгородскаго нарѣчія, принадлежащее Румянцовскому музеуму (39). 4) Псалтырь 1296 года, писанная писцемъ Захаріемъ по повелѣнію княгини Марины и принадлежащая Синодальной библіотекѣ (40). 5) Шестодневъ Іоанна Эксарха Болгарскаго, писанный Сербскимъ грамматикомъ Өеодоромъ въ 1263 году въ Хиландарѣ (41). 6) Номоканунъ, писанный пятью писцами въ 1284 году, при Рязанскихъ князьяхъ, братьяхъ Ярославѣ и Өеодорѣ и матери ихъ великой княгинѣ Анастасіи, по желанію епископа Рязанскаго Іосифа (42). Сюда же относятся: Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, писанная въ 1229 году; три договорныя грамоты Новгорода съ в. княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 и 1270 года; ярлыкъ, данный отъ Капчакскаго царя Менгу-Тимура Русскимъ митрополитамъ и священнослужителямъ, писанный между 1270 и 1276 годами; грамота Смоленскаго князя Өеодора Ростиславича къ Рижскому епископу, мейстеру и ратманамъ, 1284 года; двѣ духовныя грамоты Владимірскаго на Волыни князя Владиміра Васильковича, писанныя около 1286 года; грамота Владимірскаго на Волыни и Луцкаго князя Мстислава Даниловича, писанная 1289 года (43); данная на села Мининское и Романовское Суздальскому Васильевскому монастырю (44). Не привожу тѣхъ памятниковъ, которые гадательно относимы бываютъ къ тому же столѣтію.

Три Кирилла. Кириллъ I Митрополитъ.

Скудно число писателей, относящихся къ XIII вѣку; еще скуднѣе число памятниковъ, отъ нихъ

ЛЖЕНЪМОУЖЬИЖЕНЕИДЕ
НАСВѢТЪНЕЧТИВЫХЪ
ИНАПОУТИГРѢШНЫХЪ
НЕСТАНЕТЬ
ИНАСѢДАЛИЩИГОУБИТЕЛ
НЪВЪЗАКОНѢГНИВОЛѦЮГ
ИВЪЗАКОНѢЮГОПООУЧИТ
ДНЬИНОЩЬ
ИЮСТЬАКЫДРЕВОСАЖЕНОЮ
ПРѢИСХОДИЩИХЪВОДЪ
ИЖЕПЛОДЪСВОИДАСТЬВЪ
МѦСВОЮ
ИЛИСТЪЮГОНЕѠПАДЕТЬ
ИВСѦЮЛИКОСТВОРИПОСПѢ
СѦЮМОУ
НЕТАКОНЕЧТИВИИНЕТАКО
НЪІАКОПРАХЪЮГОЖЕВЪСКР
ВАЮТЬВѢТРЪѠЛИЦАЗЕМ
СЕГОРАДИНЕВЪСКРЬСНОУТЬ
СТИВИИНАСОУДЪ

славичемъ; первый изъ митрополитовъ, получилъ отъ хана Мангу-Темира ярлыкъ, которымъ духовенство освобождалось отъ поголовной дани, а церковныя имѣнія отъ сборовъ; говорилъ слово при погребеніи в. князя Александра Невскаго; при Болгарскомъ царѣ Константинѣ Техѣ получилъ отъ деспота Болгарскаго Іакова Святислава Номоканунъ или Кормчую, переписанную для Русскаго Митрополита тремя писцами въ 50 дней (49); въ 1274 г. собралъ соборъ во Владимирѣ и сочинилъ Правило, съ содержаніемъ котораго мы уже знакомы; неутомимо дѣйствовалъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Россіи, уготовляя перенесеніе митрополіи во Владимиръ, и бдительно охранялъ южную паству отъ навѣтовъ Римскаго католичества; осудилъ Игнатія, епископа Ростовскаго, за строгое его дѣйствіе надъ прахомъ князя Глѣба Васильковича Ростовскаго, который изринутъ былъ изъ церкви соборной Игнатіемъ и просто закопанъ въ землю. При этомъ митрополитъ сказалъ Игнатію замѣчательное слово: «Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ; не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощеніе грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій нашихъ; милость Господня скрывается для насъ въ милости нашей къ ближнему. Плачься, чадо, и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости: ты, прежде суда Божія, осудилъ уже скончавшагося; а отъ живаго ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ; ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда было можно его исправить, ты не исправилъ, и нынѣ ли исправить хочешь мертваго, жестокимъ отлученіемъ? А если желаешь сотворить ему помощь, твори ее милостынями нищимъ, молит-

вами и божественною службою». Лѣтописи говорятъ о Кириллѣ, что онъ, проходя города всей Руси, неутомимо училъ, наставлялъ, исправлялъ. Смерть застигла его на пути, въ 1280 году, въ Переславлѣ Залѣсскомъ; но похороненъ онъ былъ въ соборной церкви Кіева.

Не знаютъ, которому изъ двухъ Кирилловъ, митрополиту ли Кіевскому, или епископу Ростовскому, приписать Поученіе священникамъ, которое встрѣчается въ Кормчихъ при Правилѣ Кирилла митрополита, хотя и не всегда. Ученые Троицкой Лавры, съ вѣроятностію, приписываютъ его епископу, полагая при томъ, что митрополитъ Кириллъ, на извѣстномъ соборѣ, присоединилъ это слово къ своему Правилу (50). Это краткое Поученіе все исполнено сознанія святости іерейскаго сана. Приведемъ нѣкоторыя главныя мысли:

Поученіе священникамъ.

«Внимай, іереевъ соборъ преподобный! Къ вамъ мое слово. Вы нареклись земными Ангелами, небесными человѣками. Вы съ Ангелами предстоите у престола Господня; вы съ Серафимами носите Господа. Вы сво́дите съ небеси Духъ Святый, и претворяете хлѣбъ въ плоть, и вино въ кровь Божію, человѣкамъ невидимо, а святые многіе видѣли. Вы просвѣщаете людей крещеніемъ святымъ; вы связуете, вы разрѣшаете. Вами совершаетъ Господь тайну спасенія роду человѣческому; васъ поставилъ стражею и пастухами словесныхъ овецъ Своихъ, за нихъ же кровь свою изліялъ.... Господь сказалъ: лучше навязать жерновъ на шею и погрузить въ море, нежели соблазнить единаго изъ малыхъ. *Душѣ бо человѣческой, ни единой, міръ весь не равняется!...* Простецъ, согрѣшивъ, за одну свою душу дастъ отвѣтъ передъ

Богомъ; а іерей, согрѣшивъ, многихъ соблазнитъ, и за души ихъ будетъ ему осужденіе....

«Я не лѣнюсь вамъ говорить.... Разумѣйте, какъ учить духовныхъ дѣтей: не слабо, чтобы лѣнивы не были; не жестко, чтобы не пришли въ отчаяніе....

«Святую же страшную службу совершайте со страхомъ. Никогда не входи во святой олтарь, имѣя вражду съ кѣмъ нибудь, и если спорилъ много съ кѣмъ, не служи въ тотъ день, но, укротивъ мысли, возшли молитвы къ Господу отъ чистаго ума. И не озирайся назадъ, но умъ весь имѣй горѣ: ты съ Ангелами служишь, и не мысли о земномъ въ тотъ часъ: ибо Небеснаго Царя пріемлешь въ сердце свое; весь освящайся Имъ.

«Блюдите и родимыхъ дѣтей вашихъ, чтобы цѣломудренны были до женитьбы. И безгрѣшный передъ Богомъ священникъ за сыновніе грѣхи можетъ быть посланъ въ муку, ибо не училъ добру сыновей своихъ, и не наказывалъ ихъ» (51).

Это поученіе встрѣтилось однажды вставленнымъ въ другое болѣе обширное слово на Соборъ великаго Архистратига Михаила и прочихъ силъ безплотныхъ, и тѣмъ подало поводъ къ заключенію, что оно составляетъ съ нимъ одно цѣлое. Но должно замѣтить, что слово о небесныхъ силахъ, и чего ради созданъ бысть человѣкъ, и о исходѣ души, встрѣчается подъ именемъ Кирилла Философа и подъ именемъ Авраамія. Это слово требуетъ еще особаго изслѣдованія (52).

Серапіонъ и слова его.

Наиболѣе значительный объемомъ и содержаніемъ памятникъ духовной словесности XIII вѣка составляютъ пять словъ Серапіоновыхъ, не въ давнемъ

времени открытыхъ. Объ Серапіонѣ знали мы по лѣтописямъ и по Правиламъ Владимирскаго собора, что онъ изъ архимандритовъ Кіевопечерскаго монастыря, въ 1274 году, поставленъ былъ Кирилломъ митрополитомъ въ епископы городамъ Владимиру и Суздалю, и что въ слѣдующемъ 1275 году онъ преставился и похороненъ во Владимирской соборной церкви: »бѣ же сей *зѣло учителенъ* и *силенъ въ божественномъ писаніи*». Архіепископъ Филаретъ, авторъ Исторіи Русской Церкви, открылъ въ пергаменной рукописи Сергіевой лавры, писанной вѣроятно въ XIV вѣкѣ, подъ заглавіемъ *Златая чепь*, четыре поученія, надписанныя именемъ *Преподобнаго Отца нашего Серапіона*. Пятое найдено мною въ рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, подъ заглавіемъ: *Слово блаженнаго Серапіона о маловѣріи* (53).

Пребываніе Серапіона въ монастырѣ Печерскомъ указываетъ на то, что онъ могъ образовать искусство словесное въ той самой обители, которая, какъ мы знаемъ, была его разсадникомъ. Время же поученій ясно опредѣляется нѣкоторыми событіями современными эпохѣ Татарской.

Въ 1230 году, въ 3-й день маія, въ пятницу, на праздникъ преподобнаго Θеодосія, во время святой литургіи, когда читалось евангеліе въ соборной церкви Пресвятой Богородицы во Владимирѣ, потряслась земля, а съ нею и церковь и трапеза; иконы двигались по стѣнамъ, паникадило со свѣчами поколебалось; люди изумились; говорили другъ другу, что голова у нихъ кружится. Землетрясеніе было и въ другихъ городахъ, но въ Кіевѣ всего сильнѣе. То былъ праздникъ самого Кіева, праздникъ св. Θеодосія, и каменная церковь

монастыря Печерскаго треснула на четыре части въ то самое время, какъ были въ ней митрополитъ Кириллъ, князь Владиміръ, бояре и множество народа. Въ трапезницѣ камень посыпался сверху на кушанье и на питье. Въ Переславлѣ Залѣсскомъ обрушился сводъ церкви св. Михаила. По случаю этого страшнаго событія, съ разсказа очевидцевъ записаннаго лѣтописцами, зачинается слово Серапіоново. «Вы слышали, братія, слова Евангелія, говоритъ проповѣдникъ: въ послѣдняя лѣта будутъ знаменія въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ, и труси по мѣстомъ и глади. Тогда реченное Господомъ—нынѣ сбывается. Сколько разъ видали мы солнце погибшее, луну померкшую! Нынѣ же видѣли своими глазами и земли трясеніе. Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, повелѣніемъ Божіимъ нынѣ движется, грѣхами нашими колеблется, беззаконія нашего сносить не можетъ. Не послушали мы Евангелія, не послушали Апостола, не послушали Пророковъ, не послушали свѣтилъ великихъ: Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и иныхъ Святителей святыхъ, ими же вѣра утверждена, еретики прогнаны и Богъ познанъ всѣми языками.... Господь уже не устами говоритъ намъ, но дѣломъ насъ наказываетъ. Всѣмъ казнивъ, не отвлекъ Онъ насъ отъ злаго обычая: нынѣ землею трясетъ и колеблетъ, беззаконія и грѣхи многіе отъ земли отрясти хочетъ, какъ листья съ дерева. Но скажутъ: бывали и прежде потрясенія. Такъ, бывали, но потомъ, что̀ было намъ? Не голодъ ли? не моръ ли нѣсколько разъ? (54) не рати ли многія? Однако мы не покаялись, пока пришелъ на насъ народъ немилостивый, по Божію попущенію, опустошилъ нашу землю, взялъ наши го-

рода, разорилъ святыя церкви, избилъ отцовъ и братій нашихъ, поругался надъ матерями и сестрами нашими.... Нынѣ, братія, убоимся прещенія страшнаго.... Отступимъ отъ немилостивыхъ судовъ, оставимъ кровавое *рѣзоимство*.... Въ какое время видали мы столько примѣровъ внезапной смерти? Иные не успѣли о домѣ своемъ сдѣлать распоряженія, какъ были сю похищены. Иные съ вечера легли здоровы, и не проснулись поутру.... Много разъ говорилъ я.... Но многіе не внимаютъ, а дремлютъ, какъ будто безсмертные».... Мыслію о страшномъ судѣ и послѣднемъ воздаяніи заключается слово.

Время, когда сказано было второе слово Серапіоново, опредѣляется вѣрно: «Се уже къ м҃ лѣтъ приближаеть томление и мука», говоритъ онъ объ нашествіи иноплеменниковъ и о тяжкихъ даняхъ, которыя отъ нихъ наложены. Стало быть, слово говорено было въ 1264 году. Неистощимъ въ укорахъ проповѣдникъ. «Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Много разъ я говорилъ вамъ.... но не вижу въ васъ перемѣны». Слѣдуетъ исчисленіе пороковъ, изъ которыхъ особенно *рѣзоимство* поражаетъ пастыря.—«Чѣмъ мнѣ утѣшиться? Чѣмъ обрадоваться? Всегда сѣю въ ниву сердецъ вашихъ сѣмя божественное, и никогда не вижу, чтобы оно прозябло и плодъ породило». Послѣ увѣщаній изображается современное состояніе Россіи, какъ повторяется оно съ нѣкоторыми измѣненіями и въ Правилѣ Кирилла митрополита: «Чего не навели мы на себя? Какой казни отъ Бога не воспріяли? Не плѣнена ли была наша земля? Не взяты ли были

наши города? Не пали ли отцы и братья наши трупами на землю? Не отведены ли наши жены и дѣти въ плѣнъ? Не порабощены ли были мы, оставшіеся, горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже къ сорока годамъ приближается наше томленіе и мука; и тяжкія дани съ насъ не прекращаются, и голодъ и моръ скота нашего! И въ сласть хлѣба мы съѣсть не можемъ. И вздыханіе и печаль изсушаютъ кости наши. А что̀ насъ до сего довело? Наше беззаконіе, наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность. Молю васъ, братія: каждый изъ васъ вникни въ свои мысли, сердечными очами разсмотри дѣла свои; раскайся — и гнѣвъ Божій минуетъ.... Великими насъ Господь сотворилъ, а ослушаніемъ мы сдѣлались малы. Не погубимъ, братія, величія нашего.... *Прослезимъ*, сотворимъ милостыню нищимъ, поможемъ бѣднымъ».... Приводится примѣръ Ниневіи: она согрѣшила, но потребила беззаконія свои покаяніемъ, постомъ, молитвою и плачемъ, наложивъ постъ на всѣхъ отъ старцевъ и юношей до грудныхъ младенцевъ, лишивъ ихъ на три дни молока, и на самый скотъ, на коней и домашнихъ животныхъ, и умолила она Господа, и ярость Божія перешла въ милосердіе.— «Но что намъ говорить о нихъ? Мы сами чего не видали? Чего надъ нами не сотворилось? Чѣмъ не наказываетъ насъ Господь Богъ нашъ, желая обратить насъ отъ беззаконій нашихъ? Ни одного лѣта, ни зимы не проходило, чтобы Богъ не казнилъ насъ.... Терпятъ и праведные вмѣстѣ съ грѣшными; тѣмъ свѣтлый вѣнецъ, а этимъ бо́льшія мученія за страданія праведныхъ». Проповѣдникъ заключаетъ молитвенными изреченіями Псалмопѣвца о обращеніи народа и помилованіи его.

Третье слово, возобновляя тѣже укоры, содержитъ въ себѣ превосходное изображеніе Монгольскаго нашествія, напоминающее слова книги Второзаконія (гл. 28. ст. 49). «Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, не щадящій ни красоты юной, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей. Мы подвинули на себя ярость Бога нашего. По Давиду, вскорѣ возгорѣлась ярость Его на насъ. Разрушены божественныя церкви; осквернены сосуды священные, потоптана святыня; святители мечу въ пищу достались; тѣла преподобныхъ иноковъ птицамъ повержены на снѣдь; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ многая вода, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей и воеводъ; храбрые наши, исполненные страха, бѣжали. Большая часть братьевъ и дѣтей нашихъ отведена въ плѣнъ. Села наши поросли травою, и величество наше смирилось, красота погибла, богатство наше другимъ въ корысть досталось, трудъ нашъ поганые наслѣдовали. Земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ; въ поношеніе стали мы живущимъ *вскрай земли нашей*, въ посмѣхъ врагамъ нашимъ (55). Какъ дождь съ небеси, мы свели на себя гнѣвъ Господень.... Не было казни, которая бы насъ миновала.... Умаленные, мы еще величаемся.... Зависть умножилась, злоба перемогаетъ насъ, величанье вознесло умъ нашъ, *ненависть къ ближнимъ вселилась въ сердца наши*, корыстолюбіе поработило насъ: нѣтъ въ насъ милости, не милуемъ и сиротъ, *не сознаемъ естества человѣческаго*; но какъ звѣри алчутъ плоти, такъ и намъ всѣхъ бы погубить, да чужое заграбить!... Богъ говоритъ устами пророка: не разумѣютъ ли люди, что величайшее беззаконіе

снѣдать людей вмѣсто хлѣба?... Лихоимцы и грабители осудятся вмѣстѣ съ идолослужителями.... Моисею что̀ сказалъ Богъ? Если озлобите вдовицу и сироту, слухомъ услышу вопль ихъ и разгнѣваюсь яростью, и погублю васъ мечемъ. И нынѣ сбылось реченное. Не отъ меча ли мы падали, не одинъ разъ и не два?... Вспомнимъ наибо́льшую заповѣдь — любить другъ друга.... не воздавать зломъ за зло. Нѣтъ ничего ненавистнѣе Господу, какъ человѣкъ злопамятный. Ка́къ же мы скажемъ: Отче нашъ, остави намъ грѣхи наши; а сами не оставляемъ? Въ пю же мѣру мѣрите, отмѣрится вамъ». Заключеніе этого слова все исполнено намѣковъ на братскія междоусобія, раздиравшія Русскую землю.

Четвертое слово, презамѣчательное, направлено все противъ варварскаго обычая сожигать волхвовъ. Въ лѣтописи этого столѣтія упоминается о сожженіи четырехъ волхвовъ въ Новѣгородѣ. Должно предполагать, что бывали и другіе примѣры подобнаго варварства. «Малъ часъ порадовался о васъ, чада, говоритъ проповѣдникъ, видя вашу любовь и послушанье.... Но вы еще поганскаго обычая де́ржитесь, волхвованію вѣруете, и пожигая огнемъ невинныхъ людей, наво́дите на весь міръ и городъ убійство. Если кто и не участвовалъ въ убійствѣ, а въ сонмищѣ былъ и соглашался, и тотъ убійца. Кто могъ помочь, да не помогъ, какъ будто бы самъ велѣлъ убить. Изъ какихъ книгъ, изъ какого писанія вы слышали, что отъ волхвованія бываетъ на землѣ голодъ, и что волхвованіемъ умножается жито? Если вѣрите сему, то за чѣмъ сожигаете ихъ? Моли́тесь имъ, чтите ихъ, приноси́те имъ дары, чтобы они благоустрояли

міръ, пускали дождь, приводили тепло, велѣли землѣ плодить. Нынѣ вотъ три лѣта, нѣтъ рода житу, не только на Руси, но и въ Латыни: развѣ это волхвы сотворили? Развѣ не Богъ устроиваетъ Свою тварь, какъ хочетъ, за грѣхъ насъ томя? Изъ божественнаго писанія я знаю, что чародѣи дѣйствуютъ на людей, но только на тѣхъ, которые вѣруютъ въ нихъ. И бѣсы дѣйствуютъ, по Божію попущенію, на тѣхъ, кто ихъ боится. Но кто вѣру твердую содержитъ въ Бога, надъ тѣмъ чародѣи не имѣютъ силы. Печаленъ я о вашемъ безуміи. Молю васъ, отступите отъ дѣлъ поганскихъ.... Если вы хотите очищать городъ отъ людей беззаконныхъ, очищайте. Царь Давидъ тоже дѣлалъ, но онъ судилъ въ страхѣ Божіемъ, видѣлъ Святымъ Духомъ и отвѣтъ давалъ по правдѣ. А у васъ одинъ судитъ по враждѣ, другой ради горькаго прибытка. Иной же, лишенный ума, только жаждетъ убить и ограбить; а за что убить, и того не знаетъ. Правила божественныя повелѣваютъ, по свидѣтельству многихъ, осуждать на смерть человѣка. Вы же воду свидѣтелемъ поставили и говорите: если начнетъ утопать, неповинна; если поплыветъ, волшебница.... Вы оставили свидѣтельство богосотвореннаго человѣка, и пошли къ бездушному естеству, къ водѣ, чтобы отъ нея принять свидѣтельство и прогнѣвать Бога».— Проповѣдникъ припоминаетъ казни, бывшія древнему человѣчеству, переходитъ къ казни современной, къ иноплеменникамъ; велитъ чуждаться басней человѣческихъ, а притекать къ божественному писанію; радуется тому, что народъ ходитъ съ великою любовію въ церковь и стоитъ съ благоговѣніемъ. О если бы онъ могъ наполнить сердце и утробу каждаго раз-

ума божественнаго! — Таково желаніе проповѣдника, и такъ разумно дѣйствовала наша церковь въ томъ же самомъ XIII вѣкѣ, когда церковь западная учреждала повсюду инквизиціонные суды (inquisitio haereticae pravitatis), подъ вѣдомствомъ ученаго ордена доминиканскихъ проповѣдниковъ, для которыхъ неистощимую пищу предлагали процессы о волхвахъ, когда самъ глава церкви, папа Іоаннъ XXII, въ началѣ XIV вѣка, личною боязнію чародѣйства, много содѣйствовалъ развитію грубаго варварства, осуждавшаго волшебниковъ на костры и висѣлицы (56).

Въ пятомъ словѣ: *о маловѣріи*, повторяются нѣкоторые укоры, содержащіеся въ предъидущихъ словахъ. Провѣдникъ указываетъ еще на суевѣріе: народъ запрещалъ погребать удавлениковъ и утоплениковъ, и выгребалъ ихъ, приписывая имъ несчастія, постигавшія землю. Далѣе, сильнѣе еще чѣмъ въ другихъ словахъ, преслѣдуетъ онъ пороки времени. «Это ли ваше покаяніе? восклицаетъ онъ. Тѣмъ ли Бога умолите, чтобъ утопшаго или удавленика выгрести? Тѣмъ ли Божію казнь хотите утишить? Лучше, братья, перестанемъ отъ зла; лишимся всѣхъ дѣлъ злыхъ: разбоя, грабительства, пьянства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы, обиды, воровства, лживаго свидѣтельства, гнѣва, ярости, злопамятства, лжи, клеветы, рѣзоиманія. Я грѣшный всегда учу васъ, дѣти; велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ. А если какая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то мы еще болѣе его прогнѣвляемъ, дѣлая извѣты: того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито не родится, — и бываете строители Божіей твари, а о безуміи своемъ почто не скорбите? Поганые, закона

Божія не вѣдая, не убиваютъ единовѣрныхъ своихъ, не грабятъ, не обижаютъ, не клеплютъ, не крадутъ, не запираются въ чужомъ. Поганый брата своего не продастъ; но кого изъ нихъ постигнетъ бѣда, то искупятъ его и на промыселъ дадутъ ему; а найденное въ торгу проявляютъ. Мы же считаемся вѣрными, крещены во имя Божіе, и заповѣди его слышимъ всегда, а исполнены неправды, зависти, немилосердія. Братію свою грабимъ, убиваемъ, въ погань продаемъ, обидимъ, завидуемъ: если бы можно, съѣли бы другъ друга.... Кого, окаянный, кого снѣдаешь? Не такой же ли человѣкъ, какъ и ты? Не звѣрь, ни иновѣрецъ. Почто плачь и клятву на себя привлекаешь? Или ты безсмертенъ? Не чаешь суда Божія?... Отъ сна воставъ, не на молитву умъ прелагаешь, а какъ бы озлобить кого, *лжами перемочь.* Говорю вамъ: не оставите сего, горшее вамъ будетъ.... Видно и за мои грѣхи бѣды съ вами дѣются; но придите со мною на покаяніе, да умолимъ Бога»...

Симеонъ, епископъ Тверскій.

Лѣтопись по Никонову списку хвалитъ еще Симеона, перваго епископа Тверскаго, изъ князей Полоцкихъ, какъ архипастыря добродѣтельнаго и учительнаго, и сильнаго въ книгахъ божественнаго писанія: князей не стыдился онъ, слово Христово правилъ истинно и право, всѣмъ творившимъ неправду былъ страшенъ. Скончался онъ въ 1288 году (57). Подъ именемъ его встрѣчается въ рукописяхъ Мѣрила Праведнаго небольшое поученіе, изложенное въ видѣ бесѣды между Константиномъ, Княземъ Полоцкимъ, и имъ самимъ. Князь спрашиваетъ у Епископа: гдѣ тіуну быть на томъ свѣтѣ? Симеонъ отвѣчаетъ: гдѣ и Князю. Князю не полюбился отвѣтъ; онъ говоритъ:

тіунъ неправедно судитъ, мзду беретъ, людей продаетъ, мучитъ, зло всякое дѣлаетъ, а я что? Симеонъ отвѣчаетъ: если Князь добръ, богобоязнивъ, жалѣетъ о людяхъ, правду любитъ, то тіуна и властеля избираетъ такого же: тогда и Князь въ раю, и тіунъ въ раю. Если же Князь безъ божія страха, Христіанъ не жалѣетъ, сиротъ не милуетъ, о вдовицахъ не печалуется, — и въ тіуны или властели ставитъ человѣка злаго, лишь бы только Князю товару добывалъ: тогда и Князя въ адъ, и тіуна съ нимъ въ адъ (57).

Максимъ, митрополитъ Кіевскій, хиротонисанный въ Царьградѣ въ 1283 году, хотя по происхожденію своему какъ Грекъ, и не могъ принимать участія въ словесномъ образованіи Россіи, но духовною дѣятельностію своею принесъ много пользы. Онъ въ 1301 году предлагалъ вмѣстѣ съ Ѳеогностомъ вопросы на соборѣ Царьградскомъ; онъ оставилъ Правила, касающіяся особенно семейнаго благоустройства. Главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ въ заключеніе вѣка (1299 — 1300) перенесъ митрополію изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ.

Ученіе ко всѣмъ Христіанамъ.

Гадательно, но съ вѣроятностію, можно отнести къ XIII-му же столѣтію *Ученіе ко всѣмъ христіаномъ*, судя по необыкновенной простотѣ содержанія и слога, напоминающей времена первобытныя и слова Луки Жидяты и Ѳеодосія. Предложивъ въ началѣ о необходимости соединять вѣру съ любовію, оно содержитъ наставленія: *о постѣ*, *о суспѣдѣхъ*, *о монастыри*, *о епископѣ*, *о князѣ*, *о друзѣхъ*, *о челяди*, *о женнѣ смерти*, *о тайнѣ*, *о снехъ*, *о смиреніи*, *о рабѣхъ*, *о молитвѣ*. Изложимъ главныя мысли каждой статьи. Постъ чистый имѣйте къ Богу: постяся раздробляйте

хлѣбъ свой. Не обижайте сиротъ домашнихъ, но милуйте ихъ: убогій индѣ себѣ выпроситъ, а домашніе въ твоихъ рукахъ. Челядь милуйте и учите на спасеніе и на покаяніе; старыхъ на свободу отпускайте, а иныхъ поучайте на послушаніе и на добро. Сосѣда не обижайте; не берите его земли за себя. Богъ не одному человѣку велитъ жить на землѣ, но многимъ. Монастыри любите: это сыновья святыхъ, *пристанища сего свѣта*. Входя въ нихъ, вы видите, какъ игуменъ пасетъ свое стадо; одинъ чернецъ не говоритъ, страха ради Божія; другой возноситъ руки и сердца горѣ, а очи держитъ долу; тотъ плачетъ въ своей кельѣ и лежитъ ницъ; этотъ работаетъ, какъ полоненный; тѣ заняты дѣломъ; другіе стоятъ въ церкви, будто каменные и неподвижные, возсылая молитвы къ Богу за весь міръ. Епископовъ чтите, какъ Петра и Павла: они молитвенники за ваши домы и за ваше спасеніе. Принимая чернеца или причетника въ домъ свой, болѣе трехъ чашъ не принуждайте пить: бѣсовское дѣло — до срама напоять слугъ Божіихъ; надобно отпустить ихъ съ поклономъ и взять ихъ благословеніе. — *Пріяйте* князю главою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею: не возмогутъ иные князи противиться вашему добру, если будете вѣрны вашему князю, и разбогатѣетъ земля ваша, и плодъ добрый возьмете съ нея. . . . Если кто отъ своего князя къ иному князю отъѣдетъ, то подобенъ будетъ Іудѣ, замыслившему продать Господа князьямъ Жидовскимъ. — Друзьямъ малымъ и великимъ покоряйтеся; на пиръ званы будете, садитесь на послѣднемъ мѣстѣ, и васъ пригласятъ на высшее. — Челядь свою кормите до сытости, одѣвайте и обувайте; если же

не кóрмите, не обуваете, а холопа или рабу вашу убьютъ въ воровствѣ, за кровь ихъ вы будете отвѣчать въ день страшнаго суда. Учите ихъ на крещеніе, на покаяніе, на весь законъ Божій: ты какъ апостолъ въ домѣ своемъ. Учи грозою и ласкою; если же не учишь, отвѣтъ дашь за то передъ Богомъ: Авраамъ самъ училъ своихъ домочадцевъ всему добру, закону Божію и доброму нраву. Если же тебя не послушаютъ ни мало, то не щади лозы, и отъ 4-хъ до 6-ти, до 12-ти, 20-ти и даже до 30 ударовъ, смотря по винѣ, дать позволяется, но не болѣе 30-ти (58).— Если умретъ жена, и возьмешь другую, и будетъ она не любить дѣтей отъ первой, осужденъ будешь на муку вѣчную и подобенъ коню, который отдалъ себя въ управленіе кобылѣ. — Кто хочетъ любить животъ свой, и голову свою, и домъ свой, да хранитъ тайну царскую и друзей своихъ. Премудрость сказала: слышалъ тайну, да умретъ съ тобою. Если же захотѣлъ кому передать, почитая его за добраго друга, то напрягъ стрѣлы съ *чемерью* и съ сѣрою горячею на главу свою и на домъ свой. Открывъ ее, будешь имѣть двухъ враговъ: и въ томъ, отъ кого слышалъ, и въ томъ, кому повѣдалъ. Кто блюдетъ тайну, тотъ блюдетъ и свою голову. — Снамъ не вѣрьте, братья и чада. Кто вѣруетъ снамъ, тотъ погибъ: многіе святые мужи тѣмъ себя погубили. Іисусъ Сирахъ говоритъ: кто можетъ за тѣнью своею или за вѣтромъ угнаться, тотъ сну вѣруй. — Если хочешь быть великъ передъ Богомъ и передъ человѣками, смирися. Ко всякому ласкайся, въ очи и за очи. Надъ кѣмъ смѣются, а ты хвали его. — Рабы, работайте, думая, что вы не человѣку работаете, но самому Богу. —

Вѣдомо будь, что не пытаемо молитвенное мѣсто: Іеремія умолилъ Бога въ пропасти, три отрока въ пещи, Даніилъ пророкъ во рву львиномъ, Іовъ на гноищи, Моисей на морѣ, разбойникъ на крестѣ: такъ и ты, гдѣ бы ни былъ, на морѣ, на пути, на торжищѣ, во всякомъ мѣстѣ или въ храмѣ, молись часто, и Богъ услышитъ тебя: Того бо есть земля и исполненіе ея, и на всякомъ мѣстѣ владычествіе Его (59).

Паремьи о Борисѣ и Глѣбѣ.

Къ числу учительныхъ сочиненій, которыя Церковь наша возглашала въ храмахъ Руси, во времена междоусобій, принадлежатъ три паремьи о убіеніи страстотерпцевъ Бориса и Глѣба отъ Святополка. Онѣ встрѣчаются въ рукописяхъ XIV столѣтія подъ заглавіемъ: *чтенія отъ Бытія*; заимствованы сокращенно изъ лѣтописи Нестора, но съ нѣкоторыми прибавленіями. Такъ, напримѣръ, въ началѣ говорится: «Братья! въ бѣдахъ пособивы бывайте: мужъ безумный плещетъ руками и радуется о злобѣ, когда удручаетъ братьевъ своихъ; грѣхолюбецъ радуется рати и кровопролитію: не добро ковать ковъ брату на брата. Горе душѣ твоей, поелику ты зло умыслилъ на праведныхъ братьевъ своихъ и сказалъ такъ: избію братьевъ своихъ и буду одинъ властителемъ на Руси,— не вѣдая, что мечь на него поострится. Не помянулъ онъ Іоанна Богослова, обличающаго его: возлюбленніи! аще кто речетъ: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть; не любяй бо брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, како можетъ любити?... Вотъ окаянный Святополкъ и братьевъ своихъ возненавидѣлъ»... Послѣ расказа о убіеніи братьевъ, въ паремьѣ говорится: «Стѣнамъ твоимъ, Вышгородъ, я устроилъ на весь день и на всю ночь стражей; они

не уснутъ и не воздремлютъ, храня и утверждая отчину свою, Русскую землю, отъ супостатовъ поганыхъ и отъ усобной рати: праведникъ и по смерти живъ есть. Кровь ихъ до кончины вѣка не перестанетъ вопіять къ Богу на беззаконнаго и гордаго Святополка, лучше скажу Поганополка, безглаваго звѣря»... (60).

Лѣтописи XIII вѣка.

Лѣтописи XIII вѣка также памятники словесности, современные самому столѣтію. Имена лѣтописцевъ столь же рѣдко встрѣчаются, какъ въ XI и XII столѣтіяхъ. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1230 годомъ, упоминаетъ о себѣ Тимоѳей пономарь. Въ другой рукописи, вмѣсто Тимоѳея, стоитъ имя попа Іоанна. Явно, что оба они были переписчики и что каждый особо вписалъ свое имя (61). Замѣтимъ слѣды времени существованія лѣтописцевъ и слѣды очевиднаго или по слуху свидѣтельства. Въ Воскресенскомъ спискѣ лѣтописи есть мѣсто, изъ котораго видно, что первый издатель онаго жилъ въ самомъ началѣ XIII вѣка, судя по именамъ Византійскихъ императоровъ, ему современныхъ, до которыхъ онъ доводитъ свое повѣствованіе (62). Въ 1227 году лѣтописецъ былъ во Владимирѣ при ставленіи въ епископы игумна Митрофана митрополитомъ Кирилломъ и четырьмя епископами, въ присутствіи великаго князя Георгія Всеволодовича и дѣтей его, братьевъ его Святослава и Іоанна, и всѣхъ бояръ и множества народа: онъ называетъ это зрѣлище дивнымъ и преславнымъ (63). Всѣ подробности разрушеній, какія произведены были въ разныхъ городахъ землетрясеніемъ 1230 года, разсказаны со словъ самовидцевъ: «тако слышахомъ у самовидѣць, бывшихъ тамо въ то

время». Тоже самое прибавляетъ лѣтописецъ, говоря о знаменіяхъ небесныхъ, видѣнныхъ въ Кіевѣ: «тако сказаша намъ самовидци, бывши тамъ» (64). Ужасныя дѣйствія голода, въ томъ же году посѣтившаго Новгородъ, переданы со всѣми подробностями очевидца и должны принадлежать Новогородцу. «Начали мы покупать хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривенъ, а пшеницы по 40 гривенъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривенъ, и разошелся городъ нашъ и волость наша, и полны были чужіе города и страны братій нашихъ и сестеръ, а остальные начали умирать, и кто не прослезится о семъ, видя мертвецовъ, по улицамъ лежащихъ, и младенцевъ, псами изъѣдаемыхъ? И вложилъ Богъ въ сердце архіепископу Спиридону сотворить благое: онъ поставилъ скудельницу у Святыхъ Апостолъ, въ ямѣ, на Прусской улицѣ, и приставилъ къ ней мужа добраго и смиреннаго, по имени Станилу, который объѣзжалъ городъ на коняхъ, возилъ въ яму мертвецовъ, и наполнилъ ее до верха: мертвыхъ въ ней было 3030.... Что сказать о бывшей на насъ отъ Бога казни? Простолюдины рѣзали живыхъ людей и ѣли, иные обрѣзывали мясо съ труповъ, другіе ѣли конину, псину, кошекъ; кормились мхомъ, сосною, корою липовой, листомъ, кто чѣмъ могъ. Злые люди стали зажигать дома, гдѣ чуяли рожь, и грабили имѣніе. Мертвецы лежали по улицамъ, по торгу, по мосту по великому: псы ихъ ѣли. Поставили еще двѣ скудельницы, и тѣ всѣ наполнились: мертвыхъ было въ нихъ безъ числа. Видя все это передъ глазами, мы бы должны были дѣлаться лучшими, а становились хуже: братъ не жалѣлъ о братѣ, ни отецъ объ сынѣ, ни мать объ

дочери; сосѣдъ сосѣду не уломлялъ хлѣба; не было милости между нами, но была туга и печаль. На улицѣ скорбь другъ съ другомъ; дома тоска, при видѣ дѣтей, съ плачемъ просившихъ хлѣба или умиравшихъ. Покупали мы хлѣбъ по гривнѣ и больше, а ржи 4 ю часть кади по гривнѣ серебра, и отдавали отцы и матери дѣтей своихъ гостямъ изъ хлѣба. Это горе было не въ одной нашей землѣ, но и во всей области Русской кромѣ Кіева, и такъ Богъ воздалъ по дѣламъ нашимъ».

Лѣтописецъ, подъ 1231 годомъ пишущій похвалу Кириллу Епископу Ростовскому, явнымъ образомъ находился въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ и пользовался его ученіемъ. — Съ вѣроятностію можно тоже предположить о похвалѣ, которая подъ 1238 годомъ касается Ростовскаго князя Василька Константиновича, особливо по инымъ спискамъ лѣтописи: «Былъ лицемъ прекрасенъ, очами свѣтелъ, грозенъ взоромъ, паче мѣры храбръ, на ловахъ проворенъ, сердцемъ легокъ, а кто ему служилъ, а хлѣбъ его ѣлъ, чашу его пилъ, тотъ за его любовь никакъ не могъ у инаго князя быть и служить, — такъ онъ любилъ слугъ своихъ»... (65) Приступая къ описанію жизни и подвиговъ Александра Невскаго, лѣтописецъ говоритъ, что онъ слышалъ все это отъ отцевъ своихъ и самъ былъ свидѣтелемъ его возрасту, а расказавъ о побѣдѣ его при Невѣ и о шести храбрыхъ витязяхъ, которые были съ нимъ: Гаврило Олексичь, Сбыславъ Якуновичь, Яковъ Полочанинъ, Миша, Сава и Ратмиръ, прибавляетъ, что все это онъ слышалъ отъ самого господина своего великаго князя Александра и другихъ, которые въ той самой битвѣ находились.

На описаніяхъ нашествія Татарскаго живы, по большей части, слѣды впечатлѣній, принятыхъ очевидцами: такъ особенно это замѣтно подъ 1240 годотъ, гдѣ говорится о томъ, какъ Батый осадилъ Кіевъ. «Нельзя было въ городѣ разговаривая слышать другъ друга, отъ скрыпа телѣгъ, рева верблюдовъ, отъ звука трубъ и органовъ, отъ ржанія конскихъ стадъ, отъ клича и вопля безчисленныхъ человѣкъ: вся земля была наполнена Татарами».

Не смотря на то, что лѣтописи XIII вѣка носятъ на себѣ характеръ удѣльнаго періода и занимаются подробностями, относящимися къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ составлены отдѣльные ихъ списки, всѣ важнѣйшія событія Татарскаго нашествія, объемлющія и несчастія отечества и подвиги самоотверженія, расказаны почти одинаково во всѣхъ возможныхъ спискахъ. Таковы: самое первое впечатлѣніе ужаса отъ Татаръ, битва при Калкѣ, нашествіе Батыя, взятіе Рязани, Москвы, Владимира, подвигъ Владимирскаго епископа Митрофана, упорная осада Козельска, битва при Сити, кончина Георгія Всеволодовича и Василька Константиновича, осада и взятіе Кіева, мученическіе подвиги Михаила Черниговскаго съ бояриномъ Ѳеодоромъ и Романа Рязанскаго. Нѣкоторые частные подвиги противъ Татаръ, какъ напримѣръ Евпраксіи Рязанской, Евпатія Коловрата, Меркурія Смоленскаго, описаны не вездѣ съ равною подробностію. Но главныя событія, помянутыя выше, записаны вездѣ, записаны даже въ лѣтописи Новгорода, который, болѣе чѣмъ другіе города, отторгался отъ Русскаго единства. Тоже слѣдуетъ сказать о подвигахъ Александра Невскаго, этого единственнаго героя силы въ XIII

вѣкѣ, надежды отечества, на которомъ отдыхаетъ сердце Русское, истерзанное его бѣдствіями. И они, какъ событія славы, записаны одинаково повсюду, въ слѣдъ за событіями горя и страданія. Въ словѣ лѣтописей, мысль Вѣры и чувство любви къ землѣ Русской, водившія перомъ лѣтописцевъ, уготовляли желанное освобожденіе отъ тяжкаго ига и будущее единеніе земли въ одну державу несокрушимую. Переписываніе и чтеніе этихъ страницъ, облитыхъ нерѣдко слезами и смягченныхъ молитвою, конечно, приняло не малое участіе въ избавленіи Россіи.

Замѣтимъ черты образованности и начитанности въ нашихъ лѣтописяхъ. Но начнемъ съ черты противной, съ черты признанія въ невѣжествѣ. Новгородскій лѣтописецъ, говоря о первомъ нашествіи Татаръ, такъ выражается: «Богъ одинъ вѣдаетъ, кто они и откуда вышли; премудрые мужи, кто книги разумѣетъ, знаютъ ихъ хорошо; мы же ихъ не знаемъ, кто они, но здѣсь вписали объ нихъ памяти ради Русскихъ князей, и бѣдъ, которыя имъ были отъ нихъ». Волынскій лѣтописецъ подъ 1233 годомъ приводитъ изъ Гомера слова объ лести: «О злая лесть! до обличенія сладка она, обличенная же зла: кто въ ней ходитъ, конецъ злой пріиметъ. Злѣе зла это зло»! Въ другомъ мѣстѣ ссылается онъ на хронографъ (66). Вообще должно замѣтить, что Волынскій лѣтописецъ болѣе оживляетъ свое повѣствованіе поэзіею: битвы Даніила и Василька съ Ростиславомъ подъ перомъ его весьма живописны. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи, подъ 1248 годомъ, встрѣчается преданіе о войнѣ царя Батыя съ Венгерскимъ королемъ Владиславомъ, какъ Батый осадилъ Варадинъ

и плѣнилъ сестру Владислава, которая потомъ уже помогала врагу противъ брата, какъ наконецъ Владиславъ убилъ царя Батыя и съ нимъ измѣнницу сестру свою. Это преданіе, конечно, заимствовано изъ исторіи племенъ Славянскихъ. Здѣсь же упоминается о томъ, что Угры прежде были православными, принявъ крещеніе отъ Грековъ, что потомъ, по недостатку своей грамоты, перешли къ Римлянамъ и что Святый Савва архіепископъ Сербскій обратилъ короля Владислава снова къ православію, но не явно, а тайно, изъ боязни возстанія народнаго (67).

Личность лѣтописцевъ, вмѣстѣ съ именами ихъ, скрывается въ общемъ духѣ историческаго сказанія. Они позволяютъ себѣ чувство, размышленіе, укоръ, совѣтъ, но не отъ лица своего, а въ силу того общаго начала, которое и тогда уже составляло основу Русской жизни. Иногда чувство Русскаго, повѣствующаго о бѣдствіяхъ отечества, вырывается простымъ, но сильнымъ воплемъ: «Да кто, отцы, братья и дѣти, видя это Божіе попущеніе на всю Русскую землю, изъ насъ не плачется? кто остался въ живыхъ? О если бы мы это видя устрашилися, и восплакали бы о грѣхахъ своихъ день и ночь, забывъ про имѣніе и ненависть братскую!» (68) Лѣтописецъ южный, болѣе страстный чѣмъ сѣверные, расказывая объ униженіяхъ, которыя переноситъ Даніилъ, сынъ славнаго Романа, въ ордѣ Батыевой, какъ пьетъ кумысъ и зовется отъ Батыя Татариномъ, глубоко чувствуетъ обиду земли своей и не можетъ удержаться отъ восклицанія: «О злѣе зла честь Татарская! Даніилъ Романовичь, князь бывшій великимъ, обладавшій Рус-

скою землею, Кіевомъ, Владимиромъ и Галичемъ, нынѣ сидитъ на колѣняхъ, называется холопомъ, дани отъ него хотятъ, живота не чаетъ, грозы на него приходятъ. О злая честь Татарская! Его же отецъ былъ царемъ въ Русской землѣ, покорилъ землю Половецкую, воевалъ на иныя сраны, а сынъ не пріялъ его чести: то иной кто можетъ пріять?.... Когда пришелъ онъ опять въ свою землю, братъ и сыновья его встрѣтили и былъ *плачь обидѣ его*».... (69).

Лѣтописцы сѣверные, менѣе чувствительные къ обидѣ, предаются важнымъ благочестивымъ размышленіямъ, соединеннымъ съ укорами. «Се наводитъ на насъ Богъ, веля намъ имѣть покаянье и вспрянуть отъ грѣховъ нашихъ.... Богъ казнитъ рабовъ своихъ напастьми разноличными: огнемъ, водою, ратью, смертью внезапною: такъ и подобаетъ христіанамъ многими напастями и скорбями внити въ царство небесное, если съ благодареньемъ примутъ напасти». — «Богъ, видя наши беззаконія, братоненавидѣніе, зависть, видя какъ мы, присягая во лжи, скверными устами цѣлуемъ тотъ крестъ, котораго Ангелы зрѣть не могутъ, а многоочитые крылами закрываются, — наводитъ поганыхъ на насъ: они землю нашу опустошили, и мы сами, не блюдя ничего, безъ милости истеряли власть свою». — «Грѣховъ ради нашихъ, Богъ попустилъ на насъ поганыхъ: по гнѣву Своему наводитъ иноплеменниковъ на землю.... Усобная рать бываетъ отъ дьявола, Богъ же не хочетъ зла въ человѣкахъ, а дьяволъ радуется злому убійству и кровопролитію. Землѣ же, которой либо согрѣшившей, Богъ казнитъ ее смертію, или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или ведромъ, или дождемъ силь-

нымъ, или казнями иными...»—«Братія, за грѣхи наши казнитъ насъ Богъ, и отъялъ у насъ мужей добрыхъ, чтобы мы покаялись. Писаніе говоритъ: дивное оружіе молитва и постъ, и паки: милостыня, совокупленная съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляетъ человѣка.... А мы хотимъ съѣсть завистью братъ брата, другъ друга. Цѣлуемъ крестъ и преступаемъ его, не вѣдая, какова сила крестная: крестомъ побѣждены бѣсовскія силы, крестъ князьямъ пособляетъ въ браняхъ, крестомъ ограждаемые вѣрные люди побѣждаютъ сопротивныхъ».... (70).

Расказавъ мученическій подвигъ князя Рязанскаго Романа, лѣтописецъ съ такимъ совѣтомъ обращается къ князьямъ Русскимъ: «О возлюбленные князья Русскіе! не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою свѣта сего: она хуже паутины, измѣняется ежечасно, какъ тѣнь проходитъ, какъ дымъ исчезаетъ, какъ сонъ она вся: вы не принесли на этотъ свѣтъ ничего, ни отнести съ него что можете: наги вышли изъ чрева своей матери, наги и отойдете. Не обижайте другъ друга, не лукавствуйте между собою, не похищайте чужаго, не обижайте меньшихъ сродниковъ вашихъ, ихъ же Ангелы видятъ лице Отца вашего небеснаго. Возлюбите истинную правду и смиреніе, долготерпѣніе, чистоту, любовь и милость, да радость Святыхъ исполнится» (71).

Въ Русскомъ Временникѣ, по случаю описанія нашествія Батыя подъ 1240 годомъ, встрѣчается весьма краснорѣчивое отступленіе, въ которомъ мрачными красками изображены бѣдствія Русской земли, и передъ этимъ зрѣлищемъ вся природа плачетъ, и «плачетъ общая наша мать земля, какъ чадолюбивая

мать плотская, и стеная говоритъ: Сыны, сыны Русскіе! за чѣмъ ходили вы предъ Господомъ Богомъ, сотворившимъ васъ, въ похотяхъ сердецъ вашихъ? или не слыхали пророка Господня говорящаго: аще хощете и послушаете мене, благая земли снѣсте; аще ли не хощете, ни послушаете мене, оружіе васъ поястъ: уста Господни глаголали сіе. Чада мои, чада мои! прогнѣвали вы Господа своего, моего Творца и Бога! Вижу, какъ васъ отторгаютъ отъ нѣдръ моихъ, какъ праведнымъ судомъ Божіимъ впадаете въ немилостивыя руки поганыхъ; вижу иго работы на плечахъ вашихъ. Я же, безъ васъ, моихъ чадъ любимыхъ, остаюсь вдова бѣдная и бездѣтная. Но кого прежде мнѣ оплакивать? мужа ли? чадъ ли любимыхъ? Вдовство мое — опустѣніе многихъ городовъ, честныхъ монастырей, святыхъ церквей, лишеніе чадъ, учителей, священниковъ, властителей и народа». Плачь земли Русской заключается ея молитвою къ Господу, «да утолитъ праведный гнѣвъ свой и *возвратитъ плѣненныхъ во свояси»*, и къ этой молитвѣ присоединяется молитва всѣхъ православныхъ, чтобы Господь избавилъ насъ отъ злаго нашествія нечестивыхъ варваровъ и укрѣпилъ на нихъ православныхъ царей нашихъ. — Заключеніе показываетъ, что это есть позднѣйшее распространеніе какого нибудь отголоска лѣтописи современнаго событіямъ XIII вѣка.

Скорбь объ отечествѣ, покаяніе и молитва даютъ главное содержаніе и силу Русскому слову въ XIII вѣкѣ: оно не обильно, но значительно. Пораженный внѣшними бѣдствіями, избранный Русскій человѣкъ того времени все болѣе и болѣе уходилъ въ самого себя, и здѣсь, внутренними слезами омывая бѣды

родной земли своей, воспитывалъ въ себѣ тѣ духовныя силы, которыя возрасли послѣ и уже въ слѣдующемъ вѣкѣ, обильно развиваясь, уготовляли славное освобожденіе Отечества.

Житія святыхъ мужей, жившихъ въ XIII столѣтія, тѣмъ особенно примѣчательны, что въ нихъ число мірянъ почти превышаетъ число духовныхъ. Это объясняется несчастнымъ временемъ Татарскаго ига, въ началѣ котораго первыми подвижниками за Вѣру и отечество должны были явиться Князья и Витязи. Многія изъ этихъ Житій сложены въ томъ же столѣтіи и внесены въ лѣтопись; другія появились въ XIV, XV и даже XVI столѣтіяхъ, уже въ подробнѣйшемъ изложеніи. Но мы рѣшились, при изученіи этихъ многообильныхъ памятниковъ нашей древней Словесности, слѣдовать не времени, когда Житія написаны, а времени тѣхъ святыхъ мужей, которыхъ жизнь послужила для нихъ предметомъ. На это двѣ причины: первая та, что устныя преданія, служившія для составленія Житій, раждались современно святому мужу, котораго касались; вторая, что подробности, извлекаемыя изъ Житій, раскрывая намъ внутреннюю сторону народной жизни, въ порядкѣ времени особенно любопытны на своемъ мѣстѣ, живѣе обрисовываютъ каждый вѣкъ и тѣмъ восполняютъ недостатки лѣтописей, которыя этой стороны, по большей части, чуждаются.

Житія Святыхъ.

Первое мѣсто въ ряду святыхъ мужей XIII столѣтія занимаютъ герои, дѣйствовавшіе противъ Татаръ мечемъ и мученическимъ терпѣніемъ. Первымъ является Меркурій, Смоленскій витязь и чудотворецъ;

Герои отечества.

онъ родомъ былъ Римлянинъ, но православнаго исповѣданія; Богоматерь отъ иконы своей позвала его на подвигъ противъ Татаръ. На долгомъ мосту, передъ Смоленскомъ, сражался онъ съ ними; сначала поразилъ онъ какого-то исполина Татарскаго, а потомъ и цѣлыя полчища враговъ. Ему помогали святые молніеносные мужи и сама Богоматерь солнцеобразная. Эту воздушную рать видѣли Татары. Но по совершеніи побѣды, судъ божій, т. е. смерть постигла и Меркурія. Онъ, утомленный, преклонилъ сномъ голову, и сынъ исполина, имъ убитаго, ему отсѣкъ ее. Меркурій взялъ голову и принесъ ее въ городъ. Исповѣдавъ событіе передъ изумленнымъ народомъ, онъ возлегъ въ Смоленскѣ, и особеннымъ явленіемъ приказалъ, чтобы оружіе его было повѣшено надъ его гробомъ (72).—Подвиги Юрія Всеволодовича, основателя Нижняго Новгорода, положившаго голову свою за отечество на берегахъ Сити, и Василька Константиновича Ростовскаго, въ плѣну не измѣнившаго вѣрѣ и пріявшаго конецъ мученика, записаны въ лѣтописяхъ подъ 1237 годомъ, но встрѣчаются и отдѣльно писанныя (73).—Константинъ Всеволодовичь и Василій Всеволодовичь, строитель трехъ церквей въ Ярославлѣ, также пали жертвами Татарскаго нашествія (74). — Повѣсть о святыхъ мученикахъ, о великомъ Князѣ Михаилѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ и о бояринѣ его Ѳеодорѣ, вкупѣ пострадавшихъ, составлена, конечно, современникомъ, судя по подробностямъ, которыя оправдываются свидѣтельствомъ Римскаго миссіонера Плано-Карпини, очевидца событію. Она вставлена однако въ позднѣйшіе сборники лѣтописей (75), подъ 1246 годомъ.—Страданіе подражателя

Михаилова, В. Князя Романа Ольговича Рязанскаго, встрѣчается въ лѣтописи подъ 1270 годомъ (76).

Другой Романъ Владиміровичь, Князь Углицкій, скончавшійся въ 1285 году, прославился святостію жизни. Мощи его свидѣтельствовалъ въ 1605 году Митрополитъ Казанскій Ермогенъ, при Патріархѣ Іовѣ. Стихиры и каноны ему сложены тщаніемъ и трудами Воеводы Симеона Романовича Олферьева да инока Переславскаго Данилова монастыря Сергія. Житіе съ чудесами, писанное при открытіи мощей, погибло въ разореніи отъ Литвы города Углича (77). Святые по жизни.

Прекрасная дочь Михаила, Евфросинія Суздальская, украшеніе Суздальской обители положенія ризъ Богоматери во Влахернѣ, жила также въ этомъ столѣтіи. Благоуханіе, внезапно наполнившее домъ ея родителей, просившихъ у Бога дѣтей, и видѣніе во снѣ прекрасной голубки, добровольно летѣвшей въ ихъ руки, предсказали Михаилу и женѣ его рожденіе необыкновенной дочери, Ѳеодуліи. Рано обрекши себя Богу, она не пренебрегла и земными науками, какъ говорится объ ней въ житіи: изучала грамматику, риторику, философію, науку числа и мѣры. Далеко шла объ ней молва по землѣ Русской: многіе Князья желали руки ея. Мина, Князь Суздальскій, былъ обрученъ съ Ѳеодуліею; но когда она прибыла въ Суздаль, не стало жениха ея, и она обручилась жениху небесному, и осталась навсегда, подъ именемъ Евфросиніи, въ женской Суздальской обители Ризъ положенія, которая была основана еще прежде въ 1207 году. Своимъ словомъ Евфросинія насаждала и укрѣпляла духовную жизнь въ обители. Своими молитвами спасла ее отъ нашествія Батыя.

Когда отецъ ея, Михаилъ Всеволодовичь, сбираясь въ орду къ Хану, колебался въ нерѣшимости, уступить ли обычаямъ Татарскимъ и поклониться огню, кусту и поганымъ идоламъ у ставки Хана, — дочь его, по словамъ Житія, убѣдительнымъ письмомъ укрѣпила въ душѣ отца волю его на мученическій подвигъ. Духовные образцы Антонія и Ѳеодосія, основателей Кіевопечерской обители, одушевили ее для подвиговъ въ монастырѣ, гдѣ кончила она жизнь въ санѣ игуменіи. Преданіе сохранило ея Русскій отвѣтъ одному богатому человѣку, который, видя ее въ одеждѣ разодранной и ветхой, принесъ ей новую. Не принявъ дара, она сказала: «рыба на стужѣ, засыпанная снѣгомъ, не смердитъ и не покрывается червями, но сладка бываетъ въ пищу: такъ и мы черноризцы, мужскаго и женскаго полу, если зимою страдая и потерпимъ, то Христу будемъ сладость въ вѣчную жизнь.» Отецъ ея, Михаилъ, съ вѣрнымъ бояриномъ своимъ Ѳеодоромъ, явился къ ней въ бѣлыхъ ризахъ передъ самою ея кончиною и призвалъ ее на вѣчное и радостное свиданіе. Григорій, монахъ Суздальскаго же Спасо-Евфиміева монастыря, написалъ житіе Евфросиніи, въ половинѣ XVI вѣка, по преданіямъ, какія слышалъ онъ изъ устъ инокинь ея обители (78), и сложилъ ей канонъ: Суздальскій епископъ Варлаамъ, около 1580 года, поднесъ и житіе и канонъ Царю Іоанну Васильевичу.

Житіе Св. Александра Невскаго, какъ читается оно въ лѣтописяхъ, носитъ на себѣ слѣды происхожденія современнаго. Но болѣе подробное и отдѣльное житіе святаго принадлежитъ иноку Михаилу, который сочинилъ его около 1547 года (79). Въ

жизни этого Святаго Князя и дѣйствіяхъ на пользу Отечества, можно сказать, выразились, впервые, душа, сила и разумъ Князей Московскихъ—и отъ него могли только произойти будущіе освободители и собратели отечества.

Даніилъ Александровичь, сынъ Невскаго, глава Князей Московскихъ, первый, началъ храбрую борьбу съ Татарами у Рязани и у Переславля Рязанскаго. Онъ основалъ въ Москвѣ обитель во имя Св. Даніила Столпника, гдѣ и самъ постригся. Обитель перенесена была въ Кремль на княжескій дворъ Калитою, а при Іоаннѣ III утвердилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится и куда при Царѣ Алексіѣ перенесено было и тѣло Даніилово. Потомки Даніила, начиная съ Іоанна III, чтили его память. При патріархѣ Іовѣ сложены были стихиры и канонъ святому, трудами Симеона Романовича Олферьева да инока Переславскаго Данилова монастыря, Сергія. Когда составлено житіе, неизвѣстно: вѣроятно, въ 1652 году, при Патріархѣ Никонѣ, когда мощи святаго перенесены были въ самый монастырь, въ храмъ святыхъ отецъ семи вселенскихъ соборовъ (80). Церковь величала Даніила заступникомъ и забраломъ земли Русской, великимъ поборникомъ города его Москвы, и просила его, чтобы онъ молитвами своими утверждалъ миръ, любовь и здравіе во всѣхъ домахъ ея.

Два Ѳеодора въ Князьяхъ Русскихъ прославились святостью жизни: Ѳеодоръ Ярославичь, Князь Новгородскій, и Ѳеодоръ Ростиславичь, по прозванію Черный, Князь Смоленскій и Ярославскій, съ своими дѣтьми Давидомъ и Константиномъ. Житіе сего послѣдняго было составлено Антоніемъ, іеромонахомъ

Спасо-Ярославскаго монастыря, при Великомъ Князѣ Иванѣ (81) Васильевичѣ и сынѣ его Иванѣ Ивановичѣ. Ѳеодоръ имѣлъ второю женою дочь Татарскаго Хана, но обратилъ ее еще до брака въ Христіанство. Въ житіи его замѣчателенъ расказъ о предсмертномъ его постриженіи въ схиму, когда князь велѣлъ проводить себя въ монастырь святаго Спаса. Это было въ 1299 году. Сентября 18-го, въ пятницу, въ три часа дня, ударили во всѣ колокола на дворѣ у Святой Богородицы, и стекся весь городъ на княжой дворъ, отъ малаго возраста и до великаго, мужескій полъ и женскій, и до грудныхъ младенцевъ. Князя понесли отъ сѣней и несли черезъ весь городъ къ монастырю святаго Спаса, и былъ во всемъ народѣ плачь неутѣшный. Не слышно было голоса поющихъ отъ вопля и крика людей: всѣмъ была общая скорбь. Когда же принесли его въ монастырь къ святому Спасу и поставили въ притворѣ церковномъ, началъ игуменъ вопрошать по обычаю: «что пришелъ, братъ? или припадаешь къ святому жертвеннику и къ святой дружинѣ сей?» И потомъ: «или желаешь сподобиться ангельскаго образа?» Блаженный, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «радъ всею душею, Владыка и Творецъ мой, работать Тебѣ во всемъ житіи семъ,» и потомъ прибавилъ, обращаясь къ игумну: «да, честный отче,» и со всѣмъ смиреніемъ и покорностью далъ обѣтъ постриженія, и благодарилъ Бога за то, что сподобилъ его такого дара, какого желалъ издавна. Потомъ понесли его на дворъ къ игумну, и онъ пробылъ тутъ цѣлый день, исповѣдываясь предъ всѣми въ грѣхахъ своихъ, благословляя и прощая тѣхъ, которые противъ него согрѣшили. Во всемъ повинился онъ передъ

Богомъ и передъ всѣми человѣками, а потомъ призвалъ свою Княгиню и дѣтей, говорилъ имъ о любви, училъ и наказывалъ, чтобы пребывали въ единствѣ мира и любви. «Дѣти мои, сказалъ онъ, если кто изъ васъ слово мое соблюдетъ, благословеніе мое да пребудетъ на немъ; если же кто не соблюдетъ слова моего и не послушаетъ наказанія моего, благословеніе мое удалится отъ него.» Потомъ былъ вечеръ и насталъ четвертый часъ ночи: онъ началъ изнемогать и скорбѣть; призвалъ игумна, братію, и повелѣлъ постричь себя въ схиму, и далъ обѣтъ Богу съ великою вѣрою и любовію душевною. Постригшись въ схиму, всѣхъ тутъ бывшихъ цѣлуя благословилъ и простилъ, а потомъ всѣмъ приказалъ выйти вонъ, кромѣ игумна и немногихъ изъ братіи. Время приспѣло звонить къ заутрени и когда начинали третью славу псалтири, онъ изнемогъ до конца и, знаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ, предалъ душу свою въ руки Божіи.»

Житіе Муромскаго Князя Петра и супруги его Февроніи носитъ на себѣ слѣды устныхъ преданій народныхъ, которыя собраны неизвѣстно кѣмъ и когда. Въ одномъ сборникѣ сочинитель названъ монахомъ Эразмомъ. Февронія была дочь крестьянина, древолазца. Муромскій Князь Петръ искалъ врачей въ землѣ Рязанской для излѣченія отъ струповъ, которыми покрылъ его тѣло змѣй, имъ убитый. Юноша изъ свиты Князя вошелъ въ одну избу села Сласкова: въ ней сидѣла дѣвица за ткатскимъ станомъ и ткала красна. На вопросы юноши дѣвица говорила загадками: не хорошо быть дому безъ ушей, а храминѣ безъ очей. — Отецъ и мать ея пошли взаймы плакать, а

братъ пошелъ черезъ ноги въ мертвецы смотрѣть. На вопросы юноши: что́ значутъ эти рѣчи?—дѣвица такъ объяснила ихъ: уши дому—песъ, очи храминѣ—ребенокъ; отецъ и мать ея пошли на погребеніе, о мертвомъ плакать: это *заимоданный* плачь; братъ пошелъ съ дерева медъ снимать: это значитъ съ высоты въ землю на мертвецовъ смотрѣть; легко сорваться и жизнь потерять. — Юноша передалъ отвѣты дѣвицы Князю. Онъ удивился ея разуму. Февронія изцѣлила Князя отъ струповъ. Передъ изцѣленіемъ Князь посылаетъ ей льну и поручаетъ соткать ему сорочку, порты и полотенцо въ то время, какъ онъ пробудетъ въ банѣ. Февронія велитъ посланному отколоть часть полѣна и проситъ Князя, чтобы онъ приготовилъ ей ткатскій станъ и все строеніе для тканья его полотна тѣмъ временемъ, какъ она очешетъ ленъ его.

Князь взялъ остроумную дѣву въ замужство; но боярыни города не захотѣли повиноваться Княгинѣ изъ крестьянокъ и послали мужьевъ своихъ къ Князю съ просьбою, чтобы онъ развелся съ женою. Князь не захотѣлъ нарушить Евангельскаго слова о бракѣ и предпочелъ покинуть лучше княженіе, чѣмъ жену. Они выѣхали оба изъ Мурома по Окѣ; но вскорѣ бояре, встревоженные внутренними смутами города, просили Князя, чтобы онъ снова возвратился къ нимъ на княженіе. Оба снискали любовь народную смиреніемъ и простотою жизни, и постригшись подъ именами Давида и Евфросиніи, скончались въ одинъ день и часъ, 25 Іюня (82).

Житіе Петра, Царевича Ординскаго, по прозванію Берки, свидѣтельствуетъ, что силою Христовой

вѣры мы въ XIII вѣкѣ уже дѣйствовали на своихъ поработителей, Татаръ. Въ Ордѣ, когда Епископъ Ростовскій Кириллъ раскызывалъ Хану Беркаю о томъ, какъ Леонтій крестилъ Ростовскую землю, — тогда слушалъ его племянникъ Хана, плѣнился Христіанствомъ, оставилъ все богатство отца своего и вмѣстѣ съ Епископомъ ушелъ изъ Орды въ Ростовъ. Богослуженіе храма пресвятой Богородицы, гдѣ на лѣвомъ клиросѣ пѣли тогда по гречески, а на правомъ по русски, поразило Татарскаго Царевича. Онъ молилъ Кирилла крестить его. Имъ основаны были впослѣдствіи храмъ во имя Петра и Павла на томъ мѣстѣ, гдѣ явились ему сами первоверховные Апостолы, и монастырь на берегу озера. Петръ былъ женатъ на Русской, одаренъ землею отъ Князя — и по кончинѣ супруги, постригшись въ монахи, скончался въ глубокой старости, въ 1253 году. Потомки Петра спасали Ростовъ отъ грозы Татарскихъ Хановъ, напоминая имъ о родствѣ своемъ (83).

Св. Довмонтъ, Князь Пскова, былъ родомъ Литвинъ и идолопоклонникъ: въ Псковѣ крестился онъ и нареченъ Тимоѳеемъ. Князь Дмитрій Александровичь выдалъ за него дочь свою, Марѳу. Вѣра и любовь породнили Довмонта съ Русскимъ народомъ. Онъ говорилъ Псковичамъ: «Братья мужи Псковичи, кто старъ, тотъ мнѣ отецъ; кто молодъ, тотъ мнѣ братъ. Слышалъ я про ваше мужество во всѣхъ странахъ. Вотъ предлежитъ намъ смерть и жизнь: братья, пойдемъ за святую Троицу, за святыя церкви и за отечество.» Такими словами одушевлялъ онъ воиновъ, и побѣждалъ Литву и Нѣмцевъ. Храбрый въ войнѣ, онъ былъ привѣтливъ въ мирѣ, украшалъ церкви, любилъ духо-

венство и нищихъ, праздники праздновалъ честно. Лѣтописецъ Псковской вписалъ его подвиги подъ 1265—1272 годами Псковской лѣтописи, откуда перенесены были они и въ другія (84). Супруга его, Мароа, постриглась послѣ его кончины, преставилась въ 1300 г. и причтена также къ лику святыхъ. Тетка Довмонта, Евпраксія, въ мірѣ Евфросинія, дочь Литовскаго Князя Рогволода и супруга Ярослава Владиміровича, княжившаго во Псковѣ, въ 1243 г. основала въ немъ женскій монастырь и была убита мученически своимъ пасынкомъ въ городѣ Медвѣжья Голова (85).

Къ числу духовныхъ лицъ, святою жизнію угодившихъ Богу въ XIII столѣтіи, принадлежитъ Антоній, Архіепископъ Новгородскій и Псковскій, кроткая, смиренная и покорная жертва Новгородцевъ, простиравшихъ буйное своеволіе отъ Князей и на духовныхъ пастырей; Игнатій Епископъ Ростовскій, примиритель междоусобій своей области; Василій, Епископъ Муромскій и потомъ Рязанскій, другая жертва несправедливыхъ подозрѣній жителей Мурома, чудно спасенный волнами Оки, соединяющей оба города и перенесшей Василія, а вмѣстѣ съ нимъ и престолъ Епископскій изъ Мурома въ Рязань (86); Кипріанъ, богатый земледѣлецъ, построившій монастырь Архангельскій въ Устюжской волости.

Особенною славою святости и чудесъ въ этомъ столѣтіи сіяетъ Варлаамъ, чудотворецъ Новгородскій, основатель и Игуменъ Хутынскаго монастыря. Житіе его сочинено было по устнымъ преданіямъ, Пахоміемъ Логоѳетомъ, въ XV вѣкѣ, по повелѣнію и благословенію Новогородскаго Архіепископа Евфимія, откры-

вавшаго въ 1440 году мощи Преподобнаго Варлаама (87). На сѣверѣ Россіи Варлаамъ, подобно предшественнику своему, Антонію Римлянину, далъ образецъ иноческаго житія, основавъ обитель на Хутынѣ, въ десяти верстахъ отъ Новгорода. Дѣйствіе святаго мужа на вольныхъ Новгородцевъ такъ было сильно, что однажды встрѣтивъ на Волховскомъ мосту осужденнаго на сверженіе съ мосту, Варлаамъ однимъ словомъ выпросилъ у народа освобожденіе виновному отъ казни. Но въ другой разъ не хотѣлъ онъ въ подобномъ случаѣ вступиться передъ народомъ за невинно осужденнаго, потому что прозрѣвалъ его невинность и зналъ, что принявъ неправедную казнь, онъ приметъ отъ Бога и вѣнецъ мученика. Благоговѣніе къ памяти святаго до сихъ поръ такъ укоренилось въ народѣ, что въ день его смерти, 6-го Ноября, въ монастырѣ Хутынскомъ живетъ обычай не отказывать въ милостыни ни одному нищему, въ покоѣ ни одному страннику (88). Ученики Варлаама, Антоній Дымскій и Ксенофонтъ, сначала поочередно наслѣдовали ему на игуменствѣ, а потомъ основали свои обители, первый на озерѣ Дымскомъ, второй на рѣкѣ Робейкѣ. Третій ученикъ его, Константинъ Косинскій, основалъ монастырь Косинъ близъ Старой Русы (89).

Уроженецъ западныхъ странъ, нѣмецъ Латинской вѣры, купецъ богатый пріѣхалъ въ Новгородъ съ своими земляками и товарищами по торговлѣ: цѣлый корабль нагруженъ былъ его имѣніемъ и сокровищами. Но въ Новгородѣ не торговля плѣнила пришельца, а истинная православная Христова вѣра. Она сіяла въ мірѣ какъ солнце, говоритъ жизнеописаніе Прокопія

Устюжскаго, и плѣнила его церковнымъ украшеніемъ, поклоненіемъ святымъ иконамъ, звономъ великимъ, святымъ пѣніемъ и чтеніемъ книгъ святыхъ, множествомъ обителей, окружавшихъ Новгородъ. Прокопій возлюбилъ Новгородъ и его вѣру православную. Ходя по монастырямъ, онъ нашелъ въ одномъ изъ нихъ себѣ наставника въ Варлаамѣ Хутынскомъ, и принялъ отъ него истину Евангельскаго слова и крещеніе. Имѣніе отдалъ Прокопій нищимъ и на украшеніе монастырскаго храма. Скоро слава пронеслась о немъ по всему Новгороду, но онъ укрылся отъ нея, принялъ на себя юродство, пошелъ на востокъ и черезъ многіе города и веси достигъ города Устюга. Здѣсь онъ выбралъ себѣ жилищемъ папертъ соборной церкви Успенія Богоматери, а церковь была деревянная и превысокая. Зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью, онъ былъ тутъ; ни въ чей домъ не входилъ онъ; о пищѣ и объ одеждѣ не заботился, добрые люди его кормили; но пищу онъ бралъ отъ бѣдныхъ, а не отъ богатыхъ. Разъ только, послѣ ужаснаго мороза, посѣтилъ онъ устюжскаго гражданина, Сѵмеона, отца Стефана Пермскаго, и расказалъ, какъ дивною вѣтвію Ангела онъ былъ согрѣтъ и избавленъ отъ смерти. Прозрѣніе бѣдствія тяготило юродиваго: онъ звалъ народъ къ покаянію, и на паперти соборной, и по улицамъ города. Устюжане не слушались. Ужасныя тучи, съ громомъ и бурею, собрались на городъ. Жители пришли въ ужасъ, принесли всенародную молитву въ соборномъ храмѣ, покрыли своими лицами помостъ церковный. Съ народомъ вмѣстѣ молился и Прокопій, поставляя себя, пришельца въ этой землѣ, виновникомъ гнѣва Божія. Тучи разсѣялись; но въ 20-ти верстахъ лѣсо-

ломная буря разразилась каменнымъ градомъ надъ землею, гдѣ теперь весь Котовальская.

Однажды трехлѣтняя дочь посадскаго человѣка, именемъ Марія, шла съ родителями своими мимо соборной церкви: народъ слушалъ въ тотъ часъ вечерню. Прокопій сошелъ съ церковной паперти, поклонился ей до земли и сказалъ во всеуслышаніе, что она будетъ матерью Стефана, просвѣтителя Перми. Онъ ходилъ въ ветхомъ, разодранномъ рубищѣ, которое спускалось съ его плеча, въ сапогахъ безъ подошвъ; по ночамъ, какъ будто сторожъ всей святыни города, обходилъ всѣ храмы Устюга и молился у каждаго изъ нихъ. Три кочерги нашивалъ онъ въ лѣвой рукѣ. Когда держалъ ихъ прямо, народъ видѣлъ въ этомъ предзнаменованіе изобилія; когда держалъ ихъ внизъ, предвидѣли скудость. Часто сиживалъ Прокопій на камнѣ, у берегу рѣки Сухоны, смотрѣлъ, какъ люди въ малыхъ лодочкахъ перевозились черезъ рѣку, и молился за нихъ, чтобы Господь даровалъ имъ тихое плаваніе. Полюбилъ онъ это мѣсто, и просилъ народъ, чтобы по смерти погребли его тутъ и камень, на которомъ онъ сиживалъ, положили бы на его могилу. — Въ 1303 году Іюля 8-го, отслуживъ заутреню, священники и діаконы вышли изъ соборной церкви и съ удивленіемъ не замѣтили Прокопія, который не пропускалъ ни одной церковной службы. Три дня искали его по городу и нашли мертвое тѣло его у монастыря Архангела Михаила. Здѣсь, на концѣ мосту, крестообразно сложивъ на груди руки, онъ заснулъ вѣчнымъ сномъ: люди изъ народа видѣли, что онъ самъ прочиталъ себѣ отходную молитву.—Житіе Прокопія слагалось въ теченіи столѣтій. Первое начало ему, какъ

видно, положено было отцомъ Стефана Пермскаго, (90) Сумеономъ.

Святитель Петръ. Житіе его.

Въ высшей духовной жизни Русскаго народа звеномъ связующимъ XIII-е столѣтіе съ XIV-мъ является Святый Петръ, первый Митрополитъ Московскій. Житіе его написано было въ концѣ слѣдующаго столѣтія однимъ изъ наслѣдниковъ его на престолѣ Московской Митрополіи, Св. Кипріаномъ (91). Волынь была родиною перваго Московскаго Святителя. Онъ вышелъ изъ семьи благочестивыхъ родителей: отецъ его назывался Ѳеодоромъ; мать, нося его въ утробѣ своей, видѣла сонъ: ей казалось, что она держитъ на рукахъ своихъ агнца; передъ нею посреди горы выростало благолиственное дерево; цвѣты и плоды его покрывали; многія свѣчи горѣли на вѣтвяхъ; кругомъ разносилось благовоніе. Видѣніе предзнаменовало кротость и смиреніе перваго Святителя Московскаго и богатое духовными плодами Русской жизни древо Митрополіи Московской. Семи лѣтъ принялся онъ за грамоту; двѣнадцати вышелъ на подвиги монастырской жизни. Однимъ изъ любимыхъ его занятій было иконописаніе. Онъ писалъ Спасителя, Пречистую Его Матерь и лики Святыхъ. Когда кто лица любимыхъ помянетъ, отъ предмета любви къ слезамъ обращается: такъ и божественный Святитель отъ изображеній къ изображаемымъ возносился, а отъ нихъ къ доброй жизни и слезамъ обращался. Игуменъ обители раздавалъ его иконы братіи и молельщикамъ, въ нее приходившимъ. Созрѣлъ Петръ и для своего подвига: оставилъ монастырь и на рѣкѣ Ратѣ обрѣлъ мѣсто безмолвное. Здѣсь воздвигъ онъ церковь во имя Христа Спасителя, поставилъ кельи для братіи, и скоро со-

бралось около него немалое число иноковъ. Онъ былъ кротокъ нравомъ, молчаливъ, казался между братіею не старшимъ, а послѣднимъ изъ всѣхъ; никогда ни на кого не сердился, а съ тихостію училъ словомъ умильнымъ. Милосердіе же его было такое, что ни одинъ убогій, ни странникъ не отошелъ отъ него никогда съ пустыми руками. Тайно отъ братіи своей подавалъ нищимъ, помня слово: милующій нищаго Богу взаймы даетъ. Не было дать чего — давалъ свои иконы, или снималъ съ себя власяницу. Князь Волынской земли и многіе вельможи узнали о жизни Петра. Митрополитъ Максимъ, перенесшій престолъ изъ Кіева во Владиміръ, посѣтилъ однажды Волынскую землю, поучая людей Божіихъ по преданному уставу. Божій человѣкъ Петръ вышелъ къ нему на встрѣчу съ своею братіею, принялъ благословеніе отъ Святителя и поднесъ ему икону Богоматери своего письма.

По смерти Максима, нѣкто игуменъ Геронтій хотѣлъ восхитить санъ митрополичій и отправился къ Патріарху въ Константинополь, но буря на морѣ удержала его. Князь Волынской земли и другіе Князья, желая учредить у себя митрополію Галицкую на мѣсто Кіевской, отправили отъ себя Петра въ Царьградъ съ просительнымъ посланіемъ къ Патріарху. Море скоро и безопасно принесло его. Патріархъ Аѳанасій съ духовнымъ соборомъ возвелъ его на престолъ митрополіи Русской. Кипріанъ слышалъ въ Царьградѣ преданіе о томъ, какъ лице Петра въ то время просвѣтилось и какъ всѣ, сослужившіе Патріарху, смотря на Петра, пришли отъ того въ изумленіе. Аѳанасій, возлагая на него многотрудное дѣло,

говорилъ ему: «Великій корабль Христосъ Богъ поручилъ тебѣ: наставляй его, управляй имъ и веди его къ пристаницу спасенія. Да не облѣнишься никогда, да не уныешь, да не отяготишься *великимъ попеченіемъ о величествѣ и множествѣ земли Русской!* Ты преемникъ служенія Апостоловъ: будь же имъ подражатель; будь ученикъ истинный Спасителя, да возможешь съ дерзновеніемъ во второе пришествіе его стать и воззвать: Господи! се азъ и дѣти, яже ми еси далъ!»

Святитель принялъ паству Русскую; началъ учить ее дѣятельно, переѣзжая съ мѣста на мѣсто; въ ученіи и правленіи обнаружилъ смиреніе, трудъ и кротость, вспоминая слова: въ сердцѣ кроткихъ почіетъ Богъ.

Скоро искушеніе встрѣтило Архипастыря церкви Русской. Епископъ Тверской Андрей, «легкій умомъ, легчайшій разумомъ», оклеветалъ Петра доносомъ Патріарху. Созванъ былъ, по повелѣнію Патріарха, соборъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ; собрались духовные и Князья. Прочли доносъ къ Патріарху. Сильное волненіе обнаружилось на соборѣ. Кроткій ученикъ кроткаго Учителя, вспомнивъ слова: вонзи ножъ въ ножны его, сказалъ, подражая Григорію Богослову: «Братія и чада о Христѣ возлюбленные! Не лучше же я Іоны пророка. Если изъ за меня это великое волненіе, изгоните меня изъ среды своей. Буря успокоится между вами: за чѣмъ же изъ за меня вамъ волноваться?» Но волненіе было о томъ, чтобы найти клеветника, и когда онъ обнаружился передъ всѣми, и покрытъ былъ отъ всѣхъ срамомъ и уничиженіемъ, одинъ Петръ обратился къ нему съ словами утѣшенія: «Миръ тебѣ, о Христѣ

чадо! Не ты сотворилъ это, но завистникъ изъ начала рода человѣческаго, діаволъ. Ты же отнынѣ берегись лжи, а за прошлое да проститъ тебя Богъ.»

Святитель продолжалъ трудъ поученія по городамъ и по селамъ. Кротостью побѣдилъ онъ Хана Узбека въ Ордѣ и снискалъ подтвержденіе правъ Русскому духовенству. Какой-то еретикъ Сеитъ явился тогда противникомъ православной Вѣры: Петръ побѣдилъ его преніемъ.

Москва привлекла его къ себѣ, а въ ней благоразумный Князь Иванъ Даниловичь Калита. Благочестіе и любовь къ Москвѣ сблизили обоихъ узами дружбы. Перенесеніе митрополіи изъ Владимира въ Москву имѣло слѣдствіемъ и перенесеніе столицы. Святитель просилъ Князя воздвигнуть каменную церковь во имя Богоматери и просьбу свою сопровождалъ такимъ пророчествомъ о Москвѣ: «Если ты меня послушаешь и храмъ Пречистой Богородицѣ воздвигнешь въ своемъ городѣ, то самъ прославишься паче иныхъ Князей, а сыновья и внуки твои въ родъ и родъ, и городъ сей славенъ будетъ во всѣхъ городахъ Русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руки его на плеча враговъ его, и прославится Богъ въ немъ; еще и кости мои въ немъ положены будутъ.»

Князь послушался Святителя; началось строеніе храма; Петръ, предвидя скорую свою кончину, началъ своими руками копать себѣ гробъ близь святаго жертвенника. Князь Иванъ расказалъ ему сонъ: онъ видѣлъ гору высокую и на вершинѣ ея снѣгъ. Но вдругъ снѣгъ растаялъ и исчезъ. Петръ отвѣчалъ ему: «гора высокая—это ты, Князь; а снѣгъ—это я, смиренный. Мнѣ прежде тебя отойти изъ этой жизни.»

Храмъ еще не былъ достроенъ, когда пришла кончина Святителя. Князя не было въ Москвѣ. 21-го Декабря 1326 года, Святитель вошелъ во храмъ, принесъ молитву за Царей и Князей, за своего сына Князя Ивана, за все Христіанское множество всей земли Русской, помянулъ умершихъ, причастился святыхъ таинъ, вышелъ изъ храма, призвалъ церковный причетъ, поучалъ его, пригласилъ старѣйшину города Протасія, въ лицѣ его простился съ отсутствовавшимъ Княземъ, благодарилъ за свое успокоеніе, обѣщалъ роду его могущество, отдалъ все свое имѣніе на совершеніе церкви, сказалъ миръ православнымъ и началъ пѣть вечерню. Молитва еще была на устахъ его, какъ душа оставила тѣло.

Святитель почиваетъ въ трехъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ скончался, исправляя долгъ пастыря. У этой гробницы утвердилось единодержавіе государства Московскаго и Русскаго. Москва хранитъ его св. иконы, панагію (92) и посохъ. Церковь, воспѣвая его кончину 21-го Декабря, взываетъ къ своему Святителю: радуйся, утвержденіе граду нашему!

Слово Святителя Петра

Отъ многихъ поученій неутомимаго учителя паствы, о которыхъ говоритъ его житіе, поученій, вѣроятно, изустныхъ, по обычаю древней Россіи, осталось только одно письменное *Слово Игуменомъ, Попомъ и Діакономъ*. Все содержаніе его заключается въ самомъ простомъ, краткомъ и сильномъ изложеніи обязанностей каждаго пастыря Христова стада. «Да будетъ вамъ, дѣти, понятно, въ какомъ званіи вы поставлены Богомъ, какъ Апостолъ Павелъ пишетъ: въ какое званіе кто позванъ, въ томъ да пребываетъ. Вы же, дѣти, нареклись церковными стражами, пастухами

овецъ словесныхъ, за нихъ же Христосъ спасительную кровь свою пролилъ. Будьте же, дѣти, пастухами истинными, а не наемниками, млеко снѣдая и волну снимая, а объ овцахъ не имѣя попеченія.» (93) Кротость и смиреніе учитель ставитъ въ числѣ первыхъ дѣлъ, какими подобаетъ прежде всего просвѣтиться Христову Пастырю. Въ этихъ словахъ поученія яснѣютъ и дѣло всей жизни, и внутренній образъ самого Святителя, предзнаменованные еще до рожденія его видѣніемъ агнца на рукахъ его матери.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ одиннадцатой лекціи.

(1) См. Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней, Томъ I. Часть II. стран. 134—142.

(2) Лавр. спис. Кіевск. Лѣтоп. стран. 185. Тогоже лѣта $\left(\frac{6722}{1214}\right)$ Князь Гюрги, сынъ Всеaward Всеволожь, изведъ Симона игумена блаженнаго отъ Рождества Святыя Богородица, и посла й въ Кыевъ къ митрополиту, и постави й епископомъ Суждалю и Володимерю.—стран. 190. Въ лѣто 6734, мѣсяца мая въ 22 день, преставися блаженный и милостивый, учителный епископъ Симонъ Суждальскый и Володимерьскый, постригъся въ скыму, и положено бысть честное тѣло его въ церкви святыя Богородица въ Володимери.

(3) См. Ист. Р. Слов. Т. I. Часть II. стран. 137—142.

(4) Напечатано въ Памятникахъ Россійской словесности, изданныхъ К. Ѳ. Калайдовичемъ, подъ № XXI. стран. 249 подъ заглавіемъ: Посланіе смиренаго Епископа Симона Владимерскаго и Суздальскаго къ Поликарпу черноризцу Печерскому, по двумъ спискамъ — Сунодальному начала XVI вѣка и списку библіотеки Графа Толстова, писанному въ 1549 году. Это посланіе не находится въ древнѣйшемъ харатейномъ спискѣ Патерика 1406 года, судя по описанію его содержанія, напечатанному А. М. Кубаревымъ въ 9 № Чтеній Общества И. и Д. Р. 1847. Этотъ списокъ Патерика, хотя и древнѣйшій, не есть однако лучшій.

(5) Книга Степенная Ч. I. стран. 480. Егда же ли кто отъ препростія сердца, и грубостію невѣдѣнія божественныхъ писаній, или въ нѣкое прегрѣшеніе преткнется, и таковіи отъ достовѣрнѣйшихъ и истинно вѣдущихъ божественное писаніе благоразсудными бесѣдами и послань-

ми люботрудными друголюбезно и благомудренно другъ друга исправляху.

(6) Якоже бо дождь растить сѣмя, тако и церкви влечеть душу на добрыя дѣла: все бо елико твориши въ келіи ни въ чтоже суть, аще и Псалтырь чтеши, или обанадесять псалма поеши, ниединному Господи помилуй подобится съборному пѣнію. О семъ, брате, разумѣй, яко верховный Апостолъ Петръ, самъ церкви сый Бога жива, егда ятъ бысть отъ Ирода и всаженъ въ темницю, не отъ церкви ли бывающа молитва избави отъ руку Иродову? Давыдъ бо молится глаголя: единого прошу у Господа и того взыщу, да живу въ дому Господнѣ вся дни живота моего, и да зрю красоты Господня и посѣщаю церковь святую его. Самъ же Господь глаголеть: домъ мой, домъ молитвы наречется; идѣ же бо, рече, два или тріе събрани во имя мое, ту есмь посреди ихъ. То аще толикъ зборъ болѣ ста сберется, вѣруй яко ту есть Богъ нашь. Отъ того бо божественаго огня тѣхъ обѣдъ створяется, его же азъ желаю единоа крупици паче всего суща иже предо мною.

(7) «Но что пишеть блаженный Іоаннъ иже въ Лѣствицѣ?»—«Аще хощеши вся увѣдати, почти Лѣтописца старого Ростовьскаго, есть бо всѣхъ болѣ л҃, а еже потомъ и до насъ грѣшныхъ, мню, близъ п҃».—«Аще ли кому невѣрно мнится се написаное, да почтетъ Житія святыхъ Отецъ нашихъ, Антонія и Θеодосія, начальника Рускимъ мнихомъ, и тако да вѣруетъ».—Объ Житіи Антонія говоритъ Симонъ и въ другихъ мѣстахъ, которыя высчитаны въ статьѣ А. М. Кубарева: О Патерикѣ Печерскомъ, напечатанной въ 9-мъ N Чтеній Общества И. и Д. Р. 1847.

(8) Исторія Россійская Татищева. Книга 1 Часть 1 стран. 58. «Сего времени (т. е. съ 1203 года по 1226), или мало прежде, видимъ, что Симонъ Епископъ въ Бѣлой Руси дополнялъ, ибо просто Русскіе или Малорусскіе и Червенскіе Руси или Волыни дѣлъ весьма мало упоминается. Оной Симонъ Епископъ умеръ въ 1226.

Сей Симонъ не токмо тщаніе къ Исторіи какъ гл. 5, н. 2. (*), но къ тому потребный способъ имѣлъ, ибо жилъ во время любомудраго Государя Константина, котораго онъ хотя по враждѣ съ его защитникомъ Георгіемъ III нѣсколько неправо обвиняетъ, а Георгія выхваляетъ, однакожъ Константина мудрымъ, кроткимъ и справедливымъ нарицаетъ. О его библіотекѣ великой и писаніи исторіи не умолчалъ, и въ учрежденіи училищъ хвалу приписываетъ. *Сей его или съ него списокъ, однакожъ довольно стары* видѣлъ я, и выписывалъ у Артемья Волынскаго, которой конченъ раззореніемъ Москвы отъ Токтамыша въ 1384 году: однакожъ знатно, что въ тожъ время и по другимъ мѣстамъ Историки были, и дѣла тѣхъ временъ описывали, понеже нѣкоторые списки во многомъ съ онымъ разнятся, и многія, чего онъ не зналъ, дѣла въ разныхъ лѣтописцахъ находятся, токмо о творцахъ неизвѣстно, яко Голицынской, видно, что сочиненъ на Волыни, Еропкина въ Полоцку, Хрущова въ Смоленскѣ, и единъ въ нижнемъ Новѣгородѣ; оный списокъ есть съ Новгородскаго.»

(9) «Да слышитъ твое благоразуміе глаголы моего *младоумія* и несовершенна смысла,» пишетъ онъ къ Акиндину. «Не внидеши въ святое и честное мѣсто, въ немъ же еси *остриглъся*,» говоритъ ему Симонъ въ своемъ Посланіи.

(10) «Чай отъ Бога милости: труда ради твоего двои двери доспѣлъ еси то святѣй велицѣй церкви святыя

---

*) Въ этомъ мѣстѣ Татищевъ говоритъ: «Равно тожъ и съ Несторовою лѣтописью учинилось, что Могила, живши въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ предисловіи Патерика говоритъ: Несторово писаніе Рускихъ дѣяній чрезъ войны отдалися отъ насъ, почитай написалъ Симонъ Епископъ Суздальскій».—А выше на той же страницѣ: «Петръ Могила въ предисловіи Патерика листѣ 6 пишетъ о немъ: Несторъ инокъ Печерскаго монастыря первѣе дѣянія Руская описалъ, а Симонъ Епископъ въ предисловіи, какъ Кипріанъ сказуетъ, написалъ: хотя мнози писатели о Русахъ преди Нестора быша, обаче ово отъ древности изказишася, ово погибоша и мало Константинъ улучи, и Нестору Сильвестръ Выдобожскій исполня сохранилъ».

Богородица Печерскія, и та отверзеть ти двери милости своея: ибо иереи вопіютъ о таковѣхъ всегда въ той церкви: Господи, освяти любящая благолѣпіе дому Твоего, и тыя прослави божественною силою Твоею.»

(11) «Веемъ же Владимеръ (Мономахъ) едину святую Богородицу, и пославъ во градъ Ростовъ въ тамо сущую церковь, юже самъ созда, иже и до нынѣ стоитъ, ейже азъ самовидецъ быхъ: сеже при мнѣ сотворися въ Ростовѣ, церкви той падшися, и та икона безъ вреда пребысть, и внесена бысть въ древяную церковь яже взгорѣ отъ пожара; икона же та безъ вреда бысть, ни знаменія огневаго на себѣ имущи.» Эта икона и теперь находится въ Ростовской Соборной церкви. См. мою Поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, стр. 69.

(12) Вотъ слова, которыми Симонъ заключаетъ Житіе Аѳанасія затворника: «Тыжъ, брате и сыну, симъ не послѣдуй: не тѣхъ бо ради пищу се, но да тебе приобрящу. Совѣтъ же ти даю благочестіемъ: утвердися во святѣмъ томъ монастыри Печерскомъ не восхощи власти, ни игуменства, ни епископьства, и довлѣетъ ти къ спасенію, еже скончати жизнь свою въ немъ. Вѣси самъ, яко могу сказати всѣхъ книгъ подобная, уне ми и тебѣ полезное, еже отъ того божественаго и святаго монастыря Печерскаго содѣянная и слышанная отъ многихъ мало сказати о Хрістѣ Іисусѣ о Господѣ нашемъ.»

(13) «Вопросилъ мя еси нѣкогда, веля ми сказати о тѣхъ черноризецъ содѣянная».—«Тѣмъ же и азъ грѣшный Поликарпъ, твоей воли работая, державный Анкидине, напишю мало нѣчто о блаженомъ Григоріи чюдотворцы».

(14) Втораго посланія еже къ Архимариту Печерскому Анкидину о святыхъ и блаженныхъ черноризецъ братій нашихъ. Списано Поликарпомъ черноризцемъ того же монастыря Печерскаго.

(15) «Древнихъ убо святыхъ подражающе мы грѣшніи писанію, еже они изъясниша и многимъ трудомъ взыскаша въ пустыняхъ, и горахъ, и пропастехъ земныхъ,

инѣхъ убо сами видѣвше, инѣхъ же слышавше житія и чюдеса, и дѣлеса богоугодная преподобныхъ мужи написаша, инѣхъ же слышавше преже ихъ бывшихъ житія же и словеса и дѣянія, еже есть *Патерикъ печерскій* въ томъ сложше, сказаша о нихъ отцы, еже мы почитающе, наслажаемся духовныхъ тѣхъ словесъ. Азъ же недостойный ни разума истинны не постигъ, и ничтоже отъ тѣхъ таковаго видѣхъ, по слышанію послѣдуя, еже ми сказа преподобный Симонъ и сія написахъ твоему отечеству, и нѣсмь николиже обходилъ святыхъ мѣстъ, ни Іерусаліма видѣхъ, ни Синайскія горы, да быхъ что приложилъ къ повѣсти, якожъ обычай имутъ хитрословесницы симъ краситися, мнѣжъ да не буди похвалитися. Но токмо о святѣмъ семъ монастыри Печерскомъ, и въ немъ бывшихъ святыхъ черноризецъ, и тѣхъ житіемъ и чюдесы ихъ же поминаю радуяся, желаю и азъ грѣшный святыхъ тѣхъ отецъ молитвъ».

(16) «Аще повелитъ твое преподобство написати ихъ же ми умъ постигнетъ и память принесетъ, аще ти непотребно будетъ, да сущимъ по насъ ползы ради оставимъ, якоже блаженый Несторъ въ Лѣтописцы написа о блаженныхъ отцѣхъ: о Дамиани и Ереміи, и Матѳее, и Исакіи. Въ Житіи же святаго Антонія вся житія ихъ вписана суть, аще вкратцѣ речена, но и паче прежеречевіи черноризцы, ясно реку, а не втайнѣ, якоже и прежде. Аще бо азъ премолчю, отъ мене до конца забвена будутъ, и къ тому не помянутся имена ихъ, якоже было и до сего дни. Се жеречеся въ еі лѣто твоего игуменства, еже небысть воспомяновенія за р҃ и з҃ лѣтъ, нынѣ же твоея ради любве и утаеная слышана быша».

(17) Въ лѣто 6739.... Поставленъ бысть Кирилъ епископомъ мѣсяца априля въ 6 день, въ недѣлю святыхъ Мvроносицъ по пасцѣ; священъ же бысть пресвященымъ митрополитомъ Кириломъ и съ окрестными епископы.... и игумени мнози, и *архимандритъ святыя Богородица монастыря Печерскаго Анкюдинъ*. Лавр. сп. стран. 194.

(18) Кромѣ того мѣста, которое приведено въ 15 примѣчаніи, приведу самое начало Посланія: «Господу поспѣшествующу и слово утвержающу ко твоему благоумію, пречестный Архимарите всея Русіи, отче и господине мой Акиндине, подайже ми благопріятныя твоя слуха да въ ня возглаголю дивныхъ и блаженныхъ мужь житія, дѣянія и знаменія бывшихъ во святѣмъ семъ монастырѣ Печерскомъ, еже слышахъ о нихъ отъ Епископа Симона Володимирского и Суждальского, брата твоего, черноризца бывшаго тогожъ Печерскаго монастыря иже и сказа мнѣ грѣшному»...

(19) «И въ таковѣмъ страданіи лежа преподобный Пиминъ лѣтъ к҃; во время же преставленія его явишася три столпы надъ трапезницею, и оттуду на верхъ церкви пріидоша, о нихъ же речено бысть въ лѣтописцы. Свѣсть же Богъ, знаменіе сіе показавы, или сего ради блаженнаго, или ино кое смотрѣніе бысть».

(20) «Болеславъ.... воздвиже гоненіе велие на черноризцы, изгна вся отъ области своея; Богъ же сотвори отмщеніе рабомъ своимъ вскорѣ: во едину убо нощь Болеславъ напрасно умре, и бысть мятежъ великъ во всей Лядской земли, и воставше людіе избиша епископы своя, и боляры своя, якожъ и въ лѣтописцы повѣдаетъ». Изъ Житія Моисея Угрина.

(21) «Уже бо вы постиже судъ, яко вси вы въ водѣ умрете и съ княземъ вашимъ.... Ростиславъ пейде въ монастырь отъ ярости, не восхотѣ благословенія и удалися отъ него, возлюби клятву и пріиде ему; Владимиръ же пріиде въ монастырь молитвы ради, и бывшимъ имъ у Треполя и полкома снемшимася, и побѣгоша князи наши отъ лица противныхъ: Владимиръ же преѣха реку молитвъ ради святыхъ и благословенія; Ростиславъ же утопе со всѣми вои своими, по словеси блаженнаго Григорія». См. Лавр. сп. стран. 91.

(22) «Егда же Святополкъ съ Давидомъ Игоревичемъ рать зачаста про Василкову слѣпоту, егожь ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давида Игоревича, съ Волода-

ремъ, и съ самѣмъ Василькомъ, и не пустиша гостей изъ Галича, ни лодіи отъ Перемышля, и не бысть соли во всей Руской земли: сицева неуправленія быша». Вотъ одно изъ доказательствъ тому, что была торговля въ древней Руси и что касалась она предметовъ первой необходимости. Здѣсь замѣчательно мѣсто, гдѣ употребляется слово голважень: «Юже бо преже драго продаваху, по двѣ голважнѣ на купу, нынѣжъ по ꙇ҃, и никто же взимаше».

(23 a) «Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею, и сведоша и́, и на ту нощь умре». Лавр. сп. стран. 115.—«Не по мнозехъ же днехъ самъ Мстиславъ застрѣленъ бысть въ Володимери, на забралѣхъ по прореченію Василіеву: біяшеся съ Давидомъ Игоревичемъ, и тогда познавъ стрѣлу свою, ею же застрѣли Василия, и рече: се умираю днесь преподобныхъ ради Василия и Ѳеодора». (Изъ Патерика).

(23 b). Житіе и терпѣніе преподобнаго отца нашего Авраамія просвѣтившагося въ терпѣніи мнозѣ и новаго града во святыхъ Смоленскаго. Августъ. 21 дня. л. 2127 Великихъ Четіихъ Миней Митрополита Макарія. Дальнѣйшія объясненія отсылаю къ 52 му примѣчанію. Здѣсь скажу только о *глубинныхъ книгахъ*. Преосвященный Макарій въ текстѣ своей Исторіи Русской Церкви назвалъ ихъ *голубиными книгами* (49 стран.); но въ текстѣ житія Аврааміева, отрывками помѣщеннаго въ примѣчаніяхъ (269 стран.), читаемъ *глубинныя книги*, какъ и въ Макарьевскихъ минеяхъ. Г. Буслаевъ извлекъ отсюда заключеніе о томъ, что это относится къ стиху о голубиной книгѣ. Не преждевременно ли такое заключеніе? — Къ соображенію принять можно книгу: *Глубина*, которая показана въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, но поставлена однако въ числѣ истинныхъ. Неопредѣленность мнѣній въ этомъ отношеніи въ такія отдаленныя времена можетъ скорѣе подать поводъ къ заключенію, что разумѣлась эта книга. — Замѣтимъ мимоходомъ, что *Златая Чепь* уже упоминается въ Житіи

Авраамія. Слово, приведенное мною, находится къ рукописи Іосифова монаст. за № 516. Въ Памятникахъ Словесности XII вѣка оно напечатано подъ № XII, съ большимъ выпускомъ всего того, что́ относится къ небеснымъ силамъ и созданію человѣка.

(24) Timebamus, ne per illos in proximo Ecclesiae Dei periculum immineret, говоритъ Плано-Карпини въ началѣ своего путешествія.

(25) Въ Русскомъ Временникѣ сказано даже, что былъ совѣтъ по всѣмъ городамъ Русскимъ на всѣхъ бусурмановъ поставленныхъ властелями отъ Батыя, и что по убіеніи Батыя велѣли Князья Русскіе убивать всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ креститься, и что многіе изъ нихъ крестились.

(26) Собраніе Путешествій къ Татарамъ. Пер. Языкова Спб. 1825. стран. 195 и 55. У Карамзина (Т. 4 стран. 49) Кузьма названъ Комомъ, вѣроятно, съ Французскаго Côme. У Мангу жилъ въ большой чести золотарь Парижскій Гильомъ, по свидѣтельству Рубруквиса.

(27) «Видѣвшужеся Данилу о рѣку Велью съ королевичемъ, и нѣкое слово похвально рекшу, его же Богъ не любитъ»....

(28) Вотъ, конечно, одно изъ свидѣтельствъ тому, что эта пѣсня древняго происхожденія. Народъ могъ заимствовать этотъ образъ только изъ тѣхъ временъ, когда эти ловли еще совершались часто. Слово о полку Игоревѣ упоминаетъ о десяти соколахъ, которыхъ пускали на стадо лебедей. Городъ Рыльскъ находится въ Курской губерніи, а Воргольская область сохранилась теперь въ имени села Ворголя, въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи.

(29) Собраніе Путеш. къ Татарамъ стр. 85. «Южной сторонѣ покланяются какъ Богу, и заставляютъ тоже дѣлать другихъ знатныхъ людей, кои предаются имъ. По этому случилось недавно, что Михаилъ, бывшій однимъ изъ великихъ герцоговъ Русскихъ, пріѣхавъ къ Батыю для преданія себя, сперва проведенъ былъ ими

между двухъ огней, а потомъ сказали ему, чтобы онъ поклонился Цингисъ-кану на югъ. Онъ отвѣчалъ, что охотно поклонится Батыю и его служителямъ; но образу человѣка умершаго кланяться не будетъ, поелику это неприлично для христіянина. Когда же нѣсколько разъ говорили ему, чтобы онъ поклонился, а онъ отказывался, то Батый чрезъ Ярославова сына велѣлъ ему сказать, что его убьютъ, если онъ не поклонится. На это онъ отвѣчалъ, что скорѣе согласится умереть, нежели сдѣлаетъ неприличное дѣло. Послѣ этого Батый прислалъ одного тѣлохранителя, который билъ его пинками въ сердце до тѣхъ поръ, пока онъ умеръ. Въ это время одинъ изъ Михайловыхъ воиновъ, тутъ же бывшій, подкрѣпляя его словами, говорилъ: мужайся, мученіе это продолжится недолго, и за симъ немедленно послѣдуетъ веселіе вѣчное. Послѣ этого отрѣзали ему ножемъ голову, а потомъ отсѣкли также и вышесказанному воину». Плано-Карпини былъ въ ордѣ въ 1246 году; тѣмъ же годомъ записано событіе и въ нашихъ лѣтописяхъ.

(30) Волынская лѣтопись упоминаетъ о 25 книгахъ, подаренныхъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ въ разныя церкви и монастыри, и въ томъ числѣ о двухъ сборникахъ отца его: изъ этихъ книгъ князь самъ списалъ Апостолъ и Евангеліе апракосъ въ трехъ экземплярахъ, прологъ въ 12 мѣсяцахъ, 12 миней, тріоди, октоихъ, ирмологъ, службу св. Георгію, молитвенникъ съ утренними и вечерними молитвами.

(31) «Правило Кюрила Митрополита Руськаго съшьдъшихъся Епископъ Далмата Новугородьскаго, Игнатья Ростовьскаго, Феогноста Переяславьскаго, Симеона Полотьскаго, на поставленіе Епископа Сарапиона Володимирскаго». Напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, издаваемыхъ Обществомъ И. и Д. Россійскихъ. Москва. 1815. стран. 106. Списокъ полнѣе напечатаннаго находится въ Румянцовскомъ музеѣ, въ Кормчей за N 238. См. Востокова стран. 321. Замѣчательно, что объ этомъ соборѣ и его Правилѣ не упоминаетъ ни одна

лѣтопись, между тѣмъ, какъ въ Никоновскомъ о ставленіи Серапіона въ епископы Кирилломъ упоминается.

(32) См. Staatsleben des Klerus im Mittelalter, von S. Sugenheim. Berlin. 1839. 1 B. стран. 95—107. Послѣ Людвига, сына Карла Великаго, всѣ Каролинги продавали духовный санъ за деньги. Ближайшіе наслѣдники ихъ въ Германіи, Саксонскіе Императоры, виноваты въ томъ же, начиная съ Генриха Птицелова.—Въ Италіи, по свидѣтельству епископа Оттона Верчельскаго, съ того времени какъ погасла Каролингская династія, было въ общемъ обычаѣ, что свѣтскіе властители продавали епископіи тѣмъ, которые наиболѣе предлагали денегъ. Не лучше дѣло шло и во Франціи, гдѣ всѣ церковныя должности королями раздавались тѣмъ, которые наиболѣе предлагали денегъ, часто мальчишкамъ изъ подъ розги едва выросшимъ, а иногда короли предпочитали снабжать этими доходными мѣстами незаконныхъ сыновей отъ своихъ любовницъ, какъ поступилъ именно король Гугонъ, современникъ Оттона великаго. Ужасны были послѣдствія этой позорной купли: она подкопала основанія Церкви и разрѣшила всѣ узы дисциплины и нравовъ.

(33) Прибавленіе о обычаѣ Новгородскомъ находится въ Румянцовской Кормчей и напечатано у Востокова въ Описаніи Р. М.

(34) «Кыи оубо прибытокъ наслѣдовахомъ оставльше Божія правила? не расѣя ли ны Богъ по лицю всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли силнии наши князи остриемъ меча? не поведѣни ли быша въ плѣнъ чада наша? не запустѣша ли святыя Божія церкви? не томими ли есмы на всякъ день отъ безбожныхъ и нечистыхъ поганъ? Си вся бываютъ намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ отецъ».

(35) Въ Описаніи Рум. Муз. у Востокова стр. 304 и 321.

(36) Объ этихъ отвѣтахъ см. Ист. Кар. Т. VIII. прим. стран. 149. Исторія Русской Церкви. Періодъ второй. М. 1848. стр. 78. Поѣздка моя въ Кирилло-

Бѣлоз. монастырь. Ч. 2 стр. 21. Епископъ Сарайскій Ѳеогностъ, еще въ 1274 году, уже въ третій разъ возвращался изъ Царяграда, куда посыланъ былъ отъ Кирилла митрополита и отъ Менгутемира съ грамотами къ патріарху и царю и Михаилу Палеологу. Ник. лѣт. Т. 3. стран. 68.

(37) Оно описано Калайдовичемъ въ его изданіи Іоанна Экзарха Болгарскаго, стран. 111, и носитъ признаки Новгородскаго нарѣчія *ц* вм. *г*.

(38) Описанъ въ палеографическихъ и филологическихъ Матеріалахъ для Исторіи письменъ Славянскихъ, собр. изъ 15-ти рукописей Моск. Синод. Библіотеки, Г. Буслаевымъ. стран. 20.

(39) Описано у Калайдовича, тамъ же на той же стр., и у Востокова въ Описаніи подъ N 105.

(40) См. у Калайдовича, тамъ же стран. 28 и 106. Слова К. тамъ же стран. 97. «Списка Псалтыри, съ яснымъ означеніемъ времени, не знаю старше конца XIII вѣка.— Списки Апостола, мнѣ извѣстные, не восходятъ выше XIII вѣка». Описана въ томъ же изданіи у Г. Буслаева. стран. 23.

(41) См. у Калайдовича стран. 15.

(42) *Книгы глаголемыя Грегьскымь языкомъ Номоканунъ, сказаемыя нашимъ языкомъ закону Правило.* См. Описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей Гр. Ѳ. А. Толстаго. Отдѣл. 1. N 311. Здѣсь сказано, что Рязанскій епископъ Іосифъ получилъ подлинникъ изъ Кіева чрезъ посредство митрополита Максима.

(43) Всѣ приведенныя грамоты напечатаны въ 1 и 2 части Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ.

(44) Данная напечатана Калачевымъ въ Актахъ относ. до юридич. быта древней Россіи. Томъ I. стран. 439.

(45) Лавр. сп. стран. 190. Никон. сп. Т. 2. стран. 309. Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ своемъ говоритъ,

что изъ сочиненій его много словъ находится въ библіотекѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря между рукописями. Ему приписано въ Обзорѣ Русской духовной литературы Поученіе крестьяномъ, но гадательно.

(46) Опис. Рум. муз. стран. 304 и 326.

(47) См. въ Твореніяхъ Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. Годъ первый. Книжка 4. Москва. 1843. Статья Кириллъ II, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи.

(48) См. Лавр. списокъ стран. 195. «Любовному ученью же и тщанью дивльси сего честнаго святителя Кирила, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ *написанья* собѣ вдахъ, *сего перваго словесе дѣтеля написати;* зело бо велье дѣло паче насъ всріяхъ, боязнью ослушанья, разумѣхъ въ Притчахъ глаголемое: яко сынъ ослушливый въ погибель будеть, послушливый же кромѣ ея будеть». Узкое мѣсто авторъ вышепомянутой статьи объясняетъ затворомъ монастыря Св. Григорія Богослова.

(49) Опис. Рум. муз. стран. 291. Одинъ изъ трехъ писцовъ, Іоаннъ Драгославъ, сопровождаетъ эту кормчую письмомъ, въ которомъ пишетъ: «Пишю тобѣ възлюбленый богомь архиепископѣ курилѣ протоѳроню да ся словомъ твоимъ вселеная руская просвѣтить.» — Кормчая дошла до насъ въ спискѣ XVI вѣка.

(50) *Слово и поученіе къ попомъ* или *Поученіе Епископле къ Іереомъ.* Между рукописями Румянцовскаго Музеума встрѣчается въ 4-хъ спискахъ Кормчей: подъ N 231, съ именемъ Кирилла, но ранѣе правилъ Кирилла Митрополита; подъ NN 233 и 234 безъ имени Кирилла, непосредственно за Правилами собора; подъ N 238 съ именемъ Кирилла и послѣ собора, но не непосредственно. Мнѣніе ученыхъ Лавры основано на томъ, что въ нѣкоторыхъ Кормчихъ именуется оно именно поученіемъ Епископа, что рѣчь въ немъ обращается отъ лица епископа къ священникамъ его паствы и что ни въ одномъ спискѣ поученія въ надписи нѣтъ имени

митрополита, тогда какъ въ надписаніи Правилъ собора Владимирскаго Кириллъ названъ митрополитомъ.

(51) *Слово и поученіе къ попомъ.* «Слыши, Іерей сборе преподобный! Къ вамъ ми слово. Понеже вы нарекостеся земнии ангели, небесніи человѣци. Вы со Ангели предстоите у престола Господня; вы съ Серафими носите Господа. Вы сводите съ небеси Духъ Святый, и претваряете хлѣбъ въ плоть, и вино въ кровь Божью, человѣкомъ невидимо, и святии бо мнози видѣша. Вы бо просвѣщаете человѣкы крещениемъ святымъ; вы связаете, вы разрѣшаете. Вами свершаетъ Господь тайну спасения роду человѣчьскому; васъ стража постави и пастухы словесныхъ овецъ Своихъ, за ня же кровь Свою излия.... Господь бо рече: луче навязати жерновъ на шию, имже оселъ мелетъ, и погрузити въ мори, нежели соблазнити единаго малыхъ. *Души бо человѣчьстѣй ни единой нѣсть равенъ весь миръ....* Простецъ бо съгрѣшивъ за едину свою дасть душю отвѣтъ предъ Богомъ: а ерѣй же согрѣшивъ многихъ соблазнитъ, и за тѣхъ душа будеть ему осуждение.... Азъ же не лѣнюся вамъ глаголати.... Разумѣйте, како духовныя дѣти учити: ни слабо да не ленивы будуть; ни жостко, да ся не отчають.... Святую же страшную службу стваряйте. Николи же не вниди въ святый олтарь, вражду имый съ кимъ; и велику имѣвъ прю, томь дни не служи, но, утишивъ мысли, молитвы восли Господеви отъ чиста ума. И не озирайся назадъ, но умъ весь имѣй горѣ: со Ангелы бо служиши; и не мысли земныхъ въ той часъ: Небеснаго бо Царя пріемлеши въ сердце свое; весь освящайся Имъ.... (Твор. Св. Отцевъ, Годъ I, Кн. 4. Приб. стран. 428.)

(52) Слово Кирилла философа на соборъ великаго Архистратига Христова Михаила найдено было Г. Розовымъ въ одномъ Сборникѣ XVII или XVIII вѣка и напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и др. Росс. 1847 г. № 8. Это слово, подъ заглавіемъ: о небесныхъ силахъ, и чего ради созданъ бысть человѣкъ, и о исходѣ души встрѣчается въ Сборникѣ Іосифова Волокол. монастыря (№

529) подъ именемъ Кирила философа, а въ Сборникѣ того же монастыря (за № 574) подъ именемъ Авраамія. Припомнимъ кстати, что Авраамій Смоленскій, какъ говорится въ его житіи, написалъ двѣ иконы—страшнаго суда и испытанія воздушныхъ мытарствъ, и ко всѣмъ приходящимъ любилъ о томъ бесѣдовать. А въ этомъ словѣ находимъ изображеніе мытарствъ. Слово о мытарствахъ встрѣчается и отдѣльно, какъ знаемъ изъ Памятниковъ Словесности XII вѣка. Кромѣ того въ житіи Авраамія сказано: «Поминаше бо часто о своемъ разлученіи души отъ тѣла блаженый Авраамій, и како истяжуть душу пришедшеи Ангели, и како испытаніе на въздусѣ отъ бѣсовскыхъ мытаревъ, како есть стати предъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати, и въ кое мѣсто поведуть, и како въ которое пришествіе предстати предъ судищемъ страшнаго Бога, и каковъ будетъ отъ судій отвѣтъ, и како огненаа рѣка потечеть пожигающа вся, и что помагаяй будеть, развѣ покаяніе и милостыня, и беспрестанныа молитвы и ко всѣмъ любы и прочая дѣла благаа.» Это входитъ въ содержаніе слова о небесныхъ силахъ и есть главное содержаніе слова, напечатаннаго Калайдовичемъ. Упоминаніе о бесерменскихъ странахъ находится во вставленномъ Поученіи къ священникамъ, а не въ самомъ словѣ о небесныхъ силахъ. Слова же, слѣдующія послѣ поученія: нынѣже на предлежащее возвратимся, ясно обличаютъ вставку поученія.

(53) См. Творенія Св. Отцевъ. Годъ первый. Книжки 1, 2, 3. Москва. 1843. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Часть 2. стран. 36.

(54) Подъ тѣмъ же годомъ Новгородскій лѣтописецъ, Тимоѳей пономарь, расказываетъ объ ужасномъ голодѣ и морѣ, какъ его послѣдствіи. И въ Новгородѣ было землетрясеніе, въ обѣденное время.

(55) «Разрушены божественныя церкви; осквернени быша ссуди священии, потоптана быша святая; святители мечу во ядь быша; плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержени быша; кровь отецъ и братья нашея,

аки вода многа, землю напои. Князии нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе; храбрии наши страха наполньшеся бѣжаша. Множайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша. Села наша лядиною поростоша, и величьство наше смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше инѣмъ в користь бысть, трудъ нашъ поганіи наслѣдоваша. Земля наша иноплеменникомъ въ достояние бысть, въ поношение быхомъ живущимъ въскрай земля нашея, въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ». Привожу это мѣсто въ подлинникѣ ради красоты его и потому еще, что оно повторяется и послѣ въ лѣтописяхъ и древнихъ памятникахъ нашихъ при описаніи подобныхъ случаевъ.

(56) Geschichte der Hexenprocesse. Aus den Quellen dargestellt von D-r W. G. Soldan. Stuttg. und Tübing. 1843. Zehntes Capitel. стр. 179. In dem Hexenprocesse gewann der Inquisitor einen geschmeidigen und unerschöpflichen Criminalstoff.

(57) Никон. Лѣт. Т. 3 стр. 86. Исторія Россійской Іерархіи, часть 1. стр. 135. Словарь Митрополита Евгенія. Т. 2 стр. 209. Рукописи Мѣрила Праведнаго въ Синод. библ. №№ 52 (л. 79 об.) и 525 (77 об.)

(58) Въ подлинникѣ употреблено древнее слово: *рана*, соотвѣтствующее въ теперешнемъ языкѣ удару.

(59) По рукописи Златой Цепи Сергіевой Лавры напечатано въ Москвитянинѣ 1851 года № 6. Архіепископъ Филаретъ приписываетъ его Кириллу 1-му Митрополиту.

(60) Указаны Калайдовичемъ и Строевымъ въ описаніи рукописей Графа Ѳ. А. Толстова, Отдѣл. IV. N 275. Съ этой рукописи напечатаны въ Приложеніяхъ къ изданію Лаврентьевскаго списка Лѣтописи, стран. 252. Указаны еще мною въ книгахъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго. См. Поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Часть 2. стран. 22.

(61) Полное Соб. Русск. Лѣтоп. Т. 3 стран. 47. «А дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю». Внизу выставленъ варі-

антъ: «И дай Богъ молитвами его всѣмъ христіаномъ, и мнѣ грѣшному Іоанну попови». Въ Обзорѣ Русской дух. лит. Тимоѳей признанъ за автора лѣтописи, но не разрѣшено недоумѣніе, невольно возникающее по случаю варіанта.

(62) Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка подареннаго въ оной Воскресенской монастырь Патріархомъ Никономъ въ 1658 году. Ч. 1 стран. 70. «Мы же отъ начала Русской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ отъ Михаила Царя до Александріа и Исакіа». Здѣсь разумѣются Алексѣй Ангелъ и отецъ его: слѣдственно, до сего лѣта относится къ 1203 году. Замѣчаніе Добровскаго. См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи, М. П. Погодина. Т. IV. стран. 72.

(63) Лаврентьев. сп. стран. 190 и 191.

(64) Тамъ же стран. 193.

(65) Такъ въ Софійск. Времен. Т. 1. стран. 245.

(66) «Яко же премудрый хронографъ списа, яко же добродѣянья въ вѣкы святяться».

(67) Никонова лѣтопись. Т. 3. стран. 27—29. Воскресенскій списокъ Т. 2. стран. 226. Русскій Временникъ, 1790. стран. 138.

(68) Троицк. спис. стран. 222. И кто, братіе, о семъ не плачется, хто ся насъ осталъ живыхъ, како ону нужную и горкую смерть подъяша? да и мы то видѣвши быхомъ устрашилися, и грѣховъ своихъ плакалися съ вздыханіемъ день и нощь, пекущеся не о имѣніи, ни о ненависти братни. Новгор. спис. стран. 52. Да кто, братье и отцы и дѣти, видѣвше Божіе попущеніе и на всеи Руськой земли и не плачеться? — Соф. Врем. Т. 1. стр. 239. И кто, братіе, о семъ не поплачется? кто ся насъ осталъ живыхъ? како ону нужную и горкую смерть подъяша? стран. 246. Да кто, отци и братія и дѣти, видѣвши Божіе попущеніе се на всей Руськой земли, и не плачеться?

(69) Ипат. сп. стран. 185.

(70) Лавр. сп. стран. 191. Новгор. сп. стр. 46, 52, 60.

(71) Никон. сп. Т. 3. стран. 53.

(72) Русскій Времянникъ. Печат. въ Моск. Сунод. типографіи 1790 г. стран. 114.—Второе Прибавленіе къ описанію Славяно-Росс. рукоп. Графа Ѳ. А. Толстаго. Отдѣл. II. № 455. л. 43. — Каталогъ рукоп. И. Н. Царскаго. № 380. л. 381.

(73) Опис. Слав Росс. ркп. Гр. Толстова. Отдѣл. II. № 110. Отдѣл. III. № 69. л. 301. л. 320. — Опис. Румянц. Музея. № 364. л. 215. — Катал. И. Н. Царскаго. № 136. л. 344.

(74) Въ библіотекѣ В. М. Ундольскаго подъ № 294 есть житіе Василія и Константина, составленное инокомъ Пахоміемъ, по благословенію Кирилла Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго. Рукопись новаго письма. Здѣсь сказано, что мощи святыхъ открыты были при Іоаннѣ III въ 1501 году. Пахомій пришелъ въ Россію, по словамъ Митрополита Евгенія, около 1460 году,—по Обзору дух. лит. при Василіи Темномъ, но по Никонову списку лѣт. вмѣстѣ съ Митроп. Фотіемъ при Василіи Дмитріевичѣ. Кириллъ въ Архіепископы Ростовскіе хиротонисанъ въ 1526 г. — Слѣд. это житіе не можетъ быть приписано Пахомію.

(75) Повѣсть о мученіи В. Князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго и боярина его Ѳеодора вставлена въ Никонову лѣтопись, въ Воскресенскую, въ Русскій, Времянникъ, въ Софійскій Времянникъ. — Опис. рукоп. Гр. Толстова. Отд. I. № 292. л. 47. Отд. II. № 67. л. 148. № 84. л. 149. Отд. III. № 69. л. 327.— Опис. Рум. муз. № 160. л. 42. № 172. № 434. л. 45. Катал. рукоп. И. Н. Царскаго. № 368. л. 77. № 379 л. 39. Филолога черноризца слово о святыхъ великомученику, иже отъ Чернигова славную, о великомъ Князѣ Михаилѣ и Ѳеодорѣ Синьглитицѣ. № 614. л. 103. Въ сборникѣ изъ библіотеки В. М. Ундольскато за № 565

это житіе названо въ заглавіи твореніемъ Іеромонаха Пахомія святыя горы. За житіемъ слѣдуетъ извѣстное сказаніе о убьеніи злочестиваго Царя Батыя.

(76) Катал. рукоп. И. Н. Царскаго. № 396. л. 20 об.

(77) Канонъ, стихиры и чудеса, позднѣе собранныя, находятся въ библіотекѣ В. М. Унд. подъ № 363.

(78) Опис. Рум. муз. 547 стран. № CCC, LXXI.— Катал. Рук. И. Н. Царскаго № 95. № 408. л. 652 № 411. л. 175. Библіот. В. М. Ундольскаго № 307. Во всѣхъ пяти спискахъ обозначенъ авторъ. Онъ говоритъ: «сподобихся достовѣрно слышати отъ повѣдавшихъ ми неложно черноризецъ обители преподобныя иже во градѣ Суждалѣ.» — О образованіи преподобной Евфросиніи сказано: «Аще и не во Аѳинѣхъ учися блаженная, но аѳинѣйски премудрости изучи: философію же и риторію и всю граматикію, числа и кругомъ обхожденія и вся премудрости». Весьма важно въ этомъ свидѣтельствѣ то, что признавалась необходимость такого образованія. Приведемъ замѣчательныя слова и выраженія изъ этого житія: мнози падоша *взнацы.*—Царь Батый ста *на яроновѣ горѣ* на берегу у рѣки *каменица* отъ полуденныя страны (на дорогѣ ко Владимиру). Любопытно бы знать, есть ли теперь около Суздаля Яронова гора и рѣка Каменица? — И *трезлымъ* своимъ повелѣніемъ. — Вражіи бѣсовъ его суть *находи* и мечты. — Коня и *снузницы* его вверже въ море. — Нигдѣ же бо таковъ монастырь во всей Россіи великой на *устрой* и благочиніе.—Приведемъ отвѣтъ Ефросиніи въ подлинникѣ: «рыба на студени суще и снѣгу на ню сыплему не смердитъ никакоже и червей не творитъ, но сладко вкушеніе творитъ: тако и мы черноризцы мужеска полу и женьска, аще зимою стража терпимъ, сладость будемъ х҃ви ввѣчную жизнь.»—

(79) Находилось въ Библіотекѣ М. П. Погодина подъ № 115. — Опис. рукоп. Гр. Толстова. Отд. I. № 183. Отд. II. № 110. л. 21. № 388. л. 5. Отд. III. № 69. л. 165. — Втор. приб. Отд. II. № 455. л. 57. — Опис.

Рум. муз. № 34. ст. 17. Житіе, описанное современникомъ. № 297. л. 348 об.—Катал. рукоп. И. Н. Царскаго. № 369. л. 289. № 378. л. 104. № 400. л. 104. № 411. л. 132. № 614. л. 499. № 729. л. 810 об.—Библ. В. М. Ундольскаго № 274. Печатныя въ Софійскомъ Временникѣ и въ Степенной книгѣ. Приведемъ два выраженія замѣчательныя по списку В. М. Унд. И многи гости побиша новгородцкія до *луги* и до сабля. — В. Кн. Александръ вто время *рагозенъ* бяше сновоградцы и отъехаетъ отъ нихъ въ переславль градъ.

(80) Опис. Рум. муз. стран. 208 и 546.—Катал. ррук. Царск. № 136. л. 418. № 427. л. 133. — В. М. Ундольскій владѣетъ спискомъ (№ 300), къ сожалѣнію неполнымъ, канона и стихиръ, равно и житія. Къ первымъ прибавлено слѣдующее послѣсловіе, открытое владѣльцемъ библіотеки: «Стіхиры и канонъ благовѣрному великому князю Даніилу, сотворены, по благословенію святѣйшаго Іова патріарха, Московскаго и всея Россіи, тщаніемъ и труды Сумеона Романовича Олферьева да инока Сергія честныя обители пресвятыя Троицы Даніилова монастыря Переаславля Залѣскаго.» Въ концѣ житія говорится о перенесеніи мощей въ 1652 году въ царствованіе Алексѣя Михаиловича. Въ канонѣ и молитвахъ къ Святому есть безпрерывныя отношенія къ Москвѣ: «Царствующій свой градъ Москву и страны Россійскія земли благомилосердо пощади, и милостивно утверди, и миръ, и любовь, и здравіе обильно во всемъ, во всѣхъ домѣхъ сотвори, и всегда радостно насъ посѣщай.» — «Сохрани градъ свой, Москву, и всѣ страны Россійскія земли, благочестивый Княже Даніиле, отъ безбожныхъ иновѣрныхъ находа, и отъ междоусобныя рати, и всякаго страха и муки избави.» — «Радуйся, земли Россійской заступникъ и забрало нерушимо! радуйся, граду своему Москвѣ великій поборниче!»

(81) Библіотеки В. М. Ундольскаго № 384. Канонъ и служба преподобному Ѳеодору съ дѣтьми его, и далѣе житіе и чудеса. Въ заглавіи житія сказано: «Составлено жъ бысть сіе житіе и чюдеса Ермонахомъ Антоніемъ

тогоже монастыря по благословенію Господина Пре-освященнаго Митрополита.... волеюже боголюбиваго и вседержавнаго Господаря великого князя Иоанна Василіевича и при благородномъ и благочестивомъ его сыну Великомъ князе Иванѣ Ивановичѣ всея Руси.» Въ текстѣ житія читаемъ: «Азъ же предреченыи инокъ Антоній нѣчто мало о святѣмъ списахъ, слышавъ извѣстно о его житіе, начежъ отъ самѣхъ чюдесъ бывающихъ отъ раки богоноснаго отца Феодора, неподобно вмѣнших быти святаго чюдесемъ, но на многы части глаголатися, яко цвѣтци собравше отъ многыхъ въ едино, да не умолчано будеть едино праведное стаго же и присно-памятнаго житіе.» Все оно отличается цвѣтистымъ и вычурнымъ слогомъ. О времени написанія сказано: «Тѣмже и повсюду слава о немъ происхожаше якожъ лехкимъ перомъ произношашеся по всѣмъ странамъ, даже и до великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и до его сына великаго князя Ивана Ивановича, тогда великое княженіе ему держащу.» Есть замѣчательныя формы словъ: *листвица*, *въсиитьніе*, *надра*, до *трею* лѣть; выраженія: лѣствица *небомърная*, недугъ тяжекъ *корчета* (какъ въ другихъ житіяхъ встрѣчается *корчетная* немощь.)—Опис. Рум. муз. № CLX. л. 40 на об. № CCCV. Патерикъ Печерскій пис. въ 1462 году. л. 260. безъ предисловія, которое находится въ спискѣ Унд. и по видимому гораздо короче. № CCCCXXXIV. л. 43 об. — Катал. ррукк. Царск. № III. л. 313 — 348. Сочинитель Антоній показанъ и прибавлено авторомъ каталога, что онъ жилъ около 1470 года. — № 372. л. 385. — № 388. л. 193. Соч. іеромонахъ Антоній. — № 481. л. 30 об. — № 614. л. 110 об. показанъ Авторъ.

(82) Опис. Рум. муз. № CCCXCVII л. 379 об. № CCCCLVII. л. 762.—Катал. ррукк. Царск. № 129. л. 77. № 132. л. 223. № 135 л. 99. № 396. л. 87. Авторъ каталога замѣчаетъ, что это житіе встрѣчается очень часто. № 411. л. 43. № 728. л. 322. Библіот. В. М. Ундольскаго № 360. Владѣлецъ библіотеки замѣчаетъ, что по Сборнику Академическому за № 224 это есть

сочиненіе монаха Эразма. Такъ говоритъ авторъ житія, обращаясь ко святымъ угодникамъ: «да помянитеже и мене грѣшнаго списавшаго сіе елико же слышахъ, а не вѣдый, а аще ми суть написали вѣдуще выше мене; аще же азъ грѣшенъ есмь и грубъ, но на Божію благодать и на щедроты его уповая и на ваше моленіе ко Хрісту надѣяхся и трудихся.»—Выпишемъ загадки и отвѣты Февроніи: «Не лѣпо есть быти дому безъ ушію и храму безъ очію.»—«Отецъ мой и мати поидоста взаемъ плакати, а братъ же мой иде чрезъ ноги въ *нави* зрѣти.» — «Аще бы былъ въ дому семъ песъ, лаялъ бы на тя, ощутивъ тя идуща къ дому, се бо есть дому уши, и аще бы было во храминѣ моей отроча, и видѣвъ тя къ храму приходяща, повѣдало бы мнѣ: се бо храму есть очи. А еже сказахъ ти про отца и матерь и про брата, яко отецъ мой и мати идоша взаимъ плакати, пошли бо суть на погребеніе мертваго, и тамо плачутъ, а егда по нихъ смерть пріидетъ, и иніи по нихъ учнутъ плакати: се есть заимоданный плачь. А брата же моего рекохъ ти, яко отецъ мой и братъ древолазцы суть: въ лѣсѣ бо и съ древа медъ взимаютъ, и братъ же мой иде на таковое дѣло, якоже лѣзти на древо въ высоту чрезъ ноги зрѣти къ земли, мысля какобы не урватися и себѣ живота не гонзнути, и сего ради рѣхъ ти яко иде чрезъ ноги въ нави зрѣти.» — «И посла къ ней единаго отъ слугъ своихъ, и съ нимъ посла повѣсмо лну, и рече яко сія дѣвица хощетъ ми супруга быти мудрости ради: аще бо мудра есть, да въ семъ лну учинитъ мнѣ срачицу, и порты и убрусецъ, въ ту годину, въ нюже азъ въ банѣ пребуду. Слугаже принесе повѣсмо лну, и повѣда ей княжее слово. Она же рече слузѣ: взыди на пещь нашу, и снемъ зградки полѣнцо, и снеси сѣмо. Онъ же послушавъ ея и сня полѣнцо. Она же отмѣривъ пядію: отсѣки сіе отъ полѣнца сего. Юноша же отсѣче. Она же рече: возми сей утинокъ полѣнца и шедъ даждь князю своему, и отъ мене рцы ему: въ кій часъ сіе повѣсмо очищу, а князь твой да приготовитъ ми въ семъ утинцѣ станъ и все строеніе, кимъ сотчется полотно его.»

(83) Опис. Рум. Муз. CLX. л. 83.—Катал. ррко. Царск. № 135. л. 485. № 190. л. 135. № 378. л. 270. № 614. л. 258. № 728. л. 334 об. № 743. л. 267. об. — Библ. В. М. Унд. № 358.—Когда написано это житіе, неизвѣстно; но должно думать, что оно написано еще во времена Татарскаго нашествія. Въ заключеніи расказывается, какъ Игнатій, правнукъ Петра, освободилъ Ростовъ отъ нашествія Ахмыла, Татарскаго Хана, въ силу своего родства съ нимъ по предкамъ. Языкъ этого житія мѣстами весьма хорошъ. Приведемъ отрывокъ. «Пріиде Ахмылъ на Русскую землю и пожьже градъ Ярославль, и пойде къ Ростову съ всею силою своею, и устрашися его вся земля, и бѣжаша князи Ростовстіи, и владыка жъ бѣ Прохоръ, Игнатій же извлече мечь, и угна владыку: аще не идеши съ мною противу Ахмыла, то самъ посѣку тя: наше есть племя и сродичи. И послуша его владыка, и съ всѣмъ клиросомъ въ ризахъ, ваемъ крестъ и хоругowь пойде противу Ахмыла, а Игнатій предъ кресты съ гражяны въземъ тѣшь царскую, кречеты, шубы, питіе, край поля езера, ста на колѣну предъ Ахмыломъ, и сказася ему древняго брата царева племя, а село царево твое, господи: се есть купля прадѣда нашего, идѣже чюдеса творяхуся, господи. Страшно жъ есть видѣти рать его вооружену. И рече Ахмылъ: ты тѣшь подаеши, а сіи кто суть въ бѣлахъ ризахъ и хоруговь сіа? егда сѣщися съ нами хотятъ? Игнатій же отвѣща: сіи богомолцы царевы и твои суть, да благословять тя, а се ношаху божницу по закону нашему.»

(84) Псковск. лѣтоп. изд. М. П. Погодинымъ. 1837. Москва. стран. 11 — 17. Полн. собр. Русск. лѣтоп. Т. IV. стран. 180 — 183.

(85) См. Новгор. лѣтоп. подъ 1243. стран. 54.

(86) Опис. рукоп. Гр. Толстова. От. I. № 292. л. 449. Слово на преставленіе св. Отца нашего Игнатіа Епископа Ростовскаго.—Опис. Рум. муз. № 160. л. 15 на оборотѣ. № 322. Маія 28. № 434. л. 435 об. — Катал. И. Н. Царскаго. № 411. л. 74 об. № 563. л. 201. № 728. л. 250. — Библіот. бывшей Погодина №

149. л, 52.—Относительно Епископа Василія см. Библ. Погодина, № 169. л. 143.

(87) Опис. Рум. муз. CLIV. л. 153. Служба. л. 176. Житіе и чудеса. л. 200. Слово похвалное на пречестную память преподобнаго отца нашего Варлаама, священноинока Пахомия Логоѳета, внемъ же имать нѣчто на июдеи. — № CLX. л. 48. Житіе Преподобнаго Варлаама Хутынскаго—№ CCCCXXXIV. л. 104 об. л. 108 об.— Катал. ррк. Царск. № 89. № 370. л. 56 и 57 об. № 382. л. 91. № 396. л. 202. № 401. л. 43. № 420. л. 145. л. 150. № 446. л. 84. № 457. л. 111. № 481. л. 42. № 624. л. 126. 129. № 743. л. 12 об. л. 14. Библ. В. М. Унд. № 565. Житіе и похвальное слово.—Какъ житіе, такъ и похвальное слово написаны Сербомъ, іеромонахомъ Пахоміемъ Логоѳетомъ. Первое свидѣтельствуется его же словами: «не бо своима очима видѣхъ что таковыхъ, но пришедъшу ми отъ святыя горы въ преславный великій Новъградъ и слышавъ елика отъ многихъ повѣдаема бяху чудеса, и сего ради повелѣнъ быхъ архіепископомъ тогоже преименитаго града владыки Еуфимія пріити въ обитель святаго тамо своима ушима слышати бывшая и бывающая чюдеса.» Мѣсто противъ Іудей, находящееся въ похвальномъ словѣ, должно имѣть современное отношеніе къ ереси жидовствовавшихъ, которая уже зачиналась въ Новгородѣ. «Рци ми убо, о іоудею, что негодуеши? что печалуеши? что распыхаешися, видѣвъ насъ покланяемомъ мощемъ святого благочестно угодившихъ: иже отъ васъ распятому Хрісту исцѣлениемъ бо знамения видѣвше покланяемся, не глаголюще мощи святыхъ Бога быти, но яко угодившому, тѣмъ же хвалу въздаемъ прославльшему ихъ Богу.» Далѣе слѣдуютъ укоры народу Еврейскому въ преступленіяхъ, имъ совершенныхъ противъ избранниковъ божіихъ. Извѣстно, что жидовствующіе возставали противъ поклоненія мощамъ святыхъ.

(88) Житія святыхъ Россійской церкви. Ноябрь. стран. 46.

(89) Житіе Антонія Дымскаго съ чудесами находится въ библіотекѣ В. М. Унд. подъ № 281. Здѣсь сказано, что Антоній родился въ 1206 году въ Новгородѣ, постриженъ въ Хутынѣ въ 1227 году, былъ въ Царьградѣ у Патріарха въ 1238 году, поставленъ Игуменомъ на Хутынѣ по смерти Варлаама въ 1243 году, преставился въ 1273 году, Іюня 24. Житіе сложено, конечно, въ новое время, на основаніи источниковъ и преданій, хранившихся въ обители.

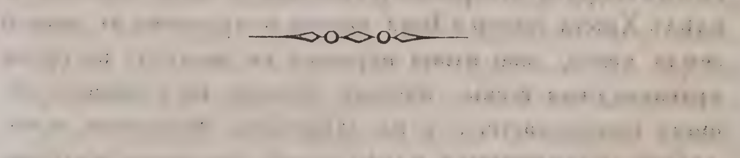
(90) Полный экземпляръ житія и чудесъ Прокопія Устюжскаго находится въ библіотекѣ В. М. Ундольскаго подъ № 362. Здѣсь сказано: «Рабъ же Божій Симеонъ (отецъ Стефана Пермскаго) почюдися зѣло глаголаннымъ отъ святаго и прослави Бога о семъ, яко показа ему Господь такова свята мужа, и скры тайныя его глаголы, яже бесѣдова съ нимъ, и никому же повѣда о житіи святаго Прокопія, и о великомъ его терпѣніи, донелѣже онъ изыде отъ житія сего. По преставленіи же святаго, все написа по ряду, еже видѣ и слыша отъ святаго ползы ради душевныя послѣднимъ родомъ нашимъ.» Многія чудеса, совершенныя Прокопіемъ, отмѣчены годами. Весьма странное по подробностямъ чудо о Соломоніи означено 1671 годомъ и расказано попомъ Іаковомъ. Здѣсь видно не русское вліяніе. Тутъ же находится: *Слово похвалное святымъ и блаженнымъ Хріста ради юродивымъ Прокопію и Іоанну Устюжскимъ чюдотворцемъ, списано дуксомъ Симеономъ Шаховскимъ.* Въ этомъ похвальномъ словѣ встрѣчаются сравненія поэтическія. «Блаженный же сей мужъ вся сія божественная ученія въ сердцы своемъ собра и отвержеся родителей и дому своего, и во слѣдъ Хріста своего и Бога потече, и странникъ въ чюжей земли явися, яко птица парящая по воздуху, во время красновидныя весны царицы временъ ко странамъ нашимъ приближается, и въ дубравахъ вселяются, и подружію примѣшаются, и гнѣзда себѣ созидаютъ, и птенцы своя воспитываютъ, и сладкоглаголивыми пѣсньми воздухъ наполняютъ, и сердца человѣкомъ услаждаютъ. Такожде и сей чюдный мужъ блаженный Прокопій, невѣмый

отъ коея страны суть или коихъ родителей, еже о немъ писаніе повѣда.»

(91) Житіе Петра Митрополита помѣщено въ Степенной книгѣ, и находится какъ въ письменныхъ, такъ и въ печатной. Имя автора Кипріана обозначено въ заглавіи. Въ заключеніи Житія Кипріанъ самъ говоритъ о важномъ событіи въ жизни своей, которое связано съ чудомъ Святителя Петра.

(92) Панагія № 11 въ Патріаршей ризницѣ. См. Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей Ризницы и Библіотеки, составленный Архимандритомъ Савкою. Изд. 2-е. стран. 13.

(93) Творенія Св. Отцевъ. Изд. Московской Духовной Академіи. 1844. Годъ вторый. Книжка 1. Въ прибавленіяхъ статья: Св. Петръ, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, и тутъ же *Поученіе смиреннаго Петра Митрополита Кіевскаго и всея Руси Игуменомъ, Попомъ и Діакономъ.* Подлинникъ находится въ Сборникѣ Владыки Леонида Рязанскаго 1576 года, находящемся въ библіот. Іосиф. Волокол. монаст. за № 567, листъ 385. Тамъ же на л. 389 об. находится *Поученіе тогоже къ Епископомъ, и Архимандритомъ, и Игуменомъ, и дьякономъ, и ко всѣмъ православнымъ крестьяномъ, како ходити по закону.* Но авторъ статьи справедливо замѣчаетъ, что это поученіе по содержанію своему противорѣчитъ кроткому характеру Святителя и не можетъ быть ему приписано, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

ЛЕКЦІЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

двѣнадцатой лекціи.

Второе отдѣленіе перваго періода. — Двоякое назначеніе Москвы.—Наша задача. — Представители троякой дѣятельности Святителя Петра. — Св. Сергій Радонежскій. Житіе его. — Черты въ жизни Святаго, сочувственныя народу. — Младенчество и отрочество. — Призваніе къ пустынѣ. — Исполненіе семейнаго долга. — Сергій въ пустынѣ. — Церковь во имя Пресвятыя Троицы. — Сергій инокъ.— Сходится братія. — Сергій игуменъ. — Слава обители. — Введеніе общаго житія. — Добродѣтели пустынножителя. — Основная мысль его жизни: ученикъ Пресвятыя Троицы. — Святитель Св. Алексій. Житіе его.—Дѣтство его. — Иночество.—Ученикъ М. Ѳеогноста. — Алексій Митрополитъ. — Подвиги государственные. — Памятники словесной дѣятельности. — Новый Завѣтъ. — Предисловія къ книгамъ Н. Завѣта въ переводахъ. — Слово о поставленіи властелей и проч. — Поученіе. — Дѣйствіе устнымъ словомъ. — Павелъ Высокій. — С. Стефанъ Пермскій. Житіе его. — Рожденіе и образованіе. — Пермская грамота. — Пермь. — Начало подвига Стефанова. — Борьба съ народомъ. — Борьба съ волхвами. — Сотникъ Пама. — Книги у Пермянъ. — Стефанъ, Епископъ Пермскій. — Участь Пермской письменности. — Заключительный выводъ.

Переходимъ къ XIV столѣтію и вступаемъ во *второе* отдѣленіе *перваго періода* Исторіи Русской Словесности. Здѣсь средоточіемъ Русской жизни является сѣверъ—и въ немъ наша Москва. Памятники Русскаго слова возбуждаютъ въ насъ живое мѣстное участіе. Назначеніе Москвы было двоякое: духовное и государственное. Съ одной стороны она простирала свѣтъ и единство духовной жизни на весь Русскій сѣверъ. Загорались свѣтильники въ дикихъ пустыняхъ; падали густые лѣса подъ сѣкирами отшельниковъ; вѣра и трудъ полагали первую основу гражданскому образованію. Съ другой стороны къ Москвѣ тянули всѣ удѣлы и города, всѣ отдѣльныя силы Русской общественной жизни: въ ней должны были онѣ сростись въ одно Московское государство. Духовная жизнь, какъ внутренняя, предшествовала государственной, какъ внѣшней; первая вела за собою вторую, ее освящала и укрѣпляла. Носителемъ первой былъ Святитель Петръ, носителемъ второй Іоаннъ Калита.

Второе отдѣленіе перваго періода.

Двоякое назначеніе Москвы.

Наша задача, въ періодѣ древней Руси, преимущественно касается духовной стороны. Въ ней Русская жизнь, какъ и Русское слово, находятъ свои источники и свою первородную силу. Духовное начало, какъ крѣпкая основа, глубже и глубже залагается въ насъ: внѣшнія испытанія, какъ удары судьбы,

Наша задача.

сильнѣе вдвигаютъ его въ самый корень нашей народной сущности.

Представители троякой дѣятельности Святителя Петра.

Въ лицѣ Святителя Петра соединялись пустынножитель, государственный мужъ, провидѣвшій значеніе Москвы, и ученый богословъ, поборавшій ереси. Эта троякая его дѣятельность въ XIV вѣкѣ какъ бы перешла въ три сильныя животворныя струи на разныхъ дѣятелей. Пустынножительство принялъ на крѣпкія рамена свои Преподобный Сергій съ святолѣпнымъ сонмомъ своихъ учениковъ и послѣдователей, которые понесли его къ дальнимъ краямъ холоднаго сѣвера. Дѣятельность государственная благотворно воплотилась въ Святителѣ Алексіѣ, въ тяжкое время Татарскаго ига и удѣльныхъ междоусобій. Богословская ученость сказалась практически, Евангельскою проповѣдью въ Стефанѣ Пермскомъ, просвѣтителѣ Зырянъ, и въ Митрополитѣ Кипріанѣ, возстановившемъ у насъ книжное просвѣщеніе въ періодъ Татарскаго разгрома.

Св. Сергій Радонежскій. Житіе его.

Св. Сергій Радонежскій, возжегши близь Москвы свѣтъ пустыннаго общежитія, былъ тѣмъ же для всего сѣвера Россіи, чѣмъ Св. Ѳеодосій для юга. Жизнь его, посвященная одной мысли и одному дѣлу, занимаетъ пространство 78-ми лѣтъ въ XIV столѣтіи (1319—1397); монахомъ онъ былъ 50 лѣтъ (1). Житіе его написано ученикомъ его, священно-инокомъ Епифаніемъ, по самымъ свѣжимъ слѣдамъ воспоминаній объ усопшемъ въ основанной имъ обители. Епифаній лично зналъ Святаго, многое слышалъ изъ собственныхъ устъ его, многое видѣлъ своими глазами. Другое передали ему близкій человѣкъ Святому, ходившій за нимъ и возливавшій воду на его руки, —

также старшій братъ Сергіевъ, Стефанъ, и старцы, бывшіе самовидцами его рожденію, воспитанію, книжному ученью, юности, постриженію, началу пустынножительства, поставленію на игуменство и другимъ событіямъ его жизни (2). Одинъ или два года спустя по кончинѣ Святаго, Епифаній началъ уже составлять о немъ записки въ свиткахъ и тетрадяхъ, а черезъ двадцать шесть лѣтъ спустя, не видя, чтобы кто принялся за подобный трудъ, самъ совершилъ его по совѣту старцевъ: таить тайну цареву и проповѣдывать дѣла Божіи (3). Впослѣдствіи, еще другой инокъ Пахомій, уже по кончинѣ Сергія пришедшій въ его обитель, переписывалъ и продолжалъ трудъ Епифанія, особенно въ описаніи чудесъ Преподобнаго (4).

Не даромъ, думали современники, возсіялъ этотъ свѣтильникъ въ Русской землѣ на скончаніе седьмой тысячи: «Богъ проявилъ его въ послѣднія времена, на скончаніе вѣка, послѣднему роду нашему,» говорили они. Наступило послѣднее сто седьмаго тысящелѣтія: съ окончаніемъ вѣка ожидали тогдашніе люди кончины міра.

Св. Сергій, по сказанію его біографа, родился въ лѣта державнаго Царя Андроника, Самодержца Греческаго, который царствовалъ тогда въ Царьградѣ, при Архіепископѣ Константинограда Калистѣ Патріархѣ вселенскомъ, въ землѣ же Русской въ княженіе великое Тверское, при В. Князѣ Димитріѣ Михаиловичѣ, при Архіепископѣ Петрѣ, Митрополитѣ всея Руси.

Сказатель житія соединяетъ великое событіе Русской земли, рожденіе Сергіево, не съ владычествомъ

Татарскихъ Хановъ, но съ хронологическимъ послѣдованіемъ Царей Греческихъ и іерарховъ Восточной Церкви. Тверь вела тогда сильную борьбу съ Москвою; но Москва уже княжила надъ всѣми удѣлами не именемъ Великаго Княженія, а самою вещію. Гроза Московская разразилась надъ Ростовомъ, колыбелью Сергія. Москвичи отняли у Ростовцевъ власть, княженіе, имѣніе, честь и славу, и осрамили многихъ Ростовскихъ бояръ: все потянуло къ Москвѣ. Тогда-то родители Варѳоломея (это было свѣтское имя Сергія), Кириллъ и Марія, вмѣстѣ съ другими боярами, переселились въ мѣстечко Радонежъ, которое досталось меньшому сыну Калиты, Андрею, и пользовалось нѣкоторыми льготами (5).

Черты въ жизни Святаго, сочувственн. народу.

Въ преданіяхъ о жизни Святаго мы постараемся уловить тѣ черты, которыя особенно любитъ и съ благоговѣніемъ чтитъ въ угодникѣ Божіемъ народъ Русскій, какъ неоцѣненное достояніе своей духовной сущности, стекаясь со всѣхъ сторонъ великой земли своей въ его обитель, ко гробу мощей его.

Мы всѣ знаемъ, съ какимъ благоговѣніемъ Русской человѣкъ преклоняетъ свою голову передъ налоемъ Евангельскимъ и внемлетъ понятному громогласному слову благовѣстія; мы знаемъ, съ какимъ внутреннимъ трепетомъ онъ срѣтаетъ, во время литургіи, пѣснь ижехерувимскую, и какъ глубоко чувствуетъ свое недостоинство, когда священникъ, приступая къ св. причащенію, изъ олтаря возглашаетъ міру: святая святымъ! Въ эти три мгновенія божественной литургіи какимъ-то особеннымъ трепетомъ бьется сердце благочестиваго Русскаго (6). По преданію, хранившемуся въ народѣ, этотъ трепетъ, въ богослу-

женіи нашемъ сочувственный Ангельскому, ощутилъ Св. Сергій три раза, еще младенцемъ въ утробѣ своей матери, и тѣмъ исповѣдалъ заранѣе, что онъ будетъ ученикъ пресвятыя Троицы.

Младенчество и отрочество.

Постъ—великую добродѣтель Русскаго человѣка, воспитывающую въ немъ силу воли,—стяжалъ онъ еще на груди своей матери. Еще до рожденія, онъ былъ уже къ нему приготовленъ ея строгимъ воздержаніемъ: нося его во чревѣ, она не ѣла ни мяса, ни рыбы, не пила ни вина, ни молока, а питалась только хлѣбомъ, зеліемъ и водою. Не захотѣлъ онъ кормиться грудью чужой матери, когда мать привела ему кормилицу. Но и на груди материнской, въ пеленахъ и колыбели, былъ уже строгимъ постникомъ. До 12-тилѣтняго возраста онъ удручалъ себя постомъ жестокимъ, въ постные дни недѣли не ѣлъ ничего, а въ другіе хлѣбъ да воду, и бо́льшую часть ночи проводилъ безъ сна, на молитвѣ. Мать увѣщевала его: «Дѣтище, не сокруши тѣла своего многимъ воздержаніемъ! Ты слишкомъ молодъ: впадешь въ болѣзнь. Тѣло твое растетъ и цвѣтетъ. Никто въ годы твои такому посту не предается; никто изъ братьевъ, изъ сверстниковъ твоихъ, не томитъ себя такимъ воздержаніемъ. Другіе ѣдятъ по семи разъ въ день и пьютъ безъ числа, отъ утра до ночи. А ты разъ въ день ѣшь, иногда же ни разу, но черезъ день. Перестань, мое дѣтище: все хорошо въ свое время.» — Сынъ отвѣчалъ матери: «не тревожь меня, матушка, не понуждай къ ослушанію. Не вы ли говорили мнѣ, что когда я былъ въ пеленахъ и колыбели, то въ пятницу и середу груди не сосалъ: какъ же могу теперь, во сколько есть силы, не воспрянуть къ Богу,

чтобы избавиться отъ грѣховъ моихъ?»—«Да какіе же у тебя грѣхи?» возражала мать. «Тебѣ еще нѣтъ двѣнадцати лѣтъ.»—«Что говоришь?» отвѣчалъ отрокъ. «Тебя ослѣпляетъ естественная любовь къ дѣтямъ. Послушай писанія: никто не чистъ передъ Богомъ, если бы и день одинъ прожилъ на землѣ. Никто не безъ грѣха. Или не слыхала словъ Давидовыхъ?—се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя.»

Такой постъ не мѣшалъ Сергію, какъ не мѣшаетъ и Русскому человѣку, имѣть силу за двоихъ и терпѣливо переносить самыя тяжкія сельскія работы. Пріучивъ себя съ малыхъ лѣтъ къ такому воздержанію, онъ могъ три дни сряду ничего не ѣсть, на четвертый срубить еще сѣни для кельи старца Даніила и въ награду за трудъ утолить свой голодъ укрухомъ гнилаго хлѣба.

На седьмомъ году возраста, по обычаю времени, посадили его за грамоту. Братья его учились быстро, но ему грамота не давалась. Тщетно томилъ его учитель, укоряли товарищи, скорбѣли родители, отрокъ плакалъ. Но даръ грамоты открылъ ему внезапно невѣдомый старецъ въ полѣ, куда послалъ его отецъ за конями. Онъ сказалъ ему прежде слово на пользу души, указывая тѣмъ на настоящее назначеніе грамоты, по смыслу Русскаго человѣка. Въ первый разъ Варѳоломей началъ бойко читать псаломъ на службѣ у часовъ, которую совершалъ старецъ, приглашенный въ домъ родителей, какъ будто грамота дана была самому Сергію только для молитвы и прославленія имени Божія

Рано почувствовалъ онъ призваніе къ пустынной жизни. Еще въ дѣтствѣ не ходилъ на игры къ дѣтямъ, чуждался смѣхотворнаго слова, а устремлялся на славословіе Божіе. Тихость, кротость, безмолвіе, смиреніе, безгнѣвіе, простота, любовь равная ко всѣмъ, пророчили въ немъ образецъ для иноковъ. Юноша сталъ проситься у родителей въ пустыню. Они ему сказали: «Чадо, потерпи немного для насъ. Мы въ старости, скудости и болѣзни: нѣкому послужить намъ. Твои братья, Стефанъ и Петръ, женились и стараются, какъ угодить своимъ женамъ. У тебя же одна забота: какъ бы угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи намъ еще немного— и когда проводишь до гроба своихъ родителей и покроешь ихъ землею,—тогда сотворишь мысль свою и исполнишь волю.» — Сынъ покорился желанію родителей и до конца ихъ жизни угождалъ имъ, чтобы наслѣдовать ихъ молитву и благословеніе. Родители скончались въ иноческомъ образѣ. Варѳоломей почтилъ отца и мать слезами, украсилъ память ихъ паннихидами, молитвами, милостынями убогимъ, кормилъ нищихъ у гроба ихъ, и совершивъ такъ сорокъ дней, возвратился домой, полный богатства духовнаго; меньшому брату, Петру, отдалъ наслѣдство родительское (старшій былъ уже инокомъ)—и тогда, свободный отъ всѣхъ земныхъ узъ, началъ искать пустыни.

Призваніе къ пустынѣ.

Эту семейную добродѣтель въ жизни пустынника, эту преданность обязанностямъ сыновнимъ, чтитъ свято Русской народъ въ угодникѣ Божіемъ, Сергіѣ. Поклонники, притекая тысячами въ его обитель, не прежде считаютъ себя достойными принести ему покло-

Исполненіе сыновняго долга.

ненie, какъ почтивъ паннихидой память его отца и матери и совершивъ дорогой молитвенное о нихъ поминаніе (7).

Сергій въ пустынѣ.

Варѳоломей былъ уже на дѣлѣ инокомъ, еще до постриженія. Съ братомъ своимъ, Стефаномъ, онъ искалъ мѣста для своей пустыни въ самой густой чащѣ лѣса. Оба сотворили молитву и начали своими руками рубить лѣсъ, на плечахъ своихъ носили бревна, сначала сколотили кровать, потомъ срубили хижину и покрыли ее, наконецъ одну келью и малую церквицу. Пришло время освящать ее. Варѳоломей спросилъ у брата своего, Стефана, какъ старшаго: во имя какого праздника или святаго освятить ее?— Стефанъ напомнилъ тогда брату семейное преданіе и пророчество, что ему суждено отъ утробы материнской быть ученикомъ Святыя Троицы и многихъ привести и научить вѣровать во Святую Троицу. Варѳоломей сказалъ: «такова была и моя мысль, но смиренія ради я спросилъ тебя.» Братья взяли благословеніе у Святителя—и Митрополитъ Ѳеогностъ прислалъ священниковъ, которые освятили церквицу во имя Пресвятыя Троицы.

Церковь во имя Пресвятыя Троицы.

По освященіи храма, Стефанъ недолго оставался съ братомъ своимъ въ пустыни. Житіе было скорбное, жестокое. Отовсюду тѣснили недостатки: ни пищи, ни питья, ничего на потребу. Ни прихода, ни приноса ни откуда. Вокругъ не было ни селъ, ни дворовъ, ни пути людскаго, ни путника, ни посѣтителя; около всего мѣста все лѣсъ да пустыня. Стосковался Стефанъ и покинувъ своего брата, пустыннолюбца и пустынножителя, самъ отошелъ въ Москву, въ монастырь Св. Богоявленія, гдѣ сблизился съ Алек-

сіемъ Митрополитомъ, тогда еще смиренно проходившимъ иноческое житіе. Стефанъ почтенъ былъ саномъ пресвитера, игумена и духовника Великаго Князя Сумеона Іоанновича, Тысячника Василія и многихъ Московскихъ бояръ.

Св. Сергій инокъ.

Познавъ трудъ и уединеніе пустыни, Варѳоломей захотѣлъ постриженія. 23-хъ лѣтъ, въ первой порѣ мужества, онъ былъ постриженъ Игумномъ Митрофаномъ и нареченъ Сергіемъ. Семь дней оставался онъ во храмѣ, питаясь одною просфорою изъ рукъ Игумна. Псаломская пѣснь не покидала устъ его, и особенно слова̀ ея: «се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни.» Начался подвигъ одинокаго пустынножительства. Около двухъ лѣтъ онъ его совершалъ. Уставъ иноческаго правила Сергій хранилъ и исполнялъ непорочно. Стенаніе, непрестанное моленіе къ Богу, теплыя слезы, пла́чь душевный, воздыханія сердечныя, бдѣнія всенощныя, пѣніе трезвенное, молитва безперерывная, стояніе безъ отдыха, чтеніе прилежное, колѣнопоклоненіе частое, голодъ, жажда, сонъ на голой землѣ, нищета духовная, скудость во всемъ, во всемъ недостатокъ—такова была жизнь пустынника. Къ этому присоединилась и борьба. Разные звѣри во множествѣ находили на него не только ночью, но и днемъ. Стада̀ волковъ выли и ревѣли кругомъ его кельи. Иногда же являлись медвѣди. Отшельникъ благодатью Божіей возвращалъ себѣ силу первосозданнаго человѣка надъ животными—и звѣри ему покорялись. Они приближались къ нему безвредно, окружали его и нюхали. Одинъ медвѣдь даже подружился съ нимъ. Святой выносилъ ему изъ хижины хлѣбъ и клалъ на пень или на ко-

лоду; иногда дѣлилъ съ нимъ вмѣстѣ послѣдній укрухъ свой; иногда, при скудости хлѣба, уступалъ даже свой кусокъ голодному звѣрю; случалось, что монахъ и звѣрь, оба вмѣстѣ, терпѣли голодъ.

Злая сила, говоритъ житіе, ополчалась также на отшельника: однажды явилась она къ нему въ одеждахъ и островерхихъ шапкахъ Литовскихъ, грозила, что разоритъ церковь и убьетъ его; въ другой разъ прямо наводила на него смущеніе подобными мыслями: «ступай отсюда! чего здѣсь ищешь? людей здѣсь нѣтъ и не будетъ! или не боишься умереть съ голоду? Душегубцы разбойники убьютъ тебя, или звѣри плотоядные съѣдятъ, умрешь напрасною смертію!...» Но сила Пресвятой Троицы превозмогала все, пустынникъ оставался вѣренъ пустынѣ, и молитвѣ уступала нечистая сила.

Сходится братія.

Послѣ двухъ лѣтъ одиночества, стали приходить къ Сергію иноки, сначала по одному, потомъ по двое и по три. Онъ удалялъ ихъ, указывая на свои недостатки; но долженъ былъ уступать усильнымъ ихъ требованіямъ. Собралось 12 человѣкъ братіи; срубили кельи. Сергій самъ три или четыре построилъ. Деревья шумѣли листьями надъ пріютами иноковъ. Около келліи разсажены огороды. Пустынникъ самъ служилъ для всѣхъ примѣромъ тѣлесной и духовной дѣятельности: самъ на братію дрова рубилъ, муку въ жерновахъ мололъ, хлѣбы пекъ, вариво варилъ, обувь имъ готовилъ, одежу кроилъ и шилъ, воду носилъ изъ источника, а въ ночь молился еще за всѣхъ. Хлѣбъ и вода служили ему пищею. Ни часу не оставался онъ празднымъ, и псаломъ всегда былъ на устахъ его. Всѣ службы церковныя самъ онъ совер-

шалъ съ братіею, а для обѣдни призывали священника или игумена.

Но вотъ игуменъ Митрофанъ, часто посѣщавшій пустыню, скончался—и вся братія единодушно приступила къ Сергію, чтобы онъ принялъ на себя игуменство и согласился бы предстоять престолу Святой Троицы, возсылая къ Богу Серафимскую трисвятую пѣснь и безкровную совершая службу своими руками. Сергій отрекся съ перваго раза, смиренно чувствуя все свое недостоинство. Началась плодотворная борьба между нимъ и братіею, борьба смиренія съ любовію. Она была рѣшена въ Переславлѣ Залѣсскомъ Епископомъ Аѳанасіемъ, правившимъ обязанности Митрополита въ отсутствіи Святителя Алексія. Аѳанасій посвятилъ Сергія въ пресвитеры и игумены. Сергій игуменъ.

Строгое общее житіе уже на дѣлѣ существовало въ обители, еще прежде, чѣмъ введенъ былъ уставъ общежительный, по предложенію Патріарха Цареградскаго, Филоѳея. Число двѣнадцать, долго державшееся между иноками, было нарушено приходомъ Смоленскаго Архимандрита, Симона, который предпочелъ быть простымъ инокомъ въ обители Сергія нежели начальствовать у себя. Число братіи стало умножаться. Никому не отказывалъ Игуменъ, всѣхъ принималъ, но сначала одѣвалъ въ длинную черную свитку, и постригалъ тогда уже, когда новопришедшій узнавалъ все монастырское дѣло. Бдительный взоръ Игумна проникалъ и денно и нощно въ кельи и души иноковъ. Любовь и въ самомъ наказаніи его одушевляла. Какъ бы ни былъ великъ недостатокъ въ обители, никто не смѣлъ выходить изъ нея за подаяніемъ и что нибудь считать своею собственно-

стію. Какъ достатокъ дѣлили всѣ, такъ и голодъ и нужда были общіе. По два и по три дня оставались безъ хлѣба; но внезапно и невѣдомо откуда привозились благовонные и мягкіе хлѣбы, и наполняли трапезу. Сила голода уступала однако силѣ молитвы, и Игуменъ соборно благодарилъ Питателя вселенной прежде чѣмъ преломлялъ привезенные хлѣбы.

Однажды, въ глубокій вечеръ, Игуменъ молился за всю свою братію. Вдругъ слышитъ голосъ: Сергій! ты молишься о своихъ чадахъ: Господь принялъ твою молитву. Смотри, какое множество иноковъ, сошедшихся въ твою паству во имя святой и живоначальной Троицы и тобою наставляемыхъ!—Сергій взглянулъ въ окно, откуда былъ голосъ, и видѣлъ множество прекрасныхъ птицъ, слетѣвшихся въ монастырь и вокругъ его, и голосъ говорилъ: стадо учениковъ твоихъ умножится, какъ эти птицы, и не оскудѣютъ они, если захотятъ послѣдовать твоимъ стопамъ. Сергій позвалъ инока Симона, чтобы показать ему что̀ онъ видѣлъ, но видѣніе уже исчезло.

Слава обители.

Узка, тѣсна и прискорбна была первая стезя къ обители; но въ Княженіе Іоанна Іоанновича люди начали стекаться къ ней и селиться подлѣ. Лѣса падали кругомъ, разлеглись поля, возникли дворы и села. Слава пустынника привлекала народъ отовсюду. Дорога къ обители все становилась шире. Какой-то селянинъ, привлеченный славою инока, пришелъ издалека и хотѣлъ непремѣнно его видѣть; но, увидѣвъ работника, въ ветхомъ рубищѣ съ заплатами, трудившагося надъ грядой въ огородѣ, никакъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы этотъ сирота былъ славнымъ въ народѣ пророкомъ, и только тогда повѣрилъ, когда

толпа бояръ и слугъ княжескихъ отогнала селянина и самъ Князь, поклонившись пустыннику въ ветхомъ рубищѣ, сѣлъ съ нимъ за одну трапезу. До Царьграда дошла слава Сергія, и Патріархъ Филоѳей прислалъ къ нему пословъ съ крестомъ, парамандомъ и схимою: они вручили пустыннику посланіе, въ которомъ Патріархъ предлагалъ Сергію устроить въ монастырѣ общее житіе. Все уже было готово въ немъ для введенія устава. Съ тѣхъ поръ благотворенія обители полились вокругъ: рука ея простерлась ко всѣмъ требующимъ, какъ рѣка многоводная и тихая струями. Странники, нищіе, больные, толпами, устремились къ новому разсаднику любви Христіанской

Введен. общаго житія.

Алексій Митрополитъ и Стефанъ, великій просвѣтитель Перми, посѣщали Сергія.—Однажды Стефанъ, за десять верстъ отъ обители, духомъ поклонившись ему, вызвалъ поклонъ Преподобнаго, сидѣвшаго за братскою трапезою, поклонъ, перешедшій въ обычай у иноковъ Троицкихъ, на память духовнаго братства между двумя великими мужами вѣка.

Загремѣла Донская битва. Великій Князь Димитрій понесъ на Куликово поле благословеніе Сергіево. Иноки обители, Александръ Пересвѣтъ и Ослябя, сражались и пали за Россію. Св. Сергій въ духѣ видѣлъ всю битву и молитвою былъ за отечество и съ отечествомъ въ тотъ день, когда оно побѣдоносно свергало съ себя позорное иго Татарскаго владычества.

Донская битва.

Такъ плодотворно было одинокое пустынножительство Сергіево: оно не отлучило его отъ родной земли, а еще болѣе связало съ ея народомъ узами любви вѣчной. Оно покорило ему природу дикую,

соединило около него людей во имя труда и молитвы, умножило народонаселеніе и возрастило ту духовную силу, которая засіяла первымъ лучемъ свободы отечества на берегахъ Дона и Непрядвы. И послѣ, во всѣхъ трудныхъ войнахъ Россіи, являлся Св. Сергій чудотворнымъ за нее молитвенникомъ и подвижникомъ, какъ говорятъ о томъ народныя преданія. Вспомнимъ явленія его во время осады Троицкой Лавры и троекратно Козьмѣ Минину, котораго подвигнулъ онъ на избавленіе отечества. Его иноки наслѣдовали отъ него любовь къ отчизнѣ: вспомнимъ Авраамія Палицына въ 1612 году, Митрополита Платона въ 1812, и въ наше время врача Анастасія въ лазаретѣ Севастопольскомъ.

Шесть монастырей, кромѣ седьмаго Троицкаго, или основалъ самъ Преподобный, или благословилъ ихъ основаніе: во имя Благовѣщенія на Киржачѣ, Андроньевъ во имя нерукотвореннаго Спаса на берегу Яузы, Симоновъ на Москвѣ рѣкѣ во имя Рождества Богоматери, на рѣкѣ Дубенкѣ во имя Успенія въ память Донской битвы, Голутвинъ въ Коломнѣ во имя Богоявленія на мѣстѣ родины Донскаго, въ Серпуховѣ на берегу Нары на Высокомъ, родинѣ Князя Владиміра Андреевича, во имя Зачатія Божіей Матери. Мы еще увидимъ, какъ Русскіе иноки понесутъ благодать духовной жизни во всѣ концы сѣвера великой Россіи.

Добродѣтели пустынножителя.

Но чѣмъ же стяжалъ Св. Сергій высокіе дары духовной жизни, которые передалъ своему отечеству? Самоотверженіемъ и нищетою. «Ищите прежде всего царствія Божія,» говорилъ онъ своей братіи, «и сія вся приложатся вамъ.» Вотъ почему Русской народъ

съ благоговѣніемъ смотритъ на его крашенинную ризу, на простые деревянные сосуды, въ которыхъ совершалъ онъ таинство, помнитъ по преданію ту сермягу, которую выбиралъ онъ себѣ на одежу, когда отказывался отъ нея самый послѣдній изъ иноковъ, и сосновую или березовую лучину, которая, за недостаткомъ воску, освѣщала мракъ его церквицы, во время ночной церковной службы. При такомъ самоотверженіи, пустынникъ могъ глубоко проникать въ духовныя тайны православнаго богослуженія, и видѣть Ангеловъ ему сослужившихъ, и принять посѣщеніе Богоматери съ двумя Апостолами, Петромъ и Іоанномъ, въ своей кельѣ, послѣ молитвы.

Основная мысль его жизни: ученикъ Пресвятыя Троицы.

Какая же мысль сосредоточила всю дѣятельность пустынножителя и на всякой его подвигъ дала ему животворную силу? Эта мысль его обнаруживается для насъ въ имени ученика Пресвятыя Троицы, а главное дѣло его жизни словами его житія: *«яко будетъ нѣкогда троичный ученикъ еже и бысть, и многы приведетъ въ разумъ и въ увѣдѣніе Божіе, уча словесныа овца вѣровати въ святую Троицу единосущную, въ едино Божество.»* Не богословскимъ трактатомъ запечатлѣлъ Св. Сергій это ученіе: «то, чему училъ онъ словомъ, творилъ и дѣломъ,» говоритъ его жизнеописатель. «Многіе поминаютъ его душеполезныя слова и ученія. Слово его было исполнено сладости и любви. Кто, слыша добрый его отвѣтъ, не насладился когда отъ сладости словесъ его? кто, глядя на лице его, не веселился? кто, видя его святое житіе, не покаялся?» И святая жизнь его передана жизнеописателемъ съ тою цѣлію, *«да не будутъ безъ памяти сладкія его словеса и любезные глаголы.»* Епи-

фаній, какъ очевидецъ, такъ рисуетъ намъ образъ святаго пустынника въ похвальномъ ему словѣ: «ангелолѣпными сѣдинами честенъ, постомъ украшенъ, воздержаніемъ сіяя, братолюбіемъ цвѣтя, кротокъ взоромъ, тихъ хожденіемъ, умиленъ видѣніемъ, смиренъ сердцемъ, высокъ житіемъ добродѣтельнымъ, почтенъ Божіею благодатію: онъ чтилъ Бога, и Богъ почтилъ его, возложивъ на него многую честь Божію».

Присоединимъ къ сему изображенію слова новаго жизнеописателя Сергіева, которыми подкрѣпляемъ мысль нашу поставить святаго пустынника во главѣ духовной дѣятельности въ XIV вѣкѣ жизни нашего отечества. «Не надлежало бы дивиться, говоритъ онъ, если бы мы не сказали, что сей великій пустыножитель былъ высокій Богословъ: ибо Духъ Святый *раздѣляетъ* (1 Кор. 12, 11) дарованія духовныя, а не каждому даетъ всѣ; но, чего, можетъ быть, не ожидаютъ отъ пустыннаго подвижника, мы должны сказать на основаніи опытовъ, что Преподобный Сергій былъ высокій и проницательный Богословъ. Скажу мимоходомъ: не Богословскій ли духъ являлся въ немъ еще тогда, когда онъ избиралъименованіе созидаемому имъ храму? Его умъ устремился тогда къ высочайшему Христіанскому догмату, дабы привлечь за собою умы даже младенцевъ вѣры. Посвятивъ храмъ сей имени Пресвятыя Троицы, онъ сдѣлалъ то, что здѣсь, по самому напоминанію имени храма, каждый поклонникъ богословствуетъ, исповѣдуетъ и славитъ Живоначальную Троицу, и богословствуя приноситъ свою молитву.»—Въ преданіяхъ о пресвитерѣ Симеонѣ, спутникѣ измѣнника Исидора на Флорентинскій соборъ, сказано, что ему явился

Преп. Сергій, принялъ его подъ свою защиту на чужой землѣ, повелѣлъ ему во всѣхъ странахъ Православныхъ проповѣдывать ученіе Марка Ефесскаго, отстоявшаго Православіе въ Феррарѣ и Флоренціи, и покровительствовалъ Симеону въ пути вмѣстѣ съ товарищемъ славнаго его бѣгства, Тверскимъ посломъ, Ѳомою. Такъ въ народныхъ преданіяхъ сохранялась вѣра въ непоколебимаго ученика Пресвятыя Троицы.

Не всѣ преданія о жизни Преподобнаго Сергія вмѣщены въ рукописныхъ житіяхъ его: многія до сихъ поръ еще хранятся въ устахъ народныхъ. Много колодцевъ, говоритъ народъ, вырылъ Св. Сергій вокругъ своей обители для пользы здоровья народнаго, какъ бы подражая ветхозавѣтнымъ праотцамъ Израильскаго народа. Моровая язва 1771 года, Французское разореніе 1812-го, холера 1830-го, поразивъ Москву, не коснулись обители Сергія: народъ вѣритъ въ его охрану, вѣритъ въ его живое присутствіе въ окрестностяхъ имъ созданной обители. Есть еще одно умилительное преданіе: народъ говоритъ, что Преподобный, подражая Спасителю, любилъ дѣтей, и когда родители приводили ихъ къ нему подъ благословеніе, охотно разговаривалъ, игралъ съ ними и одѣлялъ ихъ игрушками, которыя самъ для нихъ готовилъ. Вотъ почему Троицкіе мѣщане, памятуя любовь основателя Лавры къ дѣтямъ, сдѣлали изъ дѣтскихъ игрушекъ значительный промыселъ и, подражая въ нихъ произведеніямъ природы, взятымъ особенно изъ животнаго царства, снабжаютъ ими дѣтей цѣлой Россіи.

Митрополитъ Алексій узналъ Сергія черезъ брата его, Стефана, и былъ съ нимъ связанъ узами люб-

ви духовной. Чувствуя приближеніе своей кончины, онъ желалъ передать духовный престолъ свой пустынножителю, призвалъ его, повелѣлъ вынести ему крестъ съ парамандомъ, украшенный золотомъ и каменьями, и объявилъ свое желаніе. Отшельникъ отвѣчалъ: «Прости, владыко, отъ юности я не былъ златоносцемъ, а въ старости тѣмъ паче хочу въ нищетѣ остаться»—и смиренно отклонилъ отъ себя святительство, какъ дѣло свыше его мѣры. Пустынникъ остался пустынникомъ—и дѣло его пошло по всѣмъ лѣсамъ великаго Сѣвера Россіи.

Святитель Св. Алексій. Житіе его.

Житіе Святителя Алексія первоначально составлено было Питиримомъ, Епископомъ и мученикомъ Пермскимъ; онъ же сложилъ и канонъ Святому, когда открыты были его мощи. Сербъ Пахомій воспользовался преданіями Питирима, для составленія своего житія, и прибавилъ къ нему нѣкоторыя чудеса. Пространнѣйшее житіе составлено было при Митрополитѣ Макаріѣ и помѣщено въ Степенной книгѣ. Повѣсть объ Алексіѣ, Митрополитѣ всея Руси, дополненная изъ житія Преп. Сергія и другихъ источниковъ, перешла въ Никонову лѣтопись. Позднѣйшее житіе составлено было при Царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ Епифаніемъ Славинецкимъ (8). Замѣтимъ, что лѣтописями и грамотами много дополняется житіе Алексія, какъ мужа государственнаго.

Дѣтство его.

Отецъ Алексія, Ѳеодоръ Бяконтъ, тотъ самый, отъ котораго ведутъ родъ свой дворяне Плещеевы, былъ бояриномъ города Чернигова и, по причинѣ разореній Татарскихъ, выѣхалъ оттуда въ Москву при Князѣ Даніилѣ. Онъ былъ близокъ къ Князю и сыну его, Іоанну Даніиловичу, и даже нѣкоторое время

правилъ Москвой. Старшій сынъ его, Елевѳерій, впослѣдствіи Св. Алексій, родившійся въ 1293 г., былъ крестникомъ Калиты. Государственныя занятія отца объясняютъ отчасти, какъ могъ воспитаться практическій государственный смыслъ въ его сынѣ.

Елевѳерій, готовясь къ гражданскому поприщу, рано выучился грамотѣ и полюбилъ книги; но не оставлялъ и мірскихъ удовольствій: онъ любилъ ловить птицъ сѣтями. Есть преданіе, что на 12-мъ году возраста, утомленный этой ловлею въ полѣ, онъ заснулъ и услышалъ голосъ: Алексій! что понапрасну трудишься? Отнынѣ будешь людей ловить.—Имя Алексія и голосъ глубоко запали въ душу отрока. Онъ оставилъ мірскія забавы. Съ 15-ти лѣтъ ни о чемъ иномъ не думалъ, какъ объ иноческомъ образѣ, и вступилъ въ Богоявленскій монастырь въ Москвѣ, гдѣ постригся на 20 году возраста и нареченъ Алексіемъ.

Иночество.

Здѣсь строго проходилъ онъ иноческое житіе вмѣстѣ съ двумя любимыми сподвижниками: старцемъ Геронтіемъ и Стефаномъ, братомъ Преподобнаго Сергія. Здѣсь узналъ Алексія Митрополитъ Ѳеогностъ и приблизилъ къ себѣ. Двѣнадцать лѣтъ и три мѣсяца онъ былъ его намѣстникомъ и управлялъ церковными судами на дворѣ Митрополичьемъ. Такое занятіе дало иноку навыкъ въ дѣлахъ практическихъ. Предвидя въ Алексіѣ будущаго себѣ наслѣдника на Моковской митрополіи, Ѳеогностъ поставилъ его въ Епископы Владимирскіе.

Ученикъ М. Ѳеогноста.

Алексій — Митрополитъ.

Смута, послѣдовавшая въ Русской церкви по кончинѣ Ѳеогноста, по случаю поставленія въ Царьградѣ двухъ Русскихъ Митрополитовъ, рѣшена была двукратнымъ туда странствіемъ Алексія. Роману ввѣ-

рена была церковь Русская на югѣ, Алексію на сѣверѣ — и тогда обозначилось впервые то раздѣленіе Русской Митрополіи, которое сначала казалось такъ страшно для единства отечественной Церкви, а потомъ обратилось ей же во благо.

Подвиги государственные.

Всюду, гдѣ только могъ, Святитель вносилъ Христіанское начало мира. Новгородъ, тревожнымъ духомъ своимъ волновавшій нерѣдко и дѣла церкви, ни разу не принесъ жалобы Патріарху Царьградскому на Алексія. Тверскаго Епископа Ѳеодора, мирившаго Тверскихъ Князей, онъ удержалъ въ епархіи въ то время, когда миротворецъ терялъ уже послѣднее терпѣніе. Алексій рѣшилъ споръ, начавшійся еще при Митрополитѣ Ѳеогностѣ, о предѣлахъ епархій Сарайской и Рязанской въ пользу послѣдней и утвердилъ рѣшеніе грамотою къ Червленому Яру, которая дошла до насъ. Строго сознанный долгъ пастыря и учителя проникаетъ каждое слово этой грамоты. Пастырь, пріявъ силу благодати пресвятаго Духа отъ Патріарха вселенскаго и отъ святаго Собора, чувствуетъ великую обязанность на себѣ *молвить* и учить всѣхъ на все душеполезное. Онъ укоряетъ паству, что она сло́ва его не слушаетъ, а исполняетъ волю тѣлесную и дѣлаетъ дѣла темныя. «Имѣйте, говоритъ учитель, вѣру правую къ святой и единосущной Троицѣ, въ нее же крестились, любовь и миръ другъ къ другу, правду, цѣломудріе, милостыню, исповѣданіе грѣховъ своихъ....» «Творите дѣла свѣтлыя....» «Къ церквамъ всегда прибѣгайте съ женами и съ дѣтьми, и что́ имѣете въ рукахъ, приносите имъ и святымъ, а священниковъ и монаховъ любите, и просите молитвы ихъ; вдовицъ, сиротъ, полоняни-

ковъ и странныхъ милуйте и призирайте, а кто въ темницѣ, посѣщайте того, да сподобитесь блаженнаго онаго святаго гласа Христова: Пріидите, благословенніи Отца моего, и наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра....» Сознавая власть свою, какъ учителя, Пастырь говоритъ. «Мы Христовы и Христовы слова̀ говоримъ: кто Христовъ, слушаетъ насъ и творитъ что̀ пишу; кто не слушаетъ насъ, не есть Божій» (9).

Мы знаемъ по лѣтописямъ и по преданіямъ Русской пѣсни, какъ Татарская гроза разражалась надъ городами и селами Россіи, то пожарами, то убійствами. Святость жизни Алексія и чудесная сила молитвъ его не только смирили Орду и ея Хана, Джанибека, но и внушили вѣру Тайдулѣ, его женѣ, страдавшей слѣпотою, прибѣгнуть къ молитвѣ Русскаго Святителя. И Татары узнали, что есть въ Россіи святой мужъ, котораго молитвы слышитъ Богъ и исполняетъ. Видно, что сила духовная вѣры торжествовала въ Ордѣ надъ грубою силой Татарскою. Алексій принятъ былъ въ ней съ торжествомъ. Чудесное изцѣленіе совершено—и отвращена одна гроза отъ отечества. Но вотъ грозитъ ему другая: Ханъ Бердибекъ, убійца своего отца и 12-ти своихъ братьевъ, требуетъ дани отъ всѣхъ Князей Русскихъ и собирается идти войною. Миротворецъ-Святитель снова ѣдетъ въ Орду и чрезъ Тайдулу, имъ изцѣленную, укрощаетъ сына ея, Бердибека: отечество опять спокойно, безъ пролитія крови, благодаря одной миротворной силѣ любви и молитвы.

Глубокій государственный смыслъ Митрополита Алексія обнаружился особенно въ дѣлахъ, касавшихся единенія Московскаго государства. Когда великое Кня-

женіе Владимирское досталось Димитрію Суздальскому, Алексій благословилъ его на княженіе во Владимирѣ, но самъ возвратился оттуда въ Москву, вѣрный завѣщанію о ней своего предмѣстника, Святителя Петра, и провидя ея назначеніе. Воспитаніе Димитрія Донскаго, сочетавшаго смиреніе съ мужествомъ, которыя торжествовали на берегахъ Дона, принадлежитъ Алексію. Знаменитый договоръ Владиміра Андреевича съ Димитріемъ, рѣшившій участь престолонаслѣдія и утвердившій единство государства, былъ заключенъ при посредничествѣ Алексія. Борьба Москвы съ Суздальскимъ Княженіемъ рѣшена была бракомъ Димитрія съ Евдокіею, дочерью Димитрія Суздальскаго. Дѣла Твери были труднѣе. Въ родственныя ссоры князей ея вмѣшивалась уже Москва; но Алексій, видя невозможность мира и единенія, удалился отъ дѣлъ Тверскихъ до самого примиренія Князей между собою.

Единство Церкви Православной было однимъ изъ главныхъ предметовъ бдительной его заботы. Онъ посѣтилъ Кіевъ, противился распространенію Римской вѣры въ Литвѣ и установилъ праздновать въ Церкви Русской память трехъ мучениковъ: Іоанна, Антонія и Евстаѳія, пострадавшихъ тамъ за православіе. Смерть Митрополита Романа доставила ему возможность дѣйствовать свободнѣе въ пользу единства Церкви и государства.

Шестидесяти лѣтъ вступилъ онъ на престолъ Московской Митрополіи, двадцать четыре года дѣйствовалъ на немъ, двадцать одного Епископа поставилъ въ Чудовской обители, имъ основанной, и на 85-мъ году жизни скончался (1377).

Образецъ письменъ

Евангелія Святителя Алексія.

а Бжтвеное еѵаліе еже ѿ іоана

Искони бѣ слово · і слово бѣ къ бу · і бъ бѣ слово д о

Сь бѣ искони к бу · вса тѣмь быша · и бе

з него быс ни чьто еже бы · и то живот бѣ

и живот бѣ свѣт члвкм · и свѣт во тмѣ

в свѣтит ь · і тма его не объя :·

Бы члвк послан ѿ ба · імя ему іѡанъ ·

сь приде в свѣдѣтество да свѣдѣ

тельствуе о свѣтѣ · да вси вѣрую

ть имь · не бѣ то свѣт · но да свѣдѣтел

г ствуе о свѣтѣ · Бѣ свѣт истиньни

и просвѣщаеть всякого члвка градуща

в мир · в мирѣ бѣ · и мир имь бы и мир

его не позна :·

д Въ свояси приде · и свои его не пріяша · ели

ци жь пріяша и · дасть имъ ѡбласть чадом бжиим бы

ти · вѣрующим во имя его · иже не ис кро

вии · ни же ѿ хотѣния плотьска · ни же

е ѿ хотѣния мужьска · но ѿ ба родишася :·

И слово плоть бы · и вселися в ны · і видѣхом славу

е · славу яко единочадаго ѿ оца · исполнь

ѕ блгти и истины · Іѡан свѣдѣтельству

з е о нем · і возва гла · сей бѣ егоже рѣх ·

Иже по мнѣ гряды · пре мною бы · за

не перве мене бѣ · і ѿ исполнения его мы

вси приях · и блгть за блгть · яко закон

мѡисеом дан бы · блгть и истина · ісхм

и бы ·

Къ 127й стран. III части Исторіи

Русск. Слов.

Намъ осталось два памятника словесной дѣятельности Митрополита Алексія: списокъ Новаго Завѣта, по преданію, писанный его собственною рукою, и *Поученіе*. Первый хранится въ Чудовѣ монастырѣ. Когда при Царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ предпринято было исправленіе Библіи Епифаніемъ Славинецкимъ и другими нашими богословами, то первая книга, послужившая исправителямъ, была рукопись Святителя Алексія. Издавна по ней читалось Евангеліе надъ болящими. Св. Алексій, изучившій Греческій языкъ подъ руководствомъ наставника своего, Өеогноста, воспользовался пребываніемъ своимъ въ Царьградѣ, въ 1355 году, и, по лучшимъ Греческимъ спискамъ, какъ это дознано изслѣдованіями Добровскаго, исправлялъ славянскій текстъ и совершилъ въ немъ многія измѣненія ближе къ греческому подлиннику. Это малое по объему сокровище выноситъ наша Церковь при богослуженіи во дни, посвященные памяти Святаго. Вопреки всѣмъ старовѣрнымъ защитникамъ буквы, оно представляетъ живое доказательство тому, что наши Святые Пастыри чтили духъ Писанія, а не мертвую букву, и издревле, рачительно заботясь объ исправности Славянскаго текста, тѣмъ благословляли и впредь подобные труды.

Памятники словесной дѣятельности.

Новый Завѣтъ.

Въ Сѵнодальной библіотекѣ хранятся Греческіе рукописные подлинники Новаго Завѣта, которыми можетъ быть повѣренъ переводъ Святителя Алексія. Почти всѣмъ книгамъ новозавѣтнымъ, особенно же Дѣяніямъ и Посланіямъ Апостольскимъ, предшествуютъ предисловія, въ которыхъ обозначены время написанія книги, поводъ къ написанію, сущность содержанія и потомъ самое содержаніе по главамъ. За

Предисловія къ книгамъ Новаго Зав. въ переводѣ.

Дѣяніями Апостольскими слѣдуетъ толкованіе Пречистой, т. е. объясненіе Апостольскаго преданія о богородичномъ хлѣбѣ. Всѣмъ соборнымъ посланіямъ предпосланъ прологъ, въ которомъ авторъ относится къ другу своему любимому, Аѳанасію, и проситъ его молить за него Бога и молить «всего о Христѣ церковнаго человѣка, святымъ сословеснаго, непрестанно молиться за него.» Передъ Посланіями Апостола Павла читаемъ предисловіе къ нимъ, написанное Діакономъ Еѳаліемъ. Всѣ эти переводы съ греческаго, вѣроятно, принадлежатъ Святителю. Сличая текстъ Евангелія съ Греческимъ подлинникомъ и съ предшествовавшимъ Славянскимъ текстомъ, находимъ, что переводчикъ съ одной стороны сближаетъ переводъ свой со смысломъ перваго, съ другой же допускаетъ болѣе народные обороты въ Славянской языкъ и держится Русскаго правописанія. Въ переводахъ предисловій замѣтна излишняя близость къ подлиннику и господство греческаго синтаксиса (10 а).

Слово о поставлен. власт. и пр.

За четырьмя Евангелистами слѣдуетъ слово или разсужденіе: «*о поставленіи властеліи, яко не вся убо во власть поставляетъ Богъ, всьми же дѣйствуетъ. Убо достойни яко достойни поставляются, недостойнииже на наказанье согрѣшшимъ и на обращенье, и яко тою вещью по правому суду божью предани бываемъ языкомъ, яко наказанья ради обладающимъ нами: зли суть, не убѣжатъ суда божья. И о различіи вещемъ и о ставленіи и яко во время оставленья ни своихъ царь щадитъ Богъ.*»

Разсужденіе состоитъ изъ пяти вопросовъ и отвѣтовъ, выбранныхъ изъ Анастасія Синаита. Они взя-

ты изъ его извѣстнаго сочиненія, но здѣсь сопоставлены совершенно въ иномъ порядкѣ и составляютъ какъ бы одно цѣлое. Въ этомъ видѣ встрѣчается это слово въ Пандектахъ Никона Черногорца, жившаго въ XI вѣкѣ, и тамъ отмѣчается 41-мъ словомъ.

Святитель, вѣроятно, самъ перевелъ его, во многомъ сократизъ и даже исключивъ нѣкоторыя мѣста. Оставлены всѣ вопросы и отвѣты Анастасія Синаита, равно и выписки изъ Іоанна Златоуста. Но съ какою же цѣлью оно избрано по преимуществу и поставлено здѣсь? Познакомимся съ содержаніемъ и увидимъ, что оно имѣетъ большія отношенія и къ современной Святителю жизни, и къ Русскому человѣку вообще.

Къ первому вопросу подаютъ поводъ слова̀ Апостола: «всѣ власти мірскія учинены отъ Бога;» всякой ли царь, или князь, или епископъ отъ Бога поставляется? Вотъ отвѣтъ: Богъ въ законѣ говоритъ: дамъ вамъ князя по сердцу вашему: ясно, что нѣкоторые изъ царей или князей поставляются достойными такой чести отъ Бога, а недостойные поставляются противъ недостоинства людей, по злобѣ ихъ, по Божью попущенью и хотѣнью. Приводятся два примѣра: мучителя Ѳоки въ Царьградѣ и одного недостойнаго епископа Ѳиваиды. И такъ, когда видишь недостойнаго, злаго царя и князя, или епископа, не дивися, *ни Божія промысла оглаголуй*, но научися и вѣруй, что по беззаконью нашему такимъ мучителямъ предаемся.

Второй вопросъ, также близкій народу Русскому по тогдашнему времени, о томъ, какъ Богъ допускаетъ иноплеменные и поганые народы творить намъ зло?—рѣшается такъ. Согрѣшившимъ намъ, человѣко-

любивый Богъ, какъ праведный судія, предаетъ насъ врагамъ нашимъ не на пагубу, а на казнь. Черезъ Іеремію Онъ говоритъ Израилю: дерзайте, люди мои, не погибнетъ память Израилева; вы преданы были языкамъ не на пагубу, но за-то что прогнѣвали Бога. А вотъ слова Исаіи: кто дастъ на расхищенье Іакова и на разграбленье Израиля? не Богъ ли? Ему же согрѣшили, не хотѣли ходить въ путяхъ его, ни слушать закона его, и навелъ онъ на нихъ гнѣвъ своей ярости....

Господь Богъ, не любя поганыхъ (у Никона названы сыны Измаиловы), даетъ имъ насиліе — воевать землю Христіанскую, ради беззаконія и грѣховъ ея, черезъ невѣрныхъ посылаетъ скорби на вѣрныхъ, чтобы истребились въ нихъ плевелы: огнь искушенія *время оно*, да явятся избранные. Златоустъ говоритъ: если при браняхъ, при толикихъ напастяхъ, намъ належащихъ, мы согрѣшаемъ, — то какими были бы мы, легко живучи?

На третій вопросъ о томъ, какіе образы бываютъ оставленію Божію?—Анастасій Синаитъ даетъ отвѣтъ: двумя образами Богъ оставляетъ насъ: на обращеніе и уцѣломудреніе, какъ отецъ сына, или на необращеніе, какъ царь врага, или Христосъ Іуду. Оставлены были и Лазарь и разслабленный, но на прощеніе отъ грѣховъ... Много утѣшительнаго предлагаетъ учитель народу въ его томительныхъ бѣдствіяхъ. Нѣтъ бѣды, говоритъ онъ словами Златоуста, если всѣ насъ отвращаются и ненавидятъ, а Богъ пріемлетъ и любитъ. Вотъ и наставленія: нынѣ, согрѣшающимъ намъ, Богъ наводитъ враговъ, но мы, брань отъ нихъ пріемля, не творимъ брани къ нимъ, но лучше исповѣдаемъ, что́ согрѣшили, и исправимся,

и узримъ враговъ падающихъ передъ очами нашими... Если хочешь видѣть перемѣну въ творящихъ брань на тебя, покайся въ чемъ согрѣшилъ, и враги падутъ.

Четвертый вопросъ возбужденъ грѣшниками, на землѣ счастливыми, и праведниками, на ней страдающими.... Недовѣдомы судьбы божіи и *не протолкуемы,* говоритъ учитель и, приводя многіе примѣры изъ Писанія, старается утвердить въ мысли непоколебимое равновѣсіе правды Божіей. Нѣтъ праведника не имѣющаго грѣха, говоритъ онъ, и нѣтъ грѣшника, не имѣющаго чего нибудь добраго. Праведникъ здѣсь страдаетъ, искупляя какой нибудь грѣхъ, чтобы тамъ не мучиться; грѣшникъ за какое нибудь дѣло доброе принимаетъ здѣсь благо, чтобы мучиться тамъ... Если бы кто здѣсь не мучился, не признали бы люди Бога *надстоящаго вещамъ человѣческимъ*, а если бы всѣ мучились, никто бы не ожидалъ воскресенія, потому что тогда всѣ бы здѣсь по дѣламъ воспринимали. Праведники же скорбятъ въ этомъ мірѣ, какъ чужіе, какъ пришельцы, живучи на чужбинѣ....

Есть еще пятый вопросъ. Онъ всегда поражалъ мыслителей Русскихъ, потому что вытекалъ изъ частыхъ явленій самой жизни Русскаго народа. Вопросъ касается внезапныхъ смертей человѣка: съ берега ли кто упадетъ, землею ли засыплется, или утонетъ: по божьему ли то бываетъ прещенью и велѣнью, или отъ дѣйствія дьявольскаго? Учитель удаляетъ послѣднюю отчаянную мысль, говоря, что дьяволъ не только людьми, но даже и свиньями не владѣетъ. Онъ указываетъ въ такихъ смертяхъ на естественную причину, заключенную въ нашемъ собственномъ неразуміи. «Не *претребуй*, говоритъ онъ, когда видишь

кого съ берега свалившагося, не говори: зачѣмъ такъ умеръ? Часто и отъ своего безразсудства и безумья впадаемъ въ бѣды, и въ напасти, и въ смерти».... Но тѣмъ не менѣе и подобные случаи бываютъ не безъ воли Божіей: это уроки другимъ, чтобъ были мудры. Допускается и внезапная кончина праведниковъ, чтобы, видя прещеніе Божіе, другіе умудрялись, ибо ничто не бываетъ внѣ разума Божія.» Замѣтимъ, что, при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, и особенно послѣдняго, привлекаетъ вниманіе пастыря церкви одна изъ любимыхъ мыслей Русскаго народа, близкая его сердцу и разуму, мысль о промыслѣ Божіемъ въ жизни народовъ вообще и всякаго человѣка въ особенности (10 b). Слово въ переводѣ, или правильнѣе въ сокращеніи, остановилось на общей мысли, и устраненъ еще вопросъ блаженнаго Александра къ великому Евсевію о причинѣ смерти человѣка, внезапно унесеннаго рѣкою. Но въ концѣ другими чернилами съ красной строки приписалъ смиренный переводчикъ — сократитель слова: *смѣрено мысляй есть иже всѣхъ послѣдняго себе мняй и исправлены своихъ утаяяся: ино есть цѣль.*

Поученіе. Поученіе Митрополита Алексія (11), по мнѣнію его ученыхъ издателей, не есть проповѣдь, изустно произнесенная въ храмѣ, но пастырское посланіе, написанное имъ немедленно по вступленіи на престолъ Митрополіи Русской. Многія выраженія, какъ на примѣръ: «Се же, дѣти, вкратцѣ *писахомъ* вамъ... Аще пріимете и соблюдете въ сердцахъ вашихъ, еже *писахомъ* вамъ,» подтверждаютъ истину этого мнѣнія, а другія мысли и выраженія, сходныя съ подобными

въ грамотѣ вышеприведенной, показываютъ, что оба памятника принадлежатъ одному и тому же лицу. (12)

Первая мысль поученія, какъ и грамоты, сказать братьямъ слово на пользу души, нужное для ихъ спасенія: «Хощу вамъ, братія, воспомянути душеполезнаа и спасенаа.» Что же побуждаетъ къ тому учителя? Обязанность. «Понеже убо, дѣти, долженъ есмь васъ пасти и учити порученую ми паству, якоже пишеть Павелъ Апостолъ къ Тимоѳею, Епископу Критскому: чадо Тимоѳее! учи, моли, запрети во время и безъ времени.» Какой же первый совѣтъ поученія? — «Дѣти, да будеть отъ васъ всякъ скоръ на послушаніе, а медленъ на глаголаніе, позденъ во гнѣвъ.»

Двѣ притчи Спасителя предлагаетъ наставникъ. Первая о сѣятелѣ изложена кратко. Сѣмя — слово Божіе истинное, а земля сердца человѣческія. Да не будеть же, дѣти, земля сердца вашего терновата лѣностію и небреженіемъ, не творя плода духовнаго, или окаменена безстрашіемъ Божіимъ, и при пути — пристрастіемъ житія. Но да будетъ земля сердца вашего добра на пріятіе слова Божія истиннаго, Евангелія, творя плодъ душевный, ово тридцать, ово шестьдесятъ, ово сто.

Вторая притча Господня о человѣкѣ домовитомъ, который насадилъ виноградъ, оградилъ его оплотомъ, создалъ столпъ, ископалъ въ немъ точило и предалъ его дѣлателямъ. Человѣкъ — Христосъ Богъ нашъ, Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, пожившій съ людьми для нашего спасенія, во всемъ намъ подобный кромѣ грѣха. Виноградъ—человѣчество на землѣ; оплотъ — законъ божественный; столпъ—Церковь Божія; точило — честная кровь, пролитая Имъ для нашего спа-

сенія; дѣлатели — святые Апостолы и святые Отцы, Патріархи, Митрополиты, Епископы и весь священническій чинъ: упасши и научивъ людей закону Божію, да рекутъ они во второе пришествіе Христа Бога нашего: Господи! се мы, и дѣти, яже еси далъ намъ.

Здѣсь мѣсто и творцу поученія. Отъ преданій Апостольскихъ ведетъ онъ свое пастырское служеніе. «Такъ и я грѣшный, говоритъ онъ, сподобленъ былъ святительства, не по моимъ достоинствамъ, но по Божьимъ щедротамъ и по великой Его милости, ее же изліялъ на насъ обильно, сподобленъ былъ вамъ, дѣтямъ моимъ, быть пастухомъ и учителемъ, пасти порученное мнѣ стадо словесныхъ овецъ. А потому, дѣти, воспоминаю вамъ слово Спасово къ его ученикамъ и Апостоламъ: да любите другъ друга: потому и узнаютъ васъ, что вы ученики мои, если пребудете въ любви. Такъ и вы, дѣти, имѣйте между собою миръ и любовь. О томъ же говоритъ и Апостолъ Павелъ: весь законъ въ одномъ заключается — любить другъ друга и ближняго, какъ самого себя.

«Также, дѣти, имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ своихъ: имъ можетъ человѣкъ всякую добродѣтель стяжать. Начало премудрости страхъ Господень. Такъ и Григорій Богословъ пишетъ: гдѣ боязнь Господня, тамъ плоти чищеніе, и заповѣдямъ Божіимъ соблюденіе, а гдѣ заповѣдямъ соблюденіе, тамъ душѣ возвышеніе въ горній Іерусалимъ. А заповѣди Божіи соблюдаются покаяніемъ чистымъ, милостынею и удаленіемъ отъ дѣлъ неподобныхъ: отъ піянства, отъ грабительства, насилія, чародѣйства и волхвованія, и отъ ненасытнаго обогащенія. Имѣйте, дѣти, въ умѣ

своемъ смерть, и воскресеніе, и судъ, и отданіе каждому по дѣламъ его.»

Предложивъ правила жизни для всѣхъ, учитель обращается къ сословіямъ, и прежде всего къ сильнымъ міра, за которыми власть. Вотъ имъ правило: «Князья и бояра и вельможи! судите судъ милостиво: судъ будетъ безъ милости не сотворшему милости, хвалится милость на судѣ. Мзды не берите, судите не на лица, судите людямъ въ правду; вдовицъ и сиротъ и пришлецовъ не обижайте, да не возопіютъ на васъ къ Богу.»

А вотъ правила для всего народа: «А людская чадь, Бога бойтеся, а князя чтите, а святительство держите выше своей головы, со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословія: они *печалуютъ* день и ночь о душахъ вашихъ; имъ воздать отвѣтъ Богу о паствѣ своей. Захочетъ ли кто небреженіемъ о своемъ спасеніи лишиться вѣчнаго живота, не внемля словамъ Спасовымъ: Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и азъ упокою вы? Зоветъ насъ Христосъ въ царство Свое небесное... Притеките къ іерею, отцу духовному, съ покаяньемъ и со слезами.... Святители и іереи — ходатаи между Богомъ и человѣками.... Сколько можетъ сила ваша, исполняйте законъ Божій не словомъ, но дѣломъ, какъ изрекъ Спасъ: что́ мя зовете: Господи, Господи, а не творите воли моей? Отъидите отъ мене; не вѣмъ васъ. — Вы же, дѣти, принимайте въ души ваши и пишите на сердцахъ вашихъ Евангельскія рѣчи, Апостольскія проповѣди, и Святыхъ Отецъ правила.»

Святитель переходитъ ко храму Божію, къ церковной молитвѣ сравнительно съ домашнею, къ глубо-

кому смыслу литургіи. Здѣсь слово его проникнуто все высокимъ значеніемъ Церкви и мыслью о связи ея богослуженія съ нашею жизнію.

«А къ церковному пѣнію будьте, дѣти, поспѣшны, утекая другъ передъ другомъ, какъ Іоаннъ Богословъ передъ Петромъ ко гробу Христову.

«Князья, бояра, и купцы, и всякій правовѣрный Христіанинъ! оставивъ всѣ дѣла свои, на церковную молитву стекайтесь безъ лѣности и не говорите такъ: отпоемъ себѣ дома. Не можетъ та молитва успѣть нисколько безъ молитвы церковной. Какъ храмина дымомъ безъ огня не можетъ согрѣться: такъ и домашняя молитва безъ церковной. Церковь наречется земное небо, въ ней же закалается Агнецъ, Сынъ, Слово Божіе, за очищеніе грѣховъ всего міра вѣрныхъ и людей трепещущихъ словесъ Божіихъ, въ ней же проповѣдуется Евангеліе царствія Божія, и святыхъ Апостолъ дѣянія, и Соборныя посланія, и свѣтлаго нашего учителя Павла Апостола 14 посланій, и святыхъ вселенскихъ Отецъ семь Соборовъ почитаются, и престолъ Божіей славы Херувимами невидимо осѣняется, и священническими руками тѣло и кровь Божественная пріемлется и вѣрнымъ людямъ подается на спасеніе и на очищеніе душамъ и тѣламъ. Таково страшное и грозное и преславное чудо Божіе совершается въ церкви, а вы хотите домашнимъ своимъ пѣніемъ обрѣсти себѣ пользу!

«Разсмотрѣвъ эти слова, дѣти, *постращите* сердца ваши, вложите ихъ въ разумъ и прикладывайте свою молитву домашнюю къ церковной молитвѣ. Когда же, дѣти, прихóдите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ и со всѣми любовь, по слову Спасову. А входя въ

церковь, потрепещи душею и тѣломъ: не въ простой домъ входишь. Будете такъ творить — и молитва церковная за васъ прiидетъ. Съ боязнью, благоговѣнiемъ и со страхомъ Божiимъ входите въ церковь, и съ радостiю исходите, получивъ прощенiе грѣховъ.

«Когда же стоите въ церкви, помышляйте о своихъ прегрѣшенiяхъ; въ такое время оставляйте за собою всѣ дѣла внѣ церкви. Откровенiемъ Святаго Духа, изложили божественную службу Великiй Василiй Кесарiйскiй, Iоаннъ Златоустъ, Григорiй Богословъ: «Станемъ со страхомъ. Возлюбимъ другъ друга, сердечною любовiю, а не устами и языкомъ.» И: «всякую нынѣ житейскую отвергнемъ печаль. Нынѣ бо Силы небесныя съ нами невидимо служатъ.» Не могите, дѣти, прогнѣвать Бога говоренiемъ своимъ въ церкви....

«Я долженъ, принявъ отъ Бога талантъ, не скрывать, а раздать вамъ, добрымъ торжникамъ. Куплю духовную творите съ прибыткомъ, да возмогу я съ Апостоломъ Павломъ сказать въ день судный: вы похвала моя, вы и радость, вы и вѣнецъ мой предъ Богомъ. Да сподобитъ меня грѣшнаго Богъ сказать, во второе Его пришествiе, съ вами, съ моими дѣтьми: Господи! се азъ и дѣти, яже ми еси далъ.»

Послѣднiй совѣтъ своей паствѣ заимствуетъ пастырь изъ словъ Григорiя Богослова: «овца знаменана неудобь украдома бываетъ.» Знаменiе же овцамъ стада Божiя есть причащенiе тѣлу и крови Христовой. «Вы, дѣти, овцы словеснаго стада, не пропускайте ни котораго говѣнiя безъ того знаменiя, но будьте причастниками тѣлу и крови Христовой.»

Въ этомъ Поученiи два достоинства. Первое есть полнота его и краткость: такъ трудно кажется въ

столь маломъ размѣрѣ вмѣстить столь богатое содержаніе и въ немногихъ словахъ сказать все, что́ только должень сказать паствѣ своей Христіанскій пастырь. Но это чудо полноты и краткости объясняется тѣмъ, что здѣсь всякое наставленіе запечатлѣно силою дѣйствія, всякое слово есть отголосокъ внутренней жизни. Второе достоинство Поученія есть непрерывная логическая связь всѣхъ его мыслей между собою. Это особенно чувствуешь, когда извлекая, сокращаешь его: видишь, что невольно нарушаются звенья той строгой послѣдовательности, въ какой все оно сказано.

Оба сокровища, завѣщанныя пастыремъ его паствѣ, малы объемомъ, но велики содержаніемъ.

Дѣйствіе устнымъ словомъ.

Страннымъ съ перваго раза покажется, что изъ двухъ первенствующихъ дѣятелей въ духовной жизни нашей XIV вѣка одинъ не оставилъ ничего письменнаго, другой мало по объему. О Св. Сергіѣ говоритъ его жизнеописатель, что онъ училъ словомъ и что многіе въ его время поминали душеполезныя его слова и ученія; въ повѣсти о Св. Алексіѣ также сказано, что онъ на святительскомъ престолѣ многія лѣта училъ слову Божію и что даже въ глубокой старости и во многомъ изнеможеніи не переставалъ учить ему (13). Ясно, что оба дѣйствовали, по обычаю древнихъ Русскихъ людей, изустнымъ словомъ. Подобныя явленія нерѣдки въ древней жизни нашей, судя по свидѣтельству лѣтописей отечества. Такъ, напримѣръ, въ томъ же XIV вѣкѣ, подъ 1382 годомъ, лѣтописецъ передаетъ намъ извѣстіе о кончинѣ одного книжнаго и ученаго инока, Павла Высокаго:

Павелъ Высокій.

«Тогоже лѣта преставился блаженный старецъ Па-

велъ, жившій житіемъ иноческимъ дивнымъ: онъ былъ весьма книженъ и ученъ (философъ велій) (14); долго безмолвствовалъ. Но когда наступало время бесѣды, бывалъ многоразсудителенъ и весьма полезенъ; слово его было растворено солью божественною; много добродѣтеленъ и дивенъ всѣмъ, по имени и прозванію *Павелъ высокій*. Положили его въ Печерскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ. Поскорбѣли о немъ многіе. Для людей, приходившихъ къ нему, онъ былъ утѣшеніемъ и прибѣжищемъ духовнымъ. Поскорбѣли не только пресвитеры и иноки, но и міряне. И самъ Митрополитъ, и Епископы, и Діонисій Епископъ Суздальскій и Нижняго Новгорода, опечалились о немъ, потому что былъ очень книженъ, благорастворенъ обычаемъ добрымъ, благопослушливъ о Господѣ, всѣмъ сладокъ, утѣшителенъ и полезенъ.» А между тѣмъ отъ Павла высокаго намъ ничего не осталось. (15)

Св. Стефанъ Пермскій, Житіе его.

На исходѣ числа седьмой тысячи лѣтъ, какъ говорили современники, Господь помилосердовалъ о народѣ Пермскомъ и послалъ ему Христіанскаго просвѣтителя въ лицѣ Стефана. Дѣятельная сила вѣры сочеталась съ богословскою ученостію и знаніемъ языковъ въ этомъ духовномъ подвижникѣ XIV вѣка. Житіе Стефана Пермскаго написано было вскорѣ послѣ его кончины (1396), тѣмъ же іеромонахомъ Епифаніемъ, который написалъ и Сергіево. Жизнеописатель самъ зналъ его лично и довольно коротко; нерѣдко даже спорилъ съ нимъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, или, какъ ученый риторъ, о какомъ нибудь словѣ, стихѣ, или строкѣ; иное въ житіи узналъ онъ изъ бесѣдъ съ самимъ Стефаномъ, иному былъ самъ очевиднымъ свидѣте-

лемъ, а другое передали ему ученики Стефановы и старые люди, которыхъ онъ разспрашивалъ (16). Нѣкоторыя преданія о жизни и подвигахъ Стефана Пермскаго не содержатся въ писанномъ житіи, а до сихъ поръ живутъ или въ изустныхъ, или въ рукописныхъ народныхъ преданіяхъ той страны, гдѣ онъ дѣйствовалъ, и связаны со многими мѣстными памятниками святыни, или даже старины языческой (17).

Рожденіе его и образованіе.

Стефанъ былъ родомъ изъ города Великаго Устюга, Двинской области, сынъ одного изъ причетниковъ соборной Успенской церкви, Симеона, и жены его, Маріи. Рожденіе его, по народному преданію, предсказалъ еще Св. Прокопій, юродивый Устюга, смотря на трехълѣтнюю Марію. Симеонъ, отецъ Стефановъ, имѣлъ словесное образованіе и, первый, написалъ житіе Св. Прокопія Устюжскаго, по тѣмъ преданіямъ, которыя слышалъ отъ него лично (18). Ясно, что отецъ и самъ могъ научить грамотѣ даровитаго сына, однако отдалъ его въ ученье. Черезъ годъ онъ такъ ей выучился, что могъ канонархать и быть чтецомъ въ соборной церкви. Жизнеописатель говоритъ, что Стефанъ, въ городѣ Устюгѣ, научился всей *грамматической хитрости и книжной силѣ*, и читалъ многія книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Видно, что книжное образованіе въ XIV вѣкѣ не было чуждо и нашимъ второстепеннымъ городамъ, если сыну Устюжскаго причетника оно было доступно. Въ Устюгѣ же Стефанъ узналъ Пермской языкъ изъ разговоровъ съ Зырянами, которые часто наѣзжали туда.

Устюгъ тянулъ къ Ростову. Здѣсь, въ монастырѣ Св. Григорія Богослова, нарицаемомъ въ *затворѣ*, близь епископіи, постригся Стефанъ. Этотъ монастырь

уже въ XIII вѣкѣ славился своимъ книжнымъ просвѣщенiемъ: въ немъ лѣтописецъ передалъ тогда письму слова Кирилла, Епископа Ростовскаго. При монастырѣ находилась обширная библiотека. Игуменъ Максимъ, прозвищемъ Калина, постригъ Стефана и былъ ему *трудолюбивый сподвизалецъ въ разбенiи божественныхъ писанiй.* Вскорѣ Арсенiй, Епископъ изъ рода княжескаго, поставилъ его въ Iеродiаконы. Стефанъ старался быть совопросникомъ и собесѣдникомъ каждаго мужа мудраго и книжнаго, каждаго старца разумнаго и духовнаго. Всякую повѣсть божественную ловилъ онъ жаднымъ слухомъ; слова, рѣчи, поученiя и повѣсти старческiя были для него любимою пищею; житiя святыхъ онъ читалъ не безплодно, стараясь подражать имъ. Святыя книги переписывалъ искусно, красиво и скоро: многiя книги его, еще при Епифанiи, служили тому свидѣтельствомъ. Нѣкоторыя же онъ и самъ трудолюбиво собралъ (19).

Пермская грамота.

Въ Ростовѣ, задумавъ великiй подвигъ и зная Пермскiй языкъ практически, Стефанъ принялся возделывать и образовать его, самъ сложилъ для него азбуку и началъ прелагать на Пермскiй языкъ Русскiя священныя книги. Желая достигнуть высшаго образованiя, онъ выучился и Греческому языку, который еще въ XIII вѣкѣ процвѣталъ въ Ростовѣ, потому что употреблялся въ церковномъ богослуженiи наравнѣ въ Славянскимъ. Стефанъ быстро читалъ Греческiя книги и держалъ ихъ у себя. Онъ выучился говорить и писать на трехъ языкахъ: по Русски, по Гречески и по Пермски (20).

Грамотѣи XIV века въ словахъ Бл. Θеодорита начитали, что всѣхъ народовъ, на которые раздѣлилось человѣчество при столпотвореніи Вавилонскомъ, было 72, но что не всѣ они послѣдовали апостольской проповѣди, а только 51; двадцать же одинъ народъ оставался некрещенымъ. Въ числѣ ихъ были и Пермяне. Еще другое ученіе было въ ходу между современниками: когда всѣ народы обратятся ко Христу, тогда, съ концемъ седьмаго тысящелѣтія, послѣдуетъ кончина міра. Такимъ образомъ крещеніе Пермскаго народа связывалось съ этою мыслію, которая тяготѣла надъ умами Руси въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Пермь. Огромная страна, извѣстная подъ именемъ Перми, прилегала къ Двинской области, на сѣверѣ Россіи. Четыре главныя рѣки ее орошали: Вымь, впадающая въ Вычегду, и Вятка, текущая въ Каму. Современные географы удивлялись, какъ изъ одной и той же Пермской земли могли двѣ рѣки течь въ противоположныя стороны: Вычегда на сѣверъ и Кама на полдень. Многіе народцы въ самой Перми и около нея жили; вотъ имена ихъ: Двиняне, Устюжане, Вилежане, Вычежане, Пѣнежане, Южане, Сырьяне, Галичане, Вятчане, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Гогуличи, Самоѣдъ, Пертасы, Пермь великая, или Чусовая. Вся эта земля говорила особеннымъ языкомъ Финскаго племени. Новгородъ и Москва простирали на нее власть свою и брали съ нея пушныя дани. Москва присылала ей своихъ тіуновъ, доводчиковъ и приставниковъ. Но Христіанское просвѣщеніе еще ея не коснулось. Пермь казалась образованнымъ современникамъ землею чаръ и волшебства: «*Пермская земля*, гово-

рили они, *полна и волъшенія, и кобенія, и чарованія, и кудешенія.»* Замѣчательно, что она и до сихъ поръ въ простомъ народѣ сохранила нѣкоторыя черты тѣхъ же предразсудковъ. Тогда же волхвы, кудесники, чаротворцы завѣдывали вѣрою народа и содержали его въ глубокой тьмѣ невѣжества. Кумирницы, съ идолами и съ звѣрями, приносимыми имъ, встрѣчались часто въ лѣсахъ. Главные идолы были Воипель и Золотая баба, въ видѣ старухи съ двумя младенцами. Почитались и особенныя деревья, какъ напримѣръ *прокудливая береза,* преданіе о которой дошло до нашихъ временъ. На вѣтви навѣшивались дорогія шкуры пушныхъ звѣрей.

Изготовляясь къ своему подвигу, Стефанъ разспрашивалъ всѣхъ, кого только могъ, о землѣ Пермской и ея сосѣдяхъ. Грамота Пермская была у него готова, около 1375 года. Стефанъ испросилъ благословеніе у Герасима, Епископа Коломенскаго, который, за отсутствіемъ Митрополита, правилъ тогда Церковью въ Москвѣ. Герасимъ исполненъ былъ любви и благоволенія къ предпріятію Стефана. Онъ далъ подвижнику мощей святыхъ, антиминсы, все потребное къ освященію церкви, святое мνро, священное масло, снабдилъ его грамотами отъ Князя и своими. Съ молитвою вступилъ Стефанъ въ дикую землю, вступилъ одинъ, подкрѣпляемый тою же благодатною силою, которая въ древнія времена подвигала Апостоловъ. Двинулся онъ изъ роднаго города своего, Устюга, сѣверною Двиною, а тамъ Вычегдою, въ Пермь. Начало подвига Стефанова.

Началась борьба съ народомъ. Мѣстныя урочища до сихъ поръ хранятъ о томъ свидѣтельства. Нѣсколько разъ угрожали ему язычники убійствомъ: то Борьба съ народомъ.

приступали къ нему съ дубьемъ и дрекольемъ, то напрягали на него луки со стрѣлами, то грозили сжечь его соломой. Молитва, кротость и слово Божіе на Пермскомъ языкѣ, были единственнымъ оружіемъ Стефана противъ язычниковъ. Онъ обозначалъ повсюду путь свой крестами и часовнями. Слово проникло въ сердца дикія: начали обращаться. Обращенные сами послѣ сознавались, что хотѣли убить его, но никогда не начиналъ онъ бою, а они того только и ждали. Первымъ явнымъ плодомъ успѣха Стефанова было созданіе деревянной церкви на устьѣ Выми, тамъ, гдѣ пала она въ Вычегду. Онъ самъ заложилъ и построилъ храмъ во имя Благовѣщенія, праздника начальнаго всѣмъ Христіанскимъ праздникамъ, празднуемаго въ Мартѣ, первомъ изъ всѣхъ мѣсяцевъ, когда, по мнѣніямъ современниковъ, былъ созданъ міръ и Адамъ, когда совершилось начало нашего спасенія и когда должна совершиться кончина міра (21). При церкви созданы были послѣ обитель и епископія. Приходили язычники въ храмъ смотрѣть на его красоту, слушать преніе Стефана съ волхвами и потомъ бесѣду. Народъ раздѣлился на двѣ стороны: на Христіянъ и кумирослужителей. Послѣдніе ненавидѣли первыхъ. Чѣмъ болѣе распространялось число Христіанъ, тѣмъ въ бо́льшую ярость приходили язычники. Стефанъ плакалъ и молился, а число вѣрныхъ умножалось. По свидѣтельству житія, онъ крестилъ своими руками 700 Пермянъ, а по другимъ свидѣтельствамъ тысячу, и построилъ три церкви. Храмъ во имя Архангеловъ Михаила и Гавріила былъ воздвигнутъ на мѣстѣ той волшебной березы, которой пень, еще въ прошедшемъ столѣтіи, былъ открытъ при перестройкѣ дере-

Борьба съ волхвами.

вянной церкви въ каменную и разобранъ простымъ народомъ, какъ предметъ обожанія ихъ предковъ.

Послѣ кротости, Стефанъ дѣйствовалъ на народъ еще своимъ безкорыстіемъ. Когда сокрушалъ онъ кумирницы и въ нихъ идоловъ,—всѣ приношенія, всѣ мѣха, составлявшіе богатство не одной Перми, но Россіи, Орды, Литвы и Нѣмцевъ, вмѣстѣ съ полѣньями разрубленнаго идола, летѣли въ огонь. Стефанъ не оставлялъ себѣ ничего, не подражая въ томъ волхвамъ и кудесникамъ Перми. Пелены же съ важнѣйшихъ идоловъ онъ отдавалъ новообращенному слугѣ своему, отроку Матвѣю, на онучи, не изъ корысти, а для того, чтобы обезчестить самихъ идоловъ такимъ употребленіемъ ихъ одежды. Народъ изумлялся и благоговѣлъ передъ простотою и мужествомъ Русскаго инока.

Встрѣчалось иногда и сопротивленіе. Новообращенные, увлекаясь волхвами, возвращались опять къ своимъ суевѣріямъ: такое преданіе сохранилось мѣстно объ измѣнѣ селенія Гама, которое за то, и до сихъ поръ, зовется въ народѣ *слѣпымъ Гамомъ.*

Но борьба съ волхвами была труднѣе, нежели съ народомъ. Они стояли за свою вѣру, которая связана была съ ихъ силою, властью и богатствомъ. Въ житіи довольно подробно расказано преніе Стефана съ волхвомъ, Памою сотникомъ. Смѣло, краснорѣчиво и твердо препирался съ нимъ просвѣтитель Перми во имя живаго Бога Вседержителя. Пама убѣждалъ народъ силою отеческихъ преданій недовѣрять пришельцу Московскому. «Отъ Москвы можетъ ли какое добро быть для насъ?—говорилъ онъ. Не оттуда ли на насъ всѣ тяжести, и дани, и насильства, и тіуны, Борьба съ волхвами.

и доводчики, и приставники? Онъ вамъ чужой, а я съ вами одинъ родъ, одна земля, одно колѣно, одинъ языкъ.»—Пама доказывалъ, что выгоднѣе имѣть многихъ боговъ, поспѣшниковъ во всемъ и поборниковъ, нежели одного бога; что всѣ дары природы въ водахъ, въ воздухѣ, въ болотахъ, дубравахъ, въ борахъ, лугахъ, порosляхъ, чащахъ, въ березникѣ, въ соснягѣ, въ ельникѣ и въ другихъ деревьяхъ, бѣлки, соболи, куницы, рыси и вся ловля ихъ—все это дары разныхъ боговъ. Въ числѣ доводовъ, что вѣра Пермянъ лучше Христіанской, было и то, что въ Перми одинъ человѣкъ ходитъ на медвѣдя, а на Руси многіе; что вѣсти въ Перми чрезвычайно скоро передаются и что бы ни случилось въ самой дальней странѣ, въ тотъ же часъ узнается и здѣсь. Послѣдній доводъ показываетъ, что волхвы разныхъ земель Пермскихъ, на отдаленныхъ разстояніяхъ, были связаны узами взаимнаго согласія и, вѣроятно, какими нибудь искусственными средствами передавали другъ другу вѣсти о случавшихся происшествіяхъ (22).

Пама предложилъ два испытанія Стефану: пройти черезъ огонь и потомъ подо-льдомъ рѣки Вычегды. Стефанъ отвѣчалъ, что такое дѣло превосходитъ его смиреніе и выше силъ его, но не отказался. Когда огонь былъ принесенъ и костеръ зажженъ, Стефанъ, совершивъ молитву и простившись съ народомъ, три раза приглашалъ Паму идти, но Пама не пошелъ. Тоже повторилось и у двухъ прорубей рѣки Вычегды. Народъ разсердился на волхва, приговорилъ его къ казни и предалъ Стефану; но Стефанъ, сказавъ, что Христосъ послалъ его не бить, но благовѣстить, не мучить, а учить съ кротостію и увѣщевать съ тихостію,

удовлетворился только тѣмъ, чтобы запрещено было кудеснику учить и чтобы онъ отлученъ былъ отъ ихъ общины.

Книги у Пермянъ.

Стефанъ далъ грамоту Пермянамъ и ихъ научилъ ей. Часословецъ, осмогласникъ, пѣсница Давидова, т. е. псалтирь, и другія книги были переведены имъ на Пермскій языкъ. Многія книги переводилъ онъ даже и съ Греческаго языка.

Стефанъ Епископъ Пермскій.

Когда умножилось число Христіанъ и созданы были церкви, тогда потребно стало учредить Епископію въ Перми для ставленія священниковъ и причта церковнаго. Митрополитъ Пименъ не усомнился поставить Епископомъ Перми самого Стефана, какъ стяжавшаго даръ учительства и знающаго разные языки и грамоты. В. Князь Димитрій Іоанновичь далъ на то своё согласіе. Но подвигъ Стефана обошелся въ Москвѣ не безъ противорѣчій. Нашлись и такіе, которые говорили: за чѣмъ было изобрѣтать новую Пермскую грамоту, когда черезъ 120 лѣтъ будетъ конецъ міру? Довольно было бы и Русской.—Другіе: откуда ему такая премудрость? какъ онъ могъ изобрѣсти Пермскую грамоту? — Были даже люди, называвшіе его просто Храпомъ безъ всякаго уваженія къ его дѣлу: Храпъ было свѣтское прозвище отца Стефанова, Сѵмеона. Но за то лучшіе люди называли его философомъ и сравнивали съ Кирилломъ, Славянскимъ первоучителемъ.

Стефанъ, возвратясь Епископомъ къ своей новой паствѣ, былъ принятъ съ полною радостью. Грамотныхъ Пермянъ онъ началъ ставить въ попы, въ діаконы, поддіаконы, чтецы и пѣвцы. Попы его и діаконы служили обѣдню, заутреню и вечерню на

Пермскомъ языкѣ, канонархи канонархали, чтецы читали и пѣвцы пѣли по Пермскимъ книгамъ. Сами они помогали ему переписывать богослужебныя книги на родномъ ихъ языкѣ.

Великокняжеская власть въ лицѣ Димитрія Донскаго покровительствовала подвигу Стефана. Вся Устьвымская волость была отдана въ отчину Пермскихъ Архіереевъ, и Устьвымь именовался въ грамотахъ *городомъ владычнимъ*. Самая дань съ пріѣзжавшихъ въ Пермь купцевъ и промышленниковъ поступала уже не въ казну, а Пермскому владыкѣ съ братіею.

Епископъ являлся ходатаемъ и посредникомъ между народомъ и Княземъ, о жалобѣ народа, о льготѣ и пользѣ его; передъ боярами, у которыхъ была власть, заступался за народъ, избавлялъ его отъ насилія и работы, отъ тіунской продажи и тяжкой дани; дѣйствовалъ даже на Новгородскихъ ушкуйниковъ, которые разбоями своими тревожили Пермянъ: они склонялись на увѣщанія Стефана и оставляли Пермь въ покоѣ. Лѣтописи Новгородскія упоминаютъ о посѣщеніяхъ Стефана Новгороду.

Гостепріимство, страннолюбіе, кормленіе нищихъ, были всегдашними добродѣтелями Стефана. Своею благотворительностію онъ спасалъ Пермскій народъ отъ смерти во время голода. Много разъ привозилъ на ладьяхъ хлѣбъ изъ Вологды въ Пермь — и весь употреблялъ на странниковъ. Не было пришельца, который бы не отвѣдалъ его трапезы, не принялъ бы отъ него благословенія и молитвы; до стола, во время стола и послѣ, не умолкала святая псаломская пѣснь. Народъ до того воспламенился усердіемъ къ своему просвѣтителю, что самъ подымалъ руки на

свои кумиры и соревновалъ другъ другу въ ихъ истребленіи.

Стефанъ скончался не въ своей Перми, а въ Москвѣ, 26-го Апрѣля 1396 года, въ день Преполовенія, при Митрополитѣ Кипріанѣ, который очень любилъ его и имѣлъ до него много дѣлъ, касавшихся вѣры и церкви. Передъ кончиною, Стефанъ сказалъ поученіе Пермянамъ и передалъ его своимъ клирикамъ, для сообщенія народу. Всенародное погребеніе совершено было въ монастырѣ Св. Спаса. Клирики, бывшіе при кончинѣ Стефана, повезли народу Пермскому печальную вѣсть, также ризы его, ризницу и книги. Пермскій соборъ до сихъ поръ хранитъ его посохъ, съ изображеніемъ и описаніемъ его дѣяній, устроенный, вѣроятно, вскорѣ послѣ его кончины.

Осталось ли намъ что нибудь отъ словесно-духовной дѣятельности Стефана Пермскаго на Славянскомъ языкѣ? — Рѣшительно ничего. Въ житіи его Епифаній вставилъ его Рѣчь къ Герасиму, Епископу Коломенскому, Молитву передъ вступленіемъ въ Пермскую землю, его Поученіе Пермскому народу, Рѣчь къ волхву Памѣ сотнику, Прощаніе съ Пермянами передъ послѣднимъ отъѣздомъ, Молитву о новокрещенныхъ Пермянахъ и предсмертное имъ Поученіе умирающаго Святителя; но всѣ эти вставки, судя по сходству слога съ самимъ житіемъ, равно и съ рѣчами Епископа Герасима, Пермянъ, волхва Памы, съ плачемъ Пермскихъ людей по кончинѣ Стефана, съ плачемъ Пермской церкви и молитвою о ея Епископѣ и наконецъ съ собственнымъ плачемъ и похвалою самого біографа, принадлежатъ, конечно, риторическому перу Епифанія, а не Стефана. Посланіе,

писанное имъ къ Димитрію Донскому во время голода въ странѣ Пермской, которымъ Епископъ молилъ Великаго Князя уменьшить на нее налоги, не дошло до насъ. Въ рукописи XVI вѣка найдено «Посланіе учительно отъ божественнаго писанія Стефана Епископа Пермскаго къ Православному Царю и Великому Князю Димитрію Ивановичу, всеа Русіи самодержцу и побѣдоносцу, иже убо побѣди безбожнаго и бесерменскаго Царя Мамая Ординскаго»; но сличеніе текста посланія съ предисловіемъ къ рукописямъ Мѣрила Праведнаго убѣдило въ томъ, что это таже самая статья, которую высокія духовныя лица, какъ видно, имѣли обычай надписывать Великимъ Князьямъ, начиная отъ первыхъ временъ водворенія у насъ Христіанства (23).

Участь Пермской письменности.

Дошли ли до насъ памятники Зырянской письменности трудовъ Стефана Пермскаго? Ни одного. Двадцать четыре буквы Пермской азбуки, изобрѣтенныя Стефаномъ, по другимъ свидѣтельствамъ болѣе 24-хъ, сохранились въ древнихъ рукописяхъ, въ особенныхъ своихъ начертаніяхъ, съ обозначеніемъ звука и наименованій каждой буквы (24). Двѣ Зырянскія надписи, одна на образѣ Св. Троицы въ Вологодской соборной церкви, другая на образѣ Сошествія Св. Духа въ церкви Вожемской Зырянской волости, не были до сихъ поръ разобраны. Въ обители Стефановской, основанной самимъ Стефаномъ и лежавшей въ 50 верстахъ отъ Устьсысольска на рѣкѣ Сысолѣ, въ нынѣшнемъ селѣ Вотчѣ, еще въ прошломъ столѣтіи, пѣлись нѣкоторые стихи церковной службы на Зырянскомъ языкѣ для Зырянъ, которые жили на рѣкѣ Сысолѣ и менѣе другихъ своихъ одно-

родцевъ понимали Славянорусскій языкъ (25). Между рукописями встрѣчается божественная литургія Іоанна Златоуста, переведенная на Зырянскій языкъ Стефаномъ Пермскимъ, но писанная Русскими буквами (26). Образованіе Русское и сила Русскаго слова изгладили слѣды изобрѣтенія и трудовъ Стефановыхъ на Зырянскомъ языкѣ. Остался одинъ его подвигъ: первоначальное крещеніе Перми по берегамъ рѣки Вычегды до впаденія въ нее Устьвыма, также по Сысолѣ и Лузѣ. Епископы Пермскіе: Исаакій, Герасимъ и Питиримъ, два мученика, — Іона и Филоѳей продолжали его святое дѣло и, исполняя мысль св. Стефана, содѣйствовали тому, что и вся Пермь, соединясь черезъ вѣру съ великою Русью, слилась и государственною жизнію съ Великимъ Княжествомъ Московскимъ.

Заключительный выводъ.

Въ главныхъ народныхъ представителяхъ Русской Церкви, бывшей всегда вѣрною Апостольскимъ преданіямъ, отражается мысль и духъ представителей Церкви первоначальной. Въ Сергіѣ живетъ и дѣетъ по преимуществу мысль Іоанна Богослова: созерцаніе Пресвятой Троицы и любовь къ братіи по пустынѣ, и къ братіи по отечеству, составляютъ главное содержаніе всей его пустынической жизни. На Алексіѣ, образцѣ пастыреначальниковъ Русскихъ, отразился образъ того Апостола, которому Спаситель трикратно сказалъ: паси овцы моя, и который передалъ наставленіе своего Учителя своимъ послѣдователямъ такими словами: «пасите Божіе стадо, какое у васъ есть, надзирая за нимъ непринужденно, но охотно и по Богѣ: не для гнусной корысти, но изъ усердія.

И не господствуйте надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но будьте примѣромъ для стада.» Эти слова Апостола Петра олицетворилъ Святитель Алексій въ своей жизни. Стефанъ Пермскій, въ своей проповѣди и подвигѣ, послѣдовалъ стопамъ учителя языковъ, Апостола Павла.

Іоаннъ, Петръ и Павелъ живутъ въ нашихъ Сергіѣ, Алексіѣ и Стефанѣ, своею мыслію, ученіемъ и дѣломъ. (27)

ПРИМѢЧАНІЯ

къ двѣнадцатой лекціи.

(1) Въ Словарѣ Историческомъ о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, годъ рожденія Преподобнаго Сергія показанъ 1315, а годъ кончины 1391. Но въ рукописномъ житіи Епифаніевомъ читаемъ: «чистую свою и священную душю съ молитвою Господеви предасть въ лѣто 6905 мѣсяца септевріа 25, живъ же преподобный лѣтъ 70 и 8.» Отсюда годы рожденія и кончины сами собою опредѣляются: 1319 и 1397.

(2) *Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Игумена Сергіа чюдотворца. Списано бысть отъ премудрѣйшаго Епифаніа.* Имѣю собственную рукопись, прекрасно писанную, по всему вѣроятію, въ XV вѣкѣ. Епифаній въ предисловіи говоритъ: «Елика отъ старецъ слышахъ и елика своима очима видѣхъ, и елика отъ самого устъ слышахъ, и елика увѣдахъ отъ иже въ слѣдъ его ходившаго время не мало и възліавшаго воду на руци его, и елика другаа нѣкаа слышахомъ, и отъ его брата старѣйшаго Стефана, бывшаго по плоти отца Ѳеодору Архіепископу Ростовьскому, оваже отъ инѣхъ старцевъ древнихъ достовѣрныхъ бывшихъ самовидцевъ рождеству его, и въспитанію, и книговыченію, възрасту его и юности, даже и до постриженіа его; друзіи же старци самовидци суще и свидѣтели неложніи постризанію его, и начатку пустынножительству его, и поставленію его еже на игуменьство, и порядку прочимъ прочіи возвѣстители же и сказатели бываху—инокъ множество у трудовъ старчихъ.»

(3) Тамъ же: «Дивлюжеся о семъ, како толико лѣтъ минуло, а житіе его не писано: о семъ съжалихся зѣло, како убо таковый святый старець пречюдный и пре-

добрый, отнелѣже преставися 26 лѣтъ прейде, никтоже не дръзняше писати о немъ, ни далніи ни ближніи, ни болшіе ни меншіе, болшіе убо яко неизволяху, а меншіи яко не смѣяху; по лѣтѣ убо единемь или по двою по преставленіи старцевѣ, азъ окаянный и вседръзый дръзнухъ на сіе, въздохнувъ къ Богу и старца призвавъ на молитву, начяхъ подробну мало нѣчто писати отъ житіа старцева и къ себѣ втайнѣ глаголя: азъ не хватаю ни предъ кымъже, но себѣ пишу я запаса ради и памяти ради, и пользы ради; имѣяхъ же у себе за 20 лѣтъ приготованы таковаго списаніа свиткы, въ нихъ же бѣаху написаны нѣкыа главизны еже о житіи старцевѣ памяти ради, ова убо въ свитцѣхъ, ова же въ тетратехъ, аще и не поряду, но предняя назади, а задняа напреди, и сице ожидающу ми въ таковаа времена и лѣта, и жадающу ми того, дабы кто паче мене и разумнѣе мене описалъ, яко да и азъ шедъ поклонюся ему, да и мене поучить и вразумить; но распытавъ и услышавъ и увѣдахъ извѣстно, яко никтоже нигдѣже якоже речеся не писаше о немь, и се убо егда въспомяну или услышу помышляю и размышляю: како тихое и чюдное и добродѣтельное житіе его пребысть бес писаніа по многа времена?» Епифаній написалъ еще похвальное слово Преподобному: «Слово похвално преподобному отцу нашему Сергію. Сътворено бысть ученикомъ его, священноинокомъ Епифаніемъ.» Въ той же рукописи.

(4) Въ описаніи чуда о сухорукомъ юношѣ: «и всѣмъ братіамъ предстоящимъ, и мнѣ недостойному Пахомію, писавшему въ то время житіе святаго...» Въ другомъ сказаніи: «О прозвитерѣ и о мужи, бывшихъ въ Латинскыхъ странахъ», читаемъ: «Сіа же азъ смиреный таха ермонахъ Пахоміе, пришедшу ми въ обитель святаго, и видѣхъ чюдеса бывающа отъ ракы богоноснаго отца, увѣдѣвъ отъ самого ученика блаженнаго, иже многа лѣта паче же отъ самого възраста юннаго живша съ святымъ глаголюже Епифаніа...» Изъ послѣдующаго ясно, что Пахомій описывалъ только чудеса: «Земли убо широта, и моря глубина, и святыхъ чудеса неисчетенна

суть: сіа же написахъ, яко да не забвенію предана будутъ.»

(5) Привожу все это мѣсто изъ Житія, которое есть драгоцѣнный матеріалъ для историка времени: «*О преселеніи родитель Святого.* Се убо прежереченный рабъ Божій Курилъ преже имѣаше житіе велико въ Ростовстѣй области болярииъ сый, единъ отъ славныхъ и нарочитыхъ боляръ, богатствомъ изъобилуа многымъ, но напослѣдь на старость обнища и оскудѣ: какоже и что ради обнища, да скажемь и се, яко частыми хоженьми еже съ Княземъ въ Орду, частыми ратьми Татарскыми еже на Русь, частыми послы Татарскыми, частыми тяшкими даньми и выходы еже въ Орду, частыми глады хлѣбными, надо всѣмиже сими и паче егда бысть великаа рать Татарскаа, глаголемаа Ѳедорчюкова, Туралыкова, егда по ней за годъ единъ паста насилованіе, сирѣчь княженіе великое досталось Князю Великому Ивану Даниловичю, купножъ и досталося княженіе Ростовьское къ Москвѣ. Увы! увы! тогда граду Ростову, пачеже и Княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе и честь и слава, и вся прочаа потягну къ Москвѣ, егда изиде по Великого Князя и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, акы нѣкый Воевода, единъ отъ вельможъ, именемъ Василій, прозвище Кочева, и съ нимъ Мина, и егда внидоста въ градъ Ростовъ, тогда възложиста велику нужу на градъ, да и на вся живущаа въ немъ, и гоненіе много умножися, и не мало ихъ отъ Ростовецъ Москвичемъ имѣніа своа съ нуждею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ съ укоризною взимающе и тщима рукама отхождаху, иже послѣдняго бѣденьства образъ, яко не токмо имѣніа обнажени быша, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостно на себѣ носиша и претръпѣша. И что подобаетъ много глаголати? Толико дръзновеніе надъ Ростовомъ съдѣаша, яко самаго того Епарха градскаго, старѣйшаго болярина Ростовьскаго, именемъ Аверкіа, стремглавь обѣсиша и възложиша на руцѣ свои и оставиша поругана, и бысть страхъ великъ на всѣхъ слыша-

щихъ и видящихъ сіа, не токмо въ градѣ Ростовѣ, но и въ всѣхъ предѣлѣхъ его. И таковыя ради нужа рабъ Божій, Кирилъ, въздвижеся изъ веси оноа предреченныа Ростовьскыа, и събрася съ всѣмъ домомъ своимъ, и съ всѣмъ родомъ своимъ, въздвижеся и преселяся отъ Ростова въ Радонежъ, и пришедъ приселися близь церкви нареченныа въ имя Рожества Хрістова, еже и донынѣ стоитъ церковь та, и ту живяше съ родомъ своимъ, не единъ же сій, но съ нимъ и иніи мнози преселишася отъ Ростова въ Радонежъ, и быша преселници на земли чюждей, отъ нихъ же есть Георгій сынъ Протопоповъ съ родомъ си, Іоаннъ Өеодоръ Тормосовъ родъ Дюденъ зять его съ родомъ си, Онисимъ дядя его, иже послѣди бысть діаконъ, Онисимаже глаголють съ Протасіемъ Тысяцкымъ пришедша. Туюже весь глаголемую Радонежъ юже даде Князь Великый сынови своему мѣзоному Князю Андрею, а намѣстника постави въ ней Терентіа Ртища, и льготу людемъ многу дарова, и ослабу обѣщася такоже велику дати, ея же ради льготы събрашася мнози, якоже и Ростовскыа ради нужа и злобы разбѣгошася мнози.»

(6) Здѣсь надобно искать перваго объясненія тому психологическому явленію, которое извѣстно въ нашемъ простомъ народѣ между женщинами подъ именемъ кликушъ. Конечно, бываютъ при этомъ злоупотребленія часто безобразныя; но должно сказать, что злые люди, къ сожалѣнію, пользуются иногда прекраснымъ набожнымъ расположеніемъ Русскихъ крестьянокъ.

(7) По дорогѣ къ Троицѣ около Хотькова, прежде, благочестивые богомольцы читали псалтирь въ лѣсу, поминаючи родителей Преподобнаго Сергія. Обычай ѣсть блинки связанъ съ тѣмъ же поминаніемъ.

(8) Св. Алексій Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи. Творенія Св. Отцевъ, издав. при Московской Духовной Академіи. Годъ шестый, 1848. Книжка 1. Прибавленія, стран. 89—128. Статья Профессора А. В. Горскаго, въ которой указаны рукописные и печатные источ-

ники.—Житія Святыхъ Россійской церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ. Мѣсяцъ Октябрь. С.П.Б. 1856. стран. 89—165. Жизнь Святителя Алексія, Митрополита Кіевскаго и всея Руси чудотворца. Большею частію почерпнута изъ предъидущей статьи, хотя Авторъ притомъ пользовался и рукописями изъ библіотеки Графа А. С. Уварова, бывшей И. Н. Царскаго.—Св. Алексій, Митрополитъ всей Россіи, въ Обзорѣ Русской духовной литературы, помѣщенномъ въ Ученыхъ Запискахъ втораго Отдѣленія И. Академіи Наукъ. Книга III. Спб. 1857. стран. 70—73. Житіе Св. Алексія Митрополита рукописное Пахоміево въ библіотекѣ В. М. Ундольскаго, № 280. Степенная Книга. Т. I. 414 — 478. — Никонова лѣтопись. Т. IV. стран. 55—66.

(9) Акты Историческіе. Томъ I. № 3. Грамота Митрополита Θеогноста напечатана тамъ же подъ № 1.

(10 а) См. помянутую статью А. В. Горскаго, стран. 95. Словарь о писателяхъ Духовнаго чина Митрополита Евгенія. Ч. I стран. 182. Достопамятности Москвы, К. Тромонина. 1845. стран. 7. и слѣд. Обзоръ Руской духовной литературы, Преосвященнаго Филарета Харьковскаго. Здѣсь описано содержаніе рукописи, приведено сличеніе притчи о талантахъ и предложена справедливая догадка, что Митрополитъ Алексій воспользовался пребываніемъ своимъ въ Константинополѣ для повѣрки перевода по лучшимъ спискамъ Греческимъ, потому что трудъ Святителя и вторая поѣздка въ Царьградъ относятся къ 1355 году. Сличая текстъ Святителя Алексія съ текстомъ Остромирова Евангелія, находимъ въ первомъ обороты, ближайшіе къ тексту греческому: и слово бѣ къ Богу — сь бѣ искони къ Богу — отсутствіе двойнаго отрицанія: и без него бысть ничтоже еже бысть — Бога никтожъ видѣ когда — да вси вѣруютъ имь, вмѣсто: да вси вѣру имуть имь—иже не ис кровии вмѣсто: иже не отъ крови—и глаголеть, вмѣсто: и глагола. Замѣчательно отсутствіе юсовъ повсюду, гдѣ они находятся въ Остромировомъ Евангеліи. Руcскіе обороты и выраженія: не бѣ *онъ* свѣтъ, вмѣсто: не бѣ *тъ* свѣтъ;

и міръ *имъ* бысть, вмѣсто: и міръ *тѣмъ* бысть; *Мосеемъ*, какъ теперь употребляетъ это имя народъ Русской, вмѣсто: Мосеомь; Илья вм. Илия; пославшимъ ны вмѣсто: пославшиимъ ны; что убо крестиши? вмѣсто: что убо крещаеши? — Замѣчательны еще отмѣны: въ *ядрѣ* отчи, вмѣсто: въ *лонѣ* отчи; ему же азъ нѣсмь достоинъ да разрѣшю его в *стугву сапожную*. Въ О. Е.: емуже нѣсмь достоинъ, да отрѣшж ремень сапогу его. — Греческая рукопись Новаго Завѣта, могущая послужить къ сравненію предисловій, переведенныхъ Святителемъ Алексіемъ, находится въ Сѵнодальной Библіотекѣ подъ №№ 407 и 382, и отнесена у Маттеи къ XII вѣку.

(10 b) Послѣ заглавія, которое приведено вполнѣ въ текстѣ лекціи, слѣдуютъ вопросы Анастасія Синаита. Эти самые вопросы съ отвѣтами находятся въ Сборникѣ Святославовомъ. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ бо̀льшую часть его содержанія отъ л. 27 до 223. Вопросъ о поставленіи властелей въ разсужденіи Алексія Митрополита находится на первомъ мѣстѣ, а въ Сборникѣ середи другихъ вопросовъ на листѣ 95. Вопросъ о допущеніи язычниковъ на народы вѣрные слѣдуетъ за нимъ непосредственно, какъ въ Сборникѣ, такъ и въ разсужденіи, но въ семъ послѣднемъ съ прибавленіемъ своимъ къ его содержанію и съ нѣкоторыми пропусками противъ подлинника. Вопросъ объ оставленіи Божіемъ, въ разсужденіи третій, въ вопросахъ Анастасіевыхъ стоитъ гораздо выше, въ Сборникѣ на 63 листѣ. Въ немъ есть значительныя измѣненія и прибавлена вставка изъ Златоустова Бисера. Вопросъ о благополучіи творящихъ плотскія грѣхи слѣдуетъ непосредственно въ разсужденіи и въ Сборникѣ. Пятый вопросъ о внезапно умирающихъ въ Сборникѣ на 166 л. об. Это же самое поученіе въ вопросахъ и отвѣтахъ находится въ Апрѣльской книгѣ Великихъ Четіихъ Миней Митрополита Макарія л. 663 об. по новому означенію листовъ. Есть большія измѣненія въ слогѣ. На верху листа, гдѣ оно начинается, озаглавлено такъ: *Святаго Анастасія Синайскаго слово м҃а.* Это же самое слово подъ 41 же нумеромъ встрѣчает-

ся въ Твореніяхъ Никона Черногорца, а именно въ его Пандектахъ (Рукописи Царскаго опис. Строевымъ, стран 254). Тоже можно найти и въ ррк. Сѵнод. б. №№ 197 и 188. Никонъ Черногорецъ его и составилъ изъ твореній Анастасія Синаита. Сличая переводъ въ Евангеліи съ переводами въ Твор. Никона Черногорца и въ Великихъ Четіихъ Минеяхъ, видишь большую разницу. Отдѣльный вопросъ съ отвѣтомъ: вси ли удавляющіи, или утопающіи, или посыпаеми, по Божію гнѣву и по повелѣнію его стражютъ, или отъ дѣйства злолукаваго? встрѣчается въ тѣхъ же рукописяхъ въ Измарагдѣ подъ № 142, л. 379 об. и въ Опис. ркпс. Гр. Толстаго. Отдѣл. II. № 254 л. 488.

(11) Поученіе Алексія Митрополита, отъ Апостольскихъ дѣяній къ христолюбивымъ Христіаномъ. Отче благослови. Подъ этимъ заглавіемъ напечатано въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ, издаваемымъ при Московской Духовной Академіи. Годъ V. Кн. 1. 1847. стран. 30. Здѣсь сказано: поученіе сіе найдено а) въ Сборникѣ изъ библіотеки Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, XVI в. и б) въ Сборникѣ, принадлежащемъ И. Н. Царскому, XV вѣка. Въ первый разъ мнѣ удалось познакомить Московскую публику съ этимъ памятникомъ на лекціи въ 1844 году. Онъ былъ тогда только что открытъ. Сообщилъ же мнѣ его В. М. Ундольскій.

(12) Приведемъ эти сходныя мѣста: въ Поученіи: «Хощу вамъ, братіа, въспомянути душеполезнаа и спасенаа. Понеже убо, дѣти, долженъ есмь васъ пасти и учити порученую ми паству;» въ грамотѣ: «пріѣхалъ есми къ Святой Софіи, въ митрополью всея Руси, въ Кіевъ, и ко всѣмъ христіяномъ, обрѣтающимся во всей Русской земли, пастухъ и учитель; имѣю великую тягость на себѣ, что ми молвити и учити всѣхъ на вся душеполезная и спасеная.—Въ поученіи: «и нынѣ, чада, елика сила ваша можетъ» —*исполнивати* законъ Божій;» въ грамотѣ: «да *исполнивали* бы есте заповѣди Божія.... Иже имете *исполнивати* се, спасени будете.» Весьма

замѣчательна эта форма многократнаго вида, служащая подтвержденіемъ моему мнѣнію, что это есть превосходная степень глагола.

(13) Лѣтопись по Никон. списку. Т. IV. стран. 62 и 64.

(14) Извѣстно, что наименованіе философа, по обычаю Византійскому, придавалось тогда всѣмъ духовнымъ лицамъ книжнаго образованія.

(15) Лѣтоп. по Никон. списку Т. IV. стран. 141. Авторъ Обзора Русской духовной литературы сближаетъ свидѣтельство лѣтописи о Павлѣ Высокомъ со многими памятниками литературы, которые не носятъ на себѣ имени автора, но по языку и содержанію могутъ быть отнесены къ XIV вѣку.

(16) Житіе Св. Стефана Пермскаго, писанное священноинокомъ Епифаніемъ, помѣщено въ Великимъ Четіихъ Минеяхъ Митрополита Макарія, подъ 26 мъ Апрѣля. Я изучалъ его по этому списку, равно и по отдѣльному списку изъ библіотеки В. М. Ундольскаго, № 378, списанному съ Чудовской Минеи л. 509. Слова автора житія: «ова слухомъ услышахъ, оважъ отъ ученикъ его увѣдахъ яже о учительствѣ и управленіи; есть же другое яко и своима очима видѣхъ; иное же и съ самимъ бесѣдовахъ многажды и отъ того навыкохъ, и прочая елико вопрошахъ отъ старыхъ мужь якожь рече святое писаніе: вопроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, и старцы твоя, и рекутъ тебѣ.» — Слова изъ заключительной похвалы Епифанія: «Азъ, отче господине Епископе, аще уже и умершу ти, хощу принести ти хвалу, или сердцемъ, или языкомъ, или умомъ, иже иногда живу сущу ти быхъ ти досадитель, нынѣжъ похвалитель, и нѣкогда съ тобою спирахся о нѣкихъ о приключьшихся, или о словѣ етерѣ, или о коемждо стисѣ, или о строцѣ; но обаче поминая нынѣ твое долготерпѣніе и твое многоразуміе и благопокореніе, самъ ся себе усрамляю и окаю, самся обрыдаю и плачю.»

(17) Эти преданія мѣстныя собраны, большею частію, въ особомъ сочиненіи: *Сказаніе о жизни и трудахъ Святаго Стефана, Епископа Пермскаго*. А. М. Спб. 1856. Авторъ въ этомъ добросовѣстномъ трудѣ собралъ эти преданія изъ разныхъ статей, которыя печатались въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ или въ другихъ изданіяхъ. Таково, напримѣръ, преданіе объ истребленіи Стефаномъ *Прокудливой березы*. Многое находится также въ Исторіи Россійской Іерархіи. Т. VI. стран. 566 — 580 (Устьвымская Архангельская пустынь.)

(18) Такъ сказано въ житіи Св. Прокопія, въ главѣ: о велицѣмъ зимнѣмъ мразѣ, и о терпѣніи блаженнаго Прокопіа. (По списку изъ библ. В. М. Ундольскаго, № 362.) Здѣсь расказано, какъ Прокопій, послѣ ужаснаго зимняго мороза, отъ котораго гибли люди и животныя въ Устюгѣ, пришелъ къ Симеону и передалъ ему подробности своихъ страданій, отъ которыхъ онъ спасенъ былъ чудеснымъ явленіемъ Ангела. Въ заключеніе читаемъ: «Рабъ же Божій Симеонъ почюдися зѣло глаголаннымъ отъ святаго и прослави Бога о семъ, яко показа ему Господь такова свята мужа, и скры тайныя его глаголы яже бесѣдова съ нимъ, и никому же повѣда о житіи святаго Прокопія, и о великомъ его терпѣніи, донелѣже онъ изыде отъ житія сего. По преставленіи же святаго, все написа по ряду, еже видѣ и слыша отъ святаго, пользы ради душевные послѣднимъ родомъ нашимъ.»

(19) «Святыя книги писаше хитрѣ и гораздѣ и борзо, и послушествуютъ книги его многія яже и до сего дни, яже и своима рукама написалъ трудолюбно счинивъ, яже суть трудовъ его.»

(20) «И бяше умѣя глаголати тремя языки, такожъ и грамоты три умѣяше, яже есть: руски, гречески и пермьски.»

(21) Замѣчательно въ Житіи Св. Стефана Пермскаго все это мѣсто о Мартѣ мѣсяцѣ: «Уставижеся таковый

праздникъ праздновати мѣсяца марта въ ке день, рекъ яко сій праздникъ есть зачало всѣмъ праздникомъ великимъ господьскимъ и яко се есть начатокъ спасенію нашему, ему же тропарь настоящій послушествуетъ рекій: днесь спасенію нашему начатокъ и вѣчнѣй тайнѣ явленіе, яко се есть мартъ мѣсяцъ начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже и первый наречется въ мѣсяцехъ, ему же свидѣтельствуетъ Моисей законодавецъ глаголя: мѣсяцъ же вамъ первый въ мѣсяцехъ да будетъ мартъ, да якожъ учими есмы и иже научаемся явѣ начало бытію: марта бо мѣсяца начало бытіа, вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытія въ бытіе, марта бо начало созданію бысть, марта же мѣсяца въ ка день и первозданный человѣкъ, родомъ началникъ, Адамъ, рукою Божіею созданъ бысть; марта же мѣсяца нѣкогда Израильтистіи людіе, якожъ Григорій Богословъ вѣщаетъ, отъ земля Египетская и отъ работы Фараонитскии избыша, и моря Чермнаго пучину немокрыми стопами яко по суху пѣши шествоваша; марта же мѣсяца паки Израильтяне въ землю обѣтованную внидоша и іерусалимъ составиша; марта же мѣсяца паки Израильтяномъ пасху уставиша праздновати; марта же мѣсяца и Благовѣщеніе бысть святыя Богородица, еже Архангелъ Гавріилъ благовѣсти ей, егда за наше спасеніе Сынъ Божій съ небесе сниде и вселися во утробу всесвятыя владычицы нашея Богородица и Приснодѣвыя Маріа, и безъ сѣмени плоть отъ нея восpріимъ; марта же мѣсяца и распятіе Христосъ волею претерпѣ, и смерть за насъ пострада, и воскресеніе боголѣпно намъ праздновати устави; марта же мѣсяца паки чаемъ воскресенія мертвымъ и втораго пришествія Хрістова и страшнаго, грознаго, трепетнаго, пристрашнаго, необыменнаго, безпосульнаго, всемірнаго суда, егда пріидетъ со славою хотя судити живымъ и мертвымъ, и воздати комуждо по дѣломъ его, ему же слава во вѣки.»

(22) Это мѣсто о передачѣ вѣстей весьма замѣчательно въ житіи: «Паки другонци наша вѣра лучши есть: вѣсти у насъ вѣскорѣ бываютъ, еже бо что сдѣется на далнѣй странѣ на иномъ городѣ на девятой земли,

сегодни доспѣлося что, а сегодни въ томъ часѣ вѣсти у насъ полныя обрѣтаются, егожъ вы Христіане неудобь возможете увѣдати во многи дни и во многи времена не увѣдаете, да тѣмъ наша вѣра лучши есть многимъ паче вашея, имъ же многи боги имамъ споспѣшествовавъшая намъ.»

(23) Посланіе напечатано въ переводѣ на новый Русскій языкъ въ 1 мъ № Москвитянина 1847 года. Г. Калачевъ, въ своей статьѣ: «о значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права», напечатанной въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1847, годъ третій, № 3), первый, замѣтилъ сходство двухъ памятниковъ. Въ двухъ синодальныхъ рукописяхъ Мѣрила Праведнаго №№ 524 и 525, посланіе адресовано, безъ имени Стефана, въ первой къ Великому Князю Православному, Русскому, безъ имени, во второй къ В. Князю Ярославу Святославичу. Въ серединѣ посланія, тамъ, гдѣ читаемъ: «Великому сему всего міра кораблю хранителя Хрістосъ тебе мудраго нашего кормчію, благочестиваго Царя великаго Князя Дмитрія заступника востави воистину», — въ № 524 читаемъ на мѣсто Димитрія имя Михаила, не смотря на то что въ заглавіи никакого имени не показано; въ № 525 читаемъ имя Володимера, хотя въ заглавіи стоитъ имя Ярослава Святославича. Это различіе именъ доказываетъ справедливость моего предположенія. Памятникъ этотъ: Мѣрило праведное, по важности своего учительнаго содержанія, заслуживаетъ еще особеннаго изученія и изданія. Авторъ Обзора духовной Русской литературы утвердилъ предисловіе къ Мѣрилу Праведному за Кирилломъ II, Митрополитомъ Кіевскимъ, и отнесъ посланіе къ В. Князю Василію, сыну Невскаго; но въ другихъ рукописяхъ встрѣчается имя Ярослава Святославича, внука Ярослава великаго, и даже имя Владиміра, но неизвѣстно: какого? — крестителя Русской земли или Мономаха.

(24) Исторіи Карамзина Т. V. Прим. 125. — Описаніе Румянц. музеума, Сборникъ № 359. л. 242.—Ска-

заніе о жизни и трудахъ Св. Стефана Еп. Пермскаго. Прим. 19.

(25) Исторія Росс. Іерархіи. Т. 6. стр. 328.

(26) Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ своемъ приводитъ рукопись, принадлежащую Библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ библіотекѣ В. М. Ундольскаго подъ № 59 находится: Божественная служба сочинена Св. Стефаномъ, Епископомъ Пермскимъ. Списана въ бытность въ Вологдѣ С.... С.... 1798 года.

(27) Основная мысль этого сравненія принадлежитъ А. С. Хомякову, который предложилъ мнѣ ее, когда выслушалъ мою лекцію.

ЛЕКЦІЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

тринадцатой лекціи.

Два пришельца въ Россію. — Святитель Св. Ѳеогностъ. — Святитель Св. Кипріанъ. — Первый пріѣздъ въ Кіевъ. — Встрѣча ему въ Терновѣ. — Кипріанъ въ Москвѣ. — Житіе Св. Петра Митрополита. — Кипріанъ въ Царьградѣ. — Труды его. — Возвращеніе въ Москву. — Дѣла его. — Литературные труды. — Посланія и грамоты. — Переводы канововъ и молитвъ. — Автографы. — Сербская стихія въ языкѣ. — Убѣжища для трудовъ. — Кончина. — Прощальная грамота. — Состояніе Русскаго общества. — 80 обителей. — Ихъ происхожденіе. — Св. Кириллъ Бѣлозерскій. Житіе его. — Книги. — Кончина. — Значеніе его обители. — Стихъ объ Іоасафѣ Царевичѣ.

Въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ почиваютъ отдѣльно два пришельца на Русскую землю, жившіе у насъ въ XIV вѣкѣ и стяжавшіе вѣнецъ праведниковъ. Съ однимъ изъ нихъ мы уже знакомы: это былъ Митрополитъ Ѳеогностъ, образователь Митрополита Алексія. Отъ него дошла до насъ одна только грамота, писанная на Червленый Яръ, къ баскакамъ, духовенству и мірянамъ о предѣлахъ епархій, Рязанской и Сарайской. Другой пришелецъ, свято жившій и почившій у насъ въ Москвѣ, родомъ Славянинъ, былъ Митрополитъ Кипріанъ. Отечествомъ его была Болгарія, родиною городъ Терновъ. Царства, Болгарское и Сербское, уже теряли свою независимость. Связанный съ Россіею узами вѣры, Кипріанъ сочетался съ нею и узами единоплеменности, какъ бы предчувствуя, что она должна скоро возвратить себѣ ту свободу, которую теряло его отечество, и служить опорой противъ Исламизма, уже страшно тяготѣвшаго надъ Греческимъ и Славянскимъ Востокомъ.

Два пришельца въ Россію.

Святитель Св. Ѳеогностъ.

Святитель Св. Кипріанъ.

Въ 1377 году онъ пріѣхалъ въ Россію, поставленный Константинопольскимъ Патріархомъ въ Митрополиты, вѣроятно, для южной Россіи. Первое пребываніе его было въ Кіевѣ. Въ житіи Св. Арсенія, Епископа Тверскаго, говорится, что Кипріанъ игуменствовалъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Въ 1379 году онъ снова отправился въ Царьградъ и посѣтилъ свой родной городъ, Терновъ.

Первый пріѣздъ въ Кіевъ.

Встрѣча ему въ Терновѣ.

Намъ осталось описаніе встрѣчи, ему приготовленной Патріархомъ Терновскимъ Евѳиміемъ и народомъ. Землякъ и племянникъ Кипріана, Григорій Цамблакъ, очевидецъ событія, еще будучи отрокомъ, зналъ Кипріана въ домѣ отца своего и передалъ намъ подробности о томъ въ надгробномъ словѣ своему усопшему дядѣ. Сильное искушеніе и многія скорби встрѣтили Кипріана на пути его по берегамъ Буга (Истра): онъ былъ ограбленъ. Но за то отечество покрыло эту скорбь радостью и самымъ теплымъ пріемомъ. Веселился Кипріанъ, видя, какъ церковь въ его землѣ управляется достойнымъ главою, Евѳиміемъ. Жители города, подобно волнамъ быстрой рѣки, хлынули на встрѣчу Святителю, шедшему къ нимъ отъ единоплеменнаго сѣвера. Никто не остался дома, даже сторожа домовъ; купцы не затворили своихъ лавокъ и товары свои покидали на торжищѣ. Рабы оставили господъ, художники дѣла свои; и жители Тернова, и иноземцы, всѣ вышли за городъ. И дѣва *неисходная*, по древнимъ Славянскимъ обычаямъ, забывши стыдъ, пошла съ народомъ. Старый и недужный влачились за всѣми. Великая сладость была народу видѣть святое лице Кипріана: не только ученьемъ или словомъ, однимъ видомъ своимъ онъ вселялъ въ души все доброе. Одни шли близко, касались ногъ его, цѣловали руки; другіе, взирая на него издали, довольствовались однимъ его благословеніемъ. Жены особенно припадали съ умиленіемъ къ Святителю, клали дѣтей своихъ и недужныхъ подъ его ноги: благодать вѣры изливалась по его слѣдамъ, какъ въ оны времена сила апостольская; благословеніе его освящало вѣрный народъ и подавало отраду въ стра-

даніяхъ (1). Эти живыя черты описанія свидѣтельствуютъ, какъ искони Славянскія племена восточнаго исповѣданія любили своихъ Святителей. Любовь же Болгарскаго народа къ Кипріану умножалась еще тѣмъ, что онъ, по свидѣтельству своего панегириста, какъ Моисей, былъ добръ къ своимъ соплеменникамъ и заботился объ нихъ (2).

Тогда же Кипріанъ, возложеніемъ рукъ своихъ, благословилъ племянника своего, Григорія Цамблака, и духомъ прозрѣлъ его будущее, а потомъ изъ Россіи письмомъ вызвалъ его на новое поприще.

Кипріанъ въ Москвѣ.

По кончинѣ Митрополита Алексія, послѣдовавшей 12 февраля 1380 г., когда Михаилъ, избранный на Митрополію Димитріемъ Донскимъ, скончался на пути въ Царьградъ, а Пименъ, думавшій самовольно похитить санъ Митрополита, былъ отвергнутъ В. Княземъ,—Кипріана изъ Кіева вызвали въ Москву. Когда пріѣхалъ онъ туда? до Донской ли битвы, или послѣ? Карамзинъ, слѣдуя Троицкому, Ростовскому и другимъ спискамъ лѣтописи, держится втораго мнѣнія и назначаетъ 1381 годъ (3). Профессоръ Горскій, по свидѣтельству Типографской лѣтописи, опредѣляетъ даже и число прибытія Митрополита Кипріана въ Москву, 23 Мая 1381 года (4). Но есть и другое свидѣтельство: въ Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, памятникѣ Словесности, почти современномъ событію, принимаетъ участіе въ началѣ предпріятія Кипріанъ: къ нему за совѣтомъ приходитъ Димитрій, и Митрополитъ обращаетъ къ нему эти слова, утвердившія В. Князя въ намѣреніи идти на враговъ своихъ: «Ты же именемъ Господнимъ противися имъ, и Господь праведивъ будетъ ти помощникъ.» Этого же свидѣтельства

держится и Никонова лѣтопись. Въ Синопсисѣ сказано, что Димитрій Донской, возвращаясь со славной битвы, встрѣченъ былъ Кипріаномъ и соборомъ духовенства, въ день Покрова Богоматери, въ Андроньевѣ монастырѣ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что въ преданіяхъ народныхъ память Донской битвы, начавшей освобожденіе отечества, была соединена съ именемъ Митрополита Кипріана.

Житіе Св. Петра Митрополита.

Въ первый же годъ правленія своего въ Москвѣ, Кипріанъ написалъ *Житіе Святителя Петра*, основателя Митрополіи Московской, въ благодарность за то изцѣленіе и спасеніе, какое даровалъ ему Московскій чудотворецъ, во время пребыванія его въ Константинополѣ. Вскорѣ послѣ Донской побѣды, Кипріанъ кстати напомнилъ жителямъ Москвы пророчество Св. Петра, что руки ея взыдутъ на плеча враговъ ея, и указалъ на ту духовную связь, которая соединяла главу Церкви съ главою государства, Святителя Петра съ Іоанномъ Калитою.

Кипріанъ въ Царьградѣ.

Тохтамышъ осадилъ Москву. Быстрое удаленіе Митрополита Кипріана въ Тверь къ Князю Михаилу, враждовавшему безпрерывно съ Димитріемъ, было причиною взаимныхъ неудовольствій между Княземъ и Святителемъ. Кипріанъ возвратился въ Кіевъ и оттуда снова поѣхалъ въ Царьградъ.

Пребываніе на сѣверѣ Россіи, хотя кратковременное, открыло ему недостатки, какіе терпѣло наше отечество въ дѣлѣ книжнаго просвѣщенія. Пожары и грабежи Татарскіе безпрерывно уничтожали книжныя наши сокровища. Въ Тохтамышево нашествіе, Кипріанъ самъ могъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ тому, какое множество книгъ, снесенныхъ со всего города,

изъ загородья, изъ селъ, положено было на сохраненіе въ соборныхъ церквахъ и потомъ пропало безъ вѣсти. (5) Не знаемъ, посѣтилъ ли Кипріанъ тогда свое отечество, но знаемъ положительно, что въ Константинополѣ, живучи въ обители Студійской, онъ занимался списываніемъ церковныхъ книгъ: плодъ такихъ занятій, рукопись Лѣствицы Іоанна Лѣствичника, въ 1378 году написанная Кипріаномъ, хранится въ рукописяхъ Сергіевой Лавры. Знаемъ также, что колонія Русскихъ постоянно пребывала тамъ въ обители Св. Іоанна Предтечи и что иноки занимались въ ней также списываніемъ книгъ. Архимандритъ Высоцкаго Серпуховскаго монастыря, Аѳанасій, сопровождавшій Кипріана въ его странствіи въ Царьградъ, не смотря на увѣщанія его возвратиться въ отечество, остался тамъ и предпочелъ келью Предтеченской обители всѣмъ почестямъ, какія ожидали его въ Россіи. Аѳанасій склонялъ также братію монастырскую на подобные рукописные труды. Должно предполагать, что Кипріанъ въ это время успѣлъ и самъ приготовить и пріобрѣсти многія книжныя сокровища для новаго своего отечества. Труды его.

Битва Коссовская, гдѣ сербскій Царь Лазарь, со множествомъ своего воинства, былъ пораженъ Турецкимъ султаномъ Баязетомъ, въ 1389 году положила конецъ Сербскому царству. Въ томъ же году Митрополитъ Кипріанъ возвратился снова черезъ Кіевъ къ своей Московской паствѣ, съ плодами трудовъ своихъ, которые могли погибнуть въ Греціи и Сербіи, но сохранились у насъ. Былъ буренъ, исполненъ морскихъ бѣдствій, возвратный путь его въ Россію: онъ описалъ его въ грамотѣ и прислалъ ее къ Русскимъ, Возвращеніе въ Москву.

жившимъ въ Царьградѣ, которыхъ много утѣшилъ этимъ письменнымъ словомъ.

Въ Москвѣ княжилъ уже Василій Димитріевичь. Вмѣстѣ съ матерію своею, Евдокіею, В. Князь за городомъ встрѣтилъ Митрополита торжественно, въ

Дѣла его.

1390 году. Дѣятельность Кипріана, при содѣйствіи власти великокняжеской, пріобрѣла новую силу. Въ 1390 году, Кипріанъ, вмѣстѣ съ двумя Епископами, Пермскимъ Стефаномъ и Смоленскимъ Михаиломъ, и двумя Митрополитами Греческими, Матѳеемъ Адріанопольскимъ и Никандромъ Гайскимъ, въ Твери совершилъ судъ надъ Епископомъ Евѳиміемъ, на котораго жаловались Князь, бояре и духовенство, и лишивъ его сана, посвятилъ въ Епископы протодіакона своего Арсенія, стяжавшаго послѣ славу святаго своею жизнію. (6) Въ Новгородѣ, какъ говоритъ лѣтопись, Кипріанъ велегласно поучалъ людей во всю церковь и боролся съ своеволіемъ народа, который не хотѣлъ признать суда митрополичьяго. Строгость Архипастыря въ этомъ случаѣ обнаружилась на Новгородскомъ Архіепископѣ Іоаннѣ, котораго онъ держалъ въ монастырѣ Николы стараго три года съ половиной и изъ тяжкаго затвора возвратилъ потомъ Новгороду. Въ нашествіе Тамерлана, въ 1395 году, 26-го Августа, Кипріанъ въ Москвѣ отражалъ грозу варварскаго нашествія, вмѣстѣ съ народомъ срѣтая икону Богоматери, перенесенную изъ Владиміра въ новую столицу, по желанію В. Князя. Преданіе сохранило въ лѣтописи чудный сонъ Тамерлана, о которомъ тогда говорили въ народѣ: Ханъ видѣлъ будто бы высокую гору; Святители съ золотыми жезлами съ горы стремились на него, а надъ ними на воздухѣ

жена въ багряныхъ ризахъ, со множествомъ воинства. Проснувшись, Тамерланъ затрепеталъ — и расказавъ о видѣніи своемъ князьямъ и воеводамъ, немедленно повелѣлъ войску идти назадъ.

При Кипріанѣ совершилось крещеніе земли Пермской. Стефанъ, какъ мы уже знаемъ, былъ однимъ изъ самыхъ ему близкихъ. Два раза Кипріанъ оставлялъ Москву для того, чтобы посѣтить предѣлы югозападной Россіи, гдѣ Римско-католическая пропаганда уже начинала свои дѣйствія, угрожая нашему православному единству. Вызвавъ въ Кіевъ на Митрополію Григорія Цамблака, своего племянника, Кипріанъ такимъ выборомъ много содѣйствовалъ укрѣпленію того внутренняго единства, которое всегда съ тѣхъ поръ хранилось между югомъ и сѣверомъ Россіи, не смотря на внѣшнее раздѣленіе. Въ лицѣ Кипріана Русскіе Митрополиты перестали уже совершать странствія въ Татарскую орду — и независимость отъ нея пастырей Церкви предсказывала будущую независимость власти великокняжеской.

Литературные труды.

Татищевъ въ своей сводной лѣтописи, вѣроятно, заимствовалъ изъ какого нибудь лѣтописца извѣстіе о письменныхъ трудахъ Митрополита Кипріана. Онъ говоритъ, что въ наставленіе душевное написалъ онъ соборы бывшіе въ Руси, многія житія Русскихъ святыхъ и степени великихъ Князей Русскихъ; другія же книги написалъ въ наставленіе плотское, какъ напримѣръ правды и суды, и лѣтопись Русскую отъ начала Русской земли все по ряду, и собравъ многія книги для сей послѣдней цѣли, повелѣлъ докончить это дѣло Архимандриту Игнатію, что́ онъ и исполнилъ. Со всѣмъ вѣроятіемъ предположить можно, что

этотъ Игнатій есть тотъ самый, который сопровождалъ Митрополита Пимена въ Царьградъ, посѣтилъ Іерусалимъ и описалъ намъ свое путешествіе. Но мы еще къ нему возвратимся.

Извѣстіе Татищева подало поводъ къ нѣкоторымъ догадкамъ, со стороны ученыхъ, относительно трудовъ М. Кипріана. Думаютъ, что онъ къ древней Кормчей, привезенной имъ изъ Константинополя и хранившейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, могъ присовокупить опредѣленія двухъ Русскихъ соборовъ, до него бывшихъ, и правила Митрополитовъ Русскихъ. Кромѣ Житія Святителя Петра, написаннаго Кипріаномъ, другихъ твореній его въ этомъ родѣ мы не знаемъ. Съ вѣроятностію приписываютъ ему включеніе въ Русскіе святцы именъ сербскихъ Святыхъ. Степенныя книги въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь читаемъ, принадлежатъ Митрополитамъ Аѳанасію и Макарію; но въ видѣ болѣе краткомъ могли быть уже начаты Кипріаномъ. Правды и суды заставляютъ думать, что онъ переписывалъ Правду Русскую, нѣкоторыя судныя грамоты Князей и законы греческіе, принятые въ составъ Кормчей. Что касается до Русской лѣтописи, которую повелъ Кипріанъ отъ начала Русской земли и, не успѣвъ докончить, передалъ Архимандриту Игнатію, вмѣстѣ со множествомъ источниковъ, для нея собранныхъ, — Профессоръ Горскій предполагаетъ, что это была Лѣтопись Троицкая, которою пользовался Карамзинъ. Ее писалъ современникъ В. Князя Василія Димитріевича и окончилъ описаніемъ Эдигеева нашествія въ 1408 году. Въ пожарѣ 1812 года погибла харатейная рукопись — и намъ остались одни отрывки изъ

нея, внесенные Карамзинымъ въ примѣчанія къ его Исторіи.

По памятникамъ, до насъ дошедшимъ, мы видимъ, что Кипріанъ много заботился о введеніи у насъ единообразія въ чинъ православнаго Богослуженія и своими переводами съ Греческаго, или твореніями, утвердилъ нѣкоторые обряды Церкви. Сюда относятся особенно Служебникъ, переведенный имъ съ Греческаго и написанный первоначально собственною рукою, также разрѣшительная молитва Князю и всякому Христіанину. Нѣкоторыя рукописи богослужебнаго содержанія обозначались у насъ издавна Кипріановскими (7). Изъ посланій и грамотъ, подъ его именемъ, мы видимъ, какъ онъ посылалъ Псковскому духовенству уставъ божественной службы Златоустовой и Василія Великаго, синодикъ истинный, который читается въ Царьградѣ, въ Св. Софіи у Патріарха, обряды поминанія Царей и Князей, крещенія дѣтей, обрученья и вѣнчанья; какъ заботился о списаніи и отсылкѣ потребныхъ рукописей. Утвержденіе истинныхъ обрядовъ православной вселенской Церкви и разрѣшеніе многихъ недоумѣній, входило постоянно въ кругъ его дѣятельности. Въ свой Молитвенникъ онъ вписалъ древнее сказаніе преподобнаго отца Никона о книгахъ ложныхъ. (8) Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, внесенныя къ намъ изъ Болгаріи, переписывались невѣжественными писцами и ходили въ народѣ, плодя предразсудки и суевѣрія, или распространяя кривыя понятія о преданіяхъ Церкви. Митрополиту же Кипріану приписывается измѣненіе въ календарѣ церковномъ: при немъ, какъ думаетъ Карамзинъ, на-

Посланія и грамоты.

чали считать годъ не съ Марта, а съ Сентября мѣсяца, подражая тогдашнимъ Грекамъ (9).

Строго отдѣляетъ Кипріанъ права власти мірской и духовной въ своихъ грамотахъ, посланіяхъ и поученіяхъ; (10) запрещаетъ мірянамъ судить и казнить духовенство; отстаиваетъ церковныя стяжанія, чтобы церковь не была изобижена; но и не признаетъ вмѣшательства власти духовной въ свѣтскую, а потому рушитъ и раздираетъ грамоту, которую Епископъ Суздальскій Діонисій написалъ было Псковичамъ въ противность уставу по старинѣ Великаго Князя Александра. «Всякій царь, пишетъ Кипріанъ, воленъ въ «своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженьи, «всякія дѣла управливаетъ и грамоты записываетъ: «также и тотъ Князь Великій Александръ въ своемъ «княженьи, а списалъ такову грамоту, по чему ходи«ти, на христіанское добро, воленъ въ томъ. А что «Денисій Владыка вплелся не въ свое дѣло, да спи«салъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту ру«шаю. А вы, дѣти мои, Псковичи, ажь будеть преже «сего ходили по той грамотѣ Князя Великого Але«ксандровѣ, а будеть то у васъ старина: и вы по той «старинѣ и ходите; а что владычня грамота Денись«ева, а ту грамоту пошлите ко мнѣ, да тое я самъ «подеру: та грамота не въ грамоту.» Когда нужно Кипріану рѣшить вопросъ объ усыновленіи вдовою пріемыша мужа ея, онъ развертываетъ Номоканонъ и рѣшаетъ его по церковному правилу. Когда монастырскіе поселяне спорятъ съ игуменомъ о своихъ сельскихъ обязанностяхъ относительно монастыря, Кипріанъ прибѣгаетъ къ старинѣ и преданіямъ, и разспрашиваетъ о томъ прежняго Игумна и бояръ своихъ.

Высокое назначеніе и чистота священическаго и иноческаго сана внушали Кипріану многія о томъ посланія. Въ одномъ изъ нихъ, до насъ дошедшемъ, еще ненапечатанномъ, Кипріанъ говоритъ, что много разъ онъ писалъ къ священникамъ и инокамъ о ихъ обязанностяхъ. И здѣсь повторяетъ имъ: «священство, которое пріяли вы отъ Святаго Духа, соблюдайте чисто и непорочно, и, *какъ люди Божіи*, ходите по мятежному сему міру..... Кто учить хочетъ, прежде себѣ внимай. Всякъ, говорящій и учащій, но не творящій, какъ мѣдь звенящая. Блаженъ, кто творитъ и учитъ.» Укоряетъ онъ священниковъ въ томъ, что они не налагаютъ на согрѣшившихъ очистительной епитиміи, а сами *смотрятъ ко взятію*; троеженцамъ же и четвероженцамъ не запрещаютъ имѣть женъ невѣнчанныхъ. Попамъ вдовымъ совѣтуетъ идти въ монастыри. Въ другомъ посланіи, также учительномъ, пастырь говоритъ: «Къ поповству и діаконству аже кому ставитись, надобѣ чисту быти, *какъ отъ чрева матерня родитися.*»

Въ посланіи своемъ къ Игумену Аѳанасію отвѣчая на предложенные отъ него вопросы, Митрополитъ Кипріанъ предписываетъ духовному отцу, при исповѣди, испытывать всякое дѣло и налагать епитимію по возрасту и *устроенію* каждаго, по разуму и неразумію. «Иначе, говоритъ онъ, должно разсуждать о молодомъ, иначе о пришедшемъ къ возрасту, иначе о пришедшемъ въ возрастъ, иначе о согрѣшившемъ въ старости, иначе о смышленномъ и несмышленномъ, иначе о согрѣшившемъ самоволіемъ или неволею, иначе о рабѣ, иначе о свободномъ: все надлежитъ испытывать и обо всемъ разсуждать отцу духовному.» Такія испыта-

нія поставлены выше относительно священниковъ и діаконовъ, и еще выше относительно чернецовъ.

Въ этомъ же посланіи Кипріанъ касается вопроса о селахъ монастырскихъ, который, какъ видно, начиналъ тревожить людей избранныхъ, въ томъ числѣ и игумна Аѳанасія. «Села и людей держать инокамъ не предано святыми Отцами, пишетъ М. Кипріанъ: какъ можно, разъ отрекшемуся міра и всего мірскаго, снова обязываться мірскими дѣлами, и что разорилъ, созидать опять и являться преступникомъ заповѣди Апостольской? И древніе Отцы не пріобрѣтали ни селъ, ни богатства, какъ святый Пахомій, и св. Ѳеодосій общежитель, и св. Герасимъ, и другіе многіе святые въ Палестинѣ, и въ Синайской горѣ, и въ Раифѣ, и въ Св. горѣ, которую я и самъ видѣлъ; но послѣ мало по малу дѣло пришло въ расслабленіе, и начали монастыри и скиты держать села и стяжанія.

«Ты спрашиваешь меня о селѣ, которое Князь далъ тебѣ въ монастырь, какъ и чтó дѣлать съ нимъ? Слушай мой отвѣтъ и прими совѣтъ мой: если уповаешь на Бога съ своею братіею, и даже донынѣ Богъ препиталъ васъ безъ селà и впередъ препитаетъ, — почтоже обязываться попеченіемъ мірскимъ, и вмѣсто того, чтобы поминать Бога и служить Ему единому, поминать о селахъ и о мірскихъ попеченіяхъ? Вникни и въ это: когда чернецъ свободенъ отъ всякаго попеченія мірскаго, тогда онъ въ мирѣ со всѣми мірянами, и всѣ люди любятъ его и воздаютъ честь ему; когда же обяжется селами и мірскими попеченіями, тогда нужда ходить по князьямъ и по властелямъ, искать судилищъ, стоять за обидимыхъ, спорить и мириться, и по неволѣ, лишь бы не выдать въ обиду

людей своихъ, передъ всякимъ человѣкомъ поднимать трудъ великій и отступать отъ своего правила. А еще и того страшнѣе чернецамъ, властвуя надъ селами, судить мужей и женъ, часто ходить къ нимъ и о нихъ заботиться: чѣмъ же будутъ они отъ міряника отличны? Чернецамъ общаться съ женами и творить съ ними бесѣды опасно. Но вотъ какъ лучше быть селу подъ монастыремъ: чернецу никогда не бывать въ немъ, а приказать его какому нибудь богобоязненному міряниу и ему заботиться о всякихъ дѣлахъ; въ монастырь же бы готовое привозилъ житомъ и всякими потребами: не то, — пагуба чернецамъ владѣть селами и часто ходить въ нихъ.»

Обращаясь къ любимой, но мрачной мысли вѣка о близкой кончинѣ міра, Святитель говоритъ: «нынѣ послѣднее время, и лѣтамъ скончаніе приходитъ, и конецъ вѣку сему.... Оскудѣла добродѣтель, любовь перестала, простота духовная отбѣжала; зависть, лукавство и ненависть водворились; ухищренія и высокоумія мы исполнились; отчудились всякаго радованія духовнаго... Горе намъ! оставили путь правый! Всѣ обладать хотимъ, всѣ учителями быть, не достигши ученичества; новоначальные многолѣтними обладать хотятъ и надъ всѣми высокоумствуютъ. Плакать бы мнѣ только да лить слезы: всего же больше плачу и тужу о лжахъ, живущихъ въ человѣкахъ; ни Бога не боясь, ни людей не стыдясь, сплетаемъ лживыя слова на ближняго, завистью и бѣсомъ движимые.» Всего болѣе учитель нападаетъ на зависть. «Зла есть страсть зависть», говоритъ онъ и призываетъ паству свою къ чистой любви; «кромѣ любви, не льзя инымъ путемъ спастися, если бы кто и тѣло свое великими

трудами изнурилъ. Но одержимымъ завистью, не льзя любви достигнуть.... Какъ Іисусъ началъ въ одно время творить и учить, такъ и учителю должно учить словомъ, а дѣломъ подтверждать ученіе. Если и ручному ремеслу никто не можетъ словомъ научить, а надобно дѣломъ показать, то тѣмъ паче духовное дѣло, совершаемое умомъ, а не тѣломъ.»

Переводы каноновъ и молитвъ.

Патріархи Царьградскіе, Филоѳей и Исидоръ, сложили много церковныхъ каноновъ и молитвъ, въ утѣшеніе православнымъ Христіанамъ восточной Церкви, терпѣвшимъ многія бѣдствія и отъ войнъ междоусобныхъ, и отъ насилія народовъ иноплеменныхъ. Эти творенія Константинопольской Церкви всѣ были усвоены нашей черезъ переводы на Славянской языкъ. Кипріанъ, первый, принималъ участіе въ переводахъ. Его имя, какъ переводчика, обозначено на твореніи Патріарха Филоѳея, Молитвѣ Пресвятому Духу, читавшейся на божественной службѣ въ недѣлю Пресвятаго Духа и помѣщенной въ служебникѣ Кипріановомъ, и на двухъ канонахъ того же Патріарха: канонѣ молебномъ ко Господу нашему Іисусу Христу въ усобныхъ браняхъ иноплеменныхъ и канонѣ Іисусу Христу и Пречистой Его Матери на поганыхъ. Прочтемъ нѣкоторыя стихиры перваго канона: въ нихъ Церковь своими молитвами отзывается современному горю Русской земли.

«Христе, ты одѣлся въ весь мой сокрушившійся образъ.... Жезломъ твоей силы сокруши, владыко, языческое шатаніе, какъ ливанскія кедры; возвысь князей твоихъ и, снова собравъ расточенныхъ своихъ чадъ, обнови наше согласіе.

«Единый всѣхъ Царю, миръ, все превозмогающій, даруй, удали соблазны, укроти молвы, смиреніе подай Князьямъ православнымъ и враговъ, находящихъ на насъ, покори, Боже, молитвами святыхъ твоихъ.

«Познаемъ, братія, другъ друга, раздѣленіе чуждое отсѣчемъ, сойдемся въ единство, да составятся снова члены подъ главою всяческихъ, совокупимъ тѣло и поживемъ Христу, во вѣки съ нимъ радуясь.»

Канонъ заключается молитвою о Князьяхъ, да соблюдетъ ихъ Господь въ мирѣ и въ правдѣ и въ мужествѣ, да покоритъ имъ всѣ иноплеменные языки на брань хотящіе, да приложитъ имъ вѣру и благоговѣинство, да оградитъ ихъ страхомъ своимъ, да дастъ имъ мирная мудрствовати и да возглаголетъ въ сердцѣ ихъ благая о Церкви своей и о людяхъ своихъ.

Многіе другіе каноны и молитвы Патріарховъ Филоѳея, Исидора, Никифора и другихъ слагателей были переведены, вѣроятно, въ то же самое время. Много утѣшеній предлагали въ нихъ пастыри Церкви и всему народу, и каждому человѣку особенно, страдавшему отъ всеобщей вражды и насилія, какъ духовной болѣзни человѣчества, и отъ смертоносной язвы, которая не разъ возвращалась и губила цѣлые города. Съ одной стороны церковная пѣснь возбуждала духъ бодрости и освобожденія отъ чуждаго ига; съ другой призывала къ покаянію, къ успокоенію внутренней вражды, къ любви и миру, какъ ея выраженію. Мы еще возвратимся къ ней и услышимъ ея знаменательный голосъ (11).

Московская Духовная Академія хранитъ до сихъ поръ въ своей библіотекѣ драгоцѣнные остатки неутомимой

Автографы. книжной дѣятельности М. Кипріана, его автографы, къ сожалѣнію еще неописанные: Псалтирь, Лѣствицу съ толкованіями, переписанную имъ въ Царьградскомъ Студійскомъ монастырѣ, въ 1387 году, и сочиненія Діонисія Ареопагита (12).

Сербская стихія въ языкѣ.

Кипріану приписываютъ у насъ обыкновенно внесеніе многихъ сербскихъ выраженій и оборотовъ въ Славяно-церковный языкъ. Еще въ XVI вѣкѣ, нѣкто Нилъ Курлятевъ, ученикъ Максима Грека, въ предисловіи своемъ къ переводу Псалмовъ съ греческаго, въ 1552 году, обвинялъ Кипріана въ незнаніи Греческаго языка и во внесеніи излишней сербской стихіи въ письменный нашъ языкъ. Обвиненіе въ первомъ, вѣроятно, сказано со словъ Максима Грека. Обвиненіе во второмъ должно быть окончательно рѣшено нашими Славянистами; но этого рѣшенія мы до сихъ поръ еще отъ нихъ ожидаемъ. Надобно сказать однако, что нѣкоторыя грамоты Кипріановы писаны совершенно Русскою рѣчью и, если онъ самъ писалъ ихъ, то обнаруживаютъ гораздо большее вліяніе на его языкъ нашей народной стихіи, нежели обратно.

Убѣжища для трудовъ.

Неутомимый Архипастырь постоянно соединялъ труды свои по паствѣ съ трудами книжными. Для сихъ послѣднихъ онъ удалялся иногда отъ тревоги дѣлъ въ свои любимыя лѣсныя пустынныя мѣста. Такихъ убѣжищъ онъ устроилъ себѣ два: одно во Владимирской своей волости, на святомъ озерѣ, у церкви Преображенія Господня, имъ основанной; другое въ митрополичьемъ селѣ Голенищевѣ, у храма во имя трехъ Святителей. Здѣсь устроилъ Кипріанъ для себя мѣсто тихое, безмолвное, спокойное, на стрѣлкѣ между двухъ рѣкъ, Сѣтуни и Раменки, надъ прудомъ;

лѣсъ осѣнялъ это убѣжище съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь-то часто пребывалъ Святитель; здѣсь упражнялся въ молитвѣ, въ памяти смертной и въ чтеніи божественнаго Писанія; здѣсь писалъ книги своею рукою и ставилъ епископовъ. Въ этомъ убѣжищѣ застигла его болѣзнь и смерть, которая одна только могла пресѣчь непрерывный подвигъ его жизни—ученіе всѣхъ слову Божію. Кипріанъ скончался 16-го Сентября 1407 года, бывъ въ санѣ Митрополита 30 лѣтъ безъ малаго, изъ которыхъ 18 пасъ онъ Русскую церковь. Кончина.

За четыре дня до кончины, Кипріанъ написалъ, *чудную*, какъ лѣтописецъ ее называетъ, прощальную грамоту, въ которой, всѣхъ прощая и благословляя, самъ просилъ у всѣхъ также прощенія и благословенія. Эта грамота, говоритъ лѣтописецъ, была плодомъ истиннаго любомудрія и смиренія. Святитель заповѣдалъ Епископамъ, при положеніи его во гробъ, прочесть эту грамоту въ слухъ всему народу: воля усопшаго была исполнена Григоріемъ, Архіепископомъ Ростовскимъ. Прощальная грамота.

Исповѣдавъ вѣру православную, умирающій Святитель прощается съ патріархами, митрополитами, Великимъ Княземъ Василіемъ Димитріевичемъ и его семействомъ, со всѣми Великими Князьями Русскими, Князьями мѣстными, ихъ княгинями и дѣтьми, съ епископами, священноиноками и всѣмъ священническимъ чиномъ, съ князьями малыми, боярами великими и меньшими, съ ихъ женами и дѣтьми, и со всѣмъ Христіанскимъ народомъ; епитимью ли возложилъ онъ на кого, всѣхъ разрѣшаетъ; пороптал ли кто на него, всѣхъ прощаетъ. А на тѣхъ, кто возлюбилъ его, кто помиловалъ Господа ради въ его нуждахъ, въ трудныхъ

хожденіяхъ, въ путяхъ, въ земляхъ различныхъ, призываетъ Божіе благословеніе (13).

Грамота заключается такимъ размышленіемъ: «Множество человѣческое, все на землю пришедшее, общее естество наше оплачемъ мы, которые такъ несчастно обогащаемся. О какъ же лучшее изъ Божіихъ созданій, по подобію Его и образу созданное, безъ дыханья зрится, и мертво, и полно червей нечистыхъ, испуская смрадъ! Какъ исчезло мудрованіе? какъ скрылось слово? какъ разрѣшилось *сугубое*? куда утаилось *тричастное*?... (*) Увы страсти!... земля наше смѣшеніе, земля покрываетъ, земля и востаніе. Увы страсти, увы мнѣ! нагъ вышелъ я на плачь младенцемъ, нагъ отойду снова! Что тружусь и смущаюсь всуе, вѣдая конецъ житія, видя его дѣйствіе, какъ всѣ мы равнымъ образомъ шествуемъ отъ тьмы на свѣтъ, отъ свѣтаже въ тьму, отъ чрева матерняго съ плачемъ въ міръ, отъ міра печальнаго съ плачемъ во гробъ. Начало и конецъ — плачь! что же въ серединѣ? сонъ, тѣнь, мечтаніе, красота житейская. Увы, увы страсти! Въ многомъ сплетеніи житія все какъ цвѣтъ, какъ прахъ, какъ тѣнь, проходитъ.»

Велегласно, въ слухъ всему народу, читалъ эту грамоту Архіепископъ Ростовскій, Григорій. Его чтеніе многихъ изъ предстоявшихъ подвигло на слезы; плачь

(*) Подъ именемъ *сугубаго* здѣсь, конечно, разумѣется двойственное существо человѣка, состоящее изъ души и тѣла; подъ именемъ *тричастнаго* Христіанскіе философы Греціи разумѣли три силы души: словесное, яростное и желанное какъ они называли ихъ. (См. Посланіе Митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху. И. Р. Сл. Т. 2. стран. 205).

и рыданіе оглашали Успенскій соборъ. Чтеніе прощальныхъ грамотъ, по данному Купріаномъ образцу, вошло съ тѣхъ поръ въ обычай при погребеніи Митрополитовъ.

Въ подобныхъ минутахъ древней Русской жизни выражается лучшая сторона ея и ея поэзія.

Состояніе Русскаго общества.

Чуждое иго, тяготѣвшее надъ отечествомъ, внутренніе раздоры, перешедшіе съ юга на сѣверъ, грабительство и насиліе отъ варваровъ пришлыхъ, а иногда и отъ своихъ, были тяжкими искушеніями для Русскаго народа въ XIV столѣтіи. Но онъ не унывалъ: они послужили къ раскрытію въ немъ высшихъ силъ души. Пу́стыни, пу́стыни алкалъ тогда избранный Русской человѣкъ. Но это стремленіе было не праздное: сила духовная черезъ него развивалась, а трудъ и борьба съ сѣверною природою его сопровождали.

80 Обителей.

Въ XIII столѣтіи основано было 22 монастыря; въ XIV-мъ ихъ считаемъ до 80-ти, если не болѣе. Монастыри и церкви были тогда и народными училищами, и разсадниками книжнаго просвѣщенія. Юноши, съ высшимъ призваніемъ къ ученью, стремились тогда въ монастырь, какъ нынѣ въ Университетъ. Общинное начало, всегда присущее Русскому народу, исконный зародышь его общественнаго образованія, содѣйствовало также умноженію обителей, въ которыхъ оно могло достигнуть высшей степени христіанскаго развитія въ видѣ общаго житія. Непрерывная молитва, богослуженіе, отрадный звонъ колокола, руководство въ строгомъ исполненіи устава и обрядовъ церкви, постъ, воздержаніе, трудъ, терпѣніе и любовь братская, простирали благотворное

свое вліяніе на всю окрестность около того мѣста, гдѣ учреждалась обитель. На пути для странника по безконечной землѣ Русской она служила вѣрнымъ пріютомъ; во время голода кормила народъ. Родители посылали въ нее дѣтей своихъ на обученье грамотѣ; въ скорбяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ искали въ ней отрады и изцѣленія. Время образовало изъ нѣкоторыхъ монастырей твердыни государственныя противъ враговъ отечества. Но прежде всего община монастырская служила идеальнымъ образцемъ для общины городской и сельской — и въ этомъ заключается главная тайна ея успѣха и быстраго распространенія въ древней Русской жизни. Эти общины были нравственными оплотами для общества, еще не сложившагося въ государство, и какъ крѣпкія, несокрушимыя связи, содѣйствовали утвержденію великаго религіознаго духовнаго единства земли Русской.

Ихъ происхожденіе.

Взглянемъ на происхожденіе, если не всѣхъ, то покрайней мѣрѣ замѣчательнѣйшихъ обителей въ XIV столѣтіи, и разсмотримъ тѣ народныя силы, которыя участвовали въ ихъ образованіи. Есть обители, коихъ происхожденіе покрыто мракомъ неизвѣстности: такова обитель Валаамская на островѣ Ладожскаго озера, Валаамѣ. Пустынники, Сергій и Германъ, ее основавшіе, догадочно относятся къ XIV вѣку. Таково и основаніе обители Муромской Успенской на островѣ Мурманскомъ Онежскаго озера, приписываемое Лазарю Римлянину. Иныя обители упоминаются уже въ лѣтописяхъ, какъ существовавшія, а когда начались онѣ, неизвѣстно.

Нѣкоторые подвижники переносятъ общежительныя преданія на сѣверъ Россіи съ юга, изъ древнѣй-

шаго ихъ Русскаго разсадника, изъ Лавры Кіевопечерской. Таковъ Діонисій, основатель Нижегородскаго Печерскаго Вознесенскаго монастыря и Архіепископъ Суздальскій. Мы знаемъ дружбу его съ Св. Сергіемъ Радонежскимъ. Ученикъ Діонисія, Евѳимій, основалъ въ Суздалѣ обитель Спасо-Евѳиміевскую. Таковъ еще Стефанъ Махрищскій, Кіевлянинъ родомъ и также постриженикъ Кіевопечерской Лавры. Онъ распространялъ пустынную жизнь не только около Москвы, въ сосѣдствѣ Лавры Сергіевой, но и въ предѣлахъ Вологодскихъ, которымъ далъ двухъ учениковъ, Григорія и Кассіана. Мы увидимъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на судьбу Св. Кирилла Бѣлозерскаго.

Власти, духовныя и свѣтскія, и самый народъ участвовали совокупно въ учрежденіи обителей. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Митрополиты и Епископы. Святитель Петръ, въ самомъ началѣ вѣка, основываетъ монастырь на Волынской своей родинѣ, на берегу рѣки Раты. Святитель Алексій основалъ пять монастырей: Спасо-Андроньевъ въ память спасенія своего отъ морской бури, Чудовъ въ память чудеснаго изцѣленія Татарской царицы Тайдулы, Цареконстантиновскій во Владимірской области, Владычень-Серпуховскій и Благовѣщенскій Нижегородскій при устьѣ Оки; Святитель Кипріанъ—Святоозерскій Суздальскій, какъ уединенное убѣжище для ученыхъ трудовъ своихъ, и Срѣтенскій въ память спасенія Москвы отъ Тамерлана.

Новгородскому Архіепископу Моисею приписывается основаніе шести обителей Новгородскихъ. Этотъ святой мужъ, правившій паствою Новгорода во времена самыя бурныя его народныхъ распрей, безпре-

рывно алкалъ уединенія, чтобы въ немъ собирать духовныя силы для своихъ гражданскихъ подвиговъ, и дѣлилъ, можно сказать, всю жизнь свою между престоломъ Архіепископскимъ въ Св. Софіи и схимою въ Сковородской обители Архангела Михаила. Когда двѣ враждебныя стороны Новгорода, Софійская и Торговая или Славянская, выходили другъ на друга; когда вмѣшивали онѣ въ свою распрю народныхъ святыхъ своихъ, Софійская юродиваго Николу Качанова, Славянская юродиваго Θеодора (14); когда Волховскій мостъ, соединявшій оба конца, бывалъ разметанъ: старецъ схимникъ Моисей являлся съ крестомъ въ рукахъ на остаткахъ моста, посреди враждующихъ сторонъ, призывалъ ихъ къ миру и унималъ кровопролитіе. Усердный къ устроенію обителей, самъ заживо умершій міру схимникъ, Моисей видно понималъ, какъ необходимы были для бурнаго Новгорода пріюты братскаго согласія и миротворной молитвы.

Арсеній, постриженикъ Кіевопечерскій, Епископъ Тверской, поставленный Кипріаномъ и столько угодившій своей паствѣ послѣ сверженнаго Евθимія, подъ конецъ жизни, стремился также къ уединенію и на берегу Тмаки учредилъ обитель Желтиковскую. (15)

Стефанъ, Епископъ Пермскій, устроилъ три пустыни въ своей епархіи.

Ростовъ былъ недоволенъ своимъ Епископомъ, Іаковомъ, и лишилъ его каθедры. Онъ удалился на берегъ озера Неро, построилъ себѣ уединенную хижину, а потомъ основалъ обитель, впослѣдствіи столько славную и до сихъ поръ носящую его имя.

Князья ознаменовывали важныя событія госу-

дарственныя, или счастливые случаи ихъ домашней жизни, основаніемъ монастырей. Калита осѣнилъ свой княжескій домъ обителью Спаса на бору. Димитрій Донской, послѣ славной своей побѣды, подарилъ 12 селъ монастырю Сергіеву и въ память ея построилъ обитель на Дубенкѣ, а на мѣстѣ своей родины, при впаденіи рѣки Москвы въ Оку, монастырь Голутвинъ. Василій, сынъ его, основалъ Желѣзноборовскій Галицкій монастырь въ благодарность за выздоровленіе беременной супруги своей, Софіи Витовтовны. Татарскій князь Четъ, родоначальникъ Годуновыхъ, принявшій нашу вѣру, основалъ Костромской Ипатіевскій монастырь. — Княгини соревновали своимъ супругамъ въ томъ же дѣлѣ. Благочестивая жена Донскаго, Евдокія, содѣйствовала основанію Горицкаго монастыря близь Переславля, гдѣ постригся св. Димитрій Прилуцкій, и сама, по смерти мужа, затворилась въ обители Вознесенской, построенной ею въ Кремлѣ. Марія, мать Князя Владиміра Андреевича, учредила дѣвичій Рожественскій монастырь; Княгиня Ѳеодора Іоанновна, супруга Андрея Константиновича, Зачатейскій Нижегородскій. Села и земли были постоянно даримы монастырямъ, при самомъ ихъ основаніи и послѣ, что̀ впослѣдствіи образовало земную ношу, слишкомъ тяжелую для духовнаго существа Церкви.

Народъ любилъ основаніе обителей и отгадывалъ ихъ рожденіе около себя какимъ-то вѣщимъ предчувствіемъ. Во всѣхъ житіяхъ расказывается, что поселяне, задолго до прихода Святаго мужа въ ихъ предѣлы, слышатъ, нивѣсть откуда, звонъ колокольный и пѣніе церковное. А какъ придетъ угодникъ Божій въ

лѣсную около нихъ чащу, немедленно являются къ нему сельскіе христолюбцы и помогаютъ вырубать ее, строить келью и потомъ церквицу. Если и встрѣтится иногда въ какомъ нибудь мѣстѣ препятствіе отъ завистниковъ, какъ встрѣтилось сначала Димитрію Прилуцкому близь селенія Авнежскаго на рѣкѣ Великой,—то въ утѣшеніе ревностному подвижнику, при лукѣ рѣки Вологды, гдѣ и была учреждена имъ обитель, названная по урочищу, владѣльцы мѣста сами отдаютъ свою подъ нее землю и топчутъ озимыя, зазеленѣвшія свои нивы, чтобы только не отлагать строенія желанной церкви. Народъ до сихъ поръ повсюду около монастырей хранитъ и передаетъ изъ устъ въ уста живыя преданія объ ихъ основателяхъ, какихъ не находимъ въ ихъ рукописныхъ житіяхъ.

Но всѣ эти человѣческія усилія, внушенныя самымъ ревностнымъ усердіемъ властей, не дали бы такого прочнаго хода дѣлу, еслибы не управляло ими высшее призваніе. Великіе пустынножители слышатъ этотъ внутренній зовъ отъ самымъ раннихъ лѣтъ ихъ юности, не руководствуясь никакими частными своими, или общими событіями отечества. Это подвигъ ихъ жизни: ему всѣ силы, всѣ думы, всѣ скорби и труды, всѣ радости и успѣхи. Таковъ особенно Св. Сергій Радонежскій, носитель главной мысли вѣка отъ самой утробы матери, котораго мы и поставили во главѣ его. Хотя еще до него, въ самой Москвѣ, въ монастырѣ Высокопетровскомъ, первый Архимандритъ, его, Іоаннъ, ввелъ уставъ общежительный, послужившій для другихъ монастырей; но истинный духъ пустынножительства распространился не отсюда,

а отъ Преподобнаго Сергія. Не было, конечно, ни одного подвижника, который бы не былъ другомъ его или собесѣдникомъ, а большею частію они были его учениками. Въ тѣ времена, какъ сказано въ житіи одного изъ нихъ, Павла Комельскаго, Преподобный Сергій просіялъ въ благомъ своемъ жительствѣ и во многихъ знаменіяхъ, и слава объ немъ повсюду проносилась.

Мы уже знаемъ, какое дружество связывало его съ Святителемъ Алексіемъ, Стефаномъ Пермскимъ, Діонисіемъ Суздальскимъ. Димитрій Прилуцкій, принесшій въ даръ необыкновенную красоту лица призванію пустынника и скрывавшій ее въ монашескомъ куколѣ, часто посѣщалъ Сергія и принималъ его совѣты для основанія обители Николаевской у озера Переславскаго. Онъ, воспріемникъ дѣтей Димитрія Донскаго, удалился отъ славы міра въ предѣлы Вологодскіе, первый принесъ туда общее житіе и водворилъ его въ обители Спасоприлуцкой. Потребность книжная, видно, тогда чувствовалась. Братія жаловалась ему на то, что мало книгъ въ монастырѣ. Димитрій отвѣчалъ: «довольно, братія; имѣемъ обычныя книги, утѣшительныя душамъ; если не полѣнимся хвалить Бога, то, какъ труба Божія, будемъ гласить и день и ночь.» Есть еще преданіе объ отшельникѣ. Одинъ изъ близкихъ сосѣдей принесъ въ обитель пищу и питье; но Димитрій не принялъ, а сказалъ: «отнеси все это назадъ въ домъ свой, и напитай прежде рабовъ и сиротъ въ дому твоемъ, чтобы не гибли голодомъ, жаждою и наготою, а тамъ ужъ что останется, принеси и намъ» (16).

Ученики Сергіевы основали много обителей:

Авраамій Чухломскую въ Галицкой области; Андроникъ Спасоандроньевскую въ Москвѣ; Θеодоръ, родной племянникъ его, Симонову; Аθанасій Высоцкую въ Серпуховѣ; Савва Сторожевскую Звенигородскую; Григорій Голутвинскую; Сергій, Грекъ, пришелецъ съ Аθонской горы, Нуромскую Спасопреображенскую на рѣкѣ Нурмѣ, въ предѣлахъ Вологодскихъ; Меθодій Пѣсношскую Николаевскую близь Дмитрова; Романъ Киржачскую Введенскую во Владимирской области; Кириллъ Бѣлозерскую на озерѣ Сиверскомъ въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ; Павелъ Комельскій или Обнорскій Троицкую Обнорскую близь Грязовца, въ предѣлахъ Вологодскихъ.

Мы взойдемъ въ подробности жизни двухъ послѣднихъ, и особенно Св. Кирилла Бѣлозерскаго. Оба они связываютъ четырнадцатое столѣтіе съ пятнадцатымъ. Св. Павелъ, Москвичь родомъ, сынъ богатыхъ родителей, началъ съ дѣтства раздавать все нищимъ и даже съ себя одежду, 22-хъ лѣтъ покинулъ домъ отца и постригся на берегу Волги. Слава Св. Сергія привлекла его къ Троицѣ. Пятьдесятъ лѣтъ жилъ онъ въ разныхъ, самыхъ пустынныхъ обителяхъ и изучалъ житіе иноческое до тѣхъ поръ, пока не предпринялъ своего собственнаго подвига. Семидесяти двухъ лѣтъ, удалился онъ въ Комельскій лѣсъ, на рѣчку Грязовицу. Три года, дупло старой липы, въ чащѣ лѣса, служило ему вмѣсто кельи. Самъ жилъ онъ, какъ птица Божія, — и птицы его любили. Онъ кормилъ ихъ — и онѣ садились ему на голову и на плечи, а дикіе звѣри кругомъ ходили мирно. Въ этомъ окруженіи засталъ его Св. Сергій Нуромскій, сосѣдъ его по пустыни. Черезъ три года

и Павелъ основалъ обитель, которою правилъ сорокъ лѣтъ. Сто двѣнадцать прожилъ онъ — и пустыня его долго славилась святыми подвижниками, а въ XVI вѣкѣ представила Церкви въ своихъ старцахъ мучениковъ, погибшихъ отъ меча Казанскихъ Татаръ. (17)

Св. Кириллъ Бѣлозерскій. Житіе его.

Житіе Св. Кирилла Бѣлозерскаго составлено было Пахоміемъ Логоѳетомъ (18) въ послѣдующемъ столѣтіи, вскорѣ по смерти Преподобнаго, по живымъ слѣдамъ преданій, которыя расказаны слагателю его учениками. Въ 1337 году, въ Москвѣ, отъ благочестивыхъ родителей родился мальчикъ Кузьма. Рано онъ лишился ихъ — и порученъ былъ ими родственнику, Окольничему Тимоѳею. Тимоѳей былъ знатнымъ лицомъ въ Москвѣ, силенъ при дворѣ у В. Князя Димитрія, славенъ и почестями и богатствомъ. Это, конечно, тотъ самый Тимоѳей Окольничій, который участвовалъ въ побѣдѣ Вожской и потомъ является воеводою на Куликовомъ полѣ. Строгая патріархальность обычаевъ времени видна изъ того, что Окольничій не хотѣлъ допустить за столъ свой сродника Кузьму до тѣхъ поръ, пока не пришелъ онъ въ совершенный возрастъ. Тогда приставленъ онъ былъ и казначеемъ къ имѣнію Тимоѳея. Но у Кузьмы, какъ у человѣка съ высшимъ призваніемъ, съ малыхъ лѣтъ была одна только дума: любимая пустыня. Тимоѳей и слышать о томъ не хотѣлъ. Тщетно Кузьма, тайно отъ него, бродилъ по монастырямъ Московскимъ; нигдѣ его не принимали: вездѣ боялись гнѣва Окольничаго. Но вотъ, однажды, въ домъ къ нему приходитъ погостить мужъ, извѣстный *великимъ* житіемъ своимъ, Стефанъ Махрищскій. Кузьма обрадовался такому случаю и открылъ силь-

ному гостю свое задушевное желаніе. Стефанъ рѣшился принять на себя дѣло, благословилъ его въ иноки и назвалъ Кирилломъ. Вотъ приходитъ святой мужъ къ Тимоѳею и говоритъ ему: я принесъ тебѣ благословеніе отъ богомольца Кирилла. — А кто этотъ Кириллъ? спрашиваетъ Тимоѳей. — Кузьма, твой бывшій сродникъ, а теперь инокъ. — Вспыхнулъ гнѣвомъ Тимоѳей, забывъ уваженіе къ святому мужу. Стефанъ произнесъ грозныя слова, заповѣданныя Спасителемъ ученикамъ его: идѣже не пріемлютъ васъ, исходяще оттуду и прахъ прилѣпшій оттрясите отъ ногъ вашихъ, и вышелъ отъ Тимоѳея.—Тогда богобоязненная жена Окольничаго рѣшилась вразумить своего супруга и сказала ему: что ты это сдѣлалъ? вѣдь ты оскорбилъ святаго мужа—и повторяла слова, произнесенныя Стефаномъ. Опомнился Тимоѳей. Послана погоня за обиженнымъ, и когда возвратился онъ въ домъ обидѣвшаго, Тимоѳей просилъ у него прощенія и благословилъ желаніе Кузьмы.

Стефанъ отвелъ бѣльца въ монастырь Симоновъ къ Архимандриту Ѳеодору, гдѣ совершилъ онъ искусъ и принялъ постриженіе. Постепенно готовился онъ къ тому. Старецъ Михаилъ, впослѣдствіи Епископъ Смоленскій, руководилъ Кирилла. Онъ умѣрялъ всѣ порывы молодаго усердія и мало по малу пріучалъ ученика къ посту и молитвѣ. Изъ кельи старца перешелъ молодой инокъ въ хлѣбню, на служеніе братіи. Здѣсь не укрылся онъ отъ прозорливости Преподобнаго Сергія, который посѣщалъ своего племянника, Ѳеодора, въ его обители. Нерѣдко Сергій прямо хаживалъ въ хлѣбню и цѣлые часы проводилъ въ душевной бесѣдѣ съ Кирилломъ. Благоволеніе вели-

каго пустынножителя къ молодому иноку сей часъ же огласилось въ братіи и народѣ, и отразилось на немъ славою; но смиренный хотѣлъ отъ нея укрыться. Изъ хлѣбни онъ перешелъ въ поварню, и здѣсь принялъ на себя юродство, за что подвергался наказаніямъ отъ игумна до тѣхъ поръ, пока не открылась настоящая причина его поступковъ. Вотъ наконецъ достигъ онъ и своей особенной кельи, въ ней безмолвствуетъ, молится, пишетъ книги для обители, но все не оставляетъ и низшаго служенія братіи, работаетъ и въ поварнѣ. Архимандритъ Ѳеодоръ призванъ на святительской престолъ города Ростова. Кириллъ избранъ на его мѣсто, но не долго остается на немъ. Безмолвіе кельи для него милѣе власти. Онъ оставляетъ власть и снова уединяется. А между тѣмъ слава его по народу несется далѣе, и далѣе, и со всѣхъ концовъ стекаются люди въ его тѣсную келью видѣть великаго инока и слушать душеспасительное его слово. Такая слава возбуждаетъ зависть въ новомъ Архимандритѣ Сергіѣ; Кириллъ, чтобы уклониться отъ зла, удаляется въ древній монастырь, что на старомъ Симоновѣ, и здѣсь молитъ Богоматерь указать ему путь спасенія.

Павлу Комельскому было 72 года, когда онъ рѣшился на совершеніе подвига; Кириллу 60 лѣтъ. Въ томъ возрастѣ, когда люди, утомленные жизнію, сходятъ съ своего поприща, наши пустынножители ощущали въ себѣ бодрыя, свѣжія силы и рѣшимость на новые тяжкіе труды, на пути дальніе, на борьбу съ природою. Какая-то сила влекла ихъ всего болѣе на сѣверъ, *къ студеному морю-окіяну*, какъ говорится въ ихъ житіяхъ.

Чудесно обнаружилось призваніе Кириллу. Разъ, по обычаю, читалъ онъ ночью акаѳистъ Божіей Матери; мысль его остановилась на словахъ: «Странное рождество видѣвше, устранимся міра, и умъ на небо преложимъ,» — и сильно загорѣлась въ немъ давняя молитва. Вдругъ слышитъ онъ голосъ: иди на Бѣлоозеро! тамъ мѣсто твоего спасенія — и внезапно горній свѣтъ озарилъ его келью. Онъ отворилъ окно— свѣтъ изливался отъ странъ полунощныхъ, гдѣ скрывалось Бѣлоозеро, а голосъ звалъ и манилъ его туда. Эта ночь была ему свѣтлѣе дня. Она исполнила его радости и дала ему силу рѣшиться на подвигъ.

Ѳерапонтъ, товарищъ его по постриженію, самъ родомъ съ Бѣлаозера, приходитъ къ нему въ келью. Кириллъ разспрашиваетъ его о странахъ Бѣлозерскихъ. Ѳерапонтъ хвалитъ ему красоту ихъ пустынь, и вотъ оба рѣшаются вмѣстѣ оставить обитель Симонову и идти туда, на Бѣлоозеро.

Долго блуждалъ Кириллъ по странѣ, которая дала ему прозваніе Бѣлозерскаго и которую наполнилъ онъ славою богоугодныхъ дѣлъ своихъ, и наконецъ обрѣлъ онъ мѣсто, указанное въ видѣніи. Есть неподалеку отъ обители гора̀ Мау́ра, самая высокая во всей окрестности; подошву ея омываютъ волны озера Сиверскаго, на берегахъ котораго водворился Кириллъ. Здѣсь, на этой горѣ, лежитъ гранитный камень и на немъ виденъ слѣдъ ступни человѣческой: по народному преданію, здѣсь остановился Кириллъ и узналъ то мѣсто, о которомъ гадала душа его. Поля̀, лѣса̀, луга̀, во́ды соединились здѣсь на огромномъ пространствѣ и образовали на самомъ дѣлѣ одно изъ прекраснѣйшихъ видѣній земли Русской. Съ

одной стороны, Шексна разлилась самыми роскошными извивами по лугамъ нескончаемымъ; съ другой озёра, какъ куски голубаго неба, сброшенные на землю, въ оправахъ лѣсовъ и полей, въ разныхъ мѣстахъ ее покрыли. А небу надъ этимъ зрѣлищемъ во всѣ стороны нѣтъ конца, и склоны его, простираясь кругомъ, кажется, съ любовью захватываютъ всѣ дива благословенной земли.... Здѣсь успокоилась дума Кирилла — и онъ палъ съ благодарною молитвой къ Пречистой, увидѣвъ наконецъ мѣсто своего спасенія.

Начались труды отшельника. Сначала сработалъ онъ вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ лѣтнюю келью и выкопалъ колодезь да подземную пещеру. Но Ѳерапонтъ скоро разстался съ товарищемъ и отошелъ за 15 верстъ на озеро Паское, гдѣ также основалъ обитель.

Земледѣльцы собираются около одинокаго Кирилла. Они уже прослышали вѣщій звонъ и чудесное пѣніе. Исаія, Авксентій Воронъ и Матѳій Кикосъ помогаютъ ему рубить чащу и непроходимый боръ, гдѣ онъ поселился. Жизнь отшельника подвергается опасностямъ. Разъ, утомленный трудами, онъ заснулъ подъ елью. Невидимый голосъ разбудилъ его и заставилъ отбѣжать въ сторону. Ель зашаталась отъ вѣтра и упала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ: Кириллъ вырубилъ изъ этой ели крестъ, до сихъ поръ хранимый въ его лѣтней кельѣ. Въ другой разъ, собравъ въ одно мѣсто хворостъ отъ вырубленнаго лѣса, онъ зажегъ его, чтобъ приготовить хорошую землю для посѣва. Вдругъ поднялся вѣтеръ и раздулъ пожаръ, окружившій отовсюду отшельника;

но добрый человѣкъ, Тимоѳей, спасъ его отъ огня и и смерти.

Стала сходиться братія, сначала изъ Симонова, откуда пришелъ Кириллъ, потомъ изъ мѣстъ южныхъ. Зачинается обитель. Первая мысль всѣхъ построить церковь. Но какъ быть? страна дикая, плотниковъ нѣтъ. Приходятъ неожиданно и плотники—церквица построена, и богослуженіе огласило лѣсную глушь. Слава Кирилла обносится кругомъ и привлекаетъ къ нему народъ. Но является и врагъ, бояринъ, промышляющій разбоемъ: онъ думаетъ найти у Кирилла богатство многое, но находитъ только одежду въ заплатахъ, да *мало книжицъ*.

Кириллъ, соединивъ около себя братію, водворилъ въ ней уставъ общаго житія. Никто не имѣлъ права на какую либо собственность: все было общее. Серебро и золото принадлежало одной казнѣ монастырской. Даже и воду для утоленія жажды иноки должны были брать въ трапезѣ, а въ кельѣ имѣть у себя только для умытія рукъ. Ни братія, ни сама обитель не должны были просить милостыни у мірянъ для удовлетворенія, какой бы то ни было, самой крайней нужды. Одно соревнованіе позволено было для братіи о томъ, кто ранѣе придетъ въ церковь. Игуменъ самъ служилъ для всѣхъ примѣромъ. Никогда въ храмѣ божіемъ не прислонялся онъ къ стѣнѣ, никогда не садился. Ноги его были какъ столпы. Къ цѣлованію иконы и въ трапезу шли по старшинству. За трапезой раздавался голосъ чтеца. Ѣли три блюда, но Кириллъ вкушалъ только отъ двухъ, и то не до сытости. Ни письма̀, ни поминка не льзя было получить,

не показавъ Игумну. За ограду обители никто не выходилъ, безъ его благословенія.

Монастырь до сихъ поръ хранитъ бѣдныя ризы и одежду Преподобнаго, сосуды и утварь, свидѣтельствующіе о простотѣ его жизни. Но главное сокровище, конечно, тѣ книги, о которыхъ Кириллъ самъ сказалъ враждовавшему боярину. Въ ризницѣ монастырской мы находимъ ихъ 17, кромѣ святцевъ, писанныхъ собственною рукою Преподобнаго на пергаминѣ. Изъ нихъ пергаминныя же: Евангеліе, трудъ ученика его, Христофора; здѣсь находимъ тѣ самыя измѣненія въ текстѣ начала благовѣстія Іоаннова, какія видѣли въ рукописи Святителя Алексія; Псалтирь Кирилла, писанная также по его благословенію; два каноника соборныхъ, изъ которыхъ одинъ писанъ, можетъ быть, имъ самимъ, а другой ученикомъ его, Мартиніаномъ. Замѣчательны двѣ маленькія книжки, написанныя на самой плотной хлопчатой бумагѣ. Въ нихъ содержатся многія правила Св. Соборовъ и Св. Отецъ, относящіяся особенно къ церковному уставу и къ пустынной иноческой жизни. Здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ изъ Василія Великаго и вопрошеній Св. Луки Стирійскаго правила о томъ, какъ единствующимъ въ пустыняхъ позволяется совершать причащеніе своею собственною рукою, въ кельѣ, безъ священника. Эти книжки, вѣроятно, сопутствовали Кириллу во время его странствій — и правила, въ нихъ изложенныя, исполнялъ онъ самъ на дѣлѣ. Здѣсь же находимъ правила для крещенія Татаръ въ Христіанскую вѣру, о вѣрующихъ въ гады и звѣри, въ часы добрые и злые, паремьи изъ житій Св. Бориса и Глѣба, и переводъ Галеновой Физики,

или сочиненія его о большомъ и маломъ мірѣ, гдѣ естественными причинами объясняются многія явленія, небесныя и земныя. Изъ этой книжки ясно видно, что составитель ея, столько любившій красоты міра Божія, какъ это показываетъ мѣсто, избранное имъ для обители, вникалъ разумомъ и въ причины его естественныхъ явленій для того, чтобы противодѣйствовать предразсудкамъ и суевѣріямъ народнымъ и очищать тѣмъ истинную вѣру Христіанскую.

Эти немногія книжки Кирилловы были зародышемъ того огромнаго и славнаго книгохранилища, которое послѣ возрасло трудами иноковъ Кирилло-Бѣлозерской обители.

Тридцать лѣтъ правилъ Кириллъ обителью — и дѣйствовалъ изъ нея на всю Бѣлозерскую область и на ея жителей. Обитель его служила пріютомъ для больныхъ и народною житницею во времена голодныя. Изъ своей пустыни отшельникъ простиралъ вліяніе и на князей, вотчинниковъ Бѣлаозера, и на брата ихъ, Великаго Князя, Василія Димитріевича. Онъ поучалъ ихъ своими посланіями, склонялъ къ смиренію, братолюбію и согласію; смѣло говорилъ противъ поклеповъ, подметовъ и посуловъ въ судахъ, противъ корчемства и пьянства, какъ порока народнаго, которымъ пользуются корчемники, противъ мытовъ, какъ пошлинъ неправедныхъ. Мы еще подробнѣе познакомимся съ немногими изъ этихъ посланій, до насъ дошедшихъ, въ слѣдующемъ чтеніи, когда будемъ обозрѣвать всю литературу церковныхъ посланій XIV-го столѣтія.

Одному изъ этихъ Князей, сыну Донскаго, Князю Можайскому, Андрею Димитріевичу, поручилъ Ки-

риллъ обитель свою въ духовномъ завѣщаніи, писанномъ его собственною рукою и хранимомъ въ ризницѣ.

Кончина.

10-го Іюня, 1427 года, преставился девяностолѣтній старецъ. Послѣднія слова его къ братіи, рыдавшей кругомъ его смертнаго одра, были: «не скорбите: если я угодилъ Богу, то мѣсто не оскудѣетъ, а еще болѣе распространится; только любовь имѣйте между собою; не скорбите, братья и дѣти, въ день покоя моего; уже часъ мнѣ почити о Господѣ; предаю васъ Богу и Его Пречистой Матери: Онъ да сохранитъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго, а сынъ мой, Иннокентій, да будетъ вамъ Игуменомъ вмѣсто меня: почитайте его, какъ меня; онъ исправитъ ваши недостатки.»

Значеніе его обители.

Пророчество основателя обители надъ нею сбылось. Весь Русской сѣверъ озарился ея духовнымъ свѣтомъ. Уставъ общаго житія въ ней долго стоялъ нерушимо, безъ измѣненій. Въ ней созрѣли и изъ нея вышли многіе святые мужи: въ ихъ числѣ Мартиніанъ, Христофоръ, Корнилій Комельскій и Нилъ Сорскій, первый учредитель скитскаго житія въ Россіи. Князья и Цари передъ нею благоговѣли и ее посѣщали. Грозный, то самъ желалъ въ ней иночествовать, то громилъ ее посланіями, какъ всякую власть, возбуждавшую въ немъ ревность. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, она была уже и крѣпостью государственною, и нѣсколько разъ отражала нападенія Литвы.

Такъ государство извлекало свои выгоды изъ этихъ твердынь духовныхъ, облекая ихъ неприступными стѣнами и исполинскими башнями. Когда вы подъѣзжаете теперь къ Кириллову монастырю, онъ

васъ еще издали изумитъ величіемъ бѣлокаменныхъ столпостѣнъ своихъ. Но первоначальная сила обители была не внѣшняя вещественная, а духовная. Она пошла отъ шестидесятилѣтняго старца, который не зналъ другаго оружія, кромѣ молитвы и поста, и духомъ покорялъ себѣ плоть и силы природы физической.

Стихъ объ Іосафѣ Царевичѣ.

Мы сказали, что всѣ эпохи древней жизни Русскаго народа со всѣми ихъ значительнѣйшими событіями отражаются въ нашей народной пѣсни. Пýстыня, плодъ Русской жизни въ XIV вѣкѣ, находитъ свой отголосокъ въ *стихѣ объ Іосафѣ Царевичѣ,* этомъ прекрасномъ пустынножителѣ Индійскаго Востока, котораго житіе, вмѣстѣ съ учителемъ его, Варлаамомъ, составляло, конечно, одно изъ любимыхъ чтеній тогдашняго времени. Этимъ стихомъ, въ которомъ отдается XIV вѣкъ, заключимъ чтеніе.

Расплакался младъ юношъ,
Іосафій Царевичь,
Передъ пýстынею стоя:
«Прекрасная пýстыня!
Восприми меня, пýстыня,
Со премногими грѣхами,
Со многозорными дѣлами,
Яко матерь своего чаду
На бѣлыя руци!
Научи меня, пýстыня,
Волю Божію творити,
Яко матерь своего сына
Все на добрыя дѣла!
Избави меня, пýстыня,
Огня, вѣчныя муки!
Возведи меня, пýстыня,
Въ небесное царство!»
Прогласитъ пýстыня

Архангельскимъ гласомъ:
«О премладый юноша,
Іосафій Царевичь!
Еще гдѣ тебѣ во мнѣ жити,
Волю Божію творити?
Во мнѣ, во пу́стынѣ,
Житіе смертельное;
Во мнѣ, во пу́стынѣ,
Всякія нужды восціяти,
Терпя потерпѣти,
Трудомъ потрудиться,
Постомъ попоститься
И Богу помолиться;
У меня, у пу́стыни,
Нѣту цвѣтнаго платья,
Нѣтъ сахарныихъ яствъ
И медвяныихъ пойловъ;
Во мнѣ, во пу́стынѣ,
Гнилая колода,
Болотная вода;
Во мнѣ, во пу́стыни,
Тебѣ будетъ жити
Грустно и тошно;
У меня ли, у пу́стыни,
Тебѣ негдѣ разгуляться,
Не съ кѣмъ думу думать,
Не съ кѣмъ слова говорити!»
Расплакался младъ юношъ,
Іосафій Царевичь,
Передъ пу́стынею стоя;
На пу́стыню взираетъ,
Пустынѣ отвѣчаетъ:
«Могу я въ тебѣ жити,
Волю Божію творити!
Могу я въ пу́стынѣ
Всякія нужды восціяти,
Терпя потерпѣти,
Трудомъ потрудиться,

Постомъ попоститься
И Богу помолиться.
Про тебя, матерь-пу́стыня,
И самъ Господь знаетъ;
Тебя, матерь-пу́стыня,
Всѣ Архангелы хвалятъ,
А Преподобные прославляютъ;
Во тебѣ, матерь-пу́стыня,
Предтечій пребываетъ,
Питается Предтечій
Дивимъ медомъ-виноградомъ!
Во тебѣ, матерь пу́стыня,
Гнилая колода
То сахарное мнѣ будетъ яство,
То мнѣ райская пища;
Во тебѣ, матерь-пу́стыня,
Болотная вода
То медвяное мое пойло,
То мнѣ тихіе прохлады!
Разгуляюсь я, младъ юноша,
Іосафій Царевичь,
Во зеленой во дубравѣ;
Тамъ есть частыя древа,
Со мной будутъ думу думати;
На древахъ есть мелкіе листья,
Со мной станутъ говорити;
Прилетятъ птицы райскія,
Станутъ распѣвати,
Меня будутъ потѣшати,
Христа Бога прославляти!
Какъ Христосъ Богъ на небесахъ,
Херувимы-Серафимы
Со небесною силой,
Славенъ нашъ Богъ прославился;
Велико Его имя Господне на землѣ!»

ПРИМѢЧАНІЯ

къ тринадцатой лекціи.

(1) Григорія мниха и прозвитера Игумена Обители Пликаирьскыа надгробное иже во святыхъ по истиннѣ Кипріану Архіепископу Россійскому, въ рукописи Синодальной Библ. подъ № 384. Родство Григорія съ Кипріаномъ обозначено ясно слѣдующими словами надгробнаго слова: «понеже и отець вашь, иже плачю намъ предлежитъ вина, братъ бѣаше нашему отцю.»

(2) «Моисеева благость и о своеплеменномъ милованіе.»

(3) Ист. Госуд. Росс. Т. V. стран. 61 и прим. 60.

(4) Св. Кипріанъ, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи. Творенія Св. Отцевъ. Годъ шестой. Книжка 2. стран. 302. Хронологія церковная могла бы рѣшить задачу года на такомъ основаніи. Въ Никоновой лѣтописи сказано, что Кипріанъ пришелъ изъ Кіева въ Москву въ четвергъ шестой недѣли по пасхѣ, въ праздникъ Вознесенія Христова. Если это придется на 23-е Маія 1381 года, тогда рѣшится задача въ пользу сего года. Въ Древнемъ Лѣтописцѣ, напечат. въ 1774 г., годъ пришествія Кипріяна въ Москву показанъ 1380 (см. Ч. I. стран. 334).

(5) Въ Троицкомъ сп. лѣтописи: «книгъ же толико множество снесено со всего города и изъ загородья и изъ селъ, и въ зборныхъ церквахъ до трона наметано, схраненья ради спроважено, то все безъ вѣсти створиша.» Ист. Госуд. Росс. Т. V. прим. 96.

(6) О судѣ надъ Евѳиміемъ Ник. лѣт. Т. IV. стран. 197. Замѣчательно, что это самое извѣстіе находится въ уставѣ Церковной службы 1438 года, писанной дьякомъ Андреемъ (Синод. Библ. № 351). О томъ же есть въ

Житія Св. Арсенія (Библіот. В. М. Ундольскаго № 286). Здѣсь Евѳимій обвиняется въ ереси.

(7) Служебникъ въ 8-ю д. писанный на пергаминѣ среднимъ уставомъ хранится въ Сунодальной Библіотекѣ за № 601. У Проф. Горскаго показанъ прежній номеръ 478. У Погодина въ Образцахъ Славяно-Русскаго Древлеписанія № 23 Тетради 1-й образчикъ странички. Въ немъ содержатся: литургія Св. Іоанна Златоуста; литургія преждеосвященныхъ; служба въ недѣлю Св. Духа, куда вставлена: «Молитва прилагаемая по сихъ молитвахъ особна Святому Духу. Твореніе святѣйшаго Патріарха Костянтина града Филоѳея,» вѣроятно, въ переводѣ Кипріана; послѣдованіе просвѣщенія святыхъ богоявленій; послѣдованіе освященію въ 1-й день Августа; молитвы на оцѣщеніе церкви егда песъ вскочить; на поставленіе креста; надъ виномъ служебнымъ; уставъ и чинъ обрученію и вѣнчанію царемъ и княземъ и всѣмъ Христіаномъ. (Замѣчательно, что при обрученіи по древнему обряду было два перстня: золотой для мужа и желѣзный для жены, которыми они обмѣнивались). Въ заключеніи: Чинъ омыти мощи святыхъ потребы ради якоже есть лѣпо. Изъ скрѣпы по листамъ видно, что эта книга въ 1661 году была внесена Патріархомъ Никономъ въ обитель Новоіерусалимскую, имъ основанную, и что служебникъ писанъ Кипріаномъ въ 1397 году. Послѣ литургіи преждеосвященныхъ слѣдуетъ приписка тою же рукою: «Сии служебникъ преписалъ отъ грецкыхъ книгъ на русскый языкъ рукою своею Киприанъ смиреный Митрополитъ Кіевскый всея Руси.» За симъ просьба къ переписчикамъ и пользующимся книгою, чтобы поминали его смиреніе, и увѣщаніе, чтобы, переписывая, не измѣняли текста. Послѣ Чина вѣнчанію внизу приписка: Съписаніе сему отъ гречьскыхъ книгъ смиренымъ Митрополитомъ Киевскымъ и всея Руси Кипреяномъ, и тутъ же внизу приписка киноварью: «Киръ отцю Ксенефонту дядѣ, инокъ Иларій метание за худость и неуспѣхъ, прости.» Эта приписка, современная рукописи, не такъ какъ позднѣйшая скрѣпа по листамъ, ведетъ

къ вѣроятному заключенію, что служебникъ былъ списанъ инокомъ Иларіемъ съ подлинника Кипріанова и, вѣроятно, близко къ его времени. Чинъ омовенія мощей находится не въ Требникѣ Волоколамскомъ № 98, какъ сказано въ Обзорѣ Духовной Литературы Архіепископа Филарета, а въ рукописи за № 83 по новому каталогу подъ заглавіемъ: «Служебникъ Семионовской Протопопа Московскаго Духовника Государьского въ иноцѣхъ Симеона, родомъ пъсковитина, вѣрою и любовію и добрыми дѣлы украшена, пачежъ милостынею славна и дивна бывша паче всѣхъ, постриженика пречистыа обители Іосифова монастыря при Игуменѣ Евфимiѣ худомъ.» Вѣроятно, это тотъ самый Симеонъ, духовникъ Грознаго, о которомъ упоминается въ дѣлѣ о ереси Висковатаго. Здѣсь на стран. 163. «Списаніе сему отъ греческыхъ книгъ смиренымъ Митрополитомъ Кіевскымъ и всеа Русіи Кипріаномъ. Чинъ иже омыти мощи святыхъ, или крестъ мочити. Прежъ вольетъ воду въ чашу и аще будетъ попъ въ ризахъ и проч.» Это, какъ видно, списано съ помянутаго Служебника. Разрѣшительная молитва не въ Псалтири Митрополита Даніила, какъ сказано въ Обзорѣ, а въ Потребникѣ (№ 333), данномъ по своей душѣ попомъ Арсеніемъ Бузаномъ въ 1548 г. л. 292. Молитва разрѣшити Князя и всякого Христіанина. Твореніе господина Кипріяна Митрополита Кіевскаго и всея Руси. Списано въ Луцтѣ надъ гробомъ Княжимъ Димитріевымъ. Начинается такъ: Владыко Боже отче вседержителю сътворивый человѣка по образу своему и по подобію, и всѣми дарованьми своими украсивый, и безсмертіемъ почетъ, преступльша же твою заповѣдь праведнымъ ти судомъ осудилъ есть сирая изгнаніемъ, и еже, яко земля еси, и въ землю паки пойдеши и проч. Тутъ же на первомъ листѣ находится Поученіе и благословеніе Св. Митрополита Кипріана Кіевскаго и всея Руси Княземъ и Княгинемъ, грамота, вставленная въ Никонову лѣтопись. Таже грамота вмѣстѣ съ описаніемъ преставленія и погребенія М. Кипріана находится въ Сборникѣ черица Васьяна Фатѣева ученика (№ 517) л.

35. Въ Сборникѣ (№ 573, л. 208 об.) находится грамота Кипріяна, Митрополита всея Руси, противъ тѣхъ, которые безъ благословенія переходятъ изъ обители въ обитель. Онъ приказываетъ не допускать ихъ къ поповству и къ причащенію Св. Таинъ. За № 365 Часословъ надписанъ *книгою Кипріяновскою*, письма древняго на лощеной бомбицинѣ. Внесенъ Московскимъ священникомъ, лежавшимъ въ больницѣ монастырской. Этотъ часословъ весьма замѣчателенъ многими своими статьями, особенно же Посланіемъ Господа нашего Іисуса Христа (на 111 и 135 стран.), Римскаго происхожденія, угрожающимъ близкою кончиною вселенной.

(8) Опис. Рум. Муз. стран. 717. Уставъ Церковный 1608 г. «А се написано о отреченныхъ книгахъ из молитвенника митрополичья Кипріянова всея Русіи.»

(9) И. Г. Р. Т. V. стран. 237 и прим. 246.

(10) Грамоты, Посланія и Поученія М. Кипріана въ Актахъ Историческихъ Томъ I, №№ 7, 8, 9, 10, 11, 252, 253, 255, въ Актахъ Археограф. Экспед. Т. I № 11, и см. выше въ Сборникѣ Волокол. № 573. л. 208 об. Въ рркк. Царскаго въ Сборникѣ за № 425 л. 117 грамота данная въ Великомъ Новѣградѣ Мая 12 го 1395 года, кажется, еще ненапечатанная. Также ненапечатано учительное *Посланіе Кипріана Митрополита Кіевскаго и всеа Руси игуменомъ и попомъ и діакономъ и ко мнихомъ и ко всѣмъ православнымъ Христіаномъ* въ Сvнод. рукописи за №№ 228 — 138 въ л. Правила Св. Апостолъ. Въ одномъ изъ Кипріановыхъ посланій (№ 11 Акт. Историч.) встрѣчаемъ слово *община*: «съ тѣми, кто посмѣется Ангельскому образу и свергнетъ съ себя его, ни ѣсть, ни пить, ни *общины никакой не держати.*»

(11) Значительное собраніе этихъ каноновъ и молитвъ находится въ двухъ канопикахъ Сvнодальной библіотеки. Первый за померами, прежнимъ 349 и теперешнимъ 468, относится къ 1457 году и писанъ по желанію Кня-

гини инокини Евпраксіи, рукою какого-то Сидора. Второй за № 774 новѣе. Здѣсь находимъ Филоѳеевы творенія: стихиры и канонъ, пѣваемый въ печялехъ и нужахъ; служба всѣмъ святымъ, въ позднѣйшій списокъ которой, находящійся во второмъ каноникѣ, вставлены имена Славянскихъ и Русскихъ святыхъ; служба Господу Іисусу Царя всѣхъ якоже Бога и священноначалника за божественное смотреніе яко человѣка бывша; молитва къ Св. Владычицѣ Богородицѣ изложена внезапу, а не прежъ въ умѣ изображена при новоявленныхъ тое чюдесѣхъ по заплѣненіи Ираклія; канонъ молебенъ ко Господу нашему Іисусу Христу и къ пречистѣй Его Матери на поганыя (потруженіемъ Кипріяна смиреннаго Митрополита всея Россіи); тутъ же молитвы на поганыя къ І. Х. и къ Божіей Матери (греческій подлинникъ первой молитвы находится въ греческой рукописи Сѵнодальной б. за №№ 349 — 337); канонъ молебенъ ко Господу нашему Іисусу Хрісту въ усобныхъ бранехъ иноплеменныхъ (Твореніе Святѣйшаго Патріарха Филоѳея. Потруженіе же Кипріана Митрополита Киевьскаго и всеа Руси); молитва въ бездождіе; послѣдованіе другое пѣваемо къ святѣй Богородици о бездождіи (указанъ переводчикъ этого послѣдованія первопрезвитеръ Ѳеодоръ; тутъ же слѣдуетъ Русской переводъ, сдѣланный тѣмъ же Ѳеодоромъ, отриновеннымъ отъ церкви отъ лица святительскаго, но все же Пресвитеромъ, канона молебнаго къ Пресв. Богородицѣ пѣваемаго отъ лица незрящего человѣка, творенія Іоанна Евхаитскаго); молитвы въ страшную и всемірную язву смертьную; молитва Св. Богородицѣ Одигитріи. Творенія Патріарха Исидора: кондаки и икосы подобны акаѳисту Св. Іоанну Предтечѣ; Архистратигу Михаилу; икосы Апостоламъ Петру и Павлу, вкупѣ же и дванадесяти Апостоламъ; св. чудотворцу Николѣ, подобны акаѳисту; на всечестное Успеніе Богородицы. Тутъ же находимъ Моленіе по вся дни о покаяніи грѣховъ своихъ къ Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой Матери Божіей, твореніе Патріарха Никифора; Молебенъ

къ Господу нашему І. Х. и пречистой Его Матери, егда дождь идетъ рамяно, твореніе Ѳеофила; канонъ Успенію киръ Іеромонаха Іоанна; въ исходъ души изъ тѣлеси, твореніе киръ Іоанна Евхаитскаго; молитва къ Св. Богородицѣ Григорія, философа Царьградскаго; канонъ къ Г. н. І. Х. ходатая имѣяй всесвятую Богородицу и честнаго Предтечю и славныя Апостолы и святыя вся, твореніе Ѳеодора Мелезіота, переведенное по просьбѣ Архимандрита Іоанна священномнихомъ Ларіономъ; молитва преп. Иларіона, Митрополита Россійскаго (уже извѣстная въ печати; она читалась и въ нашествіе иноплеменниковъ, и за бездождіе, и въ смертоносіе, и за всяко прошеніе; встрѣчается три раза). Другіе каноны не обозначены именами ни творцевъ своихъ, ни переводчиковъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: моленіе пѣваемо за князя и за люди, егда исходити противу ратнымъ (въ немъ раздается тотъ же гласъ, что и въ молебнѣ 1812 года: Съ нами Богъ, разумѣйте, языци, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ); канонъ молебенъ къ Господу нашему Іисусу Христу и ко всѣмъ святымъ, пѣваемъ за князя и за люди, егда изходити изъ града противу ратнымъ (здѣсь молитвы всѣ направлены противъ враговъ Агарянъ); канонъ составленъ въ страшную и смертоносную язву покаяненъ и умиленъ къ Господу нашему Іисусу Христу, къ которому приложены и молитвы на тотъ же случай Патріарха Филоѳея; молитва въ нашествіе иноплеменныхъ внегда унывати намъ отъ всякой скорби и печали; молитва благодарная по внегда престати смертной язвѣ; молитва въ любовь еже есть миръ; молитва еже отъ вражды смиряющихся.

(12) Другой списокъ Іоанна Лѣствичника съ подлинника Кипріанова находится въ библіотекѣ Графа Уварова по каталогу Царскаго за № 181. Тутъ же обозначены Псалтирь и Діонисій Ареопагитъ. Моск. Дух. Акад. за №№ 115 и 122.

(13) Духовная грамота М. Кипріана, кромѣ V тома Никоновой лѣтописи, напечатана еще въ Актахъ Юридическихъ, изд. Г. Калачевымъ. 1857.

(14) Чудеса Николы Качанова. Рукоп. изъ б. В. М. Ундольскаго № 344. Блаженный Өеодоръ, Христа ради юродивый Новгородскій. Житія Святыхъ Россійской Церкви. Январь. 19-е число. Авторъ такъ говоритъ о борьбѣ Николы съ Өеодоромъ: «Разумѣя духовно одинъ другаго, они какъ бы взаимно преслѣдовали другъ друга, обличая быть можетъ собою нелѣпую вѣковую вражду обѣихъ сторонъ, Софійской и Торговой, и выражая тѣмъ духъ своего времени. Когда случалось Өеодору переходить Волховскій мостъ на Софійскую сторону, Никола гналъ его оттуда, какъ бы овладѣвшаго его наслѣдіемъ, и металъ въ него все что попадало ему въ руки; тоже дѣлалъ и Өеодоръ, когда заставалъ на своей сторонѣ Николу.»

(15) Житіе Св. Арсенія, Епископа Тверскаго. Ркп. В. М. Ундольскаго № 281. Въ началѣ житія сказано: «Написахомъ отчасти житія его, изыскахомъ духовныма мужы, еже слышахомъ отъ преподобныхъ его устъ, такоже и отъ иже съ нимъ пришедшихъ, тоже они писаху на памятехъ изо устъ...»

(16) Житіе Св. Димитрія Прилуцкаго. Ркп. В. М. Ундольскаго № 302.

(17) Житіе Св. Павла Обнорскаго или Комельскаго. Ркп. В. М. Ундольскаго № 369.

(18) Житіе Св. Кирилла Бѣлозерскаго я изучалъ по рукописи, мнѣ принадлежащей. Нѣкоторыя подробности, собранныя мѣстно, находятся въ моей Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, которую предпринималъ я съ тою цѣлію, чтобы изучить жизнь и труды Преподобнаго на мѣстѣ его дѣйствій.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

четырнадцатой лекціи.

Искусства. — Иконопись. — Зодчество. — Литейное искусство. — Двери. — Колокола. — Рукописи XIV вѣка. — Грамоты. — Памятники Словесности. — Каноны церковные. — Переводы съ греческаго. — Св. Василій, Архіепископъ Новгородскій. — Его посланіе о земномъ раѣ. — Посланія Патріарховъ противъ Стригольниковъ. — Посланія къ Князьямъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго. — Путешествія. — Странникъ Стефана Новгородца. — Хожденіе М. Пимена въ Царьградъ. — Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. — Слово о житіи и преставленіи В. Князя Димитрія. — Лѣтописи. — Московская. — Новгородская. — Псковская. — Тверскія событія. — Постриженіе В. Кн. Михаила Тверскаго. — Народныя пѣсни эпохи Татарской. — Щелканъ Дудентьевичъ. — Калинъ Царь. — Михаилъ Казариновъ. — Три колыбельныя пѣсни. — Ненависть къ Татарамъ. — Татарскія слова въ Русскомъ языкѣ.

Мы познакомились съ внутреннею духовною жизнію Русскаго народа въ XIV вѣкѣ. Взглянемъ теперь на состояніе искусствъ и на рукописные памятники того же столѣтія.

Искусства. Иконопись.

Первымъ иконописцемъ въ началѣ вѣка былъ Святитель Петръ. Москва въ Успенскомъ Соборѣ благоговѣйно чтитъ двѣ иконы, по преданію имъ писанныя: Успеніе Божіей Матери и Богоматерь, извѣстную подъ именемъ Петровской. Въ 1344 году, при Симеонѣ Іоанновичѣ, храмъ Успенія Богоматери расписывали Греческіе живописцы Митрополита Ѳеогноста; храмъ Архангела Михаила Русскіе иконники В. Князя Симеона: главные мастера, Захарія, Іосифъ и Николай, съ ихъ товарищами; храмъ Св. Спаса иконникъ мастеръ Гоитанъ, судя по имени иностранецъ, и съ нимъ Русскіе: Семенъ и Иванъ. Подъ 1395 годомъ упоминаются два живописца: Ѳеофанъ Грекъ да Семенъ Черный съ своими учениками. Новгородскій лѣтописецъ называетъ двухъ живописцевъ Грековъ, Исаію и Ѳеофана, расписывавшихъ церкви Новгорода.

Ѳеодоръ, Архимандритъ Симоновскій, а послѣ Архіепископъ Ростовскій, занимался иконописью и, по преданію, написалъ образъ своего дяди Преп. Сергія. Игнатій *златый*, спостникъ Кирилла Бѣлозерскаго, украсилъ иконами монастырь Симоновъ.

Царьградъ посылалъ намъ также свои образа. Святитель Алексій привезъ изъ Царьграда икону Спаса нерукотвореннаго, хранимую какъ святыню въ Ан-

дроньевомъ монастырѣ, имъ основанномъ. Діонисій Суздальскій въ Царьградѣ списалъ съ иконы Богоматери Одигитріи два списка: одинъ для Нижегородскаго храма Преображенія, другой для Суздальской соборной церкви. Царь Мануилъ и Царьградскій Патріархъ, въ благодарность за помощь, оказанную противъ Турокъ, отправили ко всѣмъ Русскимъ Князьямъ иконы, вмѣстѣ съ мощами Святыхъ, и тогда же прислали В. Князю Василію Димитріевичу икону Спаса въ бѣлой ризѣ. Серпуховскій Высоцкій монастырь, устроенный Аѳанасіемъ, ученикомъ Сергія, хранитъ у себя деисусъ, состоящій изъ семи поясныхъ иконъ въ иконостасѣ. Есть преданіе, что онѣ присланы Императоромъ Мануиломъ и Патріархомъ, можетъ быть, по ходатайству Аѳанасія, поселившагося въ Царьградѣ, въ обители Студійской. Въ 1399 году, Царь и Патріархъ прислали изъ Царьграда Князю Тверскому, Михаилу Александровичу, въ отвѣтъ на дары его, икону Страшнаго Суда.

Зодчество.

Древнѣйшій памятникъ зодчества XIV вѣка есть, конечно, храмъ Преображенія, извѣстный подъ именемъ Спаса на бору, возобновленный недавно въ первоначальномъ своемъ видѣ такъ, что можно ясно отличить первобытную форму зданія, очищенную отъ всѣхъ позднѣйшихъ пристроекъ. Первоначальное основаніе соборовъ Успенскаго и Архангельскаго относится въ этому же вѣку. Церковь каменная во имя Іоанна Лѣствичника, подъ колоколами, на площади Ивановской, названной по ея имени, въ первый разъ заложена была въ 1328 году. Новгородскій лѣтописецъ часто говоритъ о строеніи каменныхъ церквей въ Новгородѣ; Псковскій о томъ же во Псковѣ. Пожары

безпрерывно истребляли храмы; но дѣятельность пастырей и усердіе гражданъ также безпрерывно воздвигали новые. Не одно храмовое зодчество дѣйствовало: съ ростомъ государства зачиналось и государственное. В. Князь Димитрій Іоанновичь заложилъ въ Москвѣ каменный городъ. Новгородскій Владыка, Василій, возобновлялъ мостъ на Волховѣ своими людьми. Въ Твери, Епископъ Ѳеодоръ, въ церкви Преображенія, въ 1343 году, устроилъ мѣдныя двери, а въ 1358 мъ мраморный полъ. Еще прежде того, въ 1336 году, въ Новгородѣ у Святой Софіи, владыка Василій устроилъ двери мѣдныя вызолоченыя. Намъ осталось двои дверей Новгородскихъ. Однѣ вывезены изъ Новгорода Грознымъ въ его Александровскую Слободу, послѣ разгрома Новгородскаго въ 1570 году, и украшаютъ соборную церковь города Александрова: онѣ извѣстны подъ именемъ Васильевскихъ, потому что приписываются владыкѣ Василію. Литье ихъ относятъ къ 1336 году. Судя по словамъ Татищевскаго свода лѣтописей: «*привезше изъ Нѣмецъ, купи цѣною великою*», нѣкоторые думаютъ, что онѣ были вылиты въ Германіи. Но признаки Новгородскаго нарѣчія въ надписяхъ показываютъ, что дѣло совершено было подъ надзоромъ людей Новгородскихъ. Другія двери, извѣстныя подъ именемъ Корсунскихъ, находятся въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. Аделунгъ посвятилъ имъ обширное изслѣдованіе. Ученый приписываетъ эти врата Василію, а родиною ихъ несомнѣнно утверждаетъ Германію и въ ней городъ Магдебургъ. Изображенія и имена литейщиковъ: Риквина, Авраама и Вайсмута; изображеніе славнаго Магдебурскаго Архіепископа, Вихманна, жившаго въ

Литейное искусство. Двери.

XII вѣкѣ; смѣшеніе преданій Латинскихъ съ Византійскими, надписей Римскихъ съ Славянскими; нѣмецкія одежды средняго вѣка на изваянныхъ ликахъ, служатъ ясными доказательствами тому, что двери литы были въ Германіи.

Колокола. Искусство лить колокола, столько необходимое для нашего богослуженія, привлекало вниманіе лѣтописцевъ. При Симеонѣ Іоанновичѣ, въ 1345 году, иждивеніемъ его и братьевъ его, Іоанна и Андрея, мастеръ Борисъ Римлянинъ вылилъ три большихъ колокола и два малыхъ. Того же мастера владыка Василій приглашалъ изъ Москвы въ Новгородъ, еще въ 1342 году, лить большой колоколъ для Св. Софіи.

Рукописи XIV вѣка. Пускай теперь XIV вѣкъ раскроетъ передъ нами свои книжныя сокровища, уцѣлѣвшія отъ времени. Вотъ рукописи, означенныя вѣрными годами: 1) Евангеліе апракосъ 1307 года, Сѵнодальной Библіотеки, писанное попомъ Поликарпомъ. Правописаніе замѣчательно признаками южнаго выговора. (1) 2) Апостолъ того же 1307 года, С. б., расположенный также по чтеніямъ церковнымъ; писанъ Діомидомъ для Пантелеймонова монастыря во Псковѣ. Въ послѣсловіи встрѣчаемъ упоминаніе о междоусобной рати князей, Михаила и Юрія, за княженье Новгородское, и выраженіе по этому случаю, заимствованное изъ Слова о полку Игоревѣ: *«при сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наши въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомъ.»* (2) 3) Апостолъ 1309 — 1312 года, С. б., по церковнымъ чтеніямъ, писанъ Максимомъ Павловымъ, сыномъ священника, по мірски Станимиромъ, при Архіепископѣ Новгородскомъ Давидѣ, при Великомъ Князѣ Новго-

родскомъ, Михаилѣ Ярославичѣ. Тарасій Антоновичь, староста церкви Св. Воскресенія, подарилъ ей этотъ Апостолъ, а потомъ чернецъ Александръ купилъ его для монастыря Св. Пантелеймона. (3) 4) Евангеліе апракосъ 1354 года, Сvн. б. писано чернецомъ Іоанномъ Телешомъ, по замышленію Алексія Константиновича, при В. Князѣ Иванѣ Ивановичѣ, при Архіепископѣ Переяславскомъ Аѳанасіи, правившемъ митрополіею Московскою по случаю отъѣзда Митрополита Алексія въ Царьградъ. (4) 5) Новый Завѣтъ собственноручный Св. Алексія Митрополита, хранимый въ Чудовѣ монастырѣ и писанный въ 1355 году. (5) 6) Евангеліе, апракосъ, 1355 г. Сvнод. б., писано двумя писцами, Леонидомъ и Григоріемъ, при Новгородскомъ Аріепископѣ Моисеѣ. (6) 7) Евангеліе, апракосъ, С. б., 1357 года, писано въ Галичѣ, въ княженье В. Князя Ивана Ивановича, рукою писца Ѳеофана. (7) 8) Евангеліе, апракосъ, С. б., 1358 г., писано двумя писцами, Лукьяномъ и Ѳеодоромъ, при томъ же В. Князѣ и при Митрополитѣ Алексіѣ. (8) 9) Паремейникъ Румянцовскаго музея; содержитъ церковныя чтенія изъ Ветхаго Завѣта, читаемыя на вечерняхъ; писанъ 1370 года, въ Спасскомъ монастырѣ, при игумнѣ Аврааміѣ, рукою чернеца Аѳанасія. На память Св. мучениковъ Бориса и Глѣба, подъ 24-мъ Іюля, встрѣчаемъ повѣствованія о убіеніи ихъ, подъ тѣмъ же названіемъ, какъ встрѣчались они и въ прошломъ столѣтіи: *отъ бытія чтеніе*. Видно, что Церковь, во времена княжескихъ междоусобій, не переставала возглашать въ храмахъ эти назидательныя чтенія. (9) 10) Списокъ самый древній Несторовой Лѣтописи, рукопись И. Публ. б., писанъ въ Суздалѣ

монахомъ Лаврентіемъ и потому названный Лаврентіевскимъ и Суздальскимъ; докончень въ 1377 году, при В. Князѣ Суздальскомъ Димитріи Константиновичѣ и при Епископѣ Діонисіи. (10) 11) Четвероевангеліе, расположенное по Евангелистамъ, но съ указаніемъ зачалъ, Сѵнод. б., 1383 года, писано въ Константинополѣ. Списокъ весьма замѣчателенъ по чистотѣ и исправности текста. (11) 12) Служебникъ Румянц. муз., 1386 года. 13) Лѣствица Іоанна Лѣствичника, оконченная въ 1387 году, въ Студійской обители, М. Кипріаномъ (библ. Моск. Дух. Акад.). (12) 14) Четвероевангеліе, изъ библіотеки Графа Толстова, писано дьякономъ Зиновіемъ, въ Переяславлѣ, въ Введенскомъ монастырѣ, при игуменѣ Саввѣ, въ княженіе Василія Дмитріевича. (13) 15) Тактиконъ или Чиновная книга, творенье Никона Черногорца. Писана въ 1397 году, по приказанію Новгородскаго Архіепископа Іоанна въ Рождественскій Богородичный монастырь, калугерами Яковомъ и Пименомъ, со списка, принесеннаго съ Аѳонской горы игуменомъ Иларіономъ, при начальствѣ ученика его, Варлаама. (14 а).

Въ Сѵнодальной библіотекѣ находится еще два 16 и 17) Параклита, содержащихъ въ себѣ каноны церковной службы осмогласника, одинъ 1369 г., писанный во Псковѣ, другой 1386 года. Въ ней же сохранились двѣ рукописи, писанныя у нашихъ единовѣрцевъ: 18) Леонтія Епископа Кипрскаго житіе Іоанна Милостиваго, писанное въ 1348 году на хлопчатой бумагѣ для Болгарскаго Царя Іоанна Александра священноинокомъ Лаврентіемъ и 19) Лѣтописецъ Георгія мниха Амартола отъ Адама по цар-

ство Константина и Ирины, писанный на Аѳонѣ въ Хиландарскомъ монастырѣ, на хлопчатой бумагѣ, въ 1386 году, иноками Романомъ и Василіемъ для Радована.

Прибавимъ къ этимъ рукописямъ еще четыре, недавно открытыя въ Новгородской Софійской библіотекѣ и описанныя Г. Купріяновымъ: 20) Евангеліе служебное (апракосъ); писано при Новгородскомъ Архіепископѣ Моисеѣ, съ признаками Русскаго полногласія, доводимаго до крайности. 21) Евангеліе служебное, 1362 года; писано при владыкѣ Алексіѣ, его паробкомъ Микулою. 22 и 23) Двѣ Минеи служебныхъ, 1369 и 1370 года; обѣ писаны при томъ же Алексіѣ, паробкомъ его Симеономъ. (14 b)

Всѣ эти рукописи писаны, большею частію, на пергаменѣ, за исключеніемъ Болгарской и Аѳонской, уставнымъ и полууставнымъ почеркомъ. Въ одномъ только Служебникѣ встрѣчаются листы хлопчатобумажные; но и тѣ вставлены въ слѣдующемъ столѣтіи. Правописаніе Русское въ нихъ господствуетъ. Нерѣдко видны слѣды мѣстныхъ нарѣчій, гдѣ писалась рукопись, особенно Новгородскаго.

Изъ сличенія семи первыхъ списковъ Евангелія, здѣсь приведенныхъ, не смотря на общее единство текста во всѣхъ, ясно видны въ каждомъ новыя поправки противъ Греческаго подлинника. Замѣтно также стремленіе выразить иногда греческіе термины или обороты Русскими, имъ соотвѣтствующими, иногда же Славянское устарѣвшее слово болѣе современнымъ народнымъ, даже мѣстнымъ областнымъ. Въ двухъ спискахъ Апостола, почти современ-

15

ныхъ другъ другу, находимъ тѣ же разнорѣчія въ текстѣ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ. (15)

Мы обозрѣли рукописи, обозначенныя вѣрными годами; но есть многія другія, безъ годовъ, относимыя нашими палеографами къ XIV вѣку. Нѣкоторыя писаны не на пергаменѣ, а на бумагѣ, сдѣланной изъ хлопчатой, весьма плотной, называемой бомбициною. Самые древнѣйшіе письменные памятники наши, писанные на этомъ веществѣ, двѣ грамоты Симеона Гордаго: его договоръ съ братьями 1341 года и духовное завѣщаніе 1353-го. Въ княженіе Симеоново бумага довольно быстро начала распространяться по Россіи; вѣроятно, получали мы ее черезъ Новгородъ. (16)

Грамоты. Къ XIV же столѣтію относятся многія грамоты, обозначенныя годами, какъ памятники нашей государственной жизни: Новгородскихъ, содержащихъ въ себѣ договоры Князей съ Новгородомъ, четырнадцать; Княжескихъ, духовныхъ и договорныхъ, пятнадцать. Всѣ онѣ писаны старинымъ Русскимъ языкомъ и представляютъ драгоцѣнные памятники не только древняго нашего быта, но и сильнаго народнаго слова. Благородно держитъ Новгородъ свою свободную рѣчь къ Князьямъ своимъ: «Княженіе твое честно держати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, Господине, тако же держати Новгородъ, по пошлинѣ, безъ обиды.»—Ревнивъ онъ къ землѣ своей, какъ достоянію Новгородской общины и Св. Софіи, и ни за что не уступаетъ ея подъ села ни Князю, ни его Княгинѣ, ни боярамъ, безпрерывно повторяя въ своихъ грамотахъ эти краткія и сильныя слова: «а земля къ Новугороду, — а земля къ святой Софіи, — а земля

святой Софіи къ Новугороду,—а Новгородское Новугороду.» Сознавая, что одна любовь только можетъ соединять Князя съ міромъ, онъ не допускаетъ никакого въ немъ произвольнаго чувства: «А гнѣва ти, Княже, до Новагорода не держати, ни до одиного человѣка.» Крѣпко стоитъ за право суда своего: «А безъ Посадника ти, Княже, суда не судити» — «а самосуда не замышляти,» — за право народнаго управленія: «а волости Новгородскія держати ти не своими мужи, а мужи Новгородскими,» — за свои грамоты крестныя съ Нѣмецкими городами, чтобы Князь на нихъ *не наступался*, а *блюлъ* бы *душу Новгородскую.* Сознаетъ Новгородъ Монгольское иго, тяготѣющее на его Князѣ, и какъ бы съ гнѣвнымъ укоромъ говоритъ ему: «А вынесутъ тобѣ изъ Орды Княженіе Великое, намъ еси Князь Великій; или пакъ не вынесутъ тобѣ Княженія Великаго изъ Орды, пойти твоимъ Намѣстникамъ изъ города проць, и изъ Новгородскихъ пригородовъ; а въ томъ Новугороду измѣны нѣту.»

Безпощаденъ Новгородъ къ тѣмъ малымъ Князьямъ; которымъ поручилъ онъ города или волости, если они не исполнили принятыхъ на себя обязанностей. Князю Ѳедору Михаиловичу отдалъ онъ городъ стольный Псковъ, и онъ ѣлъ хлѣбъ его, а какъ пошла рать, отъѣхалъ, покинувъ городъ, а Новгородскаго и Псковскаго поклона не послушалъ. За то Новгородъ говоритъ отцу его Великому Князю Михаилу Ярославичу: «Тобѣ, Княже, не кормити его Новгородскимъ хлѣбомъ, кормити его у себе.» Другаго Князя, Бориса Константиновича, кормилъ Новгородъ Корѣлою, а онъ Корѣлу всю истерялъ, и за

Нѣмцевъ загналъ. Ему также отказываетъ Новгородъ въ своемъ хлѣбѣ, говоря В. Князю: «А тобѣ, Господине, Новгородскимъ хлѣбомъ не кормити его.»

Величава и сильна народная рѣчь Новгорода съ Князьями.

Въ грамотахъ Княжихъ видимъ съ одной стороны крѣпость семейнаго союза въ словахъ: «быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто.» Старшій братъ, Симеонъ, такую держитъ рѣчь къ младшимъ своимъ братьямъ: отецъ нашъ «приказалъ намъ жити за одинъ, такоже и язъ вамъ приказываю жити за одинъ. . . . . А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, *и свѣча бы не угасла.*» Димитрій говоритъ своимъ дѣтямъ: «а вы, дѣти мои, живите за одинъ,» и безпрерывно повторяетъ: «а матери своей слушайте во всемъ, изъ ея воли не выступайтеся ни въ чемъ.» Съ другой стороны, при благословеніи Митрополитовъ Алексія, Кипріана, Игумена Сергія, по совѣту разумныхъ бояръ, выработываются между Князьями государственныя отношенія, и В. Князь Московскій Димитрій такъ выражается уже Князю Владиміру Андреевичу: «А тобѣ брату моему молодшему Князю Володимеру держати ти подо мною Княженье мое Великое честно и грозно,» — и потомъ прибавляетъ: «подо мною и подъ моимъ сыномъ подъ Княземъ подъ Васильемъ, и подъ моими дѣтьми.» Князья начинаютъ чувствовать потребность государственнаго живаго единства и говорятъ: «А Князья Великіе Христіянскіе и Ярославскіе съ нами одинъ человѣкъ.» Наконецъ Монгольское иго сильно уже чувствуется—

и дань Ординская называется вездѣ: *Ординкая тягость* и *проторъ*. Сильно сознается и потребность общей думы Князей въ дѣлахъ съ Татарами: «съ Татары оже будеть намъ миръ, по думѣ; а будеть намъ дати выходъ, по думѣ же; а будеть не дати, по думѣ же. А пойдутъ на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ съ одиного всѣмъ противу ихъ; или мы пойдемъ на нихъ, и тобѣ съ нами съ одиного пойти на нихъ.» Провидится впереди и освобожденіе, если не для себя, то покрайней мѣрѣ для дѣтей своихъ. «А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду», говоритъ Донской въ своемъ духовномъ завѣщаніи.

Всѣ эти сильныя слова, переходя изъ рода въ родъ между Князьями, содѣйствовали развитію самостоятельной государственной жизни въ отечествѣ.

Памятники Словесности.

Къ памятникамъ Словесности XIV вѣка, кромѣ разсмотрѣнныхъ прежде, принадлежатъ церковные каноны, переведенные съ греческаго, и другіе переводы, посланія Церкви и ея духовныхъ представителей, житія святыхъ, описанія путешествій, совершенныхъ Русскими, слова-сказанія о современныхъ событіяхъ и лѣтописи. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Каноны церковные.

Каноны, укрѣплявшіе духъ народный въ бѣдствіяхъ того времени, слагала Константинопольская церковь и особенно патріархи ея Никифоръ, Исидоръ, Филоѳей и Нилъ. Эти событія были почти одинаковы и у насъ, и на всемъ Православномъ востокѣ: «враги Агарянскіе», какъ ихъ называетъ церковная пѣснь, и смертоносная язва, Черная смерть, губившая по временамъ цѣлые города и села. У насъ присоединялись къ тому еще и княжескія междоусобія. Изъ

содержанія каноновъ видно, что слагатели этихъ скорбныхъ духовныхъ пѣсней общею молитвою Церкви обнимали и насъ. Мы уже знакомы съ нѣкоторыми изъ этихъ каноновъ и молитвъ, переведенными Митрополитомъ Кипріаномъ. На другихъ не означены имена переводчиковъ, но по содержанію они должны относиться къ тому же времени.

Въ *Моленіи пѣваемомъ за Князя и за люди, егда исходити противу ратнымъ*, раздается тотъ же псаломскій стихъ, который теперь мы слышимъ при молитвенномъ воспоминаніи о 1812 годѣ: «Съ нами Богъ, разумѣйте, языци, и покаряйтеся, яко съ нами Богъ.» Въ *Канонѣ молебномъ къ Господу нашему Іисусу Хрісту и ко всѣмъ святымъ, пѣваемому за Князя и за люди, егда исходити изъ града противу ратнымъ*, читаемъ:

«Яко Фараона гонителя и того колесница погуби: тако, всѣхъ Царю, *Агарьскыа* погуби *враги*, на насъ убогихъ вооружающая брани.

«Въ часъ, владыко, явися десницею ополчая иже на тя уповающимъ, внегда съкрушити *главы Агарьскыа* крѣпцѣ.

«Крестомъ твоимъ погуби *Агаряны*, Боже, и на ня укрѣпи десницу рабъ твоихъ, державне, яко да величаемъ многую твою державу, щедре, и благость.»

Церковь призываетъ всѣхъ святыхъ своихъ воителей, Меркурія славнаго, Евстафія воителя, Артемія великаго, Георгія побѣдоносца, великаго Димитрія Селунскаго, двухъ Ѳеодоровъ свѣтлыхъ, Прокопія и Нестора, храбрыхъ и непобѣдимыхъ, чтобы помогли вѣрнымъ людямъ *поганское шатаніе низложити*. Къ Богоматери такъ возноситъ она свою молитвенную пѣснь: «Пречистая, не дажь врагомъ възнестися, иже

тебе не хвалять, ни твоего Сына, Богородице Чистая, и твоей иконѣ не покланяются.»

Канонъ молебенъ на поганыхъ, твореніе Патріарха Филоѳея, такъ обращается къ Іисусу Христу и Пречистой Его Матери:

«Силою непобѣдимою, Хрісте, матере своея молитвами препоясавъ князя нашего, покори ему поганыхъ шатанія, ты бо державенъ единъ во бранехъ, человѣколюбче.

«Буесть беззаконныхъ врагъ, злую гордость и шатаніе, покори подъ нозѣ, молимъ, Владычице, вѣрнымъ княземъ нашимъ, твое заступленіе оружія страшно одѣвающе.»

Русскіе не могутъ безъ умиленія перечитывать эти молитвы, вспоминая, сколько силы почерпали въ нихъ предки для тяжкой борьбы съ Татарами на берегахъ Вожи и Дона.

Отъ враговъ внѣшнихъ Церковь переходитъ и къ враждѣ внутренней, и стремится смягчить ее и водворить единство такою молитвою, сложенною также Патріархомъ Филоѳеемъ:.... «вѣрныя же князя наша силою на супротивныя одѣвъ непобѣдимою, возглаголи мирная въ сердци ихъ о другъ друзѣ, о церкви твоей, и о людехъ твоихъ всѣхъ съкрушеныхъ напастьми, якоже зриши, и истомленныхъ всюду....» (17)

Раздоръ отъ властей переходилъ и на зависящихъ отъ нихъ. Вражда, какъ бы узаконенная державцами земли, врывалась, какъ язва, въ домы и семьи. И на эти внутреннія глубокія раны Церковь простирала свою цѣльбу Молитвою *въ любовь еже есть миръ* и другою *еже отъ вражды смиряющихся.*

Въ то время, когда Черная смерть, язва XIV

вѣка, губила народъ, вотъ какія пѣсни воспѣвала Церковь въ своихъ храмахъ:

«Умиленія, Хрісте, и покаянія отверзи дверь; даруй ми стенаніе и слезамъ источникъ, прилежное рыданіе отъ сердца истинно, яко да покланяюсь.

«Время конца пріиде, предста посреди, спѣшить посѣченіе, належить зѣлнѣ; пріидѣте, рыдаимъ; судію, взлюбленніи, покаяніемъ воздвижемъ.

«Путь имже и течемъ, житія во истинну сѣнь и сонъ, яко птиць скоро мимоходить.....

«Стенѣмъ и въсплачемъ. Общее составимъ вси рыданіе, гнѣва Божія нерастворенное, покаяніемъ и слезами растворити потщимся.

«Слово умертвися и дѣло, всякого студа исполнь. Иже сло́ва божественніи проповѣдници, предстаните ми въ часъ скорбей сихъ.

«Каплю жажуща мя во пламени искушеніихъ, якоже и милосердаго богата, прохладити умилосердитеся моля, апостоли славніи, рѣки бывше божественыя благодати.»

Патріархъ Филоѳей, въ это самое время, двумя молитвами своими, такъ призывалъ народъ къ покаянію и такъ изображалъ всеобщее бѣдствіе:

«Согрѣшихомъ и беззаконноваxомъ, не оправдихомъ, преблагій владыко, преступихомъ спасеныя ти заповѣди и священныя обѣты наша... Именемъ токмо и словесы честное евангеліе и истиннаго Христіанства, окаанніи, обносимъ... Руки наша ко всякому грабленію и несытству прилежніи быша; ноги же быстры и удобни ко всякой неправдѣ...

«Запустѣша и гради, погибоша и торжества и священныя празднества, и свершенна божественныхъ

пѣній составленіа умолкоша. Храми добріи и велиціи: по писанію, нѣсть и живущаго въ нихъ. Страхъ и трепетъ пріиде на ны. И тьма толста и мрачна грозныя сія смерти всѣхъ покры. Не успѣваемъ, владыко, скончевающихся, яко же обычно, рыдати подобающеи — и конець насъ постизаетъ, и иныхъ взыскуемъ рыдающихъ насъ, и общему гробу предаемся... преже смерти страхомъ смерти окаяннѣ умирающе»....

Грустно-значительны становятся для насъ эти пѣсни и молитвы, когда прочтемъ въ лѣтописяхъ XIV вѣка описаніе этой всемірной болѣзни. Попы не могли провожать мертвыхъ по одному отъ двора: не успѣвали отъ множества умиравшихъ. Каждый долженъ былъ привозить мертвыхъ своихъ прямо на церковный дворъ. За ночь къ утру собиралось до 30-ти, а иногда и болѣе мертвецовъ, около одной только церкви. Всѣмъ былъ одинъ проводъ, пѣли одну надгробную пѣснь; только душевную разрѣшительную молитву каждому говорили особенно. По три и по пяти мертвыхъ клали въ одинъ гробъ. Недоставало могилъ для погребанія. Разрывали цѣлыя мѣста, и тѣла хоронили вмѣстѣ. Вопль не умолкалъ. Многіе шли въ монастыри, мужи и жены. Другіе, въ заботѣ о душахъ своихъ, отдавали села и имѣнія монастырямъ, церквамъ и нищимъ.

Были у насъ и свои слагатели канонове, какъ на примѣръ Прохоръ, Епископъ Ростовскій, сложившій канонъ Святителю Петру.

Переводы съ Греческаго.

Кромѣ каноновъ и молитвъ, къ этому столѣтію относятся еще другіе переводы съ Греческаго. Инокъ Исаія, родомъ Сербъ, въ 1371 году, совершилъ въ своемъ отечествѣ переводъ творенья Діонисія Арео-

пагита: *о небесномъ священноначаліи.* Переводъ, уцѣлѣвшій у насъ, нерѣдко встрѣчается въ рукописяхъ и помѣщенъ подъ 3-мъ Октября въ Великихъ Четіихъ Минеяхъ Митрополита Макарія. Переводчикъ въ предисловіи жалуется на тяжкое состояніе своего отечества въ то время, когда доканчивалъ онъ свой трудъ: тогда Углешъ, царь Сербскій, вмѣстѣ со множествомъ своего войска, палъ отъ руки Турокъ и Сербія начала уже испытывать варварское ихъ иго. Другой замѣчательный переводъ совершенъ былъ въ 1385 году Димитріемъ Зографомъ: подлинникомъ избрана Греческая поэма Георгія Писида: *о сотвореніи міра;* судя потому, что языкъ перевода названъ Русскимъ, должно думать, что онъ совершенъ былъ въ Россіи. Нерѣдко встрѣчаемъ въ этой поэмѣ поэтическія мысли, довольно сильно выраженныя древнимъ Славянскимъ языкомъ; но Греческій синтаксисъ вообще насильственно господствуетъ надъ Славянскимъ, затемняя смыслъ перевода. О воздухѣ, напримѣръ, сказано, что «неоскудно его теченіе, безсребренно даяніе, ни богатый, ни бѣдный не восхититъ дыханія лишняго, но всѣмъ раздаетъ онъ равную благодать.» Солнце— «общее око, всевидимая зѣница, всепитательный огонь, подъ землею оно — вечеръ, надъ землею — дѣятель дня, всемірное зерцало... Ничто не скроется отъ его хожденія; оно постигаетъ и *доконечныя глубины.»* Времена года, подобно дѣвамъ, сплетающимъ персты свои въ одномъ ликѣ, подвижнымъ хороводомъ составляютъ образъ доброчиннаго житія. Земля — корабль, стоящій на водѣ и носящій всю вселенную; она посыпаетъ песокъ, какъ стѣну, кругомъ моря и въ немъ имѣетъ тонкую ограду противъ бури. Замѣ-

чательно объясненіе образованію града: въ глубинахъ облачныхъ зарождается онъ каплями; потомъ холодъ окаменитъ въ нихъ слабое и *омраморитъ* градъ, и онъ льется кругло и каменнообразно. Описаніе тѣла человѣческаго, въ которомъ насаждено *огнеобразное* сердце, представляетъ много пластическаго и живописнаго. Знаніе многихъ явленій природы и стремленіе объяснить ихъ простыми законами естества весьма замѣчательны въ этомъ произведеніи, котораго подлинникъ относится къ седьмому вѣку по Р. Х. — Іоаннъ, монахъ Аѳонскій, въ 1399 году, перевелъ Плѣны Іерусалима и Книгу премудраго Іосифа Маттаѳіева или Исторію Маккавеевъ. Всѣ эти труды нашихъ ученыхъ соплеменниковъ сохранились у насъ, потому что и тогда уже мы имѣли частыя и дѣятельныя сношенія съ Аѳономъ и Царьградомъ.

Съ большою вѣроятностію, должно отнести къ этому же времени переводъ греческаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ *Пчелы*, и распространеніе ея списковъ въ предѣлахъ Россіи. По новымъ изслѣдованіямъ молодаго ученаго, обѣщающаго трудами своими обильную жатву для Исторіи нашей древней Словесности, Г. Безсонова, утвердить можно, что переводъ Пчелы совершенъ былъ на Славянскій языкъ Русскими въ Царьградѣ или на Аѳонѣ и распространенъ черезъ нашихъ странниковъ, особенно Новгородскихъ. Пчела остроумными изреченіями Греческихъ мудрецовъ пришлась по духу и вкусу народа и подверглась скоро у насъ своеземнымъ передѣлкамъ. (18 а)

Перейдемъ къ Посланіямъ. Первое по времени принадлежитъ Архіепископу Новгородскому, Василію.

Св. Василій, Архіепископъ Новгородскій.

Святитель Василій, двадцать одинъ годъ, четыре мѣсяца и два дня, управлялъ Новгородскою паствою. Когда Моисей захотѣлъ принять схиму и удалился на покой въ монастырь, Новгородцы восемь мѣсяцевъ оставались безъ владыки. Наконецъ весь городъ и все духовенство избрали священника Козьмодемьянской церкви, на Холопьей улицѣ, Григорія Калѣку, мужа добраго и смиреннаго, который былъ уже извѣстенъ народу своимъ странствіемъ въ Іерусалимъ и къ берегамъ Іордана. Григорій постригся, принялъ имя Василія и возведенъ народомъ на сѣни владычняго дома, а потомъ на Волыни поставленъ въ Архіепископы Митрополитомъ Ѳеогностомъ.

Дѣятельность этого пастыря была неутомимая. Новгородская лѣтопись изображаетъ его великимъ строителемъ. Онъ строилъ великую каменную стѣну Новгорода, два раза мостъ черезъ Волховъ, покрывалъ дважды свинцомъ Соборъ Софійскій и утверждалъ на немъ крестъ, лилъ для него колокола, украсилъ его мѣдными золочеными дверями, извѣстными и теперь подъ именемъ Васильевскихъ, соорудилъ много храмовъ, возобновлялъ истребленные пожарами, расписывалъ ихъ мастерами Греческими.

Внутренняя дѣятельность Пастыря была миротворная. Онъ мирилъ Новгородъ съ Іоанномъ Калитою и Симеономъ Гордымъ, нѣсколько разъ укрощалъ внутреннія его междоусобія, когда одна сторона въ оружіи выходила на другую и примиреніемъ обѣихъ возвеличенъ былъ крестъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Ѳеогностъ далъ Василію крещатыя ризы, а Патріархъ Филоѳей украсилъ его бѣлымъ клобукомъ.

Когда Магнусъ, Король Шведскій, вызывалъ

Новгородцевъ на преніе о вѣрѣ и приглашалъ ихъ прислать на то философовъ, обѣщая доставить и своихъ, чтобы рѣшили: которая вѣра лучше?—Владыка Василій отвѣчалъ Королю: если хочешь узнать, чья лучше, пошли въ Царьградъ къ Патріарху; мы приняли вѣру отъ Грековъ, а съ тобою о вѣрѣ спорить не будемъ. Новгородцы, движимые ревностію Василія, крѣпко отстаивали единовѣрныхъ намъ Корелъ противъ Магнуса, который силою хотѣлъ обращать ихъ въ свою вѣру.

Василій скончался жертвою любви къ своей паствѣ. Псковъ страдалъ язвою, извѣстною подъ именемъ Черной Смерти, и звалъ къ себѣ Пастыря на духовное утѣшеніе. Василій поѣхалъ ко Псковичамъ, благословилъ ихъ и, возвращаясь оттуда, тяжко заболѣлъ на берегу рѣки Узы, и скончался 3-го Іюля, 1352 года.

Его посланіе о земномъ раѣ.

Отъ него-то осталось намъ *Посланіе къ Епископу Тверскому Θеодору о земномъ раѣ*, внесенное въ Степенную книгу и въ Софійскій Временникъ. Поводомъ къ нему были пренія, происходившія объ этомъ предметѣ въ Тверскомъ духовенствѣ и народѣ. Василій счелъ обязанностью написать это посланіе къ Θеодору, слѣдуя примѣру Апостоловъ. Θеодоръ полагалъ, что земной рай, гдѣ водворенъ былъ Богомъ первый человѣкъ, погибъ и что надобно воображать его мысленно. Василій опровергаетъ это мнѣніе, утверждая, что рай Адамовъ надобно считать на землѣ дѣйствительнымъ, равно какъ и адъ. Онъ ссылается на святыхъ Макарія, который жилъ въ 20-ти поприщахъ отъ рая, и на Евфросина, который былъ въ немъ и вынесъ изъ него три цѣлебныхъ яблока. (18 b) Онъ

приводитъ слова Іоанна Златоуста, что Богъ насадилъ рай на востокѣ, а на западѣ уготовалъ муки.

На западѣ Европы, въ XIV и даже XV столѣтіяхъ, существовали почти тѣже самыя мнѣнія. Основаніемъ для нихъ служили слова объ раѣ Св. Василія Великаго, Бл. Августина и Бл. Амвросія Медіоланскаго. Августинъ предполагалъ его на вершинѣ горы, которая непомѣрно высока и достигаетъ четвертаго слоя атмосферы, приближающейся къ лунѣ. Дантъ, основавшись на этихъ мнѣніяхъ, помѣстилъ рай на верху горы Чистилища, противоположно Іерусалиму. На географической картѣ 1346 года островъ Тенерифъ названъ адомъ, а на картѣ 1436 года Андрея Біанко, рай съ своими четырьмя рѣками помѣщенъ на югѣ Азіи.

Извѣстна любовь нашихъ древнихъ Новгородцевъ къ странствіямъ и удалымъ предпріятіямъ. Ей мы обязаны распространеніемъ нашихъ владѣній на сѣверъ и востокъ Россіи. Видно, что и Новгородскіе путешественники любили расказывать на родинѣ чудеса о своихъ странствіяхъ. Василій приводитъ ихъ свидѣтельства о существованіи ада и рая на землѣ. «А муки и нынѣ суть на западѣ, говоритъ онъ; много дѣтей моихъ, Новогородцевъ, видоки тому: на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка смоляная—Могръ, и вода входитъ въ преисподняя и паки исходитъ трижды денемъ.» А мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Яковъ, а тѣхъ мужей дѣти и внучата нынѣ живутъ въ добромъ здоровьи. Вотъ расказъ ихъ. Три было у нихъ юмы (т. е. лодки): одна изъ нихъ много блуждала и погибла; другія двѣ море долго но-

сило вѣтромъ и принесло къ высокимъ горамъ. На горѣ увидѣли они деисусъ, написанный чуднымъ лазуремъ, сотворенный какъ будто нечеловѣческими руками, а Божіею благодатію. Солнца они не видали, а свѣтъ самосіянный свѣтлѣе солнца разливался кругомъ; на горахъ же слышно было ликованіе, раздавались голоса веселія. Двое по очереди всходили на гору и, увлеченные голосами, къ своимъ не возвратились. Третьяго привязали за веревку: онъ, какъ и первые двое, всплеснулъ руками отъ радости и побѣжалъ на голоса, забывъ на ногахъ веревки; но когда сдернули его внизъ, онъ былъ уже мертвъ. Замѣчательно, что и въ преданіяхъ Новгородскихъ встрѣчаемъ ту же высокую гору, какая отъ временъ бл. Августина соединялась на западѣ съ преданіемъ о земномъ раѣ. Богомольные странники въ народѣ Русскомъ до сихъ поръ воображаютъ земной рай въ земляхъ Сибирскихъ, и расказываютъ, что тамъ есть такія пустыньки, гдѣ живутъ святые старцы: кругомъ зима и снѣгъ, а у нихъ растетъ всякое древо, и на деревьяхъ висятъ всякіе плоды.

Изъ этого посланія мы узнаемъ о тѣхъ странствіяхъ, которыя Василій еще до своего постриженія совершилъ по востоку. «Самовидецъ есмь сему, брате, говоритъ онъ, егда Христосъ идый въ Іерусалимъ на страсть вольную, и затвори своима рукама врата градная, и до сего дени не отворими суть; а егда постися Христосъ надъ Ерданомъ, своима очима видѣлъ есмь постницу его, и сто финикъ Христосъ посадилъ, не движими суть и до нынѣ, не погибли, ни погнили.»

Посланіе заключается указаніемъ на будущій

рай. Насажденный рай не погибъ на землѣ, по мнѣнію Василія, онъ свѣтитъ самосіяннымъ свѣтомъ, твердь его до горъ раевыхъ; а мысленный рай будетъ тогда, когда и небо и земля по второмъ пришествіи будутъ новыя. «То и есть, брате, мысленный рай, егда вся земля просвѣщена будетъ свѣтомъ неизреченнымъ, исполнена радости и веселія, яко же Апостолъ Павелъ глаголетъ, егда восхищенъ бысть до третьяго небеси: око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде, еже уготова Богъ любящимъ его»..... Такими думами о водвореніи рая на землѣ заняты были избранные мужи древней Руси въ половинѣ XIV столѣтія.

Посланія Патріарховъ противъ Стригольниковъ.

Живая связь Константинопольской церкви съ ея Русскою паствою обнаруживается въ посланіяхъ Патріарховъ Нила и Антонія ко Псковичамъ по случаю ереси Стригольниковъ. Мы знаемъ, что́ отвѣчалъ Архіепископъ Василій Королю Магнусу, когда онъ приглашалъ духовенство Новгородское на преніе о вѣрѣ: Василій указалъ на Царьградъ, какъ на источникъ, откуда мы приняли вѣру, и на наше съ нимъ церковное единство. Отвѣтъ свидѣтельствуетъ передъ нами, какъ живо и дѣйственно могло быть слово Царьградскихъ Патріарховъ на народъ въ такомъ важномъ событіи, которое угрожало нашему духовному единству. Должно думать, что ересь началась въ Новгородѣ, а потомъ перешла во Псковъ. Новгородская лѣтопись подъ 1376 годомъ упоминаетъ, что народъ побилъ Стригольниковъ, діакона Никиту, діакона Карпа и еще человѣка его, и сбросилъ ихъ съ мосту въ Волховъ, неправильно истолковавши Евангельское слово: аще кто соблазнитъ единого отъ

малыхъ сихъ, лучше будетъ ему, да обвѣсится камень жерновный о выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй. Начальникомъ ереси въ Антоніевомъ посланіи названъ Карпъ діаконъ. Ремесло стригольниковъ, давшее имя еретикамъ, показываетъ, что ересь возникла въ простомъ народѣ. Было ли какое нибудь иноземное вліяніе, подавшее къ ней поводъ? Изслѣдователи не допускаютъ. Причину ереси положить можно со всѣмъ вѣроятіемъ въ свободномъ духѣ Новгородцевъ и Псковитянъ, которые обнаруживали непокорность свою властямъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, избѣгая суда Митрополичьяго. Поводъ же къ ереси заключался, конечно, въ какихъ нибудь злоупотребленіяхъ духовенства, жившаго середи народа торговаго и богатаго: это предположеніе получаетъ тѣмъ бо́льшую вѣроятность, что первымъ предлогомъ къ отступленію еретиковъ было поставленіе на мздѣ.

Обнося ставленіе іереевъ святокупствомъ, Стригольники не хотѣли имѣть священниковъ по рукоположенію и преданію, а въ порывѣ высокоумія сами себя поставляли въ учители народу и произвольно толковали Священное Писаніе. Отвергая священство, они не могли совершать и таинствъ, но вполнѣ ихъ не отрицали. Они допускали внутреннее покаяніе, хотѣли, чтобы человѣкъ самъ про себя въ землю каялся, а не священнику, передъ нимъ предстоящему. Они возставали также противъ молитвъ объ усопшихъ. Основаніемъ же главнымъ всему ученію ихъ, какъ видно, было произвольное толкованіе Священнаго Писанія безъ преданій Церкви: это ясно выражено въ посланіи Патріарха Антонія словами: «Книжное почитаніе, рекша, правовѣрнымъ не-

движимо спасеніе.» Самое появленіе въ простомъ народѣ такой ереси, которая признавала свободное чтеніе священныхъ книгъ началомъ истиннаго спасенія, уже показываетъ, какъ распространено было Священное Писаніе въ народѣ.

Жестокая казнь, которой Новгородцы подвергли своихъ еретиковъ, какъ видно, не подѣйствовала. Ересь продолжалась, потому что черезъ шесть лѣтъ послѣ казни, въ 1382 году, Діонисій, поставленный въ Царьградѣ въ Архіепископы Суздальскіе и Нижегородскіе, привезъ отъ Патріарха Нила Псковичамъ грамоту, съ порученіемъ, «да благословитъ ихъ, поучитъ и накажетъ, и да совокупитъ соборной апостольской Божіей Церкви.» По всему вѣроятію, самая грамота, если не прямо была написана на Славянорусскомъ языкѣ Діонисіемъ, то покрайней мѣрѣ переведена имъ съ Греческаго подлинника.

Церковный учитель обращается въ посланіи своемъ ко всему народу Псковскому, именуя прежде бояръ, посадника и сотскихъ, и въ числѣ сыновей и чадъ своихъ ставитъ даже и тѣхъ, которые отступили отъ соборной Церкви и Христіанскаго общенія. Такое кроткое и мягкое обхожденіе Патріарха съ отступниками, конечно, привлекало къ Церкви любовь народную. Нечистая сила, говоритъ онъ, лишившись въ идолослуженіи, пропавшемъ безъ вѣсти, средства уловлять народъ, пустилась въ ереси и съ самаго начала Христіанства учила людей именовать Сына Божія тварью. Она же дѣйствуетъ и въ новой ереси. Все содержаніе посланія сосредоточено въ мысли о мнимомъ поставленіи іереевъ на маздѣ. Злоупотребленія нѣкоторыхъ Епископовъ не могутъ оправдывать

отсѣченія отъ Церкви: ибо смыслъ всей Церкви не тотъ. То, что здѣсь злоупотребленіе, въ Римской Церкви правило. (19)

Посланіе Патріарха Антонія (1388 — 1395) къ тѣмъ же Псковичамъ гораздо подробнѣе обличаетъ все ученіе ереси и предлагаетъ совѣты самые дѣятельные противъ нея. Новгородская лѣтопись подъ 1394 годомъ говоритъ, что Патріархъ Антоній съ Виѳлеемскимъ владыкою Михаиломъ прислалъ Новгороду двѣ грамоты на поученіе Христіанамъ. Сокрушаясь духомъ о раздорѣ, отдѣлившемъ часть народа отъ служителей Божіихъ черезъ Карпа, отлученнаго діакона и стригольника, Патріархъ черезъ посланнаго имъ Архіепископа Суздальскаго, Діонисія, приглашаетъ Псковичей соединиться во благое, въ смиреніе и любовь къ Іереямъ, воздать Церкви Божіей должное покореніе. *Церковь всѣмъ входна*: она, какъ мать, порождаетъ все крещеніемъ святымъ, питаетъ все живущее въ ней, одѣваетъ и веселитъ все, въ нее вселившееся.... Богъ въ Церкви хранитъ и предлагаетъ намъ плодъ вѣчной жизни, причащеніе Святыхъ Таинъ. Діаволъ, сначала удалившій человѣка отъ древа жизни, силится и теперь удалить его черезъ стригольниковъ отъ причащенія тѣла и крови Христовыхъ. Подобно Корею, Дафану и Авирону, они возстаютъ на чинъ истинныхъ священниковъ и сами, не имѣя ни священства, ни святительскаго сана, поставляютъ себя въ учители народу. Рукоположеніе ведетъ начало свое отъ І. Христа и Апостоловъ: по живому преданію оно дошло до нашихъ священниковъ. Смотри на іерея, совершающаго Божію службу, какъ на Христа въ Сіонѣ вечеряющаго съ учениками. Не

разсуждай и не испытывай объ Іереѣ Божіемъ, достоинъ онъ или нѣтъ? Помните вы, стригольники, что̀ говоритъ Апостолъ Павелъ, смотрите на себя, а не на Іерея Божія. И вы осмѣливаетесь называть ихъ недостойными духопродавцами! Но скажите, еретики, гдѣ хотите вы попа взять себѣ? Не придетъ Христосъ во второй разъ воплотиться на землѣ, не сойдетъ Ангелъ освятить вамъ попа; но если бы и Ангелъ освятилъ вамъ попа, то и ему не подобаетъ вѣровать, по словамъ Апостола: «Аще Ангелъ вамъ «благовѣститъ паче проповѣданаго, еже пріасте, про«клятъ да будетъ.»

Вы осуждаете духовенство за то, что оно отъ Церкви питается. Кто насадитъ виноградъ, отъ плода его не ѣстъ ли? Кто пасетъ стадо, отъ молока его не ѣстъ ли? Завистію подстрекаемые, вы возстаете на священниковъ, желая ихъ честь себѣ перехватить; изучивъ словеса книжныя, которыя сладко слышать Христіанамъ, вы поставили себя учителями народу. Но вы не помянули слова Христова: «не входяй дверми «во дворъ овчій, но прелазя инудѣ, тать есть и раз«бойникъ.» Не имѣющій поставленія Святительскаго и покушающійся учить не въ двери вошелъ. Воры и разбойники убиваютъ людей оружіемъ, а вы, стригольники, убиваете людей разумно смертію, удаляя ихъ отъ пречистыхъ Таинъ. Вы говорите, стригольники, что Апостолъ Павелъ и простому человѣку повелѣлъ учить; но тогда всѣ люди были невѣрны: не вамъ, еретикамъ, то было сказано. Вы—нога, творите себя головою; вы—овца, хотите быть пастухомъ.

Еще же и ту ересь прилагаете, стригольники: велите къ землѣ каяться человѣку, а не попу. Но

развѣ не слышите вы Господа, глаголющаго вамъ: исповѣдайте грѣхи своя, молитеся другъ за друга, да исцѣлѣете. Святые Отцы для того и уставили духовныхъ отцовъ, чтобъ имъ исповѣдались Христіяне. Какъ больной человѣкъ объявитъ врачу вредъ свой, и врачь приложитъ ему зеліе по *достоянію* вреда того, и онъ исцѣлѣетъ: такъ и духовному отцу исповѣдаетъ грѣхи свои человѣкъ, и духовный отецъ отъ грѣха того перестать повелитъ, и противу грѣха того воздастъ ему епитемью понести: того дѣля Богъ отпуститъ тотъ грѣхъ. А кто исповѣдается землѣ, то исповѣданіе не въ исповѣданіе: «земля бо бездушная тварь есть, и не слышитъ и не умѣетъ отвѣщати, и не вспретитъ, да не съгрѣшаемъ.» Не подастъ Христосъ Богъ прощенія грѣховъ къ землѣ кающемуся.

Эту злую сѣть самъ діаволъ положилъ въ Карпѣ діаконѣ, который не велѣлъ каяться попамъ, чтобы отъ нихъ отнять честь іерейскую, право вязать и разрѣшать, данное Христомъ. Зная заранѣе, что тѣло его, какъ еретика, не будетъ погребено съ псалмами и пѣснями, онъ началъ говорить людямъ, что не надо ни пѣть надъ умершими, ни поминать ихъ, ни службы совершать, ни приноса за мертвыхъ приносить въ церковь, ни пировъ творить, ни милостыни давать. Въ Апостольскихъ правилахъ писано творить память по умершихъ: такъ и Святые Отцы уставили. Слѣдуютъ ихъ сказанія.

Стригольники постятся, молятся, живутъ чисто, занимаются книгами: но и Фарисеи постились дважды въ недѣлю и цѣлый день не ѣли; такъ и всѣ еретики были постниками, молебниками и книжниками. Если бы житіе ихъ люди не видѣли чистымъ, кто

бы вѣровалъ въ ихъ ересь? Они изучаютъ Священное Писаніе, — но если бы не отъ книгъ они говорили, кто бы послушалъ ихъ? И *бесермени* постятся и отъ книгъ говорятъ, да не подобаетъ слушать ихъ. О самопоставляющихся учителяхъ Апостолъ сказалъ, что многіе лжепророки вошли въ міръ; но не послушайте словесъ ихъ и въ домы свои не принимайте ихъ: слуги льстивые преображаются въ слугъ истинныхъ, и самъ сатана въ свѣтлаго Ангела. (20)

Такъ поучала Царьградская церковь свою Русскую паству, ограждая православное единство отъ ересей, возникавшихъ въ нашемъ отечествѣ. Мы и въ XV вѣкѣ услышимъ еще голосъ Русскаго пастыря противъ той же ереси.

Посланія къ Князьямъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго.

Если въ двухъ посланіяхъ Патріарховъ, Нила и Антонія, мы видимъ живую связь, какая соединяла Церковь съ народомъ, то въ посланіяхъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго къ Князьямъ, сыновьямъ Димитрія Донскаго, обнаруживается другая духовная связь между Церковью и свѣтскою властью. Этихъ посланій дошло до насъ три; но есть признаки, что писано было и болѣе. Первое обращено къ Великому Князю, Василію Димитріевичу, и относится къ 1399—1402 годамъ. Инокъ, радуясь смиренію Великаго Князя всей земли Русской, который отъ толикой славы міра преклоняется къ нищетѣ его и братіи, и поручаетъ имъ молиться о грѣхахъ его, предлагаетъ В. Князю два наставленія: одно общее, другое частное. Прочтемъ первое: «Въздай же убо Благодателю долгъ, святыя его храня заповѣди, всякаго уклоняясь пути, ведущаго въ пагубу. Яко же бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблазнится, малъ

вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: тако же, господине, и о Князехъ. Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ Князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сътворяетъ вредъ. Ты же, господине, съ многою твердостію храни собе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо Святый Апостолъ: «миръ имѣйте и святыню, безъ нея же никто же узритъ Господа.» Возненавиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; непреложенъ имѣй благочестія помыслъ и не возвышайся, господине, временною славою къ суетному шатанію: малъ же убо и кратокъ сущій здѣ животъ и съ плотію съпряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный: но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеши: «блажени бо, рече, боящеися Господа.»

Второе, частное наставленіе касается раздоровъ В. Князя съ Князьями Суздальскими. «Да слышелъ есми, господине Князь Великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими Князми Суждальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда передъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже, господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ пути, да отъ того ся, господине, и возбранили (т. е. заратилися).

И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная кая власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а еже, господине, възлюбити ближняго, яко себе, и утѣшити душа скорбящая и озлобленая, много, господине, поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ Судѣ Хрістовѣ, понеже пишетъ Апостолъ Павелъ ученикъ Хрістовъ: «аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничто же полза ми есть.» Възлюбленный же пишетъ Іоанъ Богословъ: «аще кто речетъ: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть.» Тѣмже и ты, господине, възлюби Господа Бога отъ всея душа своея; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако, господине, вѣра твоя къ Богу и милостыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ.»

Смиренный голосъ инока раздавался въ пользу братской любви между враждовавшими Князьями; а польза государственная, Московское единство, требовали другихъ соображеній. Симеонъ и Василій Кирдяпа, отстаивавшіе независимость Суздаля, умерли въ изгнаніи. Но внукъ Кирдяпинъ женился, однако, на дочери Великаго Князя. Можетъ быть, и доброе слово Кириллово участвовало въ этомъ родственномъ примиреніи.

Другое посланіе надписано къ Можайскому Князю, Андрею Димитріевичу, тому самому, которому Кириллъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи поручилъ обитель. Бѣлозерская область была вотчиною Князя

Андрея. Онъ ѣзжалъ въ нее часто и могъ оттуда легко покровительствовать обители. Посланіе Кириллово написано въ отвѣтъ на Андреево, въ которомъ Князь извѣщалъ Кирилла о чудесахъ, бывшихъ отъ Богоматери. Судя по этимъ даннымъ, оно относится къ 1408 му или къ 1413 году. Побесѣдовавъ съ Княземъ о чудесахъ Богоматери, Кириллъ предлагаетъ такія наставленія Князю:

«И ты, господине Князь Андрей, видя человѣколюбіе и милосердіе Господа нашего Іисуса Христа, что гнѣвъ свой отъ насъ отвелъ, а милость свою явилъ народу крестьянскому, молитвами Пречистыя Госпожа Богородица Матере своея, и ты, господине, смотри того: властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ, люди, господине, свои уймати отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине, не было; судьи бы, господине, посуловъ не имали, доволны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: «да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни силна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства̀ ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради; ни сотвориши неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправо судя.» Пророкъ рече: «ярость Господня на нихъ неисцѣлна до вѣка, и огнь поястъ нечестивыя, мзды ради, иже неправдою взимаютъ.» А судя праведно, безо мзды, спасени будутъ и царство небесное наслѣдуютъ. И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Тако

же, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради. (Вотъ еще когда Церковь наша говорила противъ внутреннихъ таможенъ!) Такоже, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Тако же, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не потщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщется: понеже властитель еси своимъ людемъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста. А отъ упиванія бы есте уймались, а милостынку бы есте по силѣ давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитися лѣнитеся; ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнитъ.» Такъ говоритъ инокъ Князю о стояніи въ церкви: «Въ церкви стойте, господине, съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси стояще: занеже, господине, церковь наречется земное небо, въ ней же съвершаются Христова таинства. Блюди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова празна; и аще кого видиши отъ велможъ своихъ или отъ простыхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, възбраняй: понеже, господине, то все прогнѣваетъ Бога.»

Въ третьемъ посланіи Св. Кириллъ предлагаетъ духовныя утѣшенія Звенигородскому Князю, Георгію

Димитріевичу, по случаю болѣзни его супруги. (21) Георгій хотѣлъ посѣтить обитель Кириллову, но инокъ уклоняется отъ этой великой чести, боясь молвы, которая скажетъ: «Кирилла дѣля токмо поѣхалъ,» потому что Георгій не имѣлъ вотчины на Бѣлѣозерѣ, какъ Андрей братъ его.

Простодушныя наставленія Кирилловы, выраженныя живою современною Русскою рѣчью, имѣютъ всегда значеніе истины, а въ XIV вѣкѣ обнаруживаютъ ясно искреннія отношенія между Церковью и Князьями.

Путешествія.

Отъ Посланій перейдемъ къ Путешествіямъ. Сношенія наши съ Царьградомъ такъ были часты, что странно бы было, если бы древняя Русь не сохранила намъ ни одного описанія колыбели нашей вѣры.

Странникъ Стефана Новгородца.

Странникъ Стефана Новгородца есть, можно сказать, дополненіе къ Страннику Даніила Паломника. Стефанъ, старый монахъ, уже удрученный лѣтами, былъ въ Царьградѣ съ осьмью друзьями своими, въ шестое лѣто патріаршества Исидорова, т. е. въ 1350 году.

Пришедши въ Царьградъ на страстной недѣлѣ, граждане Новгородской Софіи прежде всего отправились къ святой Софіи Царьградской. На пути къ ней, ихъ остановила статуя Юстиніанова. Впечатлѣніе передано странникомъ очень ясно и живо. «И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ вельми, толстотою и высотою и красотою издалеча смотря видѣти его, и на верху его сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ Срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя простре буйно на полдни, на Срацинскую землю къ Іеруса-

лиму».... Черезъ семь дверей вошли они въ великую церковь Св. Софіи, которая имѣетъ ихъ 365 по числу дней года. Пройти сквозь толпу народную до Страстей Господнихъ помогъ имъ Царевъ Бояринъ, по имени Ботарь, можетъ быть Боцарисъ. Патріархъ Исидоръ призывалъ къ себѣ Русскихъ странниковъ, благословилъ ихъ, плѣнилъ ихъ своею любовью къ Руси и удивилъ своимъ смиреніемъ: «не нашъ бо обычай имѣетъ», прибавляетъ странникъ.

Подробно описалъ онъ поклоненіе всѣмъ святынямъ Царьградскимъ, приводя иногда для сравненія то, что́ послѣ видѣлъ онъ въ Іерусалимѣ: отсюда ясно, что Стефанъ былъ и тамъ. Преданія святыни Цареградской восходили тогда до временъ самыхъ первоначальныхъ: на столпѣ Константиновомъ лежала сѣкира Ноева. Поразило странника народное зрѣлище, бывшее въ Царьградѣ всякой вторникъ: выносили икону Богоматери, писанную Евангелистомъ Лукою; три человѣка ставили ее на плеча одному, и онъ, подкрѣпляемый чудесною силою, носилъ ее, или лучше икона носила его повсюду: такъ переходила она на плеча многихъ людей изъ народа.

Съ радостью встрѣтили Новгородцы двухъ земляковъ своихъ, Ивана и Добрилу, которыхъ считали безъ вѣсти пропавшими: оба жили въ монастырѣ Студійскомъ и занимались списываніемъ книгъ святаго писанія, потому что были весьма искусны въ этомъ дѣлѣ. Изъ этого монастыря, замѣчаетъ странникъ, много книгъ посылали на Русь: уставъ, тріодь и другія. Странный споръ былъ между Русскими и Греками. Въ великомъ олтарѣ Св. Софіи находился колодецъ, котораго вода имѣла будто бы сообщеніе

съ водою Іордана. Стража царская вынула изъ этого колодца котомку (пахирь) (22) и въ ней калиги Русскія (родъ страннической обуви). Русскіе тотчасъ узнали свой пахирь, который обронили, купаясь въ Іорданѣ. Но Греки не повѣрили имъ и не отдали калигъ. Оле намъ страннымъ! восклицаетъ Новгородецъ. Рады странники были, что Богъ сподобилъ ихъ увидѣть все, какъ они надѣялись; но въ Царьградъ, какъ въ дуброву взойти; безъ добраго вождя ходить не возможно, а скупо или убого не льзя ни видѣть, ни цѣловать ни единаго святаго, развѣ на праздникъ. Видно, святыня Царьградская отверзалась Русскимъ странникамъ не даромъ. (23)

Хожденіе Митрополита Пимена въ Царьградъ, бывшее въ 1389 году, описано однимъ изъ спутниковъ его, Діакономъ Игнатіемъ, и встрѣчается вставленнымъ въ лѣтописи. (24) Пимена сопровождали Михаилъ Епископъ Смоленскій, Сергій Архимандритъ Спасскій и многіе другіе. Черезъ Коломну, Перевитскъ, бывшій тогда еще городомъ, Переславль Рязанскій, достигли они до рѣки Дона и по волнамъ его поплыли внизъ. Путешествіе ихъ было печально и *уныливо*. Ихъ поразилъ видъ запустѣнія: здѣсь не было ни го́рода, ни села̀: гдѣ прежде стояли прекрасные города̀, смотрѣть любо, — тамъ все было теперь пусто, не населено. Не льзя было видѣть человѣка; пустыня да звѣри: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, во множествѣ, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли. На другой день рѣчнаго плаванія миновали они двѣ рѣки: Мечу и Сосну, на третій прошли Острую Луку, въ четвертый Кривой Боръ, въ шестый приспѣли къ устью рѣки Воронежа.

Хожденіе М. Пимена въ Царьградъ.

Князь Юрій Елецкій встрѣтилъ ихъ съ своими боярами, по приказанію Олега Рязанскаго. Когда приплыли къ рѣкѣ тихой Соснѣ, увидѣли столпы каменные бѣлые: дивно и красно стоятъ рядомъ, какъ малые стога, бѣлы и свѣтлы, надъ рѣкою Сосною.... Эта огромная пустыня, плодъ варварскаго ига, отдѣляла отъ нихъ кочевья Татарскія. За Терклiемъ Городищемъ въ первый разъ увидѣли они Татаръ: много ихъ, что листъ или песокъ. Съ большимъ страхомъ въѣхали путники въ землю Татарскую. Когда миновали Бекбулатовъ улусъ, увидѣли Татарскія стада, въ безчисленномъ множествѣ; умъ превосходятъ: овцы, козы, верблюды, кони. Миновали Акбугинъ улусъ: и тутъ многое множество Татаръ, и всякихъ скотовъ стада безчисленныя. Но изъ Татаръ, однако, никто ихъ не обидѣлъ: только спрашивали и получивъ отвѣтъ, пропускали мирно и давали имъ молоко. Когда же доѣхали до города Азова, Франки обидѣли ихъ, повѣривъ какой-то клеветѣ, даже сковали Митрополита Пимена и нѣкоторыхъ его спутниковъ. Только платой могли они откупиться отъ Франковъ. Изъ Азовскаго моря вышли въ великое, т. е. въ Черное, посѣтили Синопъ и останавливались въ другихъ городахъ. Дорогою достигла ихъ вѣсть о войнѣ Турковъ съ Сербами, о битвѣ между царемъ Турскимъ Амуратомъ и царемъ Сербскимъ Лазаремъ, какъ Амуратъ палъ рукою вѣрнаго слуги Лазарева, Милоша, и какъ Баязетъ, сынъ Амуратовъ, отмстилъ за то Лазарю и всему его войску. Когда прибыли они подъ Царьградъ, Русь, живущая тамъ, посѣтила ихъ на кораблѣ: была и тѣмъ и другимъ радость великая; а въ самомъ Царьградѣ Русь успокоила ихъ

въ своемъ жилищѣ, близь церкви Іоанна Предтечи. Всѣ храмы они исходили, всѣмъ святынямъ поклонились, по примѣру прежнихъ поклонниковъ. Приняли благословеніе отъ Патріарха Антонія. Ходили въ куполѣ церкви Св. Софіи, видѣли 40 оконъ шейныхъ и вымѣряли въ одномъ окнѣ со столпомъ по 2 сажени. Въ церкви при Константиновомъ дворѣ дивились столпамъ чуднымъ, *недомысленнымъ:* всѣ люди, проходящіе мимо ихъ, въ нихъ видны, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Пименъ между тѣмъ скончался, а Кипріанъ, бывшій тогда въ Царьградѣ, получивъ благословеніе Патріарха Антонія на Кіевъ и на всю Русь, поѣхалъ туда и претерпѣлъ кораблекрушеніе, о чемъ написалъ къ нимъ грамоту.

Но всего болѣе поразило Русскихъ путешественниковъ вѣнчаніе на царство Императора Мануила, которое видѣли они 11-го февраля 1390 года. Много народу собралось въ храмѣ св. Софіи: женщины стояли на хорахъ за *шидяными* (шелковыми) запонами; (25) ни лицъ ихъ, ни нарядовъ не было видно. Поразила ихъ также одежда пѣвцовъ: священные стихари, широкіе и долгіе, камчатные и шелковые, оплечья золотыя и бисерныя. Въ храмѣ были Римляне, Испанцы, Нѣмцы, Французы, Венеціанцы, Венгры: при всякомъ народѣ знамя земли его, на всякомъ его одежда. Царь вошелъ въ церковь тихо и кротко, а по обѣ его стороны двѣнадцать оруженосцевъ, покрытыхъ желѣзомъ съ головы до ногъ. Когда онъ вступилъ въ чертогъ, приготовленный въ храмѣ, облекся въ багряницу и діадиму, и взошелъ на мѣсто, тогда привели къ нему Царицу, и оба сѣли на золотыхъ престолахъ. Описана литургія и въ ней совершеніе

обряда вѣнчанія. Когда Царь и Царица, уже вѣнчанные, сошли съ престоловъ для причащенія,—народъ разодралъ всю опону чертожную и раздѣлилъ ее между собою на части. Замѣчательно послѣднее впечатлѣніе, которое вынесли Русскіе съ этого торжественнаго зрѣлища. Когда Патріархъ произнесъ нововѣнчанному Царю наставленіе и сказалъ, что надобно прежде всего стяжать страхъ Божій и смертную память, яко земля еси и въ землю паки пойдеши, — тогда никто не смѣлъ приступить къ Царю съ поздравительнымъ привѣтствіемъ, пока не подошли къ нему мраморники и гробоздатели; показывая ему мраморы и другіе различные камни, они спрашивали Царя: изъ какого камня желаетъ держава твоя, чтобы былъ гробъ твой? — Такъ притчею напоминали они Царю, въ торжественную минуту вѣнчанія, о тлѣніи и смерти, чтобы онъ столько же смирялся, сколько былъ великъ: ибо сильный сильнѣе испытанъ будетъ. Тогда уже Князья, Стратилаты, Ипаты, вельможи и воины, здравствовали ему на царство. Царь благословился у Патріарха и выходя изъ храма, въ дверяхъ былъ осыпанъ ставратами (крестовиками), которые расхваталъ народъ.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ.

Изъ государственныхъ событій XIV вѣка самымъ отраднымъ для Русскаго народа была, конечно, Донская битва. 8-го Сентября 1380 года, на Куликовомъ полѣ, на берегахъ Дона, Непрядвы и Мечи, посѣяны были первыя сѣмена политической независимости отечества и политы святою кровью воиновъ Русскихъ. Вѣра, какъ животворная мысль, проникаетъ все это событіе единствомъ дѣйствія отъ начала до конца: она побуждаетъ Димитрія къ подвигу, одушевляетъ

около него всѣхъ Князей и воиновъ, носится надъ всѣмъ полемъ битвы, укрѣпляетъ духъ въ началѣ ея и по срединѣ, и украшаетъ славу дѣла Христіанскимъ смиреніемъ.

Вскорѣ послѣ битвы, въ концѣ же XIV вѣка, сложилось объ ней Сказаніе, написанное духовнымъ лицомъ, современникомъ событію, который могъ всѣ подробности его слышать отъ очевидцевъ. Имена главныхъ участниковъ въ битвѣ, равно какъ имена падшихъ въ ней Князей и воеводъ, обстоятельно переданныя, особенно ручаются за истину этого мнѣнія. Побѣда называется въ нѣкоторыхъ спискахъ *новою.* О героѣ побѣды, Димитріѣ, не говорится еще какъ объ умершемъ, чтó бы, конечно, сдѣлалъ авторъ Сказанія, еслибы Князя не было уже въ живыхъ. Слѣдовательно, оно писано до 1389 года, т. е. до года Димитріевой кончины. Карамзинъ, Митрополитъ Евгеній и Арцыбышевъ приписывали сочиненіе Рязанскому Іерею Софронію, жившему въ концѣ XV вѣка. Строевъ называлъ сочинителя Софоніемъ, основываясь на Архангельскомъ спискѣ. Но издатель Сказанія, Снегиревъ, противорѣчилъ мнѣнію этихъ ученыхъ на томъ основаніи, что Рязанецъ не сталъ бы такъ поносить Олега Рязанскаго, своего соотчича, въ то время, когда мѣстные интересы удѣльныхъ городовъ не слишкомъ подавались передъ мыслію объ единствѣ отечества. Судя потому, что въ одномъ изъ списковъ авторъ въ заключеніи обращается съ похвалою къ городамъ Владимиру и Ростову, издатель готовъ признать его за Владимирца или Ростовца. Новѣйшее открытіе подобнаго же памятника, въ XV вѣкѣ писаннаго, сдѣланное Ундольскимъ, въ которомъ авторъ

указываетъ на Рязанца Софонія, какъ на своего предшественника въ прославленіи подвига Князей Димитрія и Владимира, окончательно утвердило сочиненіе Сказанія за Рязанцемъ Софоніемъ, впредь до новыхъ открытій. Прибавимъ въ подтвержденіе мнѣнію, что въ мужахъ мысли и слова, къ числу которыхъ принадлежали особенно духовныя лица, мѣстные городовые интересы начали сглаживаться и уступать мѣсто великой, хотя еще не совсѣмъ ясной, идеѣ Русскаго государственнаго единства. Вспомнимъ, что еще въ Несторовой лѣтописи, въ Хожденіи Даніила Паломника и въ Словѣ о полку Игоревѣ, мысль о единствѣ связывалась съ именемъ земли Русской.

Сказаніе встрѣчается подъ заглавіемъ: *Повѣданіе и Сказаніе о побоищѣ Великаго Князя Димитрія Ивановича Донскаго.* Такъ и напечатано оно издателемъ. Въ Никоновой лѣтописи, въ Сборникѣ Румянцовскаго музея оно названо *Повѣстью*; включено въ Синопсисъ подъ именемъ *Исторіи* и отсюда перешло въ лубочныя картинки Русскаго народа, (26) въ устахъ котораго слыветъ битва *Мамаевымъ побоищемъ.* Рѣдко встрѣтить можно другой памятникъ народной Русской Словесности, который бы подвергся такому произвольному искаженію переписчиковъ, какъ это Сказаніе. Грамотѣи, переписывая его, вредили тексту своимъ умничаньемъ, невѣжествомъ и рвеніемъ не по разуму противъ Татаръ. Нѣтъ двухъ списковъ, совершенно другъ съ другомъ схожихъ. Какой-то хитрецъ прибавилъ въ началѣ обращеніе къ древнему Греческому божеству, Урану. Объ Мамаѣ говорится, что онъ Эллинъ родомъ, а вѣрою идоложрецъ и иконоборецъ. Татары называются то Эллинами, то

Печенѣгами, то Агарянами. Литва смѣшана съ Варягами. Трудно, почти невозможно, при многоразличныхъ вставкахъ и искаженіяхъ всякаго рода, добраться до оригинальнаго текста, какъ онъ былъ первоначально сложенъ. Такова участь всѣхъ памятниковъ, къ которымъ особенно располагалось сердце народа и которые потому усердно и часто переписывались.

Внѣшняя поэтическая сторона Сказанія, состоящая въ описаніяхъ, сравненіяхъ, картинахъ природы, заимствована изъ Слова о полку Игоревѣ. Видно, что авторъ имѣлъ передъ собою это Слово и, подъ живымъ впечатлѣніемъ красотъ его, слагалъ свое Сказаніе. Есть однако немногія исключенія, принадлежащія собственно автору. Языкомъ оно совершенно уступаетъ Слову. Изобиліе Славяноцерковной стихіи, искаженной къ тому же грамотѣями-переписчиками, много повредило жизни памятника. Но что касается до духа Сказанія, его главной мысли и характера героя, въ этомъ отношеніи оно гораздо выше Слова. Сила, одолѣвшая Татаръ на Дону, была сила креста: въ этомъ духъ и мысль Сказанія совпадаютъ съ духомъ и мыслію самаго событія. Игорь Новгородсѣверскій есть храбрый, благородный, предпріимчивый Князь, который дѣйствуетъ слѣдуя порыву своего прекраснаго мужества, но благоразуміе имъ не руководитъ. Его удальство господствующая черта и во всѣхъ его сподвижникахъ. Отсюда неудачный исходъ ополченія, обида нанесенная землѣ Русской, позоръ плѣна и спасеніе бѣгствомъ. Не таковъ Димитрій: въ немъ нѣтъ удальства; онъ не вѣритъ въ собственныя свои силы. «Кротокъ есть человѣкъ Димитрій,»

скажемъ о немъ словами его врага, Олега. Образъ смиренномудрія онъ носитъ на себѣ; личную волю свою облекаетъ въ оружіе вѣры, покорности Промыслу и въ самоотверженіе. Въ его мужествѣ дѣйствуетъ высшая сила. Онъ самъ начальникъ побѣды и едва не палъ въ числѣ первыхъ жертвъ ея. Дѣло вѣнчается успѣхомъ какъ бы не отъ собственныхъ силъ его совершителя, а отъ той незримой силы, которой онъ самъ служитъ только вѣрнымъ орудіемъ.

Руководимые этою мыслію, пройдемъ все Сказаніе и, останавливаясь на нѣкоторыхъ частяхъ, постараемся обнять его, какъ одно цѣлое. Сказаніе начинается осужденіемъ гордости Мамая, который вознамѣрился подражать Батыю и даже превзойти его. Онъ хочетъ изгнать изъ Руси князей, а лучшіе города ея оставить въ тишинѣ безмятежной. Перевезясь за Волгу съ своими силами, онъ говоритъ улусникамъ: «да ни единъ у васъ пашетъ хлѣба: будьте готовы на Русскую землю, на хлѣбы!» Скудоумный Олегъ Рязанскій (бысть скудость ума во главѣ у Ольга, Князя Рязанскаго) приглашаетъ Мамая *огрозиться* на кроткаго Димитрія Московскаго. Олегъ сердитъ на него за то, что взялъ у него Коломну. И къ Ольгерду Литовскому онъ пишетъ также посланіе, зоветъ и его на Димитрія, увѣряя, что Димитрій, какъ услышитъ имя Царево, отбѣжитъ далеко. И Олегъ, и Ольгердъ посылаютъ пословъ къ Мамаю съ грамотами. Мамай думалъ, что они за одно будутъ противъ него. Гордо принимаетъ онъ пословъ, отвѣчая, что чужая помочь ему не очень надобна, что онъ и своею одною силою могъ бы плѣнить древній Іерусалимъ.—«Пусть моимъ именемъ и вашею рукою

распущенъ будетъ Князь Димитрій Московскій, да огрозится имя ваше въ странахъ вашихъ. Но побѣдить царя, себѣ подобнаго, мое дѣло.» Послы, возвратясь, сказали, что *царь здравитъ, вельми хвалитъ.* Скудоумные возрадовались суетному привѣту.

Князь Димитрій, услыхавъ о походѣ безбожнаго Мамая на Христову вѣру, опечалился. Первымъ дѣломъ его было прибѣгнуть къ Богу. Онъ палъ на колѣни передъ иконою у возглавія своего и, открывъ душу Богу, произнесъ молитву. Въ ней пагубу, угрожающую отечеству, приписалъ винѣ своей и грѣхи всей земли принялъ на себя. «Вѣмъ бо, яко мене ради грѣшнаго хощеши истребити землю Русскую Азъ бо согрѣшихъ предъ тобою паче всѣхъ человѣкъ.» Въ этомъ смиреніи и въ этой молитвѣ зачало его подвига. Призвавъ къ себѣ въ совѣтники брата, Князя Владимира Андреевича, онъ идетъ къ Митрополиту Кипріяну и объявляетъ ему о бѣдѣ, угрожающей отъ царя Мамая. «Чѣмъ ты ему не исправился?» спрашиваетъ Кипріянъ.» Всѣмъ исправенъ по уставу отцевъ своихъ и еще болѣе,» отвѣчаетъ Димитрій. Святитель совѣтуетъ утолить царя золотомъ, чтобы не разрушилъ Христовой вѣры. Золото отправлено, но посланный съ нимъ услышалъ на пути о замыслахъ Олега и Ольгерда, и съ этой вѣстью возвратился къ Димитрію. Усилилась его горесть, когда онъ узналъ, что друзья и ближніе на него умыслили. Усилилась и молитва. Суди, Господи, по правдѣ между ихъ и мною, сказалъ онъ— и снова идетъ передать свое горе Святителю. Кипріянъ спрашиваетъ: какую обиду ты сотворилъ имъ?—Грѣшный передъ Богомъ, я чистъ передъ ними, отвѣчаетъ Князь. Тогда Святитель благословилъ его

на подвигъ, въ силу правды и закона Божія, и пожелалъ, чтобы очи его просвѣтились веселіемъ. Твердая стража послана на югъ до Сосны рѣки. Грамоты разосланы по всѣмъ городамъ. Добытый языкъ сказалъ, что царь идетъ на Русь съ Олегомъ и Ольгердомъ, не спѣшитъ же, ждетъ до осени, хочетъ быть на Русскіе хлѣбы. Димитрій Ивановичь и Владимиръ Андреевичь подкрѣпили другъ друга взаимнымъ словомъ, готовясь умереть за вѣру Христіянскую, за святыя церкви, за обиду Великаго Князя. А между тѣмъ Князья изо всѣхъ городовъ стекаются къ Москвѣ. «Уже, братія, не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ, стучитъ рать Великаго Князя Димитрія Ивановича.» Вотъ въ Сказаніи первый отголосокъ Слова о полку Игоревѣ.

Но не въ этомъ шумѣ грознаго войска почерпаетъ Димитрій силу на подвигъ: внутренній голосъ стремитъ его въ пу́стыню, къ молитвеннику Сергію. Отшельникъ напиталъ его трапезой духовною и пророчитъ вѣнецъ ему и его воинамъ. Князь вкусилъ отъ хлѣба братіи. Два Христовыхъ воина даны ему Сергіемъ: Пересвѣтъ и Ослябя. Твердый доспѣхъ ихъ— крестъ Христовъ, нашитый на схимѣ. Обвеселился сердцемъ Димитрій, не повѣдалъ никому того, что́ сказалъ ему старецъ, и пошелъ въ Москву, какъ будто обрѣлъ нѣкое многоцѣнное сокровище. Тайна бесѣды открыта только Святителю, но и имъ заповѣдано молчаніе. Совершаетъ Димитрій молитвы передъ образомъ Спасовымъ, предъ иконой Богоматери, у гроба чудотворца новаго Петра. Идутъ освященные соборы въ ворота Кремля съ честными крестами, съ чудотворными иконами, благословить каждаго

воина, а Князь между тѣмъ съ братомъ своимъ, Владиміромъ, въ храмѣ небеснаго воеводы Архистратига Михаила, приступаетъ ко гробамъ православныхъ Князей, своихъ прародителей, и зоветъ ихъ подвизаться съ ними. Прискорбны слезные проводы Великой Княгини Евдокіи, другихъ Княгинь и воеводскихъ женъ. В. Князь не плачетъ наружно народа ради, но сердцемъ плачетъ съ кровью и утѣшаетъ жену свою словомъ: Если Господь по насъ, кто на насъ?

Димитрій вступилъ въ златокованное стремя и сѣлъ на своего коня любимаго. Сѣли на коней своихъ Князья и Воеводы. Солнце отъ восхода свѣтитъ имъ и путь показываетъ, а вѣтерокъ тихій и теплый по нихъ вѣетъ. Какъ соколы рвутся отъ золотыхъ своихъ колодокъ, такъ выѣхали Князья Бѣлозерскіе изъ каменнаго града Москвы съ своимъ полкомъ. Любо полки уряжены: достойно избавить стада лебединыя это храброе воинство. Князь Димитрій говоритъ такую рѣчь брату своему Князю Владиміру и другимъ Князьямъ и воеводамъ: «Братія моя милая! не пощадимъ живота своего за вѣру Христіянскую и за святыя церкви, за землю Русскую!» Князь Владиміръ отвѣчаетъ ему, подражая извѣстной рѣчи Князя Всеволода въ Словѣ о полку Игоревѣ: «Господинъ Князь Димитрій Ивановичь! воеводы у насъ вельми крѣпки, а Русскіе удальцы свѣдомы, имѣютъ подъ собой борзыхъ коней, а доспѣхи вельми твердые, злаченые колантыри (шишаки) и булатные байданы (значки), колгары (кольчуги) фряжскія, корды (мечи) Ляцкія, сулицы (копья) Нѣмецкія, щиты червленые, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ вельми знакома, берегà по Окѣ изготовлены, хотятъ головы

свои сложить за вѣру Христіянскую и за твою обиду Государя Великаго Князя.»

Войско выступило разными дорогами изъ Москвы: одна бы дорога не вмѣстила его. Спереди ему солнце сіяетъ и *добрѣ* грѣетъ, а по немъ кроткій вѣтеръ вѣетъ. Великая Княгиня Евдокія, съ своей снохой, Княгинями и воеводскими женами, всходитъ на свой златоверхій теремъ и изъ южныхъ оконъ смотритъ на своего Князя и на выходящее воинство. Раздается плачь ея, смягченный молитвою. Плачетъ она всего болѣе о двухъ своихъ малыхъ отрасляхъ, Князьяхъ Василіи и Юріи, боится, чтобы вѣтеръ не похитилъ ихъ съ юга или запада, чтобы зной не сразилъ ихъ.... Съ Димитріемъ пошло десять гостей изъ Сурожа: имена ихъ, записанныя въ Сказаніи, обнаруживаютъ современника и очевидца дѣлу.

Слѣдуетъ описаніе похода до Коломны, какъ сборнаго мѣста всему войску. Сыны Руси идутъ на битву, словно меду пить аль винограду ѣсть: не меду пить, не винограду ѣсть идутъ они: хотятъ искупить честь и славное имя во вѣки землѣ Русской. Дивно и грозно было въ то время слышать — здѣсь уже ясенъ отголосокъ очевидца—громко въ варганы бьютъ, тихо трубятъ ратныя трубы съ поволокою, многогласно и часто кони ржутъ. А вотъ и еще отголосокъ изъ древняго Слова: звенитъ слава по всей Русской землѣ, велико вѣче бьютъ въ великомъ Новѣгородѣ, стоятъ мужи Новгородцы у святой Софіи премудрости Божіей, говорятъ таково слово: «уже «намъ, братья, не поспѣть къ Великому Князю Ди«митрію: какъ орлы слетѣлись со всей Русской земли, «такъ съѣхались къ нему дивные удальцы.» Нов-

городъ по этому хотя и не участвуетъ своимъ войскомъ въ великомъ дѣлѣ, но дума его у Святой Софіи одна со всею землею Русскою. По другому же списку есть прибавленіе о мужахъ Новгородскихъ, побудившихъ свою родину послать въ Коломну 6 воеводъ и 40,000 воиновъ. Видно, что всякая область Русская вмѣняла себѣ въ честь и славу участіе въ Донской битвѣ: такъ греческіе города дорожили мѣстомъ въ Гомеровомъ спискѣ кораблей Ахейскихъ. Отсюда понятно всеобщее отвращеніе современниковъ къ Олегу Рязанскому, который взялъ сторону Мамая противъ общаго дѣла земли Русской. Оправдать его не льзя никакимъ софизмомъ историческимъ.

У Коломны уряжено все воинство. Здѣсь всѣ подробности ярко указываютъ на современника. Перевезлись черезъ Оку. Между тѣмъ Олегъ Рязанскій, узнавъ о движеніи Димитрія съ войскомъ и о духовной ему помощи отъ Сергія, устрашился сердцемъ и *распался мыслями*: толкуетъ онъ съ своими боярами, сердится на нихъ, что не подвигли его умолить царя Мамая, чтобы не шелъ на землю Русскую, и утѣшается тѣмъ только, что не онъ одинъ оскудѣлъ умомъ, а Ольгердъ—и тотъ *продумался*. Но съ него Господь больше взыщетъ, потому что онъ разумѣетъ законъ истинной вѣры, а не Петра гугниваго. Какъ малодушный, онъ рѣшается присягнуть тому, кому Господь поможетъ. Ольгердъ упрекаетъ Олега и остается неподвиженъ. Отца покидаютъ сыновья, Андрей и Димитрій Ольгердовичи, и предаются Димитрію, который шлетъ эту радостную вѣсть въ Москву къ Митрополиту Кипріяну и къ Игумену Сергію. А между тѣмъ здѣсь молитвы не умолкаютъ.

Великая Княгиня Евдокія, со всѣми убогими Москвы, молится по церквамъ, и день и ночь.

Передовая стража донесла, что Мамаевой силѣ и счету нѣтъ. Димитрій держитъ совѣтъ съ Князьями: переѣзжать ли за Донъ, или нѣтъ? Ольгердовичи говорятъ: переѣзжать, чтобы ни одинъ воинъ и не мыслилъ назадъ; всякой будетъ биться безъ обмана, а въ великую силу Мамая нечего вѣрить: не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ. — Переправились черезъ Донъ. Стража доноситъ, что уже близки Татары: радуются многіе Русскіе удальцы.

Тогда природа посылаетъ свои знаменія, напоминающія опять древнее Слово. Приходитъ на мѣсто битвы множество волковъ: по всѣ ночи воютъ непрестанно: страшно слышать, по храбрымъ полкамъ та гроза сердца̀ утверждаетъ. Во́роны собрались, неумолчно *граютъ*; галки свою рѣчь говорятъ; орлы съ устьевъ Дона приспѣли; лисицы на кости брешутъ, ждучи *дня грознаго, Богомъ изволеннаго*, когда множество труповъ человѣческихъ достанется имъ въ пищу и многая кровь прольется, какъ морскія воды. Отъ такого страха, отъ великой грозы дерева преклоняются и трава постилается... Многіе унываютъ, видя передъ очами смерть. Скорбью омрачаются поганые о погибели живота своего; цвѣтутъ правовѣрные, чая прекрасныхъ вѣнцовъ отъ Христа Бога Вседержителя. Вѣстники между тѣмъ безперерывно доносятъ о близости Татаръ — и вотъ уже одна только ночь разлучаетъ ихъ полки и наши.

Съ шестаго часа вечера, Князь Димитрій съ Княземъ Владимиромъ и съ Князьями Литовскими началъ уряживать полки. Воевода, прибывшій съ Ли-

товскими Князьями, Дмитрій Бобровъ, родомъ Волынецъ, ставитъ войска по мѣстамъ.

Князь Великій съ своими братьями Князьями и воеводами выѣхалъ на высокое мѣсто и видитъ: прекрасенъ образъ великаго воинства, собравшагося на великую битву. Мысль, его подвигшая, носится надъ нимъ высоко. Образъ святой Іисусъ, изображенный на Христіянскихъ знаменахъ, свѣтится, какъ солнце. Знамена же вѣютъ, какъ облака, тихо трепещущія; хоругви, какъ живыя, пашутся; доспѣхи Русскіе, какъ воды во всѣ вѣтры, колеблются; шеломы на главахъ золотомъ украшены, какъ утренняя заря во время ведряное; ловцы шеломовъ что̀ пламя огненное. Ужасается творецъ Сказанія при мысли о такомъ воинствѣ. Ему памятно, при видѣ его, слово Литовскихъ Князей: «Не быть ни при насъ, ни прежде насъ, ни по насъ такому воинству: многое его множество, но что̀ болѣ того: Господь Богъ силою своею вооружилъ его.» Димитрій, увидѣвъ строи полковъ, обвеселился сердцемъ, сошелъ съ коня, палъ на колѣно прямо великому полку и черному знамени, на немъ же сіялъ образъ Іисуса Христа, и началъ изъ глубины сердца звать велегласно: «О владыко Господи Вседержителю! взгляни *смотрѣливымъ* окомъ твоимъ на людей своихъ: они сотворены твоею рукою. Внуши, Господи, гласъ молитвы моей! Обрати, Господи, лице твое на нечестивыхъ съ яростію, они же зло творятъ рабамъ твоимъ.» Много говорилъ еще онъ въ молитвѣ. Потомъ, съ коня своего, такими словами привѣчалъ онъ полки: «Братья мои милые, сыны Русскіе отъ мала до велика, уже приспѣла ночь, приближился день грозный, бдите и молитесь всю ночь

мужайтесь и крѣпитесь! Силенъ во брани Господь: пребудьте на мѣстахъ своихъ спокойно. Утромъ не поспѣть такъ урядиться. Миръ вамъ да будетъ, мои братья. Завтра на насъ Татары, а мы всѣ будемъ готовы противу ихъ!»

Тепла и тиха наступила ночь, роняя мракъ на землю, ночь, по слову церковной пѣсни, несвѣтлая невѣрнымъ, а вѣрнымъ просвѣщеніе. «Войску вечерняя заря уже потухла,» таинственно сказалъ гадатель Волынецъ В. Князю первую примѣту, и оба выѣхали на Куликово поле брать примѣты. Димитрій сталъ посреди межъ обоихъ войскъ, обратился къ полкамъ Татарскимъ, слышалъ оттолѣ стукъ и крикъ великій, какъ будто торги снимаются, или города̀ ставятъ, или голосятъ трубы. А позади полковъ Татарскихъ волки воютъ вельми грозно, по правую сторону воро́ны и галки безпрестанно кричатъ; трепетъ великій; птицы перелетаютъ съ мѣста на мѣсто; на рѣкѣ, на Непрядвѣ, гуси, лебеди и утята крылами плещутъ, велику грозу подаютъ. Спросилъ Волынецъ Великаго Князя. «Что, Князь, слышалъ?» Отвѣчалъ Князь: слышалъ, братъ, гроза великая. И сказалъ Волынецъ: «обратись же на полки Русскіе.» Обратились они—и была тихость великая. Волынецъ спросилъ: «что́ слышишь, господинъ?»—и сказалъ Князь: слышать нечего, а только видимъ: отъ множества огней заря подпимается.—И сказалъ Волынецъ: «Князь господинъ! добрыя примѣты и знаменья: призывай Бога небеснаго, не оскудѣвай вѣрою.»—Еще есть у меня примѣта, сказалъ Волынецъ, и, сошедъ съ коня, припалъ къ землѣ на правое ухо, пролежалъ долгой часъ, всталъ и опять поникъ. Спросилъ Великій Князь: «что́, братъ, примѣта?» А

Волынецъ нехочетъ отвѣчать ему. Нудитъ его Великій Князь—и онъ сказалъ: «одна примѣта тебѣ на пользу, а другая скорбная! слышалъ я землю; плакалась она на двое: обѣ стороны плакали: одна, какъ жена, Эллинскимъ голосомъ; другая, какъ дѣвица въ свирѣль играющая. Будетъ побѣда на поганыхъ, но и Христіянъ падетъ множество.» Прослезился Великій Князь: «да будетъ воля державѣ Господней!» сказалъ онъ.—Въ туже ночь сторожъ видѣлъ на высокомъ облакѣ двухъ свѣтлыхъ юношей: шли отъ востока, въ обѣихъ рукахъ мечи острые, и гласили они Татарамъ: «кто повелѣлъ вамъ истреблять отечество наше? намъ его даровалъ Господь.» И начали рубить войско. То были Борисъ и Глѣбъ.

Разсвѣлъ начальный день спасенія роду Христіянскому: день Рождества Богородицы. Пришелся онъ на Христово воскресеніе. Затрубили трубы съ обѣихъ сторонъ: Татарскія онѣмѣли, а Русскія утвердились. Полки еще не видятся: утро мгляное. А земля вельми стонетъ, грозу подаетъ на востокъ до моря, на западъ до Дуная. Поле Куликово перегибается, востренетали луга и болота, рѣки и озера выступили изъ мѣстъ своихъ: никогда не бывало такихъ полковъ на мѣстѣ томъ. Димитрій разъѣзжаетъ по полкамъ, нося повсюду бодрое слово: «Отцы и братья! Го́спода ради подвизайтесь, святыхъ ради церквей и вѣры Христіянской! Сія смерть не въ смерть, но въ животъ вѣчный; земнаго не желайте: увяземся побѣдными вѣнцами Христовыми.»—Утвердивъ полки Русскіе, онъ снова сталъ подъ свое черное знамя, пересѣлъ на другаго коня, совлекъ съ себя приволоку царскую и въ другую облекся, а своего коня и приволоку

отдалъ Михаилу Бренку. Ставъ на мѣстѣ своемъ, обратился онъ съ молитвою къ живоносному кресту на груди своей съ изображеньемъ страстей Господнихъ. Въ то время пришли письмо и святой хлѣбецъ отъ Игумена Сергія. Писаньемъ его укрѣпился онъ, какъ бронями твердыми; святымъ хлѣбцомъ подкрѣпилъ силы тѣла. Воеводы удерживали Князя отъ личнаго участія въ битвѣ; но онъ отвѣчалъ имъ: «братья мои милые, добрыя ваши рѣчи. Нѣтъ, уже общую чашу мнѣ пить съ вами. Умру—вмѣстѣ съ вами; живъ буду—вмѣстѣ съ вами же.»

Битва началась, какъ всѣ древнія битвы, вызовомъ Татарскаго исполина, Телебѣя. Схимникъ-воинъ, Пересвѣтъ, вышелъ съ нимъ на единоборство и отнялъ у враговъ первую силу, отъ нея же пить бы было многимъ горькую чашу. Они ударились копьями, кони ихъ пали на-корачь, и съ конями вмѣстѣ пали и воины бездыханные. Въ описаніи битвы слышны опять отголоски Слова. «Треснули копья харалужныя, звенятъ доспѣхи злаченые, стучатъ щиты червленые, гремятъ и блещутъ мечи и сабли булатныя. Текутъ кровавые ручьи, трепещутъ синія молніи *отъ облистанія мечнаго*; слышенъ громъ *отъ копейнаго сломленія.*» Иногда, послѣ этихъ шумныхъ подражаній Слову, передающихъ звуки битвы, авторъ вставляетъ выраженье сильнаго чувства, смягчая его религіозною мыслію: «Страшно видѣть этотъ грозный часъ смертный: въ единомъ часѣ и въ мгновеніи ока сколько тысячъ человѣкъ погибаетъ созданія Божія! Воля бо Господня совершается.»

Въ шестомъ часу Татары стали одолѣвать Русскихъ. Русскіе удальцы побиты, какъ сильныя древа

сломились. Не туры взревѣли, взревѣли многіе воины, урываясь на землѣ подъ конскими копытами... Самого Великаго Князя уязвили.... Татары повсюду! Видя побоище, рвется Владиміръ Андреевичь изъ своей засады, но сдерживаетъ его Волынецъ до осьмаго часа. Сыны Русскіе въ полку его плачутся, видя друзей побиваемыхъ, порываясь туда, словно званые на бракъ вина пить. Тогда время было помолодѣть и старому, а молодому храбрости испытать. Но Волынецъ сдерживаетъ ихъ. Когда же приспѣлъ осьмой часъ, онъ закричалъ: «Князь Владиміръ! время пришло и часъ приспѣлъ! Дерзайте, братья и други, сила Святаго Духа помогаетъ намъ!» — Тогда выѣхали изъ дубравы единомысленные други, какъ соколы спущенные, и ударили на стада журавлиныя. Татары крикнули: увы намъ! Русь перемудрила насъ. Худшіе съ нами бились, а лучшіе соблюдались. — Дали тылъ Татары. Какъ лѣсъ они клонятся; какъ трава отъ косы постилается, такъ Русскими мечами сѣкутся Татарскіе полки. Мамай бѣжитъ и призываетъ боговъ своихъ: Перуна, Мокоша, еще другихъ боговъ неизвѣстныхъ, и своего помощника Махмета. Побѣда рѣшена.

Князь Владиміръ, ставъ на костяхъ подъ чернымъ знаменемъ, не нашелъ Князя Димитрія, брата своего, велѣлъ трубить сборъ, ждалъ часъ, а все нѣтъ его. Въ слезахъ поѣхалъ онъ по полкамъ разспрашивать: Братья, кто видѣлъ, кто слышалъ Государя своего, князя Димитрія? Прекрасны отвѣты воиновъ: одинъ говоритъ: я видѣлъ его въ пятомъ часу, какъ онъ крѣпко бился; другой: а я видѣлъ еще позднѣе, какъ четыре Татарина напирали на него; третій ра-

сказываетъ подробно этотъ бой и какъ Татары отбили его отъ Князя. Отроки разсунулись по великому грозному побоищу искать побѣдѣ побѣдителя. Но вотъ два воина Костромича уклонились въ дубраву и тамъ нашли Димитрія, израненнаго, отдыхающаго подъ срубленною березой. Вѣсть о найденномъ пронеслась быстро. Скоро всѣ его окружили. Владиміръ возвѣщаетъ ему побѣду. Димитрій отвѣчаетъ ему словами пасхальной пѣсни: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь.»

Привели ему коня кроткаго. Побѣдитель выѣхалъ на побоище; смотритъ: много побито его воинства, а поганыхъ вчетверо. «Неложна твоя примѣта,» сказалъ онъ Волынцу. Умываясь слезами, ѣздилъ онъ по полю и узнавалъ убитыхъ: тутъ лежатъ всѣ вмѣстѣ Князья Бѣлозерскіе, тутъ Михаилъ Бренко, а вотъ Пересвѣтъ, *почипальникъ* побѣды! Погребеніе Христіянскихъ тѣлъ заключаетъ событіе. Мамай бѣжитъ къ Кафѣ. Русская слава вознеслась надъ Татарами. Вѣсть о ней пошла по всѣмъ городамъ. Воздадимъ хвалу Русской землѣ, а Владимиръ и Ростовъ со всѣми городами воздаютъ хвалу Богу.

Въ другихъ спискахъ прибавлено подробное возвращеніе Димитрія въ Москву. Проходя Рязанскую землю, онъ велитъ воинамъ не касаться ни единаго ея колоса. Жена съ дѣтьми встрѣчаетъ его у Фроловскихъ воротъ. Благодарственныя молитвы приноситъ побѣдитель во всѣхъ тѣхъ храмахъ, гдѣ молился, собираясь въ походъ, и заключаетъ ихъ въ обители у Сергія.

Сказаніе, какъ видимъ, хотя и принимаетъ нерѣдко оттѣнокъ эпической, но остается всего болѣе

вѣрнымъ историческому ходу событія — и въ его правдѣ, въ его сущности, почерпаетъ живую мысль для своего единаго цѣлаго. Не льзя не пожалѣть, что этотъ зародышъ поэмы остался у насъ дичкомъ и не одушевилъ ни одного поэта въ художественномъ періодѣ новой Россіи. Древняя Русь, въ своемъ смиреніи, не тщеславилась своими подвигами, а все отдавала Богу. Новая Россія, увлеченная другими стремленіями, полюбила славу. Ея бы дѣло было воздать славою тѣмъ, которые не о славѣ, а о благѣ думали; но не туда устремила она очи. Подождемъ далѣе. Озеровъ въ своей трагедіи, внесши рыцарскую стихію въ дѣло Божіе и земское, совершенное Димитріемъ, театральною ложью исказилъ событіе. Возведетъ ли когда нибудь Русскій поэтъ это народное сказаніе въ перлъ созданія художественнаго—рѣшить трудно; но мы скажемъ только, что, изучая поэзію Русскую въ этихъ самородныхъ дичкахъ, въ зародышахъ первоначальныхъ, чуждыхъ всякаго подражанія и вѣрныхъ одному духу народа, мы замѣчаемъ въ нихъ отсутствіе лжи поэтическаго вымысла, а проникновеніе идеи красоты правдою дѣла, откуда можетъ выработаться новый самостоятельный характеръ Русской поэзіи, болѣе согласный съ народнымъ духомъ.

Судя по множеству разнообразныхъ списковъ Сказанія, украшенныхъ многими прибавленіями, видно, что оно своимъ содержаніемъ привлекало къ себѣ древнихъ грамотѣевъ и довольно часто служило любимою для нихъ темою. Позднѣйшее подражаніе ему, открытое Ундольскимъ и напечатанное Бѣляевымъ, по мнѣнію Издателя, есть произведеніе конца XV вѣка. Его заглавіе: *Слово о Великомъ Князѣ Дмитреѣ Ивано-*

вичъ и о братѣ его Князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая. Другой списокъ того же Слова, не столько полный, открытъ въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ Архимандритомъ Варлаамомъ; здѣсь оно названо: *Задонщина Великаго Князя Господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Ондрѣевича.* (27) Для этого Слова послужили два подлинника: Сказаніе Рязанца Софонія, на которое оно ссылается, и Слово о полку Игоревѣ; но и отъ того, и отъ другаго произведенія оно далеко отстало. Въ немъ совершенно нарушена глубокая мысль, дающая единство Сказанію, и все сосредоточено въ личной похвалѣ Князьямъ Димитрію и Владиміру, какъ это видно и по самымъ заглавіямъ. Гораздо ярче выдается подражаніе Слову, но это подражаніе не живое, а мертвое. Находимъ частыя выписки изъ Слова, искажающія его поэтическое достоинство. Авторъ какъ будто передражниваетъ творца Слова, не понимая красотъ его. Но новооткрытый памятникъ весьма важенъ относительно къ двумъ своимъ подлинникамъ: онъ утвердилъ Сказаніе за Рязанцемъ Софоніемъ и окончательно подтвердилъ достовѣрность Слова о полку Игоревѣ.

Слово о житіи и преставленіи В. К. Димитрія.

Вскорѣ послѣ кончины Димитрія Донскаго, умершаго въ 1389 году, написано было *Слово о житіи и о преставленіи Великаго Князя Дмитрія Ивановича Царя Русскаго.* (28) Впечатлѣніе дня кончины, имъ переданное такъ: «что нареку день той? день скорби и туги» — и слова: «слышахъ многъ народъ глаголющъ: о горе намъ, братье! Князь Княземъ успе,» явно указываютъ на современника событію. Писалъ его риторъ, знакомый, какъ видно, съ Греческою

словесностію. Нѣкоторыя мѣста оборотами Греческими и темнотою выраженія обличаютъ Греческій подлинникъ, съ котораго переведены. Упоминаются философы Платонъ и Пиѳагоръ. Судя по нѣкоторымъ пріемамъ, можно бы было приписать слово тому же Епифанію, который написалъ житія Святыхъ Сергія и Стефана Пермскаго. Еще Карамзинъ восхищался краснорѣчіемъ этого Слова, увлекаясь иными выраженіями, какъ напримѣръ: *златоперсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица*, когда авторъ говоритъ о Димитріѣ и Евдокіи, или: *вскипѣла земля Русская во дни княженія его!* Ему нравился также плачь Евдокіи по смерти супруга; правда, въ немъ есть нѣкоторые живые отголоски простаго чувства горюющей вдовы, но этой простотѣ мѣшаетъ риторическое многословіе. Была мысль у автора представить въ Димитріи образецъ человѣка, государя, сына, супруга, отца. Насъ привлекли бы всего болѣе личныя черты Димитрія и чувства къ нему народа; но, къ сожалѣнію, здѣсь истина затьмилась въ гиперболахъ похвальнаго слова, которое принимаетъ по временамъ тонъ акаѳиста, иногда же искажается умышленно. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что Димитрій не хотѣлъ, слѣдуя примѣру предковъ, постричься въ монахи передъ кончиною, а въ Словѣ сказано: «во чернечьскыя ризы по вся дни желаше облещися.» Димитрій былъ монахомъ во внутренней своей жизни, не желая внѣшняго образа, что̀ гораздо важнѣе для государя. Первая черта его нравственнаго характера была цѣломудріе: Слово выставляетъ ее. Замѣчательны также отношенія его къ боярамъ. Слово выражаетъ ихъ, влагая въ уста умирающему Димитрію такія слова, къ нимъ обращен-

ныя: «Вѣдаете обычаи мои и нравъ: передъ вами родился, и при васъ возросъ, съ вами и царствовалъ, и землю Русскую держалъ 26 лѣтъ, и мужествовалъ съ вами на многія страны, враговъ покорилъ, княженіе укрѣпилъ, миръ и тишину землѣ сотворилъ, отчину свою съ вами соблюлъ, къ вамъ честь и любовь имѣлъ, подъ вами города держалъ и великія волости, и чадъ вашихъ любилъ, никому не сдѣлалъ зла, ни силой что отнялъ, не досадилъ, не укорилъ, не разграбилъ, не безчинствовалъ; но всѣхъ любилъ и всѣхъ въ чести держалъ, и веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ; вы же не назывались у меня боярами, но Князьями земли моей.» Это лучшее мѣсто въ Словѣ, потому, что слова̀ Димитрія къ боярамъ взяты, конечно, изъ его жизни и вѣрно опредѣляютъ подвигъ бояръ его времени, мудрымъ совѣтомъ которыхъ утвердился престолъ Московскаго единодержавія. Другой же подвигъ самоотверженія бояръ Русскихъ на Куликовомъ полѣ славитъ Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ такими словами, которыя обращаетъ къ Князю Димитрію бояринъ Московскій: «нужь, Господинъ Князь Великій Димитрій Ивановичь, нѣту у насъ боляриновъ Московскихъ большихъ со̀рокъ, а двѣнадцати Князей Бѣлозерскихъ, а трехъ боля̀риновъ посадниковъ Новгородскихъ, двадцати боляриновъ Коломенскихъ, сорока боляриновъ Серпуховскихъ, а двадцати боляриновъ Переяславскихъ, а двадцати пяти боляриновъ Костромскихъ, а тридцати пяти боляриновъ Володимерскихъ, а восьми боляриновъ Суждальскихъ, а сорока боляриновъ Муромскихъ, а тридцати боляриновъ Ростовскихъ, а двадцати пяти боляриновъ Дмитровскихъ, шестидесяти бояръ Можай-

скихъ, тридцати бояръ Звенигородскихъ, а пятнадцати бояриновъ Углецкихъ, а сгинуло у насъ дружины полтретья ста тысячъ.» Такая жертва, принесенная боярами всей Руси на Куликовомъ полѣ за свободу отечества, объясняетъ источникъ тѣхъ прекрасныхъ словъ, которыми прощался умиравшій Димитрій съ боярами, окружавшими смертный одръ его.

Лѣтописи XIV вѣка, Московская, Новгородская, Псковская, обнаруживаютъ явные слѣды очевидцевъ событіямъ и современниковъ. Знаменія небесныя, наполнявшія суевѣрнымъ страхомъ сердца народа; пожары, истреблявшіе цѣлые города; грабежи нерѣдко ихъ сопровождавшіе, не только въ домахъ горожанъ, но и во храмахъ Божіихъ; Черная Смерть съ своими роковыми признаками; голодъ и дороговь—обличаютъ людей, которые слѣдили за примѣчательными событіями и передавали ихъ правдиво, съ подробностями вѣрными. Нерѣдко эти описанія сопровождаются размышленіями, иногда же вздохами сердца, чувствующаго скорбь современной жизни. Московская лѣтопись слѣдитъ за видимымъ ростомъ Великаго Княженія Московскаго, которое въ лицѣ своего Князя приводитъ всѣхъ Князей Русскихъ подъ свою волю. Три важныя событія въ борьбѣ нашей съ Татарами: Мамаево побоище, славное нашею побѣдою, несчастное нашествіе Тохтамышево, покрывшее Москву вновь позоромъ и запустѣніемъ, грозная Тамерланова туча, отведенная отъ Москвы чудесной силою, округлены въ особыхъ повѣстяхъ или сказаніяхъ, гдѣ слышны отголоски жизни. Плачется такъ добрый Москвитинъ надъ своею Москвою послѣ Тохтамышева разгрома: «Былъ прежде Москва градъ великъ, градъ чуденъ, градъ

Лѣтописи.

Московская.

многочеловѣченъ: въ одинъ часъ измѣнился, когда былъ взятъ, посѣченъ, пожженъ. Нечего видѣть, развѣ только землю и персть, прахъ, пепелъ, трупы мертвыхъ, святыя церкви разоренныя, осиротѣлыя, овдовѣвшія. Плачется Церковь о чадахъ церковныхъ... Гдѣ красота церковная? Перестала литургія, перестала просфора, приношеніе на святомъ жертвенникѣ, перестала молитва заутреняя и вечерняя, пересталъ гласъ псалму, по всему городу умолкли пѣсни. Увы мнѣ! страшно слышати, страшнѣе было видѣти! Гдѣ четцы и пѣвцы? гдѣ клиросники, гдѣ церковники? гдѣ священники, служащіе Богу день и ночь? Всѣ лежатъ, всѣ уснули и почили, всѣ посѣчены, всѣ избиты. Нѣтъ звона въ колокола, нѣтъ удара въ било, нѣтъ зовущаго, ни текущаго....» Страшный сонъ Тамерлановъ— гора высокая и съ горы́ святители, идущіе на него съ золотыми жезлами, а на воздухѣ надъ святителями жена въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воинства—есть, конечно, отголосокъ народной вѣры и народныхъ сказаній. — Иногда лѣтописецъ влагаетъ такія слова въ уста ханамъ Ординскимъ, которыя иглами впиваются въ честь Русскихъ Князей, начиная съ Московскаго. Такъ Тохтамышъ, Воложскій и всѣхъ ордъ высочайшій царь, говоритъ Михаилу Тверскому: «я улусы свои самъ знаю, и каждый Князь Русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служитъ правдою и я его жалую, а что неправда предо мною улусника моего Князя Дмитрія Московскаго, и я его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ правдою, и я его жалую по старинѣ во отчинѣ его, а ты поди въ свою отчину во Тверь, и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую.»

Обличеніе въ порокахъ времени, въ порокахъ, къ сожалѣнію, народныхъ, совершается съ тою искренностію, которая внушаетъ намъ довѣріе къ исторической правдѣ нашихъ лѣтописей. Пьянство и разгулъ Князей, бояръ и воеводъ Нижегородскихъ, Суздальскихъ и Московскихъ, бывшія причиною ихъ пораженія отъ Татаръ на рѣкѣ Пьянѣ, переданы со всѣмъ отвращеніемъ къ позору дѣла. Подобное же поведеніе народа въ Москвѣ, которую оставили В. Князь Димитрій и Митрополитъ Кипріянъ, поражаетъ также грустною вѣрностью описанія. Безчеловѣчные поступки Смольнянъ съ Литовцами, при осадѣ Мстиславля, въ 1386 году, переданы также безъ утайки. Коварный поступокъ боярина Василія Румянца съ Нижегородскимъ Княземъ Борисомъ Константиновичемъ обличенъ сильно, но хладнокровно.

Хотя лѣтописи, по всему вѣроятію, пишутся духовными лицами; но смуты и соблазны Церкви не скрыты. Сколько благодарности и теплаго сочувствія мы видимъ къ миролюбію Сергіеву, къ пастырской заботливости Алексія,—столько же неблаговоленія къ честолюбію и роскоши самопоставленика попа Митяя и къ смѣлому домогательству Пимена. Наружность и характеръ Митяя, по всѣмъ примѣтамъ, переданы человѣкомъ, знавшимъ его лично. Отдана вся справедливость его способностямъ, его рѣчи легкой, чистой и громогласной, его обширной начитанности, которыми привлекъ онъ къ себѣ любовь Димитрія. Но роскошь его драгоцѣнныхъ одеждъ, которыя онъ любилъ мѣнять ежедневно, ослѣпляя внѣшностью глаза его окружавшихъ, обличена строго лѣтописцемъ. Пораженный соблазномъ его внезапнаго постриже-

нія въ иноки и немедленнаго назначенія въ Архимандриты, въ чемъ участвовалъ произволъ великокняжеской власти, лѣтописецъ позволяетъ себѣ въ описаніи этого событія рѣзкую иронію. «Пришелъ попъ какъ будто неволею, говоритъ онъ, въ монастырь Св. Спаса, послали по Чудовскаго Архимандрита Елисея Чечетку, и пришелъ Чудовскій Архимандритъ Елисей Чечетка, и постригъ попа Митяя во святый Ангельскій иноческій образъ въ церкви, въ монастырѣ Св. Спаса внутри города. И такъ до обѣда былъ попъ мірской, также инокъ, а послѣ обѣда Архимандритъ: до обѣда пришелъ попъ мірской и пострigся во иноческій чинъ, а послѣ обѣда вышелъ начальникъ и пастырь и учитель.» Самыя прозванія попа Митяя, Архимандрита Чечетки, и другія, какъ напримѣръ, Архимандрита Ивана Непеицы, кроткаго, тихаго и смиреннаго, протодьякона Давыда, прозваннаго Дашею Московскимъ, обнаруживаютъ краски современной жизни, оживляющія однообразный ладъ лѣтописнаго расказа.

Борьба удѣльная и духъ возрастающаго Московскаго единодержавія, ревнивый ко всякой отдѣльной власти, отзываются нерѣдко въ Московской лѣтописи. Споръ Москвы съ Рязанью, вражда Димитрія съ Олегомъ, наполняютъ почти все княженіе Димитріево. Эта вражда внушаетъ Московскому лѣтописцу бранныя слова о Рязанцахъ, соперникахъ Москвичей, по случаю описанія похода Московскаго войска на Рязань въ 1371 году. Онъ называетъ ихъ людьми суровыми, свирѣпыми, высокоумными, гордыми, и все болѣе и болѣе увлекаясь, даже полоумными и безумными людищами, наконецъ чюдищами. Въ порывѣ

высокоумія сказали они другъ другу, говоритъ онъ: «не берите съ собою доспѣховъ, ни щитовъ, ни копій, «ни сабель, ни стрѣлъ; но возьмите съ собою только «веревки да ремни, чтобы ими вязать Москвичей сла-«быхъ, робкихъ, некрѣпкихъ.» Наши же со смиреніемъ и воздыханіемъ уповали на Господа Бога, на Пречистую Богородицу и на великихъ чудотворцевъ, понеже отъ Бога дается помощь смиреннымъ; не въ силѣ, но въ правдѣ даетъ онъ побѣду... И видѣлъ Господь Богъ смиреніе Москвичей и вознесъ ихъ, а Рязанцевъ гордость низложилъ, по словамъ премудраго Соломона: «Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.» Но не до смерти Димитрія длится эта вражда Москвы съ Рязанью: ее гаситъ сила духовная. Св. Сергій Радонежскій, въ 1385 году, является примирителемъ Димитрія и Олега: «старецъ чудный, какъ говоритъ лѣтописецъ, тихими и кроткими словами и рѣчами, и благоувѣтливыми глаголами, много бесѣдовавъ о пользѣ душевной, о мирѣ и любви съ Олегомъ,» прекращаетъ эту вражду и устроиваетъ между нимъ и Димитріемъ вѣчный миръ и любовь. Позднѣе бракъ сына Олегова, Өеодора, съ дочерью Димитрія, Софіею, упрочилъ этотъ союзъ.

Передавая Новгородскія событія, Московскій лѣтописецъ любитъ особенно выставлять духъ Новгородскаго своеволія: какъ Новгородцы не слушаются князей Московскихъ, не хотятъ суда Митрополичьяго и, подобно аспиду, затыкаютъ уши отъ учительнаго слова Митрополита Кипріяна; какъ Новгородскіе ушкуйники совершаютъ грабежи по Волгѣ, разоряютъ Кострому, Нижній и Астрахань, и пьяные всѣ

тамъ побиты; какъ Новгородъ великій, весь отъ мала до велика, отъ убогихъ и нищихъ, защищаетъ Двинскіе пригороды и волости Св. Софіи, которые отнялъ у нихъ В. Князь Московскій, Василій Димитріевичь. Въ одномъ мѣстѣ сгорѣвшей Троицкой лѣтописи такъ выражается о Новгородцахъ лѣтописецъ: «Таковъ бо есть обычай Новгородцевъ: часто *правають* (присягаютъ) ко Князю къ Великому, и паки *рагозятся* (ссорятся), и не чудися тому: бѣша бо человѣци суровы, непокориви, упрямчивы, непоставни... Кого отъ Князь не прогнѣваша? или кто отъ Князь угоди имъ, аще и Великій Александръ Ярославичь не уноровилъ имъ?.. и аще хощеши распытовати, разгни книгу, Лѣтописецъ Великій Русьскій, и прочти отъ Великаго Ярослава и до сего Князя нынѣшняго»... Въ другомъ мѣстѣ тотъ же лѣтописецъ называетъ Новгородцевъ *вѣчниками*, *крамольниками*, *суровыми*, *свирѣпыми людьми*.

Иногда становясь выше всѣхъ этихъ внутреннихъ раздоровъ, лѣтописецъ предается такимъ размышленіямъ: «всѣ одинъ родъ и племя Адамово, и цари и князья и бояре и вельможи и гости и купцы и ремесленники и рабочіе люди, одинъ родъ и племя Адамово, и забывшись другъ на друга враждуютъ и ненавидятъ и грызутъ и кусаютъ, удаляясь отъ заповѣди Божіей любить искренняго своего какъ самого себя.»

Вѣроятно, были лѣтописи и по другимъ знатнѣйшимъ удѣльнымъ городамъ, продолжавшимъ распрю съ Москвою; но замѣчательно, что ни Рязань, ни Тверь не сохранили намъ своихъ, а сохранены онѣ только двумя народными общинами, Новгородомъ и Псковомъ.

Новгородская.

Духъ Новгородскій, вѣра въ силу Св. Софіи, любовь къ своему Новгороду, благодарность къ его строителямъ и украсителямъ, одушевляютъ лѣтописи Новгорода. Лѣтописецъ молится за души Новгородцевъ, которые, въ 1301 году, сражаясь подъ предводительствомъ Князя Андрея Александровича у Шведскаго города, Ландскрона, Вѣнца земли, положили свои головы за Св. Софію. Подъ 1331 годомъ, выставляя высокоуміе Пскова, который вздумалъ помимо Новгорода ставить себѣ владыку, лѣтописецъ говоритъ грозно: «но Богъ и святая Софія низлагаетъ всегда высокомыслящихъ.» И какъ Новгородцамъ не любить было Св. Софіи? Она въ общественныхъ бѣдахъ предлагала имъ помощь, и когда въ 1391 году выгорѣлъ Новгородъ, Св. Софія выдала ему изъ палатъ своихъ 5,000 серебра, накопленныхъ владыкой Алексіемъ, по тысячѣ на каждый изъ пяти концевъ его.

Говоря объ Архіепископѣ Василіи и его трудахъ для украшенія Св. Софіи, лѣтописецъ обнаруживаетъ его современника, принося молитвы Богу и Св. Софіи Премудрости Божіей за него съ его дѣтьми, Новогородцами. Другой сказатель, въ концѣ столѣтія, молится также за Архіепископа Іоанна. Весьма часто отзывается въ лѣтописи живое слово Новгородское изъ жизни народной, такъ на примѣръ: «*не было пословицы* Псковичамъ съ Новгородцами;» или Псковичи говорятъ Новгородцамъ; «господа братія! *како печалуетеся нами, своею братьею молодшею?*» — или: «ходили изъ Новагорода люди молодые на Волгу, *безъ Новгородскаго слова*.» Въ то время, какъ Князь Василій отнимаетъ у нихъ Двинскіе пригороды и

волости, Новгородцы благословляются у владыки Іоанна и говорятъ: «или паки *изнайдемъ свою отчину* къ святой Софіи и къ Великому Новгороду, паки ли свои головы положимъ за святую Софію и за своего господина, за Великой Новгородъ.» — Изображая вѣчевыя распри двухъ сторонъ Новгородскихъ, Софійской или Зарѣцкой и Славянской или Торговой, лѣтописецъ не держится ничьей стороны, а возвышаясь надъ ними, радуется тому, если духовною силою владыки Василія, или владыки Моисея, миръ водворенъ былъ между ними и *возвеличенъ крестъ.* Лѣтописецъ отзывается всѣмъ великимъ событіямъ отечества, и битвѣ Вожской, и битвѣ Куликовской, и нашествію Тохтамыша, и грозѣ Тамерлановой. Мысль о всецѣломъ единствѣ Россіи уже таится въ духѣ историческихъ преданій и зоветъ избранныхъ людей отъ мѣстныхъ интересовъ родины къ великой мысли отечества. Когда въ 1352 году умеръ Шведскій Король, Магнусъ,—конечно, Новгородцы сочинили его предсмертное рукописаніе, въ которомъ онъ самъ расказываетъ о пораженіяхъ, какія терпѣлъ отъ Новогородцевъ, какъ Богъ отъялъ у него умъ, и сидѣлъ онъ годъ въ палатѣ прикованъ цѣпію и заделанъ, какъ сынъ освободилъ его оттуда, какъ потерпѣлъ онъ кораблекрушеніе на морѣ—и какъ всѣми этими бѣдами Богъ казнилъ его за высокоуміе и за то, что онъ наступалъ на Русь.

Псковская.

Псковская лѣтопись подробнѣе описываетъ событія Пскова, войны съ Нѣмцами, отношенія къ Новгороду, строеніе церквей, но отзывается также и на общія событія отечества. Духъ народный виденъ особенно въ любви Псковичей къ изгнаннику Твери,

Князю Александру Михайловичу, котораго Москва и Тверь выдали Ордѣ, а Псковъ защищалъ, сколько могъ. Была туга, и печаль, и молва многая по боголюбивомъ Князѣ Александрѣ, когда онъ оставилъ родину Ольгину, согласясь лучше пожертвовать собственною жизнію, нежели навести на Христіянъ новое кровопролитіе отъ Ханскаго гнѣва.

Тверскія событія.

Тверскія событія вошли въ Московскія: Тверская лѣтопись поглощена Московскою, какъ сама Тверь Москвою. Такъ и видно, какъ растущая сила сей послѣдней тяготѣетъ надъ ея сѣверною сосѣдкой и соперницей. Орда и Литва ставятся въ укоръ Твери, какъ и Рязани. Но духъ вѣры, возвышаясь надъ духомъ земныхъ интересовъ, озаряетъ три событія въ исторіи Тверскихъ Князей, въ которыхъ участвуютъ три поколѣнія: дѣдъ, сынъ и внукъ. Первое—мученическая смерть В. Князя Михаила Ярославича въ ордѣ, въ 1319 году, при Ханѣ Кавгадыѣ; событіе записано лѣтописцемъ по расказамъ священниковъ, бывшихъ при немъ; второе — такая же смерть сына Михаилова, Александра, любимца Псковичей, при ханѣ Узбекѣ или Азвякѣ, въ 1338 году; третье постриженіе въ иноки Михаила, Александрова сына. Оно совершилось въ самомъ концѣ столѣтія, въ 1399 году. Имъ кстати заключимъ и XIV вѣкъ: въ немъ живая его характеристика.

Постриженіе В. К. Михаила Тверскаго.

Михаилъ былъ сыномъ и внукомъ двухъ мучениковъ, князей Тверскихъ, которые въ ордѣ своею великодушною смертію искупили жизнь множества Христіянъ. Родился онъ во Псковѣ, когда отецъ его, Александръ, жилъ въ великой скорби и напасти. Крестилъ его владыка Новгородскій, Василій—и по-

томъ восьмилѣтняго по обычаю времени, какъ крестный отецъ, училъ грамотѣ, ввѣривъ его своему протодіакону. Въ малолѣтствѣ Михаилъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ бѣдствій отца, гонимаго ордою и всею Русью, кромѣ Пскова. Воспоминаніе о кровавой кончинѣ дѣда, конечно, носилось также надъ его дѣтствомъ. Княженіе его въ Твери было отрадою для Тверичей. Тридцать четыре года оно продолжалось. За милостыню, которую щедро посылалъ онъ въ Царьградъ къ Святой Софіи, Патріархъ прислалъ ему свое благословеніе и икону страшнаго суда. Михаилъ принялъ этотъ даръ за предзнаменованіе своей кончины и за указаніе свыше принять передъ нею иноческій образъ. Однажды, во вторникъ, когда Князья, бояре и всѣ люди ждали минуты входа къ нему для дѣлъ градскаго управленія, Михаилъ призвалъ къ себѣ Епископа Арсенія и объявилъ ему свое желаніе, по срѣтеніи Патріаршей иконы, оставить міръ и постричься въ иноки. Послѣ долгой бесѣды, Князь просилъ Епископа успокоить его семью, когда она о томъ узнаетъ. Епископъ вышелъ отъ Князя, и скоро молва о его желаніи разнеслась по городу. Все пришло въ движеніе: Княгиня, сыновья, бояре, отроки, всѣ люди заплакали. Икона Патріарха вступала въ городъ; все духовенство торжественно вышло къ ней на встрѣчу; вышелъ и Князь Михаилъ. Принявъ икону, отслушавъ передъ нею соборный молебенъ и угостивъ пословъ и все духовенство пиромъ, онъ повелѣлъ нести икону въ соборную церковь Преображенія и самъ радостно пошелъ за нею. Поставивъ ее на правой сторонѣ близъ олтаря, и приложившись къ ней, Князь далъ обѣщаніе уже не возвращаться

въ домъ, а теперь же оставить славу княженія. Тутъ началось его прощаніе съ міромъ и народомъ.

«Исходитъ онъ изъ церкви красными воротами, а за нимъ народъ: множество людей безчисленное. Онъ сталъ на высокомъ помостѣ передъ церковію, поклонился всѣмъ людямъ, прося у нихъ прощенія и такъ говорилъ имъ: «братія моя дружина, добрые сыны Тверскіе, мнѣ Господь Богъ доселѣ повелѣлъ быть у васъ: нынѣ же простите меня. Оставляю вамъ любимаго и старѣйшаго сына моего, Василія, да будетъ онъ вамъ князь въ мое мѣсто; имѣйте любовь къ нему, какъ имѣли ко мнѣ, и онъ о Богѣ да соблюдетъ васъ.» Люди слышали это и горько взрыдали, говоря: «какъ ты нынѣ отходишь! куда идешь отъ насъ? О Тверская великая свобода и честная слава сыновъ Тверскихъ! великій стражъ Тверскаго города! какъ орелъ, ты стерегъ свое гнѣздо: тобою сыны Твери и въ другихъ странахъ честны и необижены жили!»—и былъ плачь великій въ людяхъ.»—Михаилъ же смиренно поклонился и подавъ всѣмъ любовь и миръ, пошелъ въ монастырь Св. Аѳанасія на постриженіе. Въ инокахъ онъ принялъ имя Матѳея, поселился въ кельѣ у инока Григорія, заболѣлъ, принялъ схиму и, восемь дней бывъ инокомъ, скончался. Его смерть наполнила весь городъ рыданьемъ. Гости, которыхъ много было тогда въ Твери изо всѣхъ странъ, плакали заодно съ Тверичами, видя такую любовь народа къ Князю.

Такъ скончался Михаилъ, выразивъ передъ кончиною въ своемъ послѣднемъ подвигѣ главную мысль вѣка, покоривъ въ себѣ князя иноку; но не такъ

поступали уже Московскіе Князья — и Димитрій не захотѣлъ передъ смертію монашескаго куколя (29).

Народныя пѣсни эпохи Татарской.

Нѣкоторыя событія Русской исторіи въ XIV вѣкѣ, относящіяся къ Татаріщинѣ, отзываются въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ. Здѣсь мѣсто коснуться того слоя, который положила въ нихъ Татарская эпоха. Карамзинъ думалъ, что изъ народныхъ нашихъ пѣсенъ «особенно историческія о благословен-«ныхъ временахъ Владиміра Святаго, были сочинены «въ вѣки нашего рабства государственнаго, когда «воображеніе, унывая подъ игомъ невѣрныхъ, любило «ободряться воспоминаніемъ прошедшей славы отече-«ства.» Но и Владиміръ въ этихъ пѣсняхъ не всегда является въ блескѣ славы, любезной Русскому сердцу, а напротивъ, иногда въ позорѣ униженія.

Есть пѣсни, есть отрывки въ пѣсняхъ, которыя дышатъ чувствомъ самой живой, самой современной скорби о тяжеломъ игѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ выражается Русская пѣсня о Калинѣ царѣ, когда онъ силою своею окружилъ Кіевъ на сто верстъ во всѣ четыре стороны:

За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Когда же, въ другое время, съ такою энергическою силою, могла выразиться народная ненависть къ Татарамъ, какъ она выражается въ этихъ стихахъ?

Есть три пѣсни эпическія въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кирши Данилова, и три пѣсни

лирическія, народныя, колыбельныя, въ которыхъ слышенъ живой отголосокъ Татарщины. Первыя: Щелканъ Дудентьевичь, Калинъ-царь, изъ которой приведенъ отрывокъ, и Михайло Казариновъ.

Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ имѣетъ предметомъ событіе, случившееся въ Твери, въ 1326 году. Щелканъ Дудентьевичь есть Шевкалъ, сынъ Дюденевъ, двоюродный братъ Узбека или Азвяка, какъ онъ названъ въ пѣсни. Шевкала прозвали Щелканомъ, конечно, современники: такъ называютъ его и нѣкоторыя лѣтописи. Пріѣхавъ посломъ въ Тверь, говоритъ лѣтописецъ, онъ хотѣлъ посажать князей Татарскихъ по Русскимъ городамъ, а самъ сѣсть на великомъ княженіи въ Твери и Христіянъ привести въ Татарскую вѣру. Мало дней провелъ онъ въ Твери, а много зла причинилъ Христіянамъ. Вспыхнула невоздержная Тверь въ лицѣ своего Князя Александра Михаиловича. Онъ созвалъ Тверичей и пошелъ на посла вооруженною силою. Вышелъ и Шевкалъ Дюденевичь съ Татарами. Бились съ самаго утра цѣлый день. Къ вечеру одолѣлъ Александръ—и Шевкалъ побѣжалъ во дворецъ свой. Но Тверичи подожгли сѣни и весь дворъ. Шевкалъ сгорѣлъ съ своими Татарами; а гостей Ордынскихъ, и старыхъ, и вновь пришедшихъ, Тверичи, кого изрубили, кого утопили, кого сожгли на кострахъ. Такъ лѣтопись передала событіе, стоившее пылкой Твери великихъ бѣдствій. Щелканъ Дудентьевичь.

Пѣсня начинаетъ съ большой Орды.

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой, —
На стулѣ золотѣ,

На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.

Азвякъ даритъ своихъ шурьевъ стольными городами. Замѣчательно, что шурья всѣ носятъ Русскія имена: Василій, Гордѣй, Афромѣй. Но любимаго шурина, Щелкана Дудентьевича, Азвякъ не пожаловалъ потому, что онъ былъ въ отсутствіи: бралъ въ Литвѣ *дани, невыходы, царски невыплаты.* А вотъ какъ онъ бралъ ихъ, изображая собою корыстолюбіе Татарское:

Съ Князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ:
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возметъ.

Щелканъ, воротясь въ орду съ данью, проситъ у царя Азвяка Твери:

Пожалуй ты, Царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.

Въ пѣсни Борисовичи замѣняютъ князя Александра Михаиловича. Они отчествомъ своимъ напоминаютъ Бориса Константиновича, Князя Нижегородскаго, имѣвшаго много сношеній съ Татарами. Азвякъ соглашается не иначе отдать Тверь Щелкану, какъ цѣною крови его собственнаго сына.

Гой еси, шуринъ мой,
Щелканъ Дудентьевичь!
Заколитко-то сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.

Щелканъ согласился: онъ закололь своего сына, нацѣдилъ чашу горячей крови, выпилъ ее — и тогда царь Азвякъ пожаловалъ его Тверью: такимъ образомъ кровопійца своего сына сѣлъ на Тверскомъ княженіи. Безчестье вдовъ, позоръ красныхъ дѣвъ, ругательство надъ семьями, возбудили гнѣвъ въ мужикахъ посадскихъ, которые принесли на то жалобу князьямъ Борисовичамъ. Отъ народа понесли они подарки Щелкану — и когда онъ, принявъ подарки, не воздалъ имъ чести, да еще притомъ загординился, — тогда разорвали его на части.

Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

Пѣсня: *Калинъ-царь*, напоминаетъ нашествіе Батыево на Кіевъ и Тохтамышево на Москву. Не- Калинъ-царь.

смѣтная сила Татарская обступила Кіевъ кругомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Отъ конскаго пару померкли мѣсяцъ и солнце. Калинъ посылаетъ ярлыкъ ко Князю Владиміру съ Татариномъ, что нѣтъ его выше: онъ мѣрою трехъ саженъ, голова съ пивной котелъ въ сорокъ ведеръ, промежъ плечами косая сажень. Калинъ въ ярлыкѣ пишетъ, что возметъ онъ Кіевъ, Владиміра въ полонъ полонитъ, Божьи церкви на дымъ пуститъ. Татаринъ съ презрѣніемъ вступаетъ въ Кіевъ и въ свѣтлую гридню Князя: Спасову образу не молится, Владиміру Князю не кланяется, а въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ. Онъ бросаетъ ярлыки на столъ передъ Княземъ и велитъ поскорѣе сдать Кіевъ, безъ напраснаго кровопролитія. Такимъ презрительнымъ обхожденіемъ Татарина народъ рисовалъ въ своемъ воображеніи поступки Татарскихъ баскаковъ. Плачетъ Князь, глядючи въ ярлыки: богатырей въ Кіевѣ нѣтъ. Это напоминаетъ горькую участь Москвы въ Тохтамышево нашествіе: у Димитрія также не случилось войска, потому что, кромѣ распрей въ князьяхъ и боярахъ, вредившихъ силамъ Россіи, оскудѣла людьми Русская земля отъ Мамаева побоища за Дономъ.—Еще Татаринъ не выѣхалъ изъ Кіева, какъ Василій пьяница вбѣжалъ на стрѣльную башню, взялъ тугой лукъ разрывчатой, калену стрѣлу перену́ю, навелъ трубками нѣмецкими, стрѣлялъ въ Калина-царя, а попалъ въ зятя его, Сартака: стрѣла угодила ему въ правой глазъ, и ушибъ Василій его до смерти. Лѣтописецъ расказываетъ о томъ, какъ народъ въ осажденной Москвѣ пьянствовалъ и всячески ругался надъ Татарами, и въ то самое время какъ бросали на нихъ камнями и стрѣляли изъ само-

стрѣловъ, одинъ Московскій гражданинъ, суконникъ по ремеслу, Адамъ по имени, съ Фроловскихъ воротъ пустилъ стрѣлу изъ самострѣла и убилъ какого-то славнаго и знатнаго изъ князей Ординскихъ, что̀ много причинило горя Тохтамышу и князьямъ его.

Калину-царю тоже за бѣду стало, говоритъ пѣсня, отзываясь исторіи. Онъ посылаетъ къ Владиміру другаго Татарина, чтобы выдалъ виноватаго. На ту пору пріѣзжалъ въ Кіевъ Илья Муромецъ. На первый вопросъ Князя: что дѣлать? Илья совѣтуетъ послать подарочки. Здѣсь опять отзывъ на событія: Митрополитъ Кипріянъ въ извѣстномъ Сказаніи совѣтуетъ также послать Мамаю золота. Илья вызывается самъ ѣхать вмѣстѣ съ Владиміромъ и везти къ Калину подарки. Тогда Князь наряжался поваромъ, замарался сажею котельною и ѣдетъ къ Калину-царю въ слѣдъ за Татариномъ. Здѣсь пѣсня горькимъ упрекомъ намѣкаетъ на тѣ униженія, какія Русскіе Князья выносили въ Ордѣ, кланяясь своимъ покровителямъ Ханамъ. Илья, выведенный изъ терпѣнья бранью и грубыми поступками Калина и лишенный своей палицы, до которой его не допускаютъ, хватаетъ того же Татарина, что̀ ѣздилъ въ Кіевъ,

> И зачалъ Татариномъ помахивати:
> Куда ли махнетъ — тутъ и улицы лежатъ,
> Куды отвернетъ — съ переулками,
> А самъ Татарину приговариваетъ:
> «А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
> А жиловатъ, собака, не изо̀рвется.»

Лишь только Илья выговорилъ это слово, какъ голова Татарина оторвалась и угодила *по силѣ вдоль*: бьетъ ее, ломитъ и въ конецъ губитъ. Побѣжали

Татары. Илья воротился къ Калину-царю, схватилъ его за бѣлы руки и приговаривая:

Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ,

поднялъ выше головы своей, ударилъ о горючь камень и расшибъ въ крохи. — Татары изумились тому, какъ это одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ! Илья же отъискалъ Василья пьяницу, привелъ его къ Князю Владиміру и назвался ему братомъ названымъ.

Въ лицѣ Ильи Муромца, великаго въ смиреніи и несокрушимаго во гнѣвѣ, какъ бы проснулась вся сила Русскаго народа, стала однимъ человѣкомъ и отомстила Хану съ его Татарами за всѣ обиды Князьямъ и Русской землѣ.

Михайло Казариновъ.

Третья пѣсня: Михайло Казариновъ, напоминаетъ намъ безчисленныя страданія Русскихъ женъ и дѣвъ въ плѣну у Татаръ. Михаилъ Петровичь Козарянинъ, родомъ изъ Галича, на лихомъ конѣ, въ дорогихъ доспѣхахъ, съ тугимъ лукомъ разрывчатымъ (ничему этому цѣны нѣту), исполняетъ приказаніе Князя Владиміра настрѣлять къ его столу княженецкому гусей, лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ. Исполнивъ это, встрѣчаетъ Михаилъ на дубу чудеснаго чернаго ворона, у котораго ноги и носъ какъ огонь горятъ. Витязь прицѣлился было въ него стрѣлою, какъ воронъ провѣщится ему, чтобы онъ не стрѣлялъ его: онъ указываетъ ему на добычу богатырскую, на Русскую дѣвицу полоняночку, у трехъ Татаръ наѣздниковъ. Михайло ѣдетъ по указанью ворона на высокую гору: видитъ—въ полѣ стоятъ три бѣлыхъ

шатра и бесѣда дорогъ рыбій зубъ: сидятъ на бесѣдѣ три Татарина. Передъ ними ходитъ красная дѣвица, Русская дѣвица полоняночка, Марѳа Петровична. Отъ слезъ не можетъ она слова вымолвить, а вотъ ея жалобные причеты:

«О злосчастная, моя буйна голова!
Горе горькая, моя руса коса,
А вечоръ тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала;
Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,
Расплетать будетъ мою русу косу
Тремъ Татарамъ наѣздникамъ.»

Одинъ изъ нихъ уже прочитъ дѣвицу за любимаго сына своего, Асдела, въ Золотой Ордѣ. Но Михаилъ скоро раздѣлался съ Татарами и освободилъ плѣнницу; ведетъ онъ ее въ бѣлъ шатеръ и самъ хочетъ поступить съ нею хуже Татарина; но открывается, что плѣнница его родная сестра. Она расказываетъ брату, какъ вечеромъ, во время прогулки съ матерью въ саду, Татары похитили ее и увезли въ чистое поле. Михаилъ съ сестрою, съ богатою добычею отъ трехъ Татаръ и отъ птичьей охоты, возвращается къ Князю Владиміру, который принимаетъ его съ большими почестями и самъ подноситъ ему чару зелена вина въ полтора ведра и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра.

Колыбельныя пѣсни Русскаго народа отзываются до сихъ поръ временемъ Татарщины. Тема ихъ одна — страшный полонъ Татарскій. По горамъ высокимъ, по раздольямъ широкимъ, горятъ негасимые огни: злые Татары полонъ дѣлятъ. Теща достается въ плѣнъ зятю: онъ отвозитъ ее къ своей молодой женѣ,

Три колыбельныя пѣсни.

а жена его Русская, и назначаетъ плѣнницѣ три дѣла: дитя качать, кудель прясть, цыплятъ пасти. Плѣнница, качая младенца при его матери, поетъ пѣсню:

Ты баю, баю,
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ
Злой Татарченокъ,
Ты по матушкѣ
Милъ внученочекъ:
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика.
Ты баю, баю,
Мое дитятко!

Жена Татарина узнала въ плѣнницѣ мать свою, бросилась къ ней на бѣлы руки и проситъ ее выбрать лучшаго коня и бѣжать съ нею на родину, на святую Русь. Вѣроятно, часты были такіе случаи, что плѣнники возвращались побѣгомъ изъ улусовъ Татарскихъ въ отечество. Лѣтопись говоритъ, что на границѣ Татарскихъ кочевьевъ и Русскихъ владѣній были для насъ изъ Татаръ же доброхоты, которые, вѣроятно за деньги, радѣли Русскимъ людямъ. Такими переметчиками изъ Татаръ могли быть охраняемы побѣги Русскихъ на родину. Вспомнимъ Половца Овлура, въ Половецкія времена, помогшаго въ такомъ же дѣлѣ Игорю.

Вторая пѣсня припоминаетъ тотъ же полонъ. На горѣ горятъ огни, около огней сидятъ Татары, дѣлятъ добычу, все животы твоего отца родимаго.

Встань, пробудись дитятко,
Снимай со стѣны сабельки
И всѣ-то мечи булатные;
Ты коли-руби сабельками
Злыхъ Татаръ съ Татарченками;
Ты сѣки, кроши губителей
Все мечами да булатными!
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

Въ третьей пѣсни изображается грозный набѣгъ Татаръ. Пѣснью баюкаютъ дитя, чтобы оно уснуло, «покуль гроза пройдетъ, покуль бѣда минетъ.» Мать и отецъ у него взяты въ плѣнъ.

Злы Татарове набѣгали,
Домы, теремы сожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.

Сынъ былъ разлученъ съ отцемъ и матерью. Ты рости, рости, дитятко, во крѣпости и младости, говоритъ ему пѣсня. Теремъ твой одинокъ безъ батюшки и матушки, безъ молодой жены. Сѣдлай же коня, скачи въ Орду золотую, вывози отца и мать на святую Русь, молоду жену въ теремъ изукрашенный.

Кто бы могъ усомниться, что эти пѣсни, дышущія такимъ живымъ страхомъ отъ набѣговъ Татарскихъ, были сложены въ ту эпоху, когда семьи Русскія безпрерывно дрожали страхомъ горькой разлуки?

Фантастическое изображеніе Змѣя Горынчища, въ нашихъ сказкахъ и пѣсняхъ, зіяющаго огнемъ и полымемъ, можетъ указывать также на Орду, которая дышала на Русь пожарами. Преданія о Татарахъ принимаютъ иногда характеръ волшебства. Таковъ

въ пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ Тугаринъ Змѣевичь, пораженный хитростію Алеши: признаки его тѣже, что и Татарина, посыланнаго въ Кіевъ отъ Калина-царя къ Владиміру: въ вышину онъ трехъ саженъ, промежъ плечъ косая сажень, но сверхъ того промежу глазъ калена стрѣла, а изъ хайлища пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ. Тугаринъ ведетъ себя нечестно за столомъ у Князя Владиміра и глотаетъ за одинъ разъ лебедь бѣлую да еще ковригу монастырскую. На бумажныхъ крыльяхъ подымается на воздухъ чародѣй Тугаринъ, но молитвой Алеши грозная туча подмочила ему бумажныя крылья — и онъ упалъ. Грозитъ онъ Алешу огнемъ спалить, конемъ затоптать, копьемъ заколоть; но все это, конечно, оканчивается побѣдою Алеши. Даже и въ лѣтописи есть признаки того, что народъ боялся Татарскихъ чаръ и зелій. Вспомнимъ того попа, который былъ въ Ордѣ, съ тысяцкимъ Иваномъ Васильевичемъ, и потомъ на Вожѣ: у него нашли мѣшокъ *злыхъ лютыхъ* зелій и, по допросѣ, сослали его на озеро Лаче, гдѣ жилъ Данило заточникъ.

Ненависть къ Татарамъ.

Ненависть народная къ Татарамъ такъ сильно сказывается въ этихъ древнихъ пѣсняхъ, что рѣдко имя Татарина употребляется безъ сопутствующаго ему прозвища *собаки.* Отголосокъ этой ненависти живъ еще и теперь. Когда крестьянка провожаетъ сына своего на горькую жизнь и нужду,—чтобы выразить ему всю силу бѣдствій, его ожидающихъ, она говоритъ ему въ своихъ жалобныхъ причетахъ: «назовешь ты, мой батюшка, злаго Татарина роднымъ батюшкой; назовешь ты, мой батюшка, злую Татарку родной матушкой.»

Вникая добросовѣстно въ письменные и устные памятники нашей Словесности, кто же послѣ этого, кромѣ поверхностнаго верхогляда, осмѣлится еще сказать, что не было у насъ въ исторіи эпохи Татарской и что не оставила она яркихъ слѣдовъ въ жизни нашего народа?

Татарскія слова въ Русскомъ языкѣ.

Русскій языкъ въ своей сущности и своемъ характерѣ остался чуждъ Татарскаго вліянія. Единство его въ эпоху удѣловъ и Татаръ охранялось языкомъ Славяноцерковнымъ. Варварство Татарское принесло здѣсь также свою долю пользы. Ему не могло покориться Христіанское образованіе, уже пустившее въ жизни народа глубокіе корни. Все вліяніе ограничилось нѣкоторыми словами, оставшимися въ языкѣ. Карамзинъ говоритъ, что едва ли отъищется 40 или 50 Татарскихъ словъ въ Словарѣ Русскомъ.

Замѣтимъ сначала тѣ слова̀, которыя остались только въ историческихъ памятникахъ и не перешли въ живое употребленіе: *шерть*—присяга, шертная (клятвенная) грамота; *ярлыкъ* или дзарликъ, указъ или милостивая грамота Татарскаго Хана, которою давалось княженіе или другія права (*ерлыкъ* употребляемъ мы уже въ другомъ смыслѣ, болѣе низкомъ); *тамга* клеймо, пошлина, откуда таможня; *улусъ*—удѣлъ; *улусникъ*—князь, данникъ хана; *киличей*—посланный отъ князя къ хану; *калта* или *калита* — кошель; *чечакъ*—цвѣтокъ; *аламъ* — драгоцѣнный камень. Въ духовныхъ грамотахъ Князей употребляются три послѣднія слова: *чечакъ* золотой съ каменьями и жемчугомъ (гр. 1356); *аламъ* ожемчуженный, *аламъ* малый съ жемчугами (гр. 1356); поясъ золотой съ *калитою* (гр. 1389). Здѣсь кстати объяснить прозвище перваго Великаго

Князя Московскаго, Іоанна Даніиловича: *Калита.* Карамзинъ, ссылаясь на Хилкова, объясняетъ прозвище тѣмъ, что Калита имѣлъ обыкновеніе носить калиту или мѣшокъ съ деньгами для бѣдныхъ. Прочіе за Карамзинымъ повторяли тоже самое. Но и другіе Князья, какъ видимъ изъ духовныхъ грамотъ, имѣли обычай носить при поясѣ мѣшокъ для денегъ. Не въ другомъ ли смыслѣ дано это прозвище Калитѣ? не былъ ли онъ кошелемъ ненасытныхъ Хановъ и не удовлетворялъ ли онъ ихъ корыстолюбію правильнымъ сборомъ дани? Такою политикой Калиты и возрасло Княженіе Московское надъ Тверью и надъ всѣми другими.

Замѣтимъ названія улицъ, оставшихся въ Москвѣ свидѣтельствомъ пребыванія Татаръ: *Арбатъ* отъ слова *арба*, телега; *Басманная* отъ слова *басманъ*, казенный хлѣбъ; *Ордынка* отъ Орды, *Татарская.* Названія многихъ городовъ и урочищъ по всей Россіи, на всемъ юговостокѣ ея, носятъ на себѣ яркіе слѣды Татарщины: Казань (котелъ), Саранскъ, Саратовъ, Симбирскъ, рѣки начинающіяся слогомъ Су (вода), какъ напримѣръ: Сура, Судогда. Изслѣдованіе объ этихъ названіяхъ могло бы быть весьма любопытно. Замѣтимъ, что имена урочищъ въ Саратовской, Симбирской, Пензенской, Самарской губерніяхъ, почти всѣ Татарскія. Сюда же относится не менѣе огромное количество прозвищъ, внесенныхъ въ родословныя нашего дворянства отъ князей и дворянъ Татарскаго происхожденія.

Вотъ слова́, касающіяся гражданскаго распорядка и обычая: *казна* (хазиня) (31), *казначей* (хазиняцѣ); *караулъ* отъ Татарскихъ словъ: аулъ, деревня, и ка-

раймень, смотрю; *деньга* (танга), *алтынъ* и *пуло* Татарскаго же происхожденія, по мнѣнію Эрдмана. Самое слово *копѣйка* производитъ онъ не отъ *копья*, какъ Карамзинъ, а отъ Турецко-Татарскаго слова: *копекъ*, собака, потому что древніе Татары, современники Тимура, употребляли монеты съ изображеніемъ собаки и называли ихъ динари копеки (собачьи монеты) или просто *копеки* (собаки). Изъ словъ, означающихъ мѣру, нашъ *аршинъ* Татарскаго происхожденія: по Татарски *аршунъ*, *аршунлайменъ* — аршиномъ мѣряю. Русская *бирка* — палочка съ нарѣзками для счету по разамъ—указываетъ въ корнѣ на Татарское слово: *биръ* что̀ значитъ разъ. *Ямъ*, превращенный по Русски въ ёмъ,—*базаръ*, *кабакъ* (дверь, притворъ), также Татарскія слова.

Изъ словъ общеупотребительныхъ замѣтимъ: два цвѣта: *алый* (алъ), *карій* (отъ *кара*, черный), *халатъ*, *колпакъ*, *аманатъ* (аманятъ), *кирпичь* (кирбицъ), *тузлукъ* (соленый), *арбузъ* (тарбузъ), *балыкъ* (рыба), *сундукъ* (сандукъ), *юкъ* (бремя), *тюфякъ*, *чемоданъ* (чамаданъ), *шиши* (вертѣлъ), что нибудь вострое, откуда можетъ быть объяснено слово *шишакъ*, *туманъ*, *карандáшъ*, *карáндашъ* (малый ростомъ) (32), *кибитка* отъ *кибитъ* (лавка), *кургузый* (кюргюзайменъ, кажу), *сарай* (палата), *башка* отъ слова *башъ* (голова), *карга* (отъ *кара карга*, грачь), *чоботы* (чабата, лапти), не знать ни *бельмеса* отъ *бильмесинъ* (не знаешь), *ералашъ* (аралашъ, смѣшанный). (33)

Низкимъ значеніемъ многихъ словъ, заимствованныхъ у Татаръ, подтверждается еще болѣе то чувство ненависти и презрѣнія, которое всегда Русской народъ питалъ къ своимъ завоевателямъ и притѣсни-

телямъ. Съ другой стороны мы сами дали Татарамъ многія слова, которыя свидѣтельствуютъ, что образованіемъ своимъ мы имѣли на нихъ вліяніе.

Варварское насиліе Татарскаго ига, тяготѣвшаго надъ Россіей безъ малаго два вѣка съ половиною, мы должны сознаться, оставило рѣзкіе слѣды на нашей жизни, которыхъ и до сихъ поръ не могли еще изгладить ни Христіянская вѣра, ни разумъ всемірнаго образованія. Татарщина еще сильно отзывается въ насъ во всемъ томъ, гдѣ мы обнаруживаемъ неуваженіе и презрѣніе къ человѣчеству, произволъ злоупотребленій личной воли и ералашъ въ дѣлахъ общественныхъ и житейскихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ четырнадцатой лекціи.

(1) Описано у Калайдовича въ Іоаннѣ Экз. Болг. стран. 112, въ Описаніи Слав. рукоп. Моск. Сунод. библ. подъ № 21 стран. 215 (прежній № 740), у Буслаева въ Палеограф. и филологическихъ матеріалахъ для исторіи письменъ Славянскихъ стран. 30.

(2) См. Описаніе Слав. рук. М. Сунод. библ. № 45 стран. 292 (прежній № 722). Первый упомянулъ объ этомъ Апостолѣ Карамзинъ въ 227 прим. къ IV т. Ист. Г. Р.

(3) См. въ томъ же Описаніи стран. 294 № 46 (пр. № 15).

(4) Тамъ же стран. 218 № 22 (пр. № 67).

(5) См. Твор. Св. Отц. 1848. Годъ 6-ой. Кн. 1. Приб. стран. 95. Обзоръ Дух. Русск. Литер. стран. 71. Достопамятности Москвы Тромонина. 1845. стран. 7. См. выше въ XII лекціи стран. 127 и прим. 10 а.

(6) Опис. Сл. рук. М. Сунод. б. стран. 220 № 23 (пр. 70). У Буслаева стран. 39.

(7) См. Опис. Слав. рук. М. Сунод. б. № 24 стран. 221 (пр. № 68).

(8) См. тамъ же № 25 (пр. № 69) стран. 223. Іоан. Экз. стран. 112.

(9) См. Опис. Рум. Муз. № СССII.

(10) Изданъ въ первомъ томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Спб. 1846.

(11) Опис. Слав. рук. М. Сун. б. № 26 стран. 224 (пр. № 742).

(12) Опис. Рум. Муз. № СССС къ 12-му пом. приводимыхъ рукописей, а къ 13 му Твор. Св. отц. г. шестой. Кн. 2. Прибавленія. стран. 312.

(13) Опис. Слав. Росс. ркпс. Гр. Толстова. Отд. I. № 262. стр. 170.

(14 a) Опис. ркпс. Гр. Толстова стран. 701. въ л. № 312.

(14 b) См. Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Софійской библіотеки И. К. Купріянова, въ Изв. И. Акад. Наукъ Т. VI. Выпускъ IV. стран. 276.

(15) Опис. Слав. ркпс. Моск. Синод. б. Отд. I. Свящ. пис. стран. 234 и далѣе. Въ числѣ рукописей, означенныхъ вѣрными годами, я не привелъ Требника Ѳеогноста Митрополита, который по подписи относимъ былъ къ 1329 году. При внимательномъ взглядѣ на эту рукопись сейчасъ видно, что она есть позднѣйшее произведеніе. Вотъ почему опа не приведена и въ Обзорѣ Русской Духовной Литературы, въ чемъ напрасно укорялъ Автора въ Отечественныхъ Запискахъ Г. Пыпинъ, незнакомый съ дѣломъ. Впрочемъ, и Карамзинъ (Т. IV. прим. 321) выразилъ уже сомнѣніе касательно подписи Митрополита Ѳеогноста. Что касается до Служебника Кипріянова, онъ, какъ сказано въ XII лекціи, если не современная подлиннику, то весьма близкая къ нему по времени копія. Автографы Кипріяновы, еще нигдѣ подробно неописанные, упомянуты были прежде.

(16) Ист. Кар. Т. IV. конецъ гл. X и прим. 373. Замѣтить должно, что въ примѣчаніи у Карамзина показаніе древности письменныхъ памятниковъ у Европейскихъ народовъ, по новымъ открытіямъ, уже невѣрно. Въ Испаніи эти памятники относятся не къ 1367 году, а къ 1178-му и 1251-му; во Франціи также не къ 1311 му, какъ у него сказано, а къ 1270 му (письмо Жуанвиля къ Людовику Святому).

(17) Мы имѣемъ греческій подлинникъ этой молитвы Патріарха Филоѳея въ Синодальной рукописи (за

№ 349 — 337, стран. 33 и 34). *Τοὺς δὲ πιςοὺς βασιλεῖς ἡμῶν, δύναμιν κατὰ τῶν πολεμίων ἐνδύσας ἀήττητον, λάλησον εἰρήνην εἰς τὴν καρδίαν αὐτῶν, ὑπὲρ ἀλλήλων, ὑπὲρ τῆς ἐκκλησίας σοῦ, ὑπὲρ τοῦ λαοῦ σοῦ παντὸς, συντετριμμένου τοῖς πειρασμοῖς ὡς ὁρᾷς καὶ ταλαιπωρουμένου πάντοθεν....*

(18 а) См. Временникъ И. Общ. Ист. и Др. Росс. Книга 25-я. М. 1857. Книга Пчела. Памятникъ древней Русской Словесности.

(18 b) Преданіе объ Евфросинѣ читается въ житіи его, напечатанномъ въ Четіихъ Минеяхъ Св. Димитрія Ростовскаго подъ 11-мъ Сентября. Преданіе о Макаріи см. Іоанна Экз. стран. 210. Кромѣ Степенной книги и Софійскаго Временника, Посланіе Василіево напечатано въ VI томѣ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей. стран. 87.

(19) Акты Историч. Т. I. № 4.

(20) Тамъ же № 6.

(21) Тамъ же №№ 12, 16, 27.

(22) Слово пахирь, конечно, котомка или мѣшокъ, который странники привязывали у паха.

(23) Странникъ Стефана Новгородца напечатанъ Г. Сахаровымъ во второй части Путешествій Русскихъ людей въ чужія земли. Спб. 1837. Этому Стефану Г. Безсоновъ приписываетъ распространеніе у насъ рукописей Пчелы, на основаніи весьма вѣрныхъ данныхъ. См. во Временникѣ его изданіе Пчелы стран. VI.

(24) Вставлено въ Русскій Временникъ и въ немъ напечатано, въ 1790 году, подъ заглавіемъ: *Въ лѣто 6897-е хоженіе Пимина Митрополита втретіе въ Царьградъ.*

(25) *Шидяный* отъ *шида* (шелкъ) явнымъ образомъ происходитъ отъ нѣмецкаго Seide: ясно, что мы приняли шелковыя матеріи отъ Нѣмцевъ черезъ Новгородъ. Позднѣйшее же слово: шелкъ, произошло отъ

Англійскаго silk, вѣроятно, съ тѣхъ поръ какъ завелась торговля съ Англичанами.

(26) Въ первый разъ издано И. М. Снегиревымъ въ 1829 году подъ заглавіемъ: *Сказаніе о побоищѣ Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго;* въ другой разъ имъ же въ 3-мъ томѣ Русскаго Историческаго Сборника, въ 1838 году, подъ заглавіемъ: *Повѣданіе и Сказаніе о побоищѣ В. Кн. Димитрія Іоанновича Донскаго.* Издатель пользовался пятью списками, а въ основу положилъ списокъ Р. Ѳ. Тимковскаго. Въ 4-мъ томѣ Никоновой лѣтописи озаглавлено такъ: *Повѣсть полезна бывшаго чюдеси, егда помощію Божіею и Пречистыя Его Матери Богородицы и угодника ихъ святаго чюдотворца Петра Митрополита всеа Русіи, и преподобнаго игумена Сергія чюдотворца, и всѣхъ святыхъ молитвами Князь Великій Дмитрій Ивановичь съ братомъ своимъ, иже изъ двоюродныхъ, со Княземъ Володимеромъ Ондрѣевичемъ, и со всѣми князи Рускими на Дону посрами и прогна воложскія Орды гордаго Князя Мамая, и всю Орду его со всею силою ихъ нечестивою изби.* Въ историческомъ Сборникѣ Рум. м. за № 378, писанномъ рукою посадскаго человѣка Ивана Логинова Бедрина, начинается такъ: *Братія, хощу повѣсть начати новыя сея побѣды....* Въ лубочныхъ картинахъ встрѣчается подъ заглавіемъ: *История о походе великаго князя димитрия иоанновича донскаго противъ мамая его же Божиею помощию на куликовомъ поле до конца побѣдиша.* Въ VI томѣ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей стран. 90 напечатано подъ заглавіемъ: *Побоище Великого Князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ.* Изложеніе весьма замѣчательно — и, можетъ быть, въ немъ заключается первоначальная ткань, предложившая основу для сказанія.

(27) Открытое В. М. Ундольскимъ Слово напеч. во Временникѣ И. М. Общества И. и Др. Росс. Книга 14-я. Москва. 1852. *Задонщина* въ Извѣстіяхъ И. Акад. Н. Т. VI. Вып. V. стран. 338 — 362. Никакъ

не можемъ согласиться съ предположеніемъ Издателя, чтобы воспоминаніе о Рязанцѣ Софоніи, столько важное для объясненія памятника, было книжною вставкою.

(28) Напечатано въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, изд. Обществомъ Исторіи и Др. Росс. подъ редакціею М. П. Погодина, Томъ 3, стран. 81. Издано же И. М. Снегиревымъ. Также въ Софійскомъ Временникѣ, Ч. I. стран. 383, и сокращенно въ Никоновой Лѣтописи, Т. 4. стран. 184. Вновь напечатано въ VI томѣ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей стран. 104.

(29) Литературная характеристика лѣтописей составлена по 3-му, 4-му, 5-му и 6-му томамъ изданія Археографической Коммиссіи, равно и по 3-му и 4-му томамъ Никоновой лѣтописи, начиная отъ 1300 года по 1400-й.

(30) Пѣсни, въ которыхъ отзывается Татарская эпоха, находятся въ Древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ (стран. 31, 180, 203 и 242), и въ Сказаніяхъ Русскаго народа, собранныхъ Г. Сахаровымъ, Т. 2. стран. 263. Изд. 3-е. 1841.

(31) Эрдманнъ говоритъ, что слову *казна* корень въ Арабскомъ языкѣ — *ххазана*, сохранять въ вѣрномъ мѣстѣ; ххазнонъ — стража; ххазинонъ — стражъ, казначей; ххизанатонъ — сокровищница. Не отсюда ли наше слово: *хозяинъ*? — Чи и чей или цѣ прибавляется иногда въ Турецкомъ и Татарскомъ языкахъ, напримѣръ: пушка — топъ, пушкарь — топчи; садъ — бустанъ, садовникъ — бустанчи: отсюда объясняется и хазиняцѣ (казначей) отъ хазиня (казна). См. *Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ Россійскій*, Ф. Эрдманна. Москва. 1830.

(32) Братъ по Татарски *кардашъ*, уменьшительное братецъ *карындашъ*. Въ Саратовской губерніи *кара́ндышъ* или *кары́ндашъ* означаетъ малорослаго человѣка. По областному Словарю тоже самое слово употребляется въ Симбирской и Вологодской губерніяхъ.

(33) См. Словарь Россійско-Татарскій, собранный въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ учителемъ Татарскаго языка Священникомъ Іосифомъ Гигановымъ и муллами юртовскими свидѣтельствованный. Спб. 1804.

ЛЕКЦІЯ ПЯТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

пятнадцатой лекціи.

На границѣ XIII и XIV-го столѣтій, приводя къ единству дѣятельность Святителя Петра, положившаго въ Москвѣ начало духовной жизни, мы видѣли въ немъ пустынножителя, мужа государственнаго, ученаго богослова, поборавшаго ереси. Въ XIV вѣкѣ эту троякую его дѣятельность олицетворили Св. Сергій пустынножитель, Св. Алексій мужъ государственный, Св. Кипріянъ и Св. Стефанъ Пермскій, ученые богословы. Четырнадцатый вѣкъ мы назвали по преимуществу вѣкомъ Преподобнаго Сергія: пустынножительство въ немъ преобладало. Московскій разсадникъ простеръ свои вѣтви по всѣмъ концамъ Русской земли, и особенно на сѣверъ, куда приливала жизнь, тѣснимая на югѣ варварскимъ игомъ. Пятнадцатый вѣкъ, въ который вступаемъ, мы назовемъ по преимуществу вѣкомъ Святителя Алексія. Пастыри Церкви обнаруживаютъ въ немъ дѣятельность практическую, государственную. Литература церковныхъ посланій особенно богата. Церковь словомъ своимъ охраняетъ свое единство, которому угрожало отдѣленіе Кіевской Митрополіи, и участвуетъ въ двухъ главныхъ событіяхъ отечества: въ устроеніи государственнаго единства и въ сверженіи Татарскаго ига. Взглядъ на XV вѣкъ.

Пустынножительство продолжается; являются новые подвижники; возникаютъ новыя обители; но обрядная сторона монастырской жизни начинаетъ

превозмогать. Для того, чтобы усилить въ ней духовное начало, подъ конецъ столѣтія вводится скитское житіе, и первый его учредитель, Нилъ Сорскій, является писателемъ, который словомъ выразилъ дѣло своей жизни.

Племя ученыхъ богослововъ у насъ не прекращалось. Съ особенною силою, въ полномъ вооруженіи богословія, являлись они тогда, когда церковь, обуреваемая еретиками, нуждалась въ ихъ помощи. Подъ конецъ вѣка явилось два славныхъ мужа, связующихъ его съ вѣкомъ послѣдующимъ: Геннадій Новгородскій, творецъ новой пасхаліи, первый собратель полнаго кодекса Славянской библіи, и Св. Іосифъ Волоцкій, творецъ Просвѣтителя и обличитель жидовской ереси.

Въ XV вѣкѣ жизнь государственная, развиваясь сильнѣе, двинула у насъ и жизнь общественную, что̀ отозвалось и умноженіемъ памятниковъ литературы свѣтской.

Два писателя въ началѣ XV вѣка.

Изученіе вѣка мы начнемъ съ двухъ писателей, которыхъ образовала не Россія: то были Митрополитъ Московскій, Фотій, и Митрополитъ Кіевскій, Григорій Цамблакъ. Перваго прислала къ намъ Греція и соединила съ нами вѣра; втораго прислала Болгарія, а соединила съ Россіею вѣра и одноплеменность. Оба дѣйствовали въ началѣ столѣтія, современно другъ другу, и находились во враждебныхъ между собою отношеніяхъ; но единство вѣры и ея вѣчное начало помирили то, что̀ раздѣляло время.

Митрополитъ Фотій, Грекъ.

Фотій, уроженецъ Мореи, съ малыхъ лѣтъ, послѣдовалъ своему иноческому призванію и совершалъ этотъ путь подъ руководствомъ пустынножителя старца

Акакія, котораго уважали и патріархи и императоры Царьграда. Одно желаніе было у инока — спасеніе души своей. Онъ послѣдовалъ за своимъ наставникомъ, Акакіемъ, когда патріархъ Матѳей призвалъ его на престолъ митрополіи въ Морейскій городъ, Монемвасію, на родину Фотія. Акакій послалъ ученика своего въ Царьградъ къ патріарху Матѳею и императору Мануилу съ какимъ-то порученіемъ, и въ то самое время, какъ Фотій жилъ въ Царьградѣ, Великій Князь Василій Димитріевичь просилъ Патріарха прислать Митрополита для паствы Русской. Выборъ палъ на Фотія. Со слезами скорби долженъ былъ онъ покориться слову Патріарха и покинуть мирное пристанище своей монашеской кельи для того, чтобъ идти править духовнымъ кормиломъ Русскаго корабля во времена самыя бурныя. Россія страдала подъ игомъ Татаръ; они набѣгами безпрерывно ее опустошали; междоусобія князей раздирали ея внутренность. Божія кара ежегодно, то моромъ, то голодомъ, истребляла народъ. Церкви угрожало раздѣленіе митрополіи. Въ такія тяжкія времена, Фотій принялъ Русскую паству—и обнаружилъ несокрушимую силу воли, готовой страдать, молиться и дѣйствовать. Не владѣя свободно языкомъ Славянскимъ, онъ взялъ себѣ въ сотрудники товарища по жизни пустынной, Болгарина Іеромонаха Пахомія, сложившаго у насъ житія многихъ Русскихъ святыхъ и потому прозваннаго логоѳетомъ, и еще другаго монаха Патрикія, изъ Грековъ.

Его воспитаніе.

Назначеніе на Русскую паству.

1-го Сентября 1409 года послѣдовало назначеніе Фотія въ Царьградѣ. Ровно черезъ годъ, 1-го же Сентября, въ 1410 году, явился онъ въ Кіевѣ, а въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, на самый первый день

Переѣздъ въ Россію.

пасхи, въ Москвѣ. Весь освященный соборъ съ крестами, Великій Князь съ князьями, боярами и со множествомъ народа встрѣтили его далеко за городомъ. Былъ двойной праздникъ на всей землѣ Русской, гдѣ проходилъ Святитель. Такъ любилъ народъ своихъ архипастырей.

Свѣжіе слѣды Эдигеева нашествія, первые, поразили Фотія, какъ въ Москвѣ, такъ и по всѣмъ городамъ, черезъ которые онъ проходилъ. Надобно было прежде устроить дѣла разоренной митрополіи, чтобы дать ей возможность питать убогихъ и нищихъ. На другой же годъ послѣ прибытія своего въ Москву, Фотій самъ едва не сдѣлался жертвою Татарскаго разгрома и лишился въ немъ одного изъ своихъ вѣрныхъ спутниковъ.

Опасность отъ Татаръ.

Вотъ какъ это было. Любовь къ пустыни влекла Фотія къ уединенію. Изъ Москвы лѣтомъ онъ переѣхалъ во Владиміръ, а оттуда къ Святому озеру, въ лѣсную пустынную обитель Преображенія, основанную Митрополитомъ Купріяномъ. На другой же день по его удаленіи туда, приходитъ къ нему вѣсть изъ Владиміра, что Татарскій царевичь Талычь и воевода Нижегородскаго Князя Данилы Борисовича, Семенъ Карамышевъ, соединенно напали на Владиміръ, грозятъ ему разореніемъ и ищутъ Митрополита. Фотій удалился въ лѣса, на свои озера Сенежскія, и тамъ искалъ убѣжища отъ злодѣевъ. Между тѣмъ его вѣрный спутникъ, Патрикій, въ соборѣ Владимірскомъ скрывъ церковную казну, погибъ мученическою смертью отъ Татаръ. Неподвижный, со слезами, стоялъ онъ передъ иконою Богоматери, когда грабители вторглись въ церковь. Его клали на горячую сково-

Убѣжище Святоозерское.

роду, вбивали ему щепы за ногти, драли съ него кожу, прорѣзавъ ноги привязали къ конскому хвосту и влачили его; но никакія муки не могли вынудить изъ него отвѣта на вопросъ: гдѣ церковная казна и другіе люди, бывшіе при церкви? Весь Владиміръ сдѣлался жертвою разгрома; людей побито и взято въ плѣнъ безъ числа; золота и серебра увезено множество; деньги Татары дѣлили мѣрками; все, что̀ можно было взять, взяли; остальное истребилъ пожаръ, въ огнѣ котораго расплавились самые колокола церквей Владимирскихъ.

Между тѣмъ Фотій укрывался въ своей Сенежской пустыни, гдѣ послѣ поставилъ храмъ во имя Рождества Богоматери, въ память избавленія своего отъ Татаръ. Здѣсь дѣлилъ съ нимъ уединеніе и другой спутникъ его, священноинокъ Болгаринъ Пахомій. Здѣсь, въ пустынѣ Русской, окруженной такими страшными бурями, Фотій вспоминалъ ту мирную свою пустыню, гдѣ онъ жилъ у своего наставника, старца Акакія. Углубляясь въ лѣса и дебри Русской пустыни, онъ невольно сравнивалъ прежнюю тишину и безмолвіе съ теперешними бурями, которыя со всѣхъ сторонъ ему грозили, и предавался безутѣшнымъ слезамъ и скорби объ утраченномъ спокойствіи.

Возвращеніе въ Москву.

Въ такомъ сѣтованіи и плачѣ засталъ его зовъ В. Князя Василія Димитріевича въ Москву. Князь встрѣтилъ Митрополита съ честію, бесѣдовалъ съ нимъ о нашествіи Татаръ и предложилъ ему всѣ возможныя утѣшенія. Тогда-то явился Фотій посредникомъ въ бракосочетаніи Іоанна Палеолога, наслѣдника Мануилова на Византійскомъ престолѣ, съ Анною

Васильевною, дочерью Василія Димитріевича и внукою Витовта по матери.

Бѣдствія России.

Первое бѣдствіе, претерпѣнное Фотіемъ въ Россіи, было только началомъ многихъ другихъ, которыя ее поражали. Не проходило почти года, чтобы или черная смерть въ самомъ ужасномъ видѣ, или засуха, или голодъ, или необыкновенная зимняя стужа, или пожаръ, не постигали нашего отечества. Кромѣ народныхъ бѣдствій, которыхъ не могъ не принимать къ сердцу сердобольный пастырь, были у Фотія и личныя огорченія. Его усердіе къ достоянію Церкви навлекло на него клевету. Клеветники возстали на него передъ В. Княземъ Василіемъ Димитріевичемъ и старались ссорить Митрополита съ Государемъ; другіе обносили его передъ Литовскимъ Витовтомъ. По настоянію сего послѣдняго, противъ воли царя и патріарха, епископы въ 1416 году избрали на Кіевскую митрополію Болгарина Григорія Цамблака. Изъ всѣхъ золъ, какія испыталъ несчастный пришелецъ въ нашей землѣ, конечно, ни одно такъ не поразило его, какъ это раздѣленіе паствы на глазахъ у самаго пастыря. Только смерть Григорія въ 1419 году могла прекратить Фотіево горе, которое длилось три года. Послѣ того Святитель снова имѣлъ утѣшеніе соединиться съ отторгнутою отъ него паствою и войти въ сношенія болѣе дружелюбныя съ Литовскими князьями, Витовтомъ и Свитригайло.

Личныя огорченія Фотія.

Кончина В. Князя Василія Димитріевича въ 1425 году поразила скорбію сердце Архипастыря, который связанъ былъ съ нимъ узами любви искренней. Онъ упомянулъ объ этой скорби и въ своей прощальной грамотѣ. Ревностно принялъ онъ сторону десятилѣт-

няго сына его, Василія, наслѣдника престола, противъ устарѣлыхъ притязаній его дяди, Юрія Дмитріевича, и тѣмъ содѣйствовалъ утвержденію правильной системы единодержавія и престолонаслѣдія въ Россіи.

Въ лѣтописяхъ сохранилось чудесное преданіе о кончинѣ Фотія. Въ 1430 году, въ пятницу на Святой недѣлѣ, когда онъ отдыхалъ въ ложницѣ своей послѣ заутрени, явился ему Божій ангелъ, златовласый, съ царскимъ вѣнцемъ на головѣ, въ одеждѣ изукрашенной, съ золотымъ посохомъ въ рукахъ, и возвѣстилъ, что Богъ даетъ ему только седмицу на разсмотрѣніе жизни своей и на управленіе паствою. Эта седмица длилась семь семидесятидневныхъ недѣль. Онъ успѣлъ посѣтить еще разъ передъ кончиною свою юго-западную паству, и скончался въ Москвѣ, 1-го Іюля 1431 года, оставивъ по себѣ прощальную грамоту, въ которой вкратцѣ расказалъ скорби и труды, понесенные имъ на Русской паствѣ, и простился со всѣми по примѣру своего предмѣстника, Кипріяна, рядомъ съ которымъ легъ и въ могилу, въ Успенскомъ соборѣ. (1) Памятниками его служенія на чредѣ паствы Русской и его правовѣрія остались два саккоса, изъ которыхъ одинъ украшенъ изображеніями Іоанна Палеолога и супруги его Анны Васильевны, В. Князя Василія Димитріевича и супруги его, Софіи Витовтовны, и самого Митрополита Фотія. Въ греческомъ символѣ вѣры, который вышитъ золотомъ на поляхъ саккоса, не встрѣчаемъ приложенія слова: *истиннаго*, въ членѣ о Святомъ Духѣ, которое вошло позднѣе въ наши старыя книги и соблазнило раскольниковъ (2).

Кончина его.

Поученія и посланія.

Неутомимъ былъ пастырь въ исполненіи своего долга, какъ наставникъ народа. Памятникомъ его непрерывной дѣятельности остались намъ его *Поученія* и *Посланія*. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы, другія остаются еще въ рукописяхъ. Самъ ли онъ писалъ ихъ, или помогалъ ему въ томъ его сотрудникъ, Славянинъ Пахомій—рѣшить трудно; но съ вѣроятностію можно предположить, что онъ и самъ пріобрѣлъ постепенно навыкъ въ языкѣ Славянскомъ. Въ одномъ изъ посланій своихъ къ инокамъ Кіевопечерской обители смиренный пастырь сознается въ неискусномъ знаніи Славянскаго языка (3), а греческіе обороты, часто встрѣчающіеся въ его слогѣ, показываютъ, что онъ писалъ ихъ по гречески и переводилъ на Славянскій языкъ.

Изъ поученій Фотія нѣкоторыя писаны на праздники Благовѣщенія, Срѣтенія Господня, по случаю освященія храма, о второмъ и страшномъ пришествіи, въ недѣлю православія о постѣ и молитвѣ, и содержатъ въ себѣ объясненія евангельскихъ притчей; другія обращены къ священническому и иноческому чину, особенно къ инокамъ Кіевопечерскимъ, также къ князьямъ, боярамъ и ко всему народу; третьи писаны по случаю современныхъ событій, избранія Григорія Цамблака, ереси Стригольниковъ, разныхъ народныхъ бѣдствій: бездождія, голода, черной смерти. Изъ посланій дошли преимущественно Псковскія, случайно ли, потому ли, что Митрополитъ обращалъ на Псковъ особенное вниманіе, опасаясь по близости его къ западу Латинскихъ на него вліяній (4).

Постояннымъ дѣйствіемъ Архипастырей нашей Церкви было поучать священниковъ, указывая имъ

на важное значеніе ихъ сана и на святость тѣхъ обязанностей, которыя возлагаетъ на нихъ Церковь. Фотій посвятилъ этому предмету особыя поученія и, кромѣ того, въ рѣдкое изъ другихъ не вставилъ тѣхъ же наставленій священникамъ. «Какъ небо отстоитъ отъ земли,» говоритъ учитель, «такъ нашъ санъ выше всякаго мірскаго; такъ Христово священнодѣйствуемое таинство превыше всего въ мірѣ. Христосъ самъ священнодѣйствовалъ, давъ намъ тѣло свое и кровь свою на пищу и питіе, и завѣщалъ черезъ Апостоловъ творить тоже самое. Превыше всего священническая рука: она касается божественнаго угля. Принявъ человѣка смраднаго и мертваго, силою благодати, Христосъ сдѣлалъ его, *яко Бога*, и намъ вручилъ дѣло, которое принадлежитъ единому только Богу: прощать грѣхи человѣческіе.»

Поученіе священникамъ и инокамъ.

Приглашая священниковъ облещись во всякую просвѣтительную силу дѣломъ и словомъ, онъ безпрерывно повторяетъ имъ слова Діонисія Ареопагита: *достоить бо быти, рече, господню священнику чисту яко свѣту, свѣту быти—и тако просвѣщати, чисту быти—и тако очищати, святу быти—и тако освящати*. Наставникъ употребляетъ эти слова въ родѣ пословицы, какъ бы желая ее тѣмъ сильнѣе напечатлѣть въ сердцахъ тѣхъ, кого она касается. Въ рѣдкомъ поученіи ея не встрѣтите.—«Если вы, говоритъ Святитель священничествующимъ и иночествующимъ вмѣстѣ, постоите и не перемѣнитесь, будучи свѣтилами душамъ и тѣламъ, тогда тѣло всего міра просвѣщено будетъ. Если же вы, будучи солью, возсмердитесь, и будучи свѣтомъ, помрачитесь, то какая тьма будетъ въ мірѣ?»—Съ ужасомъ говоритъ Фотій о пьян-

ствѣ священниковъ. Апостолъ Павелъ не только о тѣлахъ священниковъ, но и о тѣлахъ всѣхъ вѣрныхъ сказалъ: не вѣсте ли, яко домъ Божій есте и духъ Божій живетъ въ васъ? За три дня, или мало по немощи за два, должно готовить себя чистымъ, приступая къ божественной тайнѣ. Да искушаемъ о семъ каждый себя, священники Господни, съ какимъ страхомъ и трепетомъ содержать имѣемъ санъ великаго того Божія священства, которое и самимъ Ангеламъ ужасно и недостижимо. Молю васъ, да отверзете очи сердецъ вашихъ, и уши духовныя, и пріимете слова, ихъ же вмалѣ глаголю вамъ: богомудрое бо ремесло божественное и преестественное дано намъ отъ Бога.

Всѣ главныя силы пастырской заботы своей устремляя на священниковъ, какъ на непосредственныхъ наставниковъ народа, Святитель бесѣдуетъ и съ иноками о ихъ назначеніи. Два посланія пишетъ онъ въ Кіевопечерскій монастырь, къ преемникамъ Антонія и Ѳеодосія, и третье въ Снѣтогорскую Псковскую обитель. Приводя имена всѣхъ великихъ подвижниковъ, уставившихъ иноческое житіе, Василія, Апостоламъ вмалѣ равностоятеля, Аѳанасія, святое Божіе жилище, Григорія Богослова, непобѣдимаго Христова воина, велегласнаго Лѣствичника, великихъ Исаака, Дороѳея и Евѳимія, пастырь свидѣтельствуетъ, что иноки Кіевопечерскіе знакомы съ твореніями всѣхъ этихъ и другихъ св. отцевъ, изобразившихъ иноческое житіе, и что въ особенности читаютъ они книгу великаго Лѣствичника, «духовнымъ степенямъ утвердителя.» Въ вѣкѣ вражды непримиримой, когда, по словамъ пастыря, нельзя было вѣры дать другу,

ни понадѣяться на брата, когда «проглаголешь мирная, а принимаются аки ратная,» когда зависть и лжа осилили, и никто не поминалъ о смерти, — пастырь приглашалъ иноковъ дѣйствовать какъ божественные Апостолы, однимъ миромъ просвѣтившіе вселенную и приведшіе ее ко Христу, который самъ есть миръ и истина. Какъ птица нѣкая въ дерево ударяетъ и отъ того все дерево сгниваетъ, такъ братоненавидѣніе погубляетъ всякую добродѣтель человѣческую. Не словомъ, но вѣрою и дѣлами оправдается человѣкъ и бываетъ наслѣдникъ царствія небеснаго по великому Христову слову, что не въ словѣ царствіе Божіе, а въ силѣ. Да будетъ ваша жизнь образомъ честнаго житія для людей міра! Помните великое слово Евангельское: «Никто рукй взложа на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи небеснѣмъ.» Помните день великаго и грознаго суда, да уподобимся пяти дѣвамъ мудрымъ, возжегшимъ свѣтильники свои въ срѣтеніе жениху, а не тѣмъ пяти безумнымъ, чьи свѣтильники безъ масла погасли, да не затворятся передъ нами двери, да не услышимъ на зовъ нашъ: «Господи, Господи! отверзи намъ,»—страшнаго того отвѣта: «отъидите отъ мене, не вѣмъ васъ, откуду есте.»

Поученіе князьямъ, вельможамъ, купцамъ и народу.

Наставленія пастыря отъ духовнаго чина простирались на князей, бояръ, купцовъ и народъ. Князьямъ прежде всего проповѣдуетъ онъ милость, да услышатъ они на страшномъ судѣ голосъ: блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ. Всѣмъ проповѣдуется нищелюбіе, но особенно князьямъ и вельможамъ: «Братіею меньшею нарицаетъ Христосъ учениковъ своихъ и всѣхъ нищихъ; всякой нищій право-

славный и *благодарливый* братъ есть Господень, понеже Христосъ насъ ради себя смирилъ, и въ нищетѣ и въ убожествѣ былъ, да насъ милосердіемъ обогатитъ..... Любви часть милостыня, а ненависти часть немилосердіе.... Вы, благородные князья и вельможи, добродѣяніе всякое и умиленіе во всемъ да покажете, и помощь и заступленіе, и утвержденіе и попеченіе къ убогихъ чади, милуючи сира и вдовицу: васъ бо Христосъ отъ нихъ возвыси».... Посадниковъ и властелей города Пскова, напоминая имъ власть отъ Господа данную и силу отъ Вышняго, призываетъ онъ работать Господу, а не человѣкамъ, судомъ Божіей правды, судомъ нелицемѣрнымъ и немздоимнымъ, не превращая суда для убогаго и не стыдясь лица сильнаго, помня заповѣдь животворящаго Духа: «накажитесь, вси судящеи земли; работайте Господеви «съ страхомъ и радуйтесь ему съ трепетомъ.»—Нарочитыхъ града, именитыхъ купцовъ города Пскова, проситъ, чтобы въ купляхъ и въ мѣрилахъ праведныхъ Божію правду соблюдали, «понеже бо купля «неправедна и мѣрила лукавая мерзска суть Богу, а «купля же и мѣрила правая благословена суть и пріятна отъ Бога» — Въ народѣ преслѣдовалъ Святитель двоеженство и троеженство, которое, видно, встрѣчалось даже и отъ живыхъ женъ. Онъ приводитъ слова Григорія Богослова, что первый бракъ есть законъ, второй по нуждѣ прощеніе, ради слабости человѣческой, третій законопреступленіе, четвертый нечестіе. А тѣмъ, которые, разведясь съ законными женами, взяли вторую и третью жену, запрещаетъ быть старостами при храмахъ.—Поразилъ иноземнаго пастыря зазорный обычай народной брани.

Такое предписаніе даетъ онъ по этому случаю духовнымъ наставникамъ: «А еще учи́те своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы престали отъ скверныхъ словесъ и неподобныхъ, что лаютъ отцевымъ и материнымъ именемъ, занеже того въ крестіанѣхъ нигдѣ нѣсть; тако же бы и родители учили своихъ дѣтей изъмала, чтобы не привыкали говорить лихихъ словъ, а кои не имутъ слушати васъ, а тѣхъ такожъ отъ церкви отлучайте, ни святаго причастья не давайте, ни доры, ни Богородицына хлѣба. Такожъ учи́те ихъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зеліа, ни вороженья, и елика такова, занеже съ того гнѣвъ Божій приходитъ; и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учи́те ихъ, чтобы престали и каялись бы, а не имутъ слушати, не благословляйте ихъ; христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не дрьжали межу себе нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ такоже отъ церкви отлучайте.»

Псковитяне до того простерли гоненіе свое противъ бабъ колдуней, что въ 1411 году сожгли 12 вѣщихъ женокъ, какъ замѣчено въ Псковской лѣтописи. Но къ этому поступку они побуждены были, конечно, не словомъ Святителя, а скорѣе подражаніемъ обычаямъ Запада, гдѣ сожженіе волхвовъ и вѣдьмъ было повелѣваемо Церковію.

Фотій возставалъ и противъ другихъ обычаевъ, которые Псковъ принималъ отъ Запада, противъ употребленія Латинскаго мѵра, противъ крещенія обливаніемъ, а не погруженіемъ, противъ употребленія удавленины въ пищу. Съ другой стороны народная

брезгливость ко всему иноземному внушала Псковичамъ подобные вопросы, которые они письменно предлагали Святителю: можно ли имъ употреблять въ пищу то, что̀ приходитъ изъ Нѣмецкой земли: вино, хлѣбъ или овощь? Фотій отвѣчалъ: очиститвъ то молитвою отъ іерея, подобаетъ ясти и пити.

Противъ поля.

Съ особенной грозою преслѣдовалъ Митрополитъ обычай поединковъ, или такъ называемое *поле*, которое замѣняло судъ тяжущимся. Онъ приказывалъ священникамъ: человѣка, который позовется *на поле*, не допускать до святаго причастія, ни даже до цѣлованія крестнаго, подъ опасеніемъ лишенія священства, если попъ допуститъ такого къ причащенію; погубившаго на̀ полѣ душу человѣческую считать душегубцемъ, не пускать въ церковь, не давать даровъ, ни Богородицына хлѣба, а къ причастью не допускать осмнадцать лѣтъ; убитаго же не хоронить, а похоронившій лишается священства.

О постѣ и молитвѣ.

Всѣхъ чадъ своихъ соединяетъ пастырь вмѣстѣ въ одномъ наставленіи о постѣ и молитвѣ. «Велико «благо есть постъ и молитва, аще съ мыслію чистою «и благодарною будетъ.» Раскрытію этой мысли посвящено отдѣльное поученіе въ недѣлю православія. Здѣсь въ самомъ началѣ встрѣчаемъ совѣтъ, подобный тому, какой предлагаетъ Владиміръ Мономахъ въ Поученіи своимъ дѣтямъ касательно самой краткой и любимой молитвы Русскаго народа, заимствуя этотъ совѣтъ изъ Поученій Іоанна Златоуста: «Молю всѣхъ васъ, чада мои, собравшихся въ церкви, правилу молитвенному не облѣнитися никогдаже, но или ясте, или піете, или дѣлаете, или путешествуете, или стойте, или сѣдите, или ино что творите, неоскудно

и непрестанно глаголите каждый въ помышленіи своемъ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя. Апостолъ сказалъ: безпрестани молитеся и всегда благодарите. Господь сказалъ: бдите и молитеся во всяко время.» (5)

Постъ, по слову наставника, предлежитъ намъ, какъ нѣкоторая лѣствица. Недѣли поста ступени ея.... Постъ поновленіе души и житію цѣломудріе; постъ хранитъ младенцевъ, цѣломудритъ юныхъ, благоукрашенныхъ творитъ старцевъ... Не въ одной пищѣ состоитъ постъ, но и въ удаленіи отъ всякаго зла.

Нерѣдко учитель углубляется въ таинственный смыслъ Евангельскихъ притчей. «Иногда, говоритъ онъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ творитъ явную бесѣду въ благовѣстіи, иногдаже учитъ повѣстями и притчами. *Повѣстная бо бесѣда явленнѣйше и чистѣйше творитъ ученіе* и уповающихъ воздвигаетъ къ послушанію.» Объясненіе притчей.

Такъ объясняетъ онъ притчу *о должникѣ тьмою талантъ* (Матѳ. гл. 18. ст. 24), устремляя вниманіе на главную мысль: прощай другихъ, чтобы Богъ тебя простилъ. Жена и дѣти, которыхъ велѣно продать, душа и дѣянія. Господинъ довелъ должника до крайности и потомъ уже простилъ для того, чтобы памятовалъ онъ *все величество прощенія* и былъ снисходителенъ къ своимъ должникамъ.

Особеннымъ глубокомысліемъ отличается объясненіе притчи о блудномъ сынѣ, въ 7-мъ поученіи, которое говорено въ недѣлю объ немъ. Въ двухъ сынахъ отца олицетворены: въ старшемъ правда, въ юнѣйшемъ грѣхъ нашъ. Голодъ той страны, куда отошелъ юнѣйшій сынъ, такъ объясняется, не безъ Поученіе о блудномъ сынѣ.

намека на причину этого бѣдствія въ народѣ: гдѣ нѣтъ страха и закона Божія, тамъ гладъ крѣпокъ; гдѣ нѣтъ милости и любви и правды, тамъ гладъ крѣпокъ. Сынъ, исходящій изъ дому отца, это мы сами, когда согрѣшаемъ: вонъ исходимъ изъ своего смысла, вонъ изъ своихъ помышленій ведемся, *внѣ разума бываемъ.* Когда же исполняемъ заповѣди божіи и *правдуемъ*, тогда въ свой паки смыслъ приходимъ. Въ себя же пришедъ, блудный сынъ возвращается по глаголющему: обратися, душе моя, въ покой твой. Покой души моей есть спасеніе, а спасенія три образа по великому Григорію: рабство, наемничество, сыновство. Рабъ, страха ради ранъ, творитъ благое, какъ и Давидъ глаголетъ: пригвозди отъ страха твоего плоти моя, отъ судебъ твоихъ убояхся. Наемникъ, за пріятіе мзды, добрыя и благоугодныя дѣянія совершаетъ: преклонихъ сердце мое, сказалъ божественный Давидъ, еже сътворити волю твою въ вѣкы въздаціе. Сынъ же, ради любви къ Богу и Отцу, заповѣди его дѣлаетъ, какъ тотъ же божественный Давидъ свидѣтельствуетъ, говоря, яко возлюбихъ заповѣди твоя, и законъ твой, Господи, весь день поученіе мое есть.

Вліяніе церковной пѣсни.

Иногда, подъ вліяніемъ церковной пѣсни, проповѣдникъ воспроизводитъ образы церковной поэзіи. Такъ, на праздникѣ Благовѣщенія, освящая походный храмъ, устроенный для православныхъ воиновъ Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ, во имя Воздвиженія Креста, проповѣдникъ говоритъ: «Днесь тихая намъ весна Христосъ, праведное солнце, свѣтлымъ свѣтомъ насъ осіяя, вѣрныхъ мысли просвѣщаетъ.... Днесь богоразумныя Силы небесныя съ неба прекло-

пились и съ нами земными невидимо спразднуютъ сей четвероконечный праздникъ, и исполняется Давидово пророчество: «да веселятся небесная и радуются земная!» По случаю другаго праздника, который соединялся съ праздникомъ Благовѣщенія во имени храма, проповѣдникъ переходитъ къ значенію креста и говоритъ: «Крестъ царемъ благочестивымъ велелѣпіе и оружіе неодолѣваемо вѣчно, крестъ всего божественнаго дѣйства воспоминаемый о всемъ вездѣдѣлатель знаменоносимый, и на всякое сопротивное ополченіе видимое и невидимое побѣдитель.» Здѣсь приводитъ проповѣдникъ сказаніе историческое, какъ одинъ малый Христіанскій полкъ помогъ молитвою къ своему Богу императору Римлянъ, Марку Авреліану, одержать побѣду надъ Готѳами. Здѣсь разсказываетъ онъ и о славномъ въ исторіи Христіанства явленіи креста Константину великому, когда Богъ, замысливъ просвѣтить его свѣтомъ истиннаго разума, явилъ ему въ ночи́ на рѣкѣ Дунаѣ честный крестъ, свѣтлый и превеликій, свѣтящійся паче солнца, съ надписаніемъ изъ звѣздъ: о семъ побѣждай.

Въ другомъ поученіи на праздникъ Срѣтенія Господня, подражая церковной пѣсни, Святитель такъ славословитъ праздникъ: «Отроча четыредесятодневно и превѣчно, отроча младо и ветхо деньми, отроча ссущее и вѣкомъ творецъ.... Младенецъ зримъ и Богъ познаваемъ, младенецъ ссущъ и міръ напитающъ, младенецъ на рукахъ матернихъ земленосимъ, на небѣ же неотступенъ нѣдръ отеческихъ.»... На Срѣтеніе Господне.

Перейдемъ теперь къ той части содержанія Поученій Фотія, которая имѣетъ отношеніе къ совре- Посланія къ В. Князю.

меннымъ событіямъ. Два посланія его къ В. Князю Василію Димитріевичу написаны въ защиту правъ Церкви на ея имѣнія и доходы. Святитель приводитъ по этому случаю постановленія Константина Великаго и примѣры прародителей В. Князя, особенно же отца его, Димитрія, который, познавъ отъ Божественнаго Писанія, что *не спасется царь многою силою и исполинъ не спасется во множествѣ крѣпости своей*, — когда наступали на него Агаряне, грозившіе пагубою христоименитымъ людямъ, прибѣгалъ къ руководству и опорѣ Святителя, и являлся побѣдоносцемъ. Вотъ одно изъ доказательствъ тому, что Кипріянъ былъ у насъ во время Донской битвы. Порицанія и клеветы враговъ Фотія не охлаждали его ревности. «Для меня неважно, говоритъ онъ во второмъ посланіи, хвалятъ ли меня или хулятъ; хула меня не печалитъ, и для похвалы не сдѣлаюсь я хуже. Буду ли хулимъ и хвалимъ, останусь тѣмъ же, чѣмъ былъ; ибо я рабъ Божій, хотя и грѣшный.» Пастырь не щадитъ и укоровъ В. Князю за то, что онъ съ насиліемъ беретъ у Церкви Божіей то, что̀ непринадлежитъ ему. Отъ Князя, какъ вѣрнаго сына Церкви, онъ требуетъ себѣ покорности (6). Настойчивостью своею Митрополитъ успѣлъ, хотя и не скоро, возстановить владѣнія своей каѳедры въ прежней цѣлости.

Посланіе по случаю избранія Григорія Цамблака.

Важностью современнаго содержанія, обширностью объема, силою краснорѣчія отличается Окружное Посланіе Фотія, написанное по случаю избранія Литовскими Епископами Григорія Цамблака въ санъ Кіевскаго Митрополита, отдѣльно отъ Московскаго. Видно, какъ это событіе въ самое сердце поразило Пастыря,

ревностнаго о единствѣ церковномъ, и какъ онъ призвалъ всѣ свои силы, чтобы охранить его.

Древніе, божественные мужи, говоритъ Фотій, не писаніемъ и книгами учимы были, но чистый имѣя смыслъ, Духомъ Святымъ просвѣщались и научались Божіимъ хотѣніямъ. Таковы были первые Патріархи. Когда же изнемогли человѣки и недостойны стали просвѣщатися отъ Духа Святаго, тогда Богъ далъ законъ Моисею. Такъ и Владыка нашъ Христосъ бесѣдовалъ съ Апостолами, лицемъ къ лицу. Когда же ереси и мятежи смущенія церковнаго начали прозябать, Господь благоволилъ написатися Евангеліямъ, и преданіямъ Апостольскимъ, и правиламъ Св. Отецъ.

Ими-то внушаемый, хочу я извѣстить любовь вашу о мятежѣ, бывшемъ въ Церкви Божіей отъ мужей *неподобныхъ*. Блюдитеся, возлюбленные; *дніе лукави суть и время своихъ слугъ поставляетъ*.... Григорій, изверженный изъ сана Патріархомъ Вселенскимъ Евѳиміемъ, возвращается въ Литву, чтобы разрушить и смутить Церковь Божію. Онъ собираетъ окаянныхъ Епископовъ, которые *на Церковь Божію, увы! начинаютъ замышленіе, не избраніемъ Св. Отецъ, не испытаніемъ соборнымъ, не разсужденіемъ правильнымъ, но самозаконно* учинивъ его поставленіе, какъ будто *въ сонномъ привидѣніи* играя, въ священную одежду недостойнаго одѣваютъ.... *Кто достойно восплачетъ бывшую нынѣ бѣду? который языкъ изречетъ содѣянное нынѣ? который слухъ кротко пріиметъ сію повѣсть* *)? Благовременно и пригодно нынѣ пророческое слово: «*погибе благоговѣинъ отъ земли и исправ-*

*) Все напечатанное курсивомъ выписано изъ текста слово въ слово; прочее передано въ вѣрномъ сокращеніи.

ляяй въ человѣцѣхъ нѣсть,» — ибо *сѣчивомъ и оскордомъ* разсѣкли *двери Христовой Церкви*, гремитъ проповѣдникъ, подражая словамъ Псалмопѣвца *). Мы, какъ Іеремія, должны искать *главѣ воду и очамъ источникъ слезъ.*

Въ поэтическомъ образѣ раскрыта далѣе мысль о единствѣ Церкви. — Какъ *источникъ водный, единъ текущъ, разливается* по многимъ странамъ, *напаяетъ и прохлажаетъ словесныхъ и несловесныхъ, и вся прозябленія земная влагою раститъ и плодитъ*: такъ и соборная и апостольская Церковь Константинаграда, *отъ источника паче духовнаго и безсмертнаго повсюду текущи*, равно и къ Митрополіи Кіевской и всея Руси, *строитъ попеченія и береженіе*, и *посылаетъ единаго Митрополита Кіеву и всея Руси*. И такъ *должно сущимъ всѣмъ Епископомъ, Княземъ, велможамъ, священникомъ и инокомъ, и всему Христоименитому исполненію послушати его, яко пастыря и учителя духовнаго* по словамъ Христовымъ: «*Слушая васъ, мене слушаетъ, и отметаяся васъ, мене отмещется; мене же отметаяся, отметается пославшаго мя*»…. Скажите окаянные, которыя книги Святыхъ, которое Евангеліе, который Апостолъ васъ научилъ такое нечестіе творить?

Христосъ васъ не пользуетъ… Преставшу источнику отъ теченія, скудость бываетъ всѣмъ сущимъ на земли, словеснымъ же и несловеснымъ, и всякому земному прозябленію и плоду: такоже и вамъ, не сущей благодати Святаго Духа въ васъ, отъ источника духовнаго оскудѣніе бысть вашимъ душамъ и погубленіе.

*) ….Яко въ дубравѣ древянѣ сѣкирами разсѣкоша двери его вкупѣ: сѣчивомъ и оскордомъ разрушиша й. Псал. 7. ст. 6 и 7.

Скажи ты, всѣхъ болѣе прельщенный не-Епископъ Полоцкій Өеодосій: по преставленіи Святаго почившаго Митрополита Кипріяна, не ты ли шелъ на Митрополію? Ты самъ знаешь, сколько обѣщалъ ты сребра и злата за то ставленіе! Если бы за мзду оно давалось, не отослали бы тебя *бездѣльна*. Но ты былъ отосланъ съ уничиженіемъ великимъ и стыдомъ, и сказали тебѣ: *Злато твое и сребро твое съ тобою въ пагубу да будутъ*!

Затѣмъ слѣдуютъ вопли сокрушенія Церкви и выраженіе надежды, что Господь не оставитъ ее уничиженную, но *одѣнетъ одѣяніемъ веселія, по древнему благолѣпію*. — Призывая всѣхъ православныхъ не пріобщаться къ нечестію, совершенному въ избраніи незаконномъ, Митрополитъ приводитъ слова всѣхъ учителей, начиная съ Апостола Павла, котораго именуетъ *сосудомъ избраннымъ*, *предѣломъ церковнымъ, многострадальцемъ доблественнымъ*, *благовѣщанною цѣвницею, Христовымъ проповѣдникомъ, трубою слову и вѣщателемъ благочестія*. Призвавъ слова учительскія на убѣжденіе паствы, такъ обращается пастырь ко всѣмъ вѣрующимъ, уже съ словомъ силы и гнѣва:

«*Ужаснитеся и въстрепещите, которыи съ несвященными ядите, и любви творящіи съ ними, и исправите собе, яко да не погыбнете съ беззаконіемъ ихъ. Услышите вси языци, внушите вси живущіи по вселеннѣй, услышите пастыріе церквамъ Христовымъ, услышите священници Господни, услышите благочестивіи князи и вси людіе, и бояре, и вси судія земскыя, иноцы, инокини, юноша и дѣвы, старци съ унотами, мали и велиціи,*

или мужескъ полъ или женьскъ, вкупѣ богатіи и убозіи, вси внимайте глаголемымъ, молю вы.»

Все собранное отъ Божественнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта я объявилъ любви вашей: теперь услышите то, что̀ завѣщано Святыми Апостолами и Отцами на Соборахъ. Посланіе заключается многими выписками изъ Соборныхъ положеній.

Посланія во Псковъ противъ Стригольниковъ.

Ересь Стригольниковъ, послѣ увѣщательныхъ посланій Патріарховъ Нила и Антонія, все еще коренилась во Псковѣ. Три посланія писалъ по этому случаю М. Фотій во Псковъ къ посаднику и тысяцкимъ, къ старымъ посадникамъ и тысяцкимъ, ко всему священническому и иноческому чину, и *ко всему христоименитому исполненію святаго людства*. Мысль, руководящая пастыря во всѣхъ его наставленіяхъ, выражена въ первомъ посланіи слѣдующими словами: «Церковь Божія, утвержденная Богомъ и даннымъ намъ закономъ новымъ, огражденная повелѣніями апостольскими, укрѣпляемая божественными и Св. Отецъ правилами седми Соборовъ, свѣтится паче солнца, *яко сущее небо земное украшена*, и *красуется непобѣдимымъ благолѣпіемъ православія.»* Міряне, дерзающіе судить Церковь и откалываться отъ нея, приводятъ въ ужасъ начальника паствы. Священникамъ онъ строго запрещаетъ принимать отъ нихъ дары и велитъ отметать ихъ самихъ, какъ члены согнившіе, отъ здраваго тѣла церкви Христовой; народу возбраняетъ имѣть всякое общеніе съ ними и велитъ наказывать ихъ, только не смертною казнію, а заточеніемъ. Ученіе Стригольниковъ, судя по содержанію посланій, было все тоже, какъ и прежде. Они осуждали священниковъ за ставленіе на мздѣ: Митро-

политъ указываетъ, что оно совершается согласно съ правилами Соборовъ. Они отпадали отъ евангельскихъ благовѣстій, отъ преданій апостольскихъ и отеческихъ, и, поднимая взоры отъ земли на воздушное небо, тамъ нарицали себѣ Отцемъ Бога, которому и каялись, отвергая покаяніе священникамъ. Настойчивое слово Пастыря, поучавшаго въ самой землѣ Русской, было дѣйствительнѣе, чѣмъ слово отдаленныхъ Патріарховъ Царьграда. Народъ самъ распорядился съ еретиками. Стригольники уступили мнѣнію народному—и съ тѣхъ поръ имя ихъ уже не упоминается въ лѣтописяхъ Новгорода и Пскова.

Поученія по случаю бѣдствій народныхъ.

Несчастныя событія времени: засуха, голодъ, моръ, пожары, находятъ отголосокъ въ поученіяхъ Фотія, подавая поводъ къ весьма сильнымъ изображеніямъ и къ движеніямъ ораторскаго чувства.

Засуха.

Вотъ изображеніе засухи изъ поученія о бездождіи: «Земля, *изсохши въ конецъ, ненавидна есть*, измѣнилась въ своей красотѣ, неплодная, залядѣвшая; сохнетъ и разсѣдается, и въ глубину ея солнечное сіяніе входитъ. *Утрезвимся благоговѣніемъ*, да не будемъ *сосѣдямъ нашимъ новою повѣстью о гладѣ и томленіи, на поруганіе*. Видѣлъ я прежде *бразды нивныя* неплодныя, и прослезился, и изліялъ рыданіе о томъ, что дождь не оросилъ ихъ. Одни сѣмена, еще прежде всхода, лежа въ землѣ засохли, какъ ихъ закрыло рало. Другія, выросши мало, увяли жалостно и сгорѣли отъ зноя. Земледѣльцы, сидя при бороздахъ и сплетши руки на колѣняхъ, стенаютъ надъ трудомъ рукъ своихъ, плачутся, смотря на дѣтей своихъ, рыдаютъ, взирая на женъ и изсохшую траву осязая руками.

«....Всѣ окрестныя мѣста *одождены*, наши же мѣста *не одождены*. Перемѣшались времена года, зной и студень. Нѣтъ ли въ насъ самихъ причины тому?... Неужьли же у Бога что̀ отнялось отъ Его власти и силы? Оставимъ такое хуленіе.... Нѣтъ, *со всѣми дѣлами безмѣстными, мы и братолюбіе затворили*: вотъ почему *сухи бразды наши*; любовь изсохла и гласъ молящихся всуе вопіетъ и на воздухѣ расходится, *ниже молящагося слышахомъ*.»

Проповѣдникъ приводитъ въ примѣръ Ниневію. Прекрасна картина всенароднаго ея покаянія: каются матери и на грудяхъ ихъ младенцы, кается старецъ и юноша, богатый и нищій, кается стража города, и самъ царь славу и свѣтлость свою въ срамоту преложилъ, снялъ вѣнецъ и персть на главу свою посы̀палъ, багряницу растерзалъ и во вретище облекся, престолъ высокій и прехвальный оставилъ, умиленно и бѣдно на землю лице свое преклонилъ, власть и царство покинувъ, благопокорно плакалъ вмѣстѣ съ народомъ....

«А мы грѣхи творимъ прилежно; лѣность и уныніе—наше покаяніе. Кто изъ насъ помолился чисто и испустилъ слезы, чтобы принять дождь и капли росныя? Кто, потребляя грѣхи по ревнованію блаженнаго Давида, плача, постелю свою слезами омочилъ? Кто страннымъ ноги умылъ и прахъ на ногахъ ихъ отмылъ, да во время умолитъ Бога и испроситъ Его разрѣшенія? кто воспиталъ сироту, да и насъ напитаетъ Богъ животомъ умноженія? кто пособилъ вдовицѣ, кто утѣшилъ ее, *озлобленную отъ житейскаго оскудства, да и намъ возмѣрится нужная пища*? Раздерите писанія неправедныя, да и грѣхъ разрѣшится.

Потреби реченную неправедную тяжкую лихву, да земля родитъ свое обычное. *Серебру и злату, не роднымъ сущимъ, мы черезъ естество творимъ раждатися; земля же отъ естественнаго рода пребываетъ неплодна....*

«Бѣдный, богатому Богу дай: достовѣрный онъ поручникъ, ибо повсюду, и по землѣ, и по морю, имѣетъ полныя сокровища.»

Голодъ нѣсколько разъ постигалъ Русскую землю при Митрополитѣ Фотіѣ. Въ томъ же поученіи, гдѣ изображаетъ онъ засуху, говоритъ и о голодной смерти, какъ самой страшной. «Голодъ есть продолжающаяся болѣзнь, недугъ *всаженъ и вгнѣзденъ*, *мокроту* онъ *по естеству изсушаетъ*, *теплоту студитъ*, *толстоту тончитъ*, *силу тѣлесную по малу изсушаетъ и увядуетъ*; какъ *паутина* онъ *на костяхъ облежитъ*; тѣло не имѣетъ цвѣтности своей; румянецъ бѣжитъ прочь; кровь скудѣетъ, бѣлизны нѣтъ на тѣлѣ; тонѣя, оно чернѣетъ.... Колѣни не держатся, а влекутся; голосъ тонкой и немощный; очи стали глубоки отъ изнеможенія.... чрево тощее и упадшее и невидное».... Голодъ.

Подробности описанія показываютъ, что Фотій самъ бывалъ очевидцемъ страданій отъ голода. За тѣмъ слѣдуютъ увѣщанія. «Старца увидишь голоднаго, напитай его, какъ Іосифъ напиталъ Іакова; врага увидишь въ тѣснотѣ, не возлагай гнѣва на него въ отмщеніе, но напитай, какъ Іосифъ напиталъ продавшую его братію; увидишь юношу въ нуждѣ, прослезись, какъ Іосифъ же надъ Веніаминомъ, старости сыномъ.»

По свидѣтельству лѣтописей, едва ли проходилъ годъ во все время служенія Митрополита Фотія на чредѣ Русской паствы, чтобы моръ, извѣстный подъ Черная Смерть.

именемъ Черной Смерти, не поражалъ народа въ какой нибудь части Россіи. Въ поученіи *рыданномъ, о находящихъ на насъ всяческихъ праведныхъ владычнихъ прещеніяхъ,* проповѣдникъ говоритъ, что много было предсказаній отъ святыхъ иконъ, *кровьми и слезами текущихъ*: плѣнъ отъ поганыхъ, страшныя болѣзни, голодъ и моръ слѣдовали за ними. Подобными знаменіями, по свидѣтельству лѣтописи, предсказывались бѣдствія—и особенно плѣнъ Татарскій (7). Изъ этихъ бѣдствій пастырь останавливается на Черной Смерти, говоря, что ни въ писаніяхъ такой бѣдственной казни мы не находимъ, ниже прежде когда либо слышали въ Божіихъ казняхъ о такой *нужной* казни.... Особенно прискорбно ему то, что единородные братія наши, мертвые, повсюду валяются, звѣрями и птицами безчисленно снѣдаемые.... Извѣстія лѣтописей подтверждаютъ истину скорби заботливаго пастыря. Въ одномъ изъ посланій своихъ ко Псковичамъ, по случаю этого бѣдствія, онъ утѣшается тѣмъ, что Богъ поражаетъ людей этою смертію не внезапно, но даруя имъ кончину Христіанскую, съ чистымъ покаяніемъ и исповѣданіемъ, съ освященіемъ масла, съ причащеніемъ честнаго и животворящаго Христова тѣла и божественныя и животворящія его крови, а многіе отходятъ къ Богу и въ подобіи великаго Ангельскаго одѣянія. Далѣе проповѣдникъ приглашаетъ страдающихъ вникнуть, чего ради страждемъ, грозитъ Господнимъ днемъ отмщенія, велитъ словами Пророка *расторгнуть сердца, а не ризы*, обнажить къ Богу свѣ язвы душъ, и предлагаетъ наставленія всѣмъ сословіямъ отъ высшихъ властей до народа. Любовь и совокупленіе духовное его послѣдній совѣтъ: «о

семъ разумѣютъ вси, яко мои ученици есте, сказалъ Христосъ, аще любовь имате между собою.» Этимъ словомъ заключается каждое его наставленіе во дни всенародныхъ бѣдствій.

Мысль о близкой кончинѣ міра.

Всѣ эти бѣдствія считались у современниковъ знаменіями близкой кончины міра. Проповѣдникъ самъ соединяетъ ихъ съ мыслію, тяготѣвшею надъ умами вѣка, что онъ есть уже послѣдній. Не рѣдко во всѣхъ поученіяхъ своихъ онъ упоминаетъ объ этомъ. То называетъ время свое *послѣднимъ*, указывая на чародѣевъ и волхвовъ, на злыхъ дѣлателей, на разбойниковъ, на лихоимцевъ; то родъ людей именуетъ также *послѣднимъ*; то приводитъ слова Спасителя: и будуть труси на земли, и знаменія въ лунѣ и въ солнцѣ и въ звѣздахъ, — примѣняя ихъ къ *нынѣшнимъ послѣднимъ днямъ*. Въ 11-мъ поученіи, обращенномъ ко всему народу, онъ ясно говоритъ объ истеченіи седьмой тысячи и объ ожиданіи всеобщей кончины міра: «Сей вѣкъ маловременный преходитъ; грядетъ ночь, *житія нашего престаніе*, когда никто уже не можетъ дѣлать. Седьмая тысяча совершается; осьмая приходитъ, и не преминетъ, и уже никакъ не пройдетъ. Блаженъ, кто уготовилъ себя къ осьмой тысячѣ, будущей и безконечной, и сего ради молю васъ: будемъ дѣлать дѣла свѣта, пока еще житіе наше стоитъ.... Теперь еще время дѣлать и сѣять, а тамъ уже не мѣсто тому»....

Слово о второмъ пришествіи.

Есть цѣлое пятое слово, посвященное мысли о второмъ и страшномъ пришествіи. Вдохновенный притчею Евангельскою, проповѣдникъ изображаетъ этотъ день словами: «О страшный день онъ втораго пришествія Христова и будущаго суда! И ужасно намъ

сіе судище, и словоположеніе на немъ грознѣйшее, когда престолы поставлены будутъ, и книги разгнутся, и судія сядетъ, нелицемѣрный и тьмами темъ Ангелъ дорѵносимый: тогда трубы возгласятъ великимъ гласомъ, отъ святыхъ Ангелъ вдохновенныя».... Можно представить себѣ, какое дѣйствіе производили эти изображенія страшнаго суда, возглашаемыя въ храмахъ, на современниковъ.

Отъ этой страшной мысли о послѣднемъ времени и о кончинѣ міра пастырь переходитъ къ самому себѣ и исповѣдуетъ передъ всѣми, какъ онъ, смиренный и худшій изъ всѣхъ передъ Богомъ, не желалъ быть кормчимъ такого великаго корабля, въ столь трудныя *послѣднія* времена. Онъ выразумѣлъ слова Григорія Богослова, какъ нужно пастырю, особенно въ такое время, совокуплять всякихъ звѣрей дикихъ и овецъ во едину чреду, укрощать свирѣпство каждаго и пасти ихъ соединенныхъ въ достояніи мирномъ. Онъ же думалъ прежде о томъ лишь, какъ бы свою душу чистую и непорочную предпоставить Богу, а пришлось трудиться о толикомъ множествѣ. Пастырь уподобляетъ себя человѣку, у котораго струи неудержимыя мимо рукъ текутъ; какъ сонъ передъ нимъ мелькаютъ люди, какъ слѣдъ за кораблемъ проходятъ.... Въ многоразличныхъ буряхъ, волнующихъ ввѣренный ему корабль, несчастный кормчій, не только повседневными рыданьями, но и по всѣ часы рыданьями неусыпающими къ Богу, *имѣетъ умъ* о ввѣренныхъ ему душахъ человѣческихъ; о своей же единородной и безсмертной душѣ, въ сихъ превеликихъ волнахъ, вѣдаетъ Богъ, что однимъ лишь печальнымъ рыданіемъ онъ ее временно утѣшаетъ.

Одно изъ своихъ поученій, а именно о бездождіи и происходящихъ отъ него бѣдствіяхъ, Святитель заключаетъ такъ: Все это, чада мои, я собралъ отъ Божественнаго писанія къ наученію и исправленію вашихъ душъ: не подумайте, чада мои возлюбленныя о Господѣ, чтобы я, какъ мать или кормилица, лживо устрашалъ васъ и говорилъ вамъ, какъ онѣ обыкли говорить съ плачущими младенцами и басенными повѣстями заставляютъ ихъ молчать. То, что говорю вамъ, не басни, но слово неложное, проповѣднымъ гласомъ: *стойте испытно.* Самъ вѣря въ силу и правду всемірнаго суда Божія, онъ присоединяетъ: по евангельскому прореченію, строка едина или черта едина не мимо идетъ, но и тѣло, въ гробѣ невидимо пролежавъ, встанетъ, и душа, смертью затворенная, паки въ тѣло вселится... Пожившимъ въ вѣкѣ семъ, обличеніе неиспытное предстанетъ, не инымъ свидѣтельствующимъ, но самой совѣсти—и тогда каждому по достоянію отъ праведнаго судіи возмѣрится!

Вникнувъ во все содержаніе поученій Фотіевыхъ, мы можемъ теперь оправдать свидѣтельство лѣтописи, которая говоритъ, что онъ «всѣхъ, отъ малыхъ до великихъ, поучалъ словами благочестія, поученіями отъ божественныхъ писаній, какъ соблюдать заповѣди Христовы, отвращаться отъ злыхъ и пребывать во благихъ.» Глубины богословскія были открыты ему, какъ Христіанскому проповѣднику; но силу слова своего заимствовалъ онъ преимущественно въ примѣненіи Христіанской истины къ народной жизни той земли, гдѣ дѣйствовалъ. И пороки, и бѣдствія Русскаго народа, были близки его пастырскому сердцу. Цвѣтистая риторика школъ греческихъ не погубила (Заключеніе.)

жизни этого слова; онъ съумѣлъ даже побѣдить и препятствія языка, ему чуждаго. Сила дѣятельной мысли и еще болѣе сила любящаго сердца торжествовали надъ этими оковами—и проповѣдь достигала иногда цѣли, переходя изъ міра слова въ дѣло жизни.

Григорій Цамблакъ.

Во враждебныя отношенія къ Фотію поставленъ былъ судьбою другой Русской проповѣдникъ, ему современный, совмѣстникъ его по назначенію званія и достойный соперникъ по слову. Проповѣдь Григорія Цамблака, можетъ быть, превзойдетъ Фотіеву глубиною отвлеченнаго богословскаго созерцанія, но уступитъ въ силѣ жизни: причина тому могла заключаться и въ самой мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ пастырь. Онъ удаленъ былъ отъ зачинавшагося новаго сѣвернаго средоточія Русской жизни; біеніе новаго сердца ея, Москвы, и жилъ, къ нему прироставшихъ, Новгорода и Пскова, было для него чуждо. Мысль его могла витать на высотахъ церковнаго богословія; но она слишкомъ отвлечена была отъ народной жизни. Вотъ почему и Византійская витіеватость, и риторическіе узоры, сплетаемые изъ фигуръ всякаго рода, преимущественно изъ антитезы, составляютъ весьма обильную стихію въ проповѣди Григоріевой. Только въ спорахъ съ Іудеями, противниками Христіанства, съ Латинянами объ опрѣснокахъ, обнаруживаются въ немъ современныя отношенія, да развѣ еще въ идеальномъ изображеніи иноческой жизни и въ обличеніи братоненавидѣнія, порока, впрочемъ, общаго всѣмъ вѣкамъ человѣчества, и особенно противнаго любящему чувству Христіанскаго пастыря. А, за исключеніемъ этого, Григорій весь препогруженъ въ общія истины, составляющія основу Христіанской Церкви,

Характеръ его проповѣди.

или вдохновенъ ея праздниками и церковнымъ славословіемъ, ихъ оглашающимъ. Вотъ почему слова̀ его, какъ и слова̀ Кирилла Туровскаго, переписывались весьма дѣятельно нашими грамотѣями, во всѣхъ столѣтіяхъ древней Русской жизни, слѣдовавшихъ за проповѣдникомъ, и онъ заслужилъ отъ нихъ наименованіе Григорія, *Архіепископа Россійскаго*.

Свѣденія объ его жизни.

Григорій Цамблакъ былъ землякомъ и племянникомъ Митрополиту Кипріяну. Болгарія была его отечествомъ, какъ свидѣтельствуетъ и прозвище Цамблака, а городъ Терновъ родиною. Отецъ Григорія былъ братомъ Кипріяну. Григорій помнилъ своего славнаго дядю еще въ отроческомъ возрастѣ; но потомъ до самой старости уже не видалъ его. Когда въ 1379 году Кипріянъ изъ своего новаго отечества, Москвы, возвратился въ прежнее и посѣтилъ свой родной городъ Терновъ, тогда Григорій былъ свидѣтелемъ той встрѣчи, которую Патріархъ Евѳимій и народъ приготовили Святителю. Тогда-то Кипріянъ возложеніемъ рукъ своихъ благословилъ Григорія и тѣмъ какъ будто предрекъ его будущность. Письмомъ Кипріяна вызванъ былъ онъ въ Россію, но не засталъ уже своего дядю въ живыхъ. Онъ былъ на Нѣманѣ въ то время, когда настигло его скорбное извѣстіе о кончинѣ Кипріяна, поразившей, по его словамъ, всѣ пути Московскіе. Черезъ три года послѣ того написалъ онъ надгробную ему похвалу, гдѣ передалъ и эти подробности взаимныхъ между ними отношеній (8).

До переѣзда своего въ Россію, Григорій былъ то въ Болгаріи при Терновскомъ Патріархѣ Евѳиміи, то въ Молдовлахіи пресвитеромъ соборной Молдовла-

хіийской церкви въ Сочавѣ, то въ Сербіи игуменомъ Пантократоровой обители въ Дечахъ и еще игуменомъ какой-то обители Плинаирской, неизвѣстно гдѣ находившейся. — Всѣ эти званія Григорія, предшествовавшія его пребыванію въ Россіи, обозначены имъ же самимъ въ заглавіяхъ его сочиненій. Былъ онъ также и на горахъ Аѳонскихъ, какъ упоминаетъ о томъ въ одномъ изъ своихъ посланій (9).

Витовтъ, изъ политическихъ своихъ видовъ желая отдѣлить Митрополію Кіевскую отъ Московской, предложилъ епископамъ избрать своего Митрополита и послать его въ Царьградъ на ставленіе къ Патріарху. Нѣкоторые епископы согласились съ волею Витовта и въ 1414 году избрали Григорія Цамблака; другіе же воспротивились и остались вѣрны Фотію. Путешествіе Григорія въ Царьградъ не имѣло успѣха, не смотря на то, что Витовтъ хотѣлъ подкрѣпить его жалобами Патріарху на Фотія: ни Царь, ни Патріархъ, которымъ былъ тогда уже Евѳимій, а не Матѳей, ставившій Фотія на митрополію Русскую, не захотѣли Григорія.

Избраніе въ Кіевскіе Митрополиты.

Но Витовтъ черезъ два года настоялъ на своемъ. Послѣ новыхъ требованій въ Царьградѣ, неудовлетворенныхъ Патріархомъ, послѣ борьбы съ Епископами, защищавшими права власти церковной святительской противъ вторженія власти земской и единства Русской митрополіи, Витовтъ собралъ епископовъ въ Новогрудкѣ — и Ноября 15-го 1416 года совершено было ими избраніе Григорія въ Митрополиты Кіевскіе.

Въ оправданіе своего дѣйствія, по внушенію Витовта, епископы сочинили два посланія, одно обвинительное на М. Фотія, другое ко всѣмъ православ-

нымъ, ссылаясь на примѣръ своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ Болгаръ и Сербовъ. Тогда-то Фотій разразился противъ ихъ дѣйствія своею краснорѣчивою грамотою, содержаніе которой мы уже знаемъ.

Между тѣмъ Григорій, возведенный волею Витовта въ санъ Митрополита, ревновалъ передъ нимъ о православіи; онъ обратился къ Литовскому князю въ вопросомъ: зачѣмъ ты въ Ляшскомъ законѣ, а не въ Греческомъ? Витовтъ отвѣчалъ ему: если хочешь видѣть не меня одного, а и всѣхъ людей моихъ земли Польской въ законѣ Греческомъ, иди въ Римъ и вступи въ преніе съ Папою и его мудрецами. Если побѣдишь ихъ, мы всѣ перейдемъ въ Греческій законъ и обычай; если же они тебя, то и всѣ люди земли моей Греческаго закона перейдутъ въ Латинскій.

Витовтъ отправилъ Григорія не въ Римъ, какъ говоритъ о томъ наша лѣтопись, а на соборъ Констанскій, куда онъ прибылъ вмѣстѣ съ послами императора Греческаго Мануила, уже къ концу засѣданій собора, въ Февралѣ 1418 года. Не претерпѣвъ никакихъ притѣсненій относительно вѣры своей, Григорій, безопасно, но безъ всякихъ послѣдствій, возвратился съ этого собора, который пріобрѣлъ страшную извѣстность сожженіемъ Іоанна Гусса (10).

Борьба съ Іудеями.

Рвеніе свое къ православію Григорій обнаружилъ въ борьбѣ своей съ Іудеями о главной истинѣ Христіанства и съ Латинянами объ опрѣснокахъ. Первой посвятилъ онъ часть своего перваго слова, которымъ приготовлялъ вѣрующихъ къ празднованію Рождества Христова. Съ Іудеями уже не въ первый разъ приходилось ратовать словомъ нашимъ Святителямъ. Въ Кіевѣ Жиды окружали престолъ митрополіи — и

терпимость наша позволяла имъ не только проповѣдывать свое ученье, но и возставать противъ основныхъ истинъ нашей вѣры. Видя, говоритъ проповѣдникъ, насъ готовящихся къ свѣтлости праздника и духовно веселящихся, Іудеи приходятъ къ простѣйшимъ и покушаются привлечь ихъ въ свою пропасть, говоря имъ: Богъ поялъ жену и родилъ сына! Въ отпоръ богохуленію Іудейскому, учитель богословствуетъ о великой тайнѣ Христіанства, о предвѣчномъ рожденіи Сына, подражая древнему оному ученію, которое проходитъ черезъ всѣ вѣка нашей жизни во Христѣ. «Сына рождаетъ Отецъ соприсносущна, и безлѣтна, и превѣчна, неизреченно и несказанно, имъ же и творитъ мысленныя силы... Онъ рожденъ, какъ отрасль отъ корня, какъ сіяніе отъ солнца, какъ слово отъ ума. Сынъ нарицается слово: Отецъ рождаетъ безплотное, единосущное слово, не несоставное, но составное, свой имущее составъ, ибо Сынъ во всемъ подобенъ Отцу, кромѣ нерожденія, равномощно, равносильно, имъ же вся быша и безъ него ничтоже бысть, еже бысть, по богословія гласу, имъ же и вѣки сотвори, по премудрому Павлу.» Приведши изъ Моисея и изъ Псалмопѣвца свидѣтельства объ единствѣ существа Божія и троичности лицъ Его, проповѣдникъ останавливается на тайнѣ воплощенія. Когда палъ человѣкъ, смерть укрѣпилась, адъ отверзся, рай затворился, небо заключилось и дьяволъ объявилъ намъ войну, тогда Богъ человѣколюбецъ сотворилъ такой же совѣтъ о поновленіи нашего естества, какой былъ и при нашемъ созданіи, и спросилъ: кого пошлю и кто пойдетъ? Всѣмъ молчавшимъ, Сынъ сказалъ: се азъ, посли мя, и рекъ Господь:

иди, и далъ ему образъ человѣка, да слово будетъ плотію. И родился Онъ отъ Дѣвы чистой, и принявъ то, чѣмъ не былъ, пребылъ тѣмъ, чѣмъ былъ: въ двухъ естествахъ одинъ составъ. Все предано было ему Отцемъ его, ибо Отецъ любитъ Сына и все отдаетъ въ руки его: какъ Имъ все было, такъ Имъ же все и обновилось. Онъ облекся въ нашу плоть, чтобы страданіемъ своимъ насъ успокоить, чтобы алчбою своею насъ напитать, чтобы сходя въ адъ, насъ возвести въ небо.... Въ Немъ оживотворился человѣкъ!

Но на тебѣ, Іудей, сбываются слова псалма: на мнѣ утвердися ярость твоя. Смеживъ душевныя очи и уши подобно аспиду, Сына Божія не пріемлешь; преступникъ закона, думаешь хранить законъ; избивъ пророковъ, читаешь ихъ книги. Тутъ проповѣдникъ громитъ Іудеевъ словами Исаіи и другихъ пророковъ, особенно тѣхъ, которые ближе къ пришествію І. Христа. Торжествуетъ онъ надъ Іудеями, приводя слова Малахіины: отъ востокъ солнца и до западъ имя мое прославися во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ кадило приносится имени моему, и жертва чиста, (Гл. І. ст. 11)—и словà Софоніи: явится Господь надъ языки и потребитъ вся боги языческія, и поклонятся ему кождо отъ мѣста своего (Гл. 2. ст. 11). Вѣдь Моисей велѣлъ же вамъ собираться въ одно мѣсто и на немъ приносить жертвы: какой же это Богъ у пророковъ принимаетъ жертву чистую повсюду, и даже въ домѣ у себя каждый можетъ Ему приносить ее?

Въ словѣ седьмомъ на великій четвертокъ Григорій побѣдоносно вооружается противъ Латинянъ, употребляющихъ опрѣсноки въ причащеніи. Главною

Борьба съ Латинянами противъ опрѣсноковъ.

опорою служатъ ему слова Апостола Павла и Евангелистовъ, которые, повѣствуя о тайной вечери, именуютъ хлѣбъ, а не опрѣснокъ. Входя подробно во всѣ обстоятельства тайной вечери, Григорій доказываетъ, что въ день учрежденія таинства причащенія ѣсть опрѣсноки еще не начинали и что всѣ обряды, сопровождавшіе вечерю, по расказу Евангелистовъ, не имѣютъ ничего сходнаго съ тѣми, какими сопровождалось празднованіе Пасхи.

Кончина Григорія.

Такъ дѣятельно охранялъ Григорій православіе въ своей паствѣ; но дѣятельность его была непродолжительна: онъ скончался зимою въ 1419 году.

Его творенія.

Всѣхъ твореній Григорія, до сихъ поръ извѣстныхъ по рукописямъ, считается 26: 23 слова, 2 сказанія и 1 богослужебный стихъ. Девятнадцать словъ по случаю церковныхъ праздниковъ помѣщаются въ особыхъ рукописяхъ отдѣльною книгою въ одномъ и томъ же порядкѣ, слѣдуя кругу церковныхъ недѣль и праздниковъ, въ какіе были сказаны. Начинаются они словомъ, приготовительнымъ къ празднованію Рождества Христова, сказаннымъ 20 Декабря, на память Св. Филогонія. За тѣмъ слѣдуютъ: 2) слово объ усопшихъ въ родительскую, 4) похвальное отцамъ преподобнымъ въ субботу сыропустную; между ними вставлено 3) слово объ иноческомъ житіи, изъ содержанія котораго ясно, что оно говорено было между вторымъ и четвертымъ. Далѣе по порядку праздниковъ: 5) сорока мученикамъ, 6) въ недѣлю вербную, 7) въ великій четвергъ, 8) въ великую пятницу, 9) на Вознесеніе, 10) на Рождество Іоанна Предтечи, 11) похвальное Апостоламъ Петру и Павлу, 12) похвальное пророку Иліи, 13) на Преображеніе, 14) на

Успеніе Богородицы, 15) на Усѣкновеніе главы Предтечи, 16) на Рождество Богородицы, 17) на Воздвиженіе креста Господня, 18) похвальное великомученику Димитрію Селунскому (Октября 26) и 19) также похвальное великомученику и побѣдоносцу Георгію, празднуемому Апрѣля 25 и Ноября 26-го.—На всѣхъ этихъ словахъ Григорій названъ то просто инокомъ и пресвитеромъ, то игуменомъ обители Пантократоровы, то Архіепископомъ Россійскимъ. Въ двухъ сѵнодальныхъ рукописяхъ встрѣчается надгробное слово Митрополиту Кипріяну съ припискою въ концѣ самого автора. Здѣсь онъ называетъ себя игуменомъ обители Плинаирской. Загадочную обитель Плинаирскую (внѣ воздуха сущая) не принималъ ли онъ въ смыслѣ иносказательномъ? Похвальное слово Терновскому Патріарху Евѳимію встрѣчается отдѣльно въ рукописяхъ: Григорій зналъ его лично и написалъ это слово по смерти Патріарха. Евѳимій описалъ житіе святой Параскевы, уроженки Славянской. Григорій присоединилъ къ нему извѣстіе о томъ, какъ мощи ея, по ходатайству Сербской Княгини, Ангелики, вдовы князя Лазаря, передъ Султаномъ Баязетомъ, перенесены были изъ Болгаріи въ Сербію. Онъ же описалъ страданія Іоанна новаго мученика, замученнаго въ Бѣлградѣ Сарацинами и погребеннаго въ Сочавскомъ соборѣ Митрополіи Молдовлахійской. Въ заглавіи этого сказанія Григорій названъ презвитеромъ церкви Молдовлахійской. Эта повѣсть вошла въ наши Четіи-минеи подъ 2-мъ числомъ Іюня. Другое повѣствованіе его же о Сербскомъ царѣ Стефанѣ встрѣчается въ прологѣ подъ 9 мъ числомъ Маія, а авторъ его названъ игуменомъ Дечанскимъ. Богослужебный стихъ Григорія

посвященъ Успенію Богоматери и есть сокращеніе его же слова на тотъ же праздникъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что 19 словъ, встрѣчаемыхъ между рукописями отдѣльною книгою и такъ внесенныхъ въ Великія Четіи Минеи Митрополитомъ Макаріемъ подъ именемъ книги Григорія Цамблака, были приведены въ этотъ порядокъ и составлены особою книгою самимъ творцемъ ихъ. Послѣдовательная связь всѣхъ этихъ словъ и указаніе на нее особенно въ тѣхъ изъ нихъ, которыя сами собою не связаны порядкомъ церковнаго круга, подтверждаютъ истину этого предположенія. Должно думать, что авторъ самъ разными наименованіями званій своихъ указывалъ на мѣсто и время, когда слова первоначально были сказаны; но что потомъ переписчики, внося отдѣльныя слова въ свои сборники, перемѣшали эти указанія. Впрочемъ на большей части они еще довольно вѣрно сохранились.(11)

Вниманіе къ нимъ паствы.

Проповѣдникъ самъ свидѣтельствуетъ, что паства его со вниманіемъ слушала его слово и что оно, падая на добрую почву, приносило плодъ. «Вижу, говоритъ онъ въ первомъ своемъ словѣ, что ваша любовь сладко пріемлетъ слово ученія, какъ добрая и тучная земля сѣмена.... Къ церкви тщаніе ваше такое же, какъ чадамъ къ матери, болящему ко врачу, жаждущему къ источнику, кораблю къ пристанищу; такъ веселитъ насъ преспѣяніе ваше, что мы будемъ радостными вѣстниками добродѣтели вашей къ пославшему насъ Патріарху.» Во второмъ словѣ, бесѣдуя со слушателями о всеобщемъ воскресеніи, онъ также свидѣтельствуетъ, что сколько разъ ни сѣялъ онъ въ нихъ отъ божественнаго писанія сѣмена, они, какъ земля благая и тучная, въ маломъ времени показывали тѣхъ сѣмянъ

прозябеніе, почему и блажитъ онъ ихъ усердіе къ ученію. (12).

Пройдемъ же теперь всѣ эти слова по порядку церковнаго круга, въ которомъ они собраны, и познакомимся съ ихъ содержаніемъ, останавливаясь на его сущности, т. е. на тѣхъ основныхъ мысляхъ, въ которыхъ проповѣдникъ раскрываетъ истину Христіанства.

1-е слово за пять дней до Рождества Христова.

Первое слово говорено за пять дней до Рождества Христова, на память блаженнаго Филогонія, Архіепископа Антіохійскаго. Главная мысль его есть приготовленіе къ срѣтенію великаго праздника; далѣе слѣдуетъ обличеніе Іудейскихъ противниковъ Христіанства, съ чѣмъ мы уже знакомы, а заключается слово воспоминаніемъ о жизни бл. Филогонія и похвалою ему. Преосвященный Макарій, разбирая это слово, находитъ въ немъ подражаніе слову Іоанна Златоуста на подобный предметъ.

Обратимся къ главной мысли слова. Приготовленіе ко встрѣчѣ праздника состоитъ въ покаяніи и въ достойномъ принятіи божественныхъ тайнъ, ихъ же обстоятъ Ангелы со страхомъ и ужасомъ. Ты видишь священника, а не видишь мысленныхъ силъ? Гдѣ честная священнодѣйствуется *Христовая* плоть и кровь, тамъ и онѣ предстоятъ съ благоговѣніемъ, дивясь крайней къ намъ владычней любви, ибо такъ свое созданіе возлюбилъ Создатель, что и Сына своего соприсносущнаго далъ намъ, да Имъ насъ оживитъ. Слушай, что велегласно глаголетъ діаконъ, хотящему іерею раздроблять хлѣбъ: вонмемъ, значитъ: испытаемъ сердце, *истяжимъ* совѣсть, *исвпрашаемъ* мысль,

да не кто убійца, да не кто немилосердъ, да не кто презорливъ и гордъ, да не кто сребролюбецъ, да не кто памятозлобивъ, да не кто піяница и скверножителенъ придетъ и опалится. Ибо *святая святымъ*, говоритъ іерей, воздвигая обѣими руками святый хлѣбъ на высоту. Если святъ, приступи: ибо сказано: святи будете, яко азъ святъ есмь. Но ничѣмъ, никакимъ чищеніемъ не можешь ты себя къ трапезѣ приготовить столько, сколько сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ по образу Давида. Что бы ты ни принесъ—постъ, дѣвство, бдѣніе, низулеганіе—но если не принесешь сердца сокрушеннаго, не оставишь брату своему согрѣшеній—ничто не будетъ на пользу—и скажетъ пророкъ тебѣ вмѣстѣ съ Израилемъ: не такого поста хочу я, глаголетъ Господь. Помнишь, что сказалъ Господь Петру Апостолу: отпускать брату до седмьдесятъ седмерицею. Значитъ: если во всю жизнь твою согрѣшаютъ противъ тебя братья, оставляй имъ, и если не оставляешь долгъ брату своему, съ какимъ дерзновеніемъ скажешь въ молитвѣ: Отче нашъ иже еси на небесѣхъ, остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; ибо сказано: аще оставляете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и отецъ вашъ небесный оставитъ вамъ согрѣшеній вашихъ. Но многихъ слыхалъ я говорящихъ: не могу простить, слишкомъ обидѣлъ меня, очень обезчестилъ, премного повредилъ мнѣ, врагомъ и ратникомъ сталъ на меня. Не говори ты мнѣ этихъ студеныхъ и смѣха достойныхъ словъ, но истрезвись, какъ отъ пьянства, отъ безсловесной твоей ярости, и познай: кто ты былъ прежде и кто теперь? Не врагъ ли ты былъ прежде Божій, а нынѣ другъ, измѣненный кровію завѣта

Сына его, как сказалъ Павелъ. Не тебя ли ради нынѣ рождается, и въ худомъ вертепѣ и въ скотіихъ ясляхъ пеленами повивается? Не тебя ли ради человѣкомъ бываетъ, и по естеству и по дѣйству, чтобы ты Богомъ по благодати былъ? Если Христосъ не облагодѣтельствовалъ тебя, бывшаго прежде его врагомъ и ратникомъ, и ты не прощай обидѣвшему тебя; если же Онъ, поискавъ тебя, нашелъ, взялъ на плечо и принесъ къ Отцу, наслѣдникомъ тебя творя отеческой славы, какой же ты получишь отвѣтъ, не перемѣняясь къ опечалившему тебя? какую милость? какой судъ? И Владыка о распинающихъ молился: отче, остави имъ грѣхъ сей, а ты говоришь: не могу оставить.... По чему же мы и увѣримся, что ты Христіанинъ, если не потерпишь сладко, обидимый и гонимый, уничижаемый и хулимый? Слышишь, что́ Павелъ говоритъ о святыхъ? Всѣ они прошли болѣзненное житіе и нужныя пріяли смерти; всѣ ненавидящихъ и гонящихъ считали за своихъ благодѣтелей. Что первомученикъ Стефанъ? не молился ли о побивающихъ? Что Апостолы, самовидцы и слуги Слова? что лики мучениковъ? Не всѣ ли нужными скончались смертями? не благодѣтелями ли исповѣдывали своихъ безчеловѣчныхъ мучителей?

2-е объ усопшихъ.

Второе слово говорено въ родительскую, въ день поминовенія усопшихъ. Всѣ мысли, которыя можетъ возбудить въ Христіанинѣ подобный церковный обычай, соединены здѣсь, логически истекая другъ изъ друга. Мы прослѣдимъ ихъ. Память усопшихъ въ вѣрѣ есть поводъ къ благодаренію и молитвѣ, а не къ сѣтованію и плачу. Могутъ плакать о мертвыхъ Эллины безумные, Іудеи беззаконные, еретики. Истин-

ные Христіане, постигая настоящее значеніе смерти, не должны о нихъ плакать. Мы поминаемъ усопшихъ, себя возбуждая къ дѣланію: жизнь настоящая есть дѣланіе, будущая упокоеніе. Въ чемъ же дѣланіе? Страдай въ настоящемъ, чуждаясь сладкихъ міра; будь гонимъ съ Апостолами, пролей кровь съ мучениками; потребуетъ время—поты и труды принеси: они не меньше крови мученической въ цѣнѣ у Владыки. Будь сирому помощникъ, оправдай обидимую вдову, исхить нищаго и убогаго изъ рукъ оскорбляющаго, прослезись о всякомъ человѣкѣ, воздохни видя мужа въ нуждахъ, простри руку лежащему, дай и хлѣбъ, дай и пѣнязь, преклонись къ нему, помяни, что Владыка для тебя небеса преклонилъ, напой его студеною водою, одѣнь мерзнущія плечи, обуй ноги сапогами, не пожелай видѣть члены свои непокрытыми, провѣщай ему утѣшенія словà и облегчишь его болѣзни. Твори это въ настоящемъ—и радуйся, ожидая въ будущемъ покоя.

Что мы здѣсь? пришельцы. Самъ Давидъ, мужъ по сердцу Божію, величайшій изъ царей земныхъ, называетъ себя пришельцемъ и не стыдится такого названія. Что скажутъ къ этому нынѣ цари и князья, мечтающіе быть вѣчными, льстящіеся на безсмертіе и привязавшіеся къ земному, ненасытные имѣній многихъ, гордящіеся и возносящіеся, обидящіе, грабящіе, пагубный прибытокъ присно смотрящіе? Глаголъ пророка обличаетъ обманъ ихъ: травѣ и тѣни и сну все ваше подобно; иной ожидаетъ насъ міръ, иное жительство, земля кроткихъ.... Прекрасно изображеніе Авраама, какъ пришельца и странника. Имѣя въ мысли это подобіе славы человѣческой, великій

оный патріархъ не градъ созидалъ, не столпы воздвигъ, не храмины высокія построилъ, не раи насадилъ, не воды извелъ, не винограды воздѣлалъ, не точилія устроилъ, не коней златоуздныхъ уготовалъ, не оружія исковалъ, не колесницы запрягъ; но какъ пришелецъ изъ мѣста въ мѣсто ходилъ, безграденъ, бездоменъ, какъ странникъ сѣнь свою водружая; она же была ему вмѣсто палаты, а земля одръ слоновій. . . . Принося въ жертву сына, онъ отрекался въ немъ отъ всего будущаго. . . . Всѣми образами былъ пришелецъ и странникъ. А былъ онъ не въ законѣ воспитанъ, не отъ отцевъ тому навыкъ, ни пророковъ не слышалъ, ни апостоловъ учителями имѣлъ. . . . Былъ страннопріименъ, вмѣнялъ все въ общее, а ничего въ свое; ничто не было у него въ ковчегѣ заключено и запечатано, все обнажено очамъ приходящихъ, все ихъ рукамъ доступно, за что онъ и Бога принялъ, и сподобился такого великаго таинства, какого никто отъ Адама до него не сподоблялся.

И пророки, Илія и Елисей, и Предтеча, и Апостолы—всѣ жили пришельцами и странниками. Никто изъ праотцевъ ничего не оставилъ... Самъ первозданный, рукою почтенный Божіею, толикую имѣлъ широту земную и, прободая душу свою владычнимъ осужденіемъ: земля еси и въ землю пойдеши, ничѣмъ не обличилъ своей любви къ ней. Сиѳъ, Енохъ и Еносъ одно похвальное наслѣдіе оставили послѣ себя: научили человѣковъ призывать Господа — не предѣлы горамъ и мѣстамъ, не чреды верблюдовъ и подъяремниковъ, нѣтъ, одно всего лучшее: уповать на Господа.

Всякой человѣкъ странникъ, но въ тоже время и воинъ, а война его съ міродержителемъ вѣка сего. Вся жизнь человѣческая изображается въ видѣ стана ратнаго, а съ этою мыслію соединяется мысль о послѣднемъ времени, и невольно при этой мысли возникаютъ въ сердцѣ проповѣдника такія чувства: страшатъ меня, говоритъ онъ, брани языковъ междоусобныя; страшитъ меня братняя ненависть; страшитъ меня оскудѣніе любви. Братняя ненависть воспитаетъ Антихриста; имъ будетъ не сатана, но человѣкъ подъ его дѣйствіемъ, и этотъ человѣкъ будетъ изъ Евреевъ. А явится онъ для того, чтобы обнаружились избранные.

Тяжелая мысль о близкой кончинѣ міра, стѣснявшая всѣхъ Христіанъ, влечетъ проповѣдника къ утѣшительной мысли о воскресеніи. Онъ самъ свидѣтельствуетъ, что слушатели ненасытно внимали бесѣдамъ его объ этомъ предметѣ, чѣмъ еще болѣе воспламеняли въ немъ любовь къ себѣ. Прежде всего успокоиваетъ онъ мысль сомнѣвающихся о воскресеніи словами Апостола Павла: если мертвымъ нѣтъ воскресенія, то и Христосъ не восталъ, а если онъ не восталъ, то суетно проповѣданіе, суетна и вѣра наша. Воскресеніе Христово тѣсно связано съ воскресеніемъ соборнымъ. Премудры совѣты проповѣдника касательно тайны воскресенія: не сомнѣвайся, не погружай душу въ волны невѣрія, не ищи, какъ сіе будетъ, какъ произойдетъ, только вѣруй, какъ исповѣдуетъ Церковь, ибо каждый день ты въ ней исповѣдуешь чаяніе воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. На этомъ стой, не уклоняясь ни туда, ни сюда, крѣпкій и непоколебимый... Но если любопыт-

ный разумъ подвигаетъ тебя разсмотрѣть тайну, притеки опять къ Павлу, витіи Евангельскому, родившему тебя ради благовѣствованія Іисусъ-Христова, сосцу церковныхъ младенцевъ, и достигнешь разрѣшенія недоумѣній. Богъ разрушенное возстановляетъ тѣло, но благолѣпнѣе, но духовнѣе: ибо и зерно жита, нагое будучи посѣяно, истлѣваетъ и сгниваетъ, преданное калу, но востаетъ сугубое, прекраснѣе и новѣе, отложивъ свою ветхость, полное чуда, трость на высоту воздвигая и веселя жателя; колосъ у него что городъ, оси что воины. Такъ и наши тѣла мертвыя въ землѣ полагаются и истлѣваютъ, да встанемъ въ нетлѣніи. Различны бываютъ колосья пшеницы; есть различіе и въ тѣлахъ, по словамъ тогоже Павла: ина убо плоть человѣкомъ, ина скотомъ.

Мысль о воскресеніи и судѣ переноситъ проповѣдника къ мысли о назначеніи человѣка. День оный страшный приближается: встанемъ, попечемся стяжать дру́гомъ судію, страшнаго, но милостиваго, естествомъ праведнаго, но человѣколюбиваго... Мы садъ небесный; на насъ образъ тѣлеснаго созданія, а достоинство душевное. Четвероногое клонитъ главу къ землѣ и никнетъ ею къ чреву: наша голова къ небу возведена и очи видятъ горняя... Ищи же горнихъ, надъ земнымъ будь мыслію, какъ ты *вообраэкенъ* отъ Господа. Житіе имѣй на небесахъ, гдѣ истинное твое отечество, горняя митрополія, граждане и соплеменники первенцы, написанные на небесахъ. Что земное? что дни?.. Море, возмущаемое земными вѣтрами, воздвигающее волны подобно горамъ, знаетъ по временамъ тишину; а житіе человѣческое никогда тишины не знаетъ, вѣчно въ молвахъ, въ мятежахъ, въ попеченіяхъ... Убогій

спѣшитъ обогатиться, богатый превзойти другихъ богатствомъ.... Слѣдуетъ подробное изображеніе различныхъ заботъ богатаго, не безъ примѣси ѣдкой на него сатиры, какъ онъ и боится вельможъ, и трепещетъ передъ властьми, и *образомъ купленаго раба* къ нимъ припадаетъ. Окаянный и страстный! ты владычнею искупленъ кровію и почто же волею изъ себя раба серебру устроилъ?

Слѣдуютъ картины заботъ и тревогъ вельможи, царя, воиновъ, земледѣльцевъ. Весьма сильно сравненіе вельможи съ деревомъ съ виду прекраснымъ, а внутри сгнившимъ: такъ вельможа снаружи блещетъ золотыми одеждами, а внутри съѣденъ и изможденъ мысленными червями.

Отъ суши переходитъ на море. И тамъ тревоги и бѣды человѣческія. Съ моря спускается мыслію въ нѣдра земли, къ копателямъ рудъ; оттуда въ семейства, къ ненавистямъ семейнымъ, которыхъ дѣти жертвою, къ заботамъ рожденія, отдоенія, воспитанія, ученія...

Такъ волнуется многоцѣнное сіе животное, человѣкъ... И что же послѣ всего? смерть—премѣнитель печалей, свободитель отъ трудовъ, успокоитель естества, сонъ человѣкамъ послѣдній, мужу покой, какъ сказалъ Іовъ. О чемъ же ты плачешь, поминая усопшаго? — вопрошаетъ проповѣдникъ, возвращаясь въ концѣ слова къ той мысли, съ которой началъ.... Но онъ былъ юноша, говоришь ты, въ самомъ цвѣтѣ естества, прекрасенъ между сверстниками, наказанъ слову, въ отвѣтахъ искусенъ, ученіемъ снабженъ высокимъ.... Утѣшься: онъ отошелъ, чтобы, по Соломону, злоба не измѣнила его разума и лесть не извратила

души. Но ты все таки не можешь удержать слезъ... Плачь, но развѣ о томъ, что много потребно добродѣтелей къ переселенію насъ туда.

Изъ этихъ добродѣтелей никакая столько не помогаетъ, какъ милостыня. Проповѣдникъ, любящій поэтическіе образы, заключаетъ слово изображеніемъ руки милостиваго человѣка. Такую руку принявъ Владыка на страшномъ ономъ и ужасномъ судѣ, покажетъ передъ всѣми, и предстоящимъ небеснымъ силамъ, и святымъ во славѣ сущимъ, и грѣшнымъ ожидающимъ му́ки, и скажетъ: сія рука напитала меня голоднаго, напоила жаждущаго, одѣла нагаго, обвязала струпы мнѣ больному, въ темницѣ послужила мнѣ, много разъ вводила меня страннаго и промышляла обо мнѣ, ей же и я воздаю въ награду наслѣдіе моего царствія.

3-е слово объ иноческой жизни.

Слѣдующее третье слово имѣетъ по мысли своей связь съ предъидущимъ, на которую указано и во вступленіи. Въ противоположность суетѣ мірской жизни человѣчества проповѣдникъ изображаетъ жизнь иноческую, какъ идеальную, какъ рай земной, какъ возобновленіе первоначальной жизни Адама, еще не падшаго. Въ этомъ словѣ слышенъ, конечно, отзывъ столѣтію, когда монастыри были въ полномъ развитіи въ предѣлахъ нашего отечества; но должно замѣтить, что все оно по большей части заимствовано изъ 68-й и 69-й бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангеліе отъ Матѳея. Здѣсь изображена въ лучшемъ видѣ вся жизнь иноковъ, ихъ занятія, ихъ одежда. Утромъ вставши отъ одра свѣтлые и радостные, они составляютъ ликъ единый въ свѣтлой совѣсти и согласно всѣ едиными устами поютъ пѣсни

Богу. Одежда ихъ устроена по образцу одеждъ Иліи, Елиссея, Іоанна Предтечи и Апостоловъ. Содержаніе молитвъ ихъ не о временномъ, а о томъ, какъ бы съ дерзновеніемъ стать предъ судищемъ страшнымъ. Съ восходящею зарею каждый выходитъ на дѣло. Въ противоположность безкорыстнымъ трудамъ иноковъ выставлено корыстное дѣло тѣхъ, которые злато, хищеньемъ добытое, омытое вдовьими слезами, кровью сиротъ растворенное, не пускаютъ въ оборотъ между людьми, а предаютъ нѣдрамъ той же самой земли, откуда оно съ такимъ трудомъ извлечено. Здѣсь проповѣдникъ явно указываетъ на древній обычай Русскаго народа зарывать въ землѣ клады.

Въ числѣ занятій иноческихъ указано и занятіе книжное: одинъ бесѣдуетъ съ Исаіею, другой общится съ Апостолами, третій проходитъ писанія Отцевъ. Какъ пчелы облетаютъ они соты святыхъ книгъ, собирая съ нихъ многую сладость.

Дай имъ багряницу—не возьмутъ они. Если бы царь повелѣлъ кому облечься въ ризу убогаго—онъ возгнушался бы всякой другой: такъ и они не хотятъ царской одежды: багряная червленица для нихъ паутина. Если же ты отворишь двери ихъ умовъ и душъ, чтобы видѣть внутри ихъ всю красоту, — упадешь на землю, не снеся красоты сіянія, зари одѣяній ихъ, молніи совѣстей...

Далѣе иноки сравниваются со Скиѳами и съ станомъ воинскимъ. Слыхалъ ли, какъ жили кочевые Скиѳы? Ни селъ у нихъ, ни городовъ не было, но чередою ходили изъ мѣста въ мѣсто; колесницы были у нихъ одно стяжаніе; за то всегда легки ко брани и на нее готовы; жены и дѣти съ ними: такъ должно

жить Христіанамъ, обходить вселенную, бороться съ діаволомъ, а плѣненныхъ и держимыхъ имъ избавлять... Постеля имъ трава простая; вмѣсто крова небо; луна вмѣсто свѣтильника, не требующая масла... Нѣтъ у нихъ ни владыки, ни раба; всѣ рабы, всѣ свободны: рабы другъ другу и владыки другъ другу. Бесѣда ихъ не похожа на нашу: онъ такой-то былъ князь, тогда-то престалъ отъ власти, тогда-то скончался, а наслѣдіе принялъ другой, и тому подобное. Ихъ бесѣда о небѣ, о лонѣ Авраамовомъ, о вѣнцахъ святыхъ, о ихъ со Христомъ ликованіи, ни слова о настоящемъ... Какъ мы не находимъ достойнымъ нашего разговора то, что̀ дѣлаютъ муравьи въ своихъ муравейникахъ, такъ и они не говорятъ о томъ, что̀ дѣлаемъ мы. По бесѣдѣ узна́ешь въ нихъ небесныхъ граждан. Всѣ равны между ними. Если кто пойдетъ къ нимъ, одѣянный саномъ высокимъ, — тогда паче обличается его гордость: простой земледѣлецъ сидитъ у нихъ рядомъ съ великимъ воиномъ и мудрымъ правителемъ областей. Ничто имъ царь и эпархъ; какъ мы, видя дѣтей, играющихъ въ царей, смѣемся надъ ними, такъ они надъ нами.

4-е въ похвалу Отцамъ-пустынникамъ.

Четвертое слово, похвальное Отцамъ преподобнымъ въ субботу сыропустную, основною мыслію связано также съ предъидущимъ. Представивъ идеальный образецъ человѣческой жизни въ житіи иноческомъ, проповѣдникъ переходитъ къ тѣмъ Отцамъ, которые его уставили. Онъ чувствуетъ все недостоинство слова своего при мысли о такомъ предметѣ, о подвигахъ и доблестяхъ Отцевъ-пустынниковъ. Онъ начинаетъ съ похвалы Антонію Египетскому: Антоній выше Авраама, потому что и домъ, и сродниковъ, и

друзей, и имѣніе, все оставилъ и прошелъ непроходимую пустыню. Онъ выше Іакова: Іаковъ вошелъ въ Египетъ съ 75-ю душами, а вышло ихъ шесть сотъ тысячь; Антоній одинъ вошелъ въ пустыню, а изъ нея безчисленныя тысячи чадъ его вышли. Онъ выше Моисея: Моисей побѣдилъ Амалика, Антоній діавола. Побѣда его выше всѣхъ побѣдъ Александра Македонскаго. Что побѣда цѣлой вселенной передъ его побѣдой, когда всѣ лукавые полки обратились въ бѣгство, гонимые Антоніемъ? Что передъ нимъ знаменитые философы Греціи? Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается проповѣдникъ на Діогенѣ, сидѣвшемъ въ бочкѣ, и разбираетъ смыслъ его просьбы къ Александру Македонскому. Когда Александръ, любопытствуя видѣть славнаго философа, подошелъ къ Діогену, грѣвшемуся на солнцѣ, и предложилъ попросить у него, чего ему угодно, — философъ попросилъ одного только, чтобы онъ не заслонялъ отъ него луча солнечнаго. Слѣдовало бы, замѣчаетъ проповѣдникъ, просить свободы отечеству, или созданія городовъ, или законовъ благодѣтельныхъ для человѣчества, или удержанія воиновъ отъ хищенія и насилія: тогда бы отошелъ отъ него Царь, облагодѣтельствованный его полезнымъ словомъ. Но, не будучи ученикомъ Христовымъ, суетный помышленіями, воображая себѣ мудрецомъ, Діогенъ какую пользу принесъ людямъ своимъ безобразнымъ сидѣньемъ въ бочкѣ, своею нелѣпою наготою, и своимъ не философскимъ, а дѣтскимъ прошеніемъ?

Забыты имена Зороастра и Замолкса, потому что ложно было все ихъ ученіе, а подвиги Антонія всѣмъ вѣдомы. Если ты и у ребенка спросишь: кто инокамъ

наставникъ и истинному любомудрію начальникъ? — онъ назоветъ тебѣ Антонія.

За Антоніемъ слѣдуютъ въ похвалѣ всѣ отцы пустынники. Изъ нихъ особенно останавливается Григорій на Ефремѣ Сиринѣ, наставленіями котораго князья, вельможи и сами цари услаждаются, на Исаакѣ Сиринѣ, по книгѣ котораго люди, какъ корабельники, направляются въ небесное пристанище, на Іоаннѣ Лѣствичникѣ, новомъ Боговидцѣ святой горы Синайской, который тѣмъ отли́ченъ отъ перваго, что къ Моисею Богъ сошелъ, а Іоаннъ самъ восшелъ къ Богу.

Похвала Отцамъ заключается похвалою Святителямъ: Василію Великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту, а за нею слѣдуетъ похвала женамъ пустынницамъ.

Не тѣмъ были велики Отцы-пустынники, что знаменія творили, заключаетъ проповѣдникъ. Креститель ни одного не сотворилъ знаменія, но всѣхъ больше свидѣтельствовалъ. И въ блаженствахъ блажитъ Спаситель не чудеса сотворшихъ, а нищихъ духомъ, плачущихъ, кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ, чистыхъ сердцемъ, миротворцевъ, изгнанныхъ правды ради....

Въ пятомъ похвальномъ словѣ сорока мученикамъ картинно изображается ихъ мученіе въ ледяномъ озерѣ, во всѣхъ подробностяхъ согласуясь съ легендою Четіихъ Миней, и весьма часто отзываются, или изъ устъ самихъ мучениковъ, или изъ устъ ихъ панегириста, слова церковнаго имъ канона. 5-е въ похвалу сорока мученикамъ.

Въ шестомъ словѣ въ недѣлю вербную великолѣпно описано шествіе въ Іерусалимъ съ его бого- 6-е въ недѣлю вербную.

словскимъ значеніемъ, съ указаніемъ на пророчества, которыя его предзнаменовали. При расказѣ подробностей событія весьма замѣчательно сочувствіе Святителя къ простому народу: какъ благоразуменъ этотъ простой народъ! говоритъ онъ: онъ желалъ видѣть и слышать воскрешеннаго Лазаря и принималъ въ сласть все, что̀ творилъ Господь, потому что увѣренъ былъ, что все имъ *дѣемое* божественно. Сочувствуя простому народу, Святитель сильно нападаетъ на Іудейскихъ Архіереевъ, хотѣвшихъ убить не только Іисуса, но и Лазаря.

7-е въ великій четвертокъ.

Подражая содержанію церковной пѣсни и канона въ великій четвергъ страстной седмицы, слово на тотъ же день исполнено укоровъ предателю Іудѣ. Мы можемъ изучать его въ полномъ и ясномъ преложеніи на Русской языкъ Преосвященнаго Макарія. Приведемъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ укоровъ предателю. «Ты не вспомнилъ блаженнаго пребыванія съ Учителемъ, Его частыхъ и уединенныхъ собесѣдованій: ибо много разъ Господь принималъ ихъ (двѣнадцать учениковъ) наединѣ, уча ихъ въ безмолвномъ мѣстѣ приготовить сердца свои къ принятію словесъ Его. Не вспомнилъ ты чудесъ Его, предсказаній будущаго, таинства той самой вечери, когда Онъ изрекъ: *желаніемъ возжелахъ сію пасху ясти съ вами.* Ты не устыдился наконецъ Владыки, встающаго съ вечери, снимающаго ризы, препоясующагося лентіемъ, по обычаю рабовъ вливающаго воду въ умывальницу и умывающаго ноги ученикамъ, и, какъ говорятъ церковные богословы, прежде другихъ умывшаго ноги предателю.

«Что же ты, о Іуда?... Если прочіе ученики омывали ноги, будучи чистыми,—какъ сказалъ Господь: *вы чисти есте, но не вси,* исправляя тебя, — то они, добрые дѣлатели правды, готовились къ проповѣди и сѣянію Евангелія; имъ надлежало въ скоромъ времени идти въ міръ весь для благовѣстія, пріявъ крещеніе и совершеніе отъ Утѣшителя. А ты, къ чему ты готовясь, простираешь безстыдно ноги для омовенія? Къ тому ли, чтобы скоро идти на преданіе Господа и увидѣть сребренники въ рукахъ своихъ?»

За укорами Іудѣ слѣдуютъ укоры тѣмъ Христіанамъ, которые, подражая Іудеямъ и извращая священныя преданія Церкви, употребляютъ опрѣсноки въ причащеніи. Мы уже знакомы съ этимъ побѣдоноснымъ опроверженіемъ обычая Римской церкви. Слово заключается грознымъ обличеніемъ сребролюбія, какъ порока, погубившаго Іуду, и воззваньемъ къ паствѣ въ пользу милосердія къ нищимъ. Здѣсь опять проповѣдникъ сильно обличаетъ тѣхъ сребролюбцевъ, которые зарываютъ клады. «Земля даетъ сребро, по владычнему повелѣнію, на потребу тѣмъ, которые въ пользу его принимаютъ. А ты на оборотъ, скрываешь сребро въ нѣдрахъ земли, воспаляя имъ геенну, угрожающую немилостивымъ, и становясь по ненасытимости безчувственнѣе земли, недугуя подобно окаянному Іудѣ.»

Слово на великую пятницу раздѣляется на три части. Первая служитъ вступленіемъ: въ ней выражено чувство внутренняго трепета, возбуждаемаго ужасомъ событія. Вторая часть вся сосредоточивается въ глубинѣ богословской мысли о соединеніи въ Спасителѣ Божества и человѣчества. Здѣсь проповѣдникъ 8-е на великую пятницу.

вооружается противъ еретиковъ, которые въ словахъ Распятаго на крестѣ: «Боже мой! Боже мой! вскую мя еси оставилъ?» находили поводъ къ униженію во Христѣ человѣка. Сими словами, равно какъ и другими, сказанными въ моленіи о чашѣ: «Отче! да мимоидетъ чаша отъ мене!» Онъ увѣрялъ насъ въ своемъ вочеловѣченіи и открывалъ намъ свою крестную тайну. Третья часть, подъ вліяніемъ церковной пѣсни, содержитъ въ себѣ Плачь Богоматери у креста, изъясненіе изъ устъ Спасителя словъ, Имъ произнесенныхъ къ Матери: жено! се сынъ твой! и къ любимому ученику: се мати твоя!—слово Пречистой Дѣвы къ Іосифу Аримаѳейскому и слово Іосифа къ Спасителю. Въ этой части не льзя не замѣтить сходства съ подобнымъ словомъ Кирилла Туровскаго въ недѣлю Іосифа Аримаѳейскаго; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы Григорій заимствовалъ у Кирилла; обоимъ церковная пѣснь служила вдохновеніемъ и образцемъ для подражанія.

Основная мысль словъ.

Всѣ слова Григорія, какъ звѣнья, соединяются одною логическою невидимою цѣпью, которая есть основная мысль Христіанства, соединеніе во Христѣ Бога съ человѣкомъ. Въ словѣ на Вознесеніе І. Христа эта мысль выступаетъ во всей своей очевидности, ибо самое событіе было необходимымъ слѣдствіемъ вочеловѣченія Бога, а за нимъ также необходимо должно было послѣдовать и ниспосланіе Святаго Духа. Углубившись въ смыслъ великаго праздника, богословъ, какъ земной человѣкъ, восторженно восклицаетъ: нынѣ отъ земли благодѣтельствуются небеса! Во второй части слова встрѣчаемъ тоже самое преніе между горними силами, срѣтающими въ небѣ возносящагося, и ниж-

9-е на Вознесеніе.

ними, его сопровождающими, какое поражаетъ насъ своимъ картиннымъ значенiемъ въ подобномъ словѣ Кирилла Туровскаго. Но и тамъ и здѣсь источникомъ заимствованiю служитъ церковная пѣснь.

Слово на рождество Iоанна Предтечи есть изображенiе Iоанна, согласное Евангельскому сказанiю о его рожденiи и жизни. Iоаннъ—звѣзда, предвозсiявшая праведному солнцу; горлица пустынная, провозвѣстница весны спасительной; другъ Жениховъ, играющiй во чревѣ и въ пустынѣ вопiющiй: покайтеся..... Что пища Iоаннова! *Вермiе* (?) дубное и медъ дивiй. Что питiе? вода чистая, быстрая, трезвенная... Какое одѣянiе? верблюжьи волосы, пустынная багряница, древнее одѣянiе прародителей. Что поясъ? Изъ кожи, признакъ мужества, всегдашняго подвига и дѣланiя, мертвая часть животнаго, знаменiе того, что носившiй его жилъ только Христу и умеръ всему человѣческому.... Но и этого пустыннаго, малыми власами одѣяннаго человѣка, трепещутъ цари, носящiе багряницу и окруженные тьмами воиновъ, потому что онъ и по смерти обличаетъ беззаконныхъ... Сей пустынный Ангелъ первоначальный образъ всѣмъ пустынникамъ, начиная съ великаго Антонiя. 10-е на Рождество Предтечи.

Въ похвальномъ словѣ верховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу проповѣдникъ въ порядкѣ похвалы подражаетъ церковной пѣсни, которая сначала соединяетъ въ ней обоихъ Апостоловъ вмѣстѣ, а потомъ каждаго восхваляетъ отдѣльно. Петръ, камень вѣры, первый, ясно исповѣдалъ во Христѣ Сына Божiя. Троекратнымъ изъявленiемъ любви воскресшему Спасителю онъ искупилъ троекратное свое отреченiе отъ Него при жизни, по объясненiю Григорiя. Что ка- 11-е въ похвалу Св. Ап. Петру и Павлу.

сается до этой части слова, мы отнесемся къ извлеченіямъ Преосвященнаго Макарія, а сами дополнимъ ихъ прекраснымъ изображеніемъ Апостола Павла, этого небеснаго человѣка, этихъ Христовыхъ устъ, по выраженію Григорія. Проповѣдникъ всего болѣе пораженъ тѣмъ, какъ ученіе Павла всемірно и равно всѣмъ доступно, Іудеямъ и Эллинамъ, законнымъ и беззаконнымъ, всякому роду, всякому языку, всякому возрасту, мужамъ и женамъ, дѣвамъ, вдовамъ, юношамъ, господамъ, рабамъ. Какъ животворно для всѣхъ ученіе Павлово, такъ животворна для всѣхъ равно и самая жизнь его. Кто гонимый, помянувъ Павловы гоненія, не утѣшится? Кто въ узахъ, услыша объ узахъ Павловыхъ, не на радость преложится? Кто немощный, услыша Павла говорящаго о своихъ немощахъ, не обратитъ печали на веселіе? Всѣхъ онъ утѣшаетъ своимъ наставленіемъ, всѣхъ разумы возводитъ.... Если онъ нынѣ сладокъ намъ только своею книгою, чѣмъ же онъ былъ для тѣхъ, которые его видѣли и слышали? Смотри: когда въ церкви о Павлѣ начнется бесѣда, какъ отовсюду стекаются слушатели, будто пчелы на собраніе цвѣтовъ, и властные, и подвластные, богатые, нищіе, риторы, философы, многоученые, малоученые, совопросители, словоготовцы, священники и иноки, мужи и жены, всякой возрастъ, всякое дѣло проходящіе, и всѣ дивятся премудрости мужа... Какъ глубокая нѣкая вода всѣмъ на всякую потребу предлежитъ: и пить, и варить, и омываться, и сады напаять, и плавать, и рыбу ловить; глубина же ея никому не вѣдома; таковы и словеса Павловы—всякому виду добродѣтели слышащихъ учатъ, а высотою разумѣній всѣхъ превосхо-

дятъ. Но что много говорить? Христосъ похвала Павлу, намъ же по Христѣ Павелъ (13 a).

Въ словѣ похвальномъ Св. Пророку и Боговидцу Иліи онъ представленъ суровымъ и грознымъ пророкомъ Ветхаго Завѣта, еще не раствореннаго яснымъ свѣтомъ и любовною теплотою Христовой благодати. Авраамъ заступался за Содомлянъ, Моисей хотѣлъ самъ погибнуть съ Израильтянами; но Илія не прощалъ ни одного согрѣшенія своему народу. Въ знаменье его безжалостной строгости къ своему племени Богъ послалъ ему на гору Кармильскую ворона въ питатели, потому что эта птица отличается ненавистью къ своимъ дѣтямъ. Когда воронъ высидитъ птенцовъ въ гнѣздѣ, то покидаетъ ихъ беззаботно и самъ отлучается въ другія мѣста. Птенцы томятся голодомъ, испуская жалобный голосъ; но Богъ, промышляющій о всякомъ дыханіи, посылаетъ имъ мухъ, которыя сами влетаютъ къ нимъ въ уста и питаютъ ихъ. Ихъ-то разумѣлъ пророкъ, говоря, что Богъ даетъ пищу и птенцамъ врановымъ, призывающимъ его.

Замѣчательно, что въ народныхъ Русскихъ преданіяхъ св. пророкъ Илія является всегда такимъ же грознымъ и немилостивымъ, какимъ онъ изображенъ въ этомъ словѣ Григорія. (13 b) Не разъ могли мы замѣтить, что проповѣдное слово Церкви имѣло вліяніе на нашу поэзію народную: не служитъ ли это яснымъ доказательствомъ тому, что проповѣдь не была у насъ мертва, не оставалась въ стѣнахъ храмовъ, а дѣйствовала на народъ?

Объясняется словомъ Господнимъ къ грозному Пророку восхищеніе его на небо: «Если ты, Илія, такъ жестокъ, что не можешь терпѣть согрѣшеній

12-е въ похвалу Пророку Иліи.

Израиля и никакими человѣческими страстьми не преклоняешься: то не слѣдуетъ тебѣ жить съ человѣками, а взойди ты ко мнѣ, да Я къ человѣкамъ сниду. Мѣна произойдетъ между нами: взойдетъ человѣкъ и снидетъ Богъ. Не одного Израиля, но и всѣхъ народовъ неправды и беззаконія видя, и долготерпя о нихъ, Я понесу ихъ грѣхи и, кромѣ грѣха, во всемъ имъ уподоблюсь.. . Взойди ты съ плотію, да сниду Я взять плоть, безплотный; взойди ко Мнѣ на колесницѣ огненной, да сойду Я какъ дождь на руно. Ты въ громѣ на небо, Я въ тишинѣ на землю»....

15-е на Преображеніе. Лирически торжественно слово на Преображеніе Господне, подражающее мѣстами и церковной пѣсни и подобному же слову Іоанна Дамаскина. Здѣсь опять въ значеніи самаго праздника яснѣетъ основная мысль, движущая всѣмъ словомъ проповѣдника: совмѣстность Божества и человѣчества во Христѣ. Три Апостола были взяты на Ѳаворъ: Петръ, какъ апостолъ верховный и камень вѣры; Іаковъ, какъ обѣщавшійся пить чашу Господню и первый мертвецъ въ апостольскомъ ликѣ; Іоаннъ, какъ любимый и любящій, долженствовавшій возгремѣть въ концахъ міра своимъ евангеліемъ.... Моисей, начало пророкамъ, и воздухошественный человѣкъ, Илія, конецъ пророкамъ, поклонялись Богу, вочеловѣчившемуся въ единомъ составѣ Божества, въ двухъ же естествахъ несліянно... Богъ взялъ на Ѳаворъ и живыхъ и мертвыхъ, чтобы показать, что Онъ и живыми и мертвыми обладаетъ.

Слово заключается восхваленіемъ горы, какъ мѣста событія. Ѳаворъ славнѣе Арарата: на Араратѣ остановился ковчегъ Ноевъ, на Ѳаворѣ самъ Господь. Ѳаворъ славнѣе Синая: темно было облако, осѣни-

вшее Синай; свѣтло облако Ѳавора; тамъ сѣнь закона; здѣсь сама истина благодати... На Ѳаворѣ стояли ноги, по морскимъ волнамъ ходившія; на нее взошло Слово, плотію плѣнившее адъ; ее обнимали всезрительныя очи, имиже всякое помышленіе человѣческое исповѣдается; на ней Апостоламъ познались пророки, и въ одинъ ликъ слились тѣ и другіе ... Гора Ѳаворъ превзошла облака достоинствомъ, она подобна небу, ей поклоняются горы, ей дароносятъ холмы, ее чтутъ острова̀, ублажаютъ поля̀, хвалятъ пустыни, превозносятъ вертепы, орошаютъ облаки, прохлаждаютъ вѣтры, воспѣваютъ птицы, ея желаютъ иноки.... а все потому, что она огласилась словами: той есть Сынъ мой возлюбленный!—Здѣсь опять слово проповѣдное отзывается и въ народной пѣсни, въ стихѣ о голубиной книгѣ, гдѣ гора Ѳаворъ названа матерью всѣхъ горъ земныхъ.

Въ словѣ на Успеніе Богоматери встрѣчаемъ тотъ же самый образъ, какой изображается на древнихъ иконахъ этого праздника и о которомъ упоминаетъ церковная пѣснь: «Сынъ и Богъ, говоритъ слово, пришелъ во всѣми небесными воинствами, и на рукахъ своихъ поднималъ пречистую душу своей Матери, и ангельскія множества воспѣвали и величали ее, а апостолы священнословствовали.» Все это слово есть величаніе Богоматери — и богослужебный стихъ на Успеніе, найденный подъ именемъ творенія Григорія Цамблака, есть не иное что, какъ сокращеніе изъ тогоже слова. 14-е на Успеніе Богоматери.

Въ словѣ на Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи преосвященный Макарій указываетъ на явное подражаніе двумъ словамъ Іоанна Златоуста на тотъ же 15-е на Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи.

праздникъ и противъ царицы Евдокіи. Мы могли бы указать еще на третій источникъ заимствованія, на церковную пѣснь, въ подражаніе которой проповѣдникъ укоряетъ Иродіаду и Ирода. Въ заключеніе слова онъ желалъ бы, чтобы кто нибудь перенесъ его на самое мѣсто усѣкновенія: тамъ онъ съ лобзаніемъ припалъ бы къ праху того мѣста, гдѣ оно совершилось.

16-е на Рождество Богоматери.

Въ словахъ на праздники Богоматери обнаруживается особенно лирическое настроеніе Григорія: такъ и въ 16-мъ словѣ на Рождество Богоматери витія переходитъ въ церковнаго пѣвца, подъ очевиднымъ вліяніемъ церковныхъ пѣсней праздника.

17-е на Воздвиженіе креста Господня.

Слово на Воздвиженіе креста Господня исполнено многихъ поэтическихъ и символическихъ мыслей: мы передадимъ ихъ. Крестъ возносится: на немъ съ небомъ соединяется земля; онъ сталъ посреди обоихъ — и пало средостѣніе крѣпкаго коварства, ихъ раздѣлявшее: одно смиреніе креста могло соединить то, чтó вражда рознила... Адамъ съ праматерью человѣковъ да веселится, объемля крестъ, да проповѣдуетъ его силу и исповѣдуетъ спасеніе. Онъ, древа ради, изгнанъ былъ изъ рая и нетлѣнныя обнаженъ одежды, а, дерева ради крестнаго, въ небеса вселился и божествомъ облекся. О чудо! и тамъ древо, и здѣсь древо; одно посреди рая, а другое посреди земли: одно зеленое, листомъ украшенное, плодомъ угобзенное, проклятіе и смерть нанесло нашему роду; другое, невлажное, суходѣльное, принесло благословеніе и даровало безсмертіе. Гордыня и преслушаніе причинили всякое зло и смерть; смиреніе и послушаніе Христово ввели всякое благо и жизнь. Чѣмъ во-

царился надъ людьми діаволъ, тѣмъ изъ царства своего да изгнанъ будетъ *и смѣху да преданъ будетъ!*

Зришь ли таинство креста? Во истину крестъ слава Христова, какъ Онъ самъ глаголалъ: когда прославится сынъ человѣческій, или когда вознесется на крестъ.... Не только воображаемый и носимый, спасаетъ онъ всекрѣпкій, но и образы его спасительны бываютъ. Вселенная четырьмя концами описуется; изъ четырехъ стихій человѣческое естество составляется; четыремя временами кругъ лѣта вѣнчается; четыремя вѣтрами вселенная прохлаждается, и человѣческій образъ креста подобіе носитъ... И мачта корабля образомъ креста безбѣдно плаваетъ по пучинѣ моря, и дно корабля, чѣмъ весь онъ держится, *согвождено* крестовидно!... (14)

Крестомъ отлучено пламенное оружіе отъ дверей рая: оно уже не возбраняетъ входа крестъ носящимъ— и чудо! прежде паденія Адамова на землѣ было паденіе великое на небесахъ: оно было виною и земному паденію, но осталось неисправлено, а земное крестъ исправилъ.

Таковы плоды Голгоѳинскаго древа. Крестъ — скипетръ небеснаго Царя, имъже все воинство гордаго низложено: имъ и Цари благочестивые побѣждаютъ.—Крестомъ святители, преемники Апостоловъ, жертвища бѣсовъ сокрушаютъ, распространяя слово истинное.—Крестъ оружіе мучениковъ: онъ имъ хоругвь и копье и щитъ и мечь и лукъ и тулъ, исполненный *стрѣлъ благополучныхъ*, и броня и шлемъ....

Слово похвальное великомученику и мvроточцу Димитрію слѣдуетъ за словомъ на Воздвиженіе, въ порядкѣ праздниковъ церковнаго круга. Здѣсь просто расказанъ мученическій подвигъ Св. Димитрія и

18-е Св. Димитрію.

юноши Нестора, слуги его. Замѣчательно таинственное объясненіе седьми язвъ Димитріевыхъ, тѣсно связанное съ современною мыслію объ истекавшей седьмицѣ тысящелѣтій: «Блажу еже ради седмыхъ язвъ Димитріево доброе суботство: сими бо почи отъ *настоящаго седьмаго* и со всѣми святыми чаетъ *будущаго осьмаго*». (15)

19-е Св. Георгію. Слово похвальное великомученику и побѣдоносцу Георгію одушевлено какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ къ святому, егоже память проповѣдникъ соединяетъ съ праздникомъ воскресенія Христова. Страданія Георгія внушаютъ ему много поэтическихъ образовъ.—Не такъ земля испещрена различными цвѣтами, какъ тѣло страстотерпца различными ранами. Не такъ разнообразно текутъ источники изъ земли, какъ струи крови изъ язвъ мученика... На угляхъ, какъ на цвѣтахъ, лежитъ святой страдалецъ, а лѣстница желѣзная подъ нимъ напоминаетъ ту мысленную, которую видѣлъ Іаковъ, досягавшую небесъ.

Прекрасна похвала чистотѣ Георгіевой. Чистота освободила изо рва Іосифа, избавила его изъ темницы и сдѣлала царемъ Египту; чистота сотворила Іисуса Навина преемникомъ Моисею; чистота насъ съ небесными сочетала, сдѣлала дѣвственника Богословомъ; чистота попрала адъ, разрушила смерть, даровала воскресеніе міру, взошла на небо и сѣла одесную величества Божія.

20-е тремъ отрокамъ и пророку Даніилу. Какъ похвальное слово Георгію соединено съ радостнымъ торжествомъ встрѣченной Пасхи, такъ съ словомъ, предшествующимъ Рождеству, съ котораго мы начали, соединяется похвала тремъ отрокамъ и Даніилу пророку. Они своимъ огненнымъ мученіемъ

прообразовали вочеловѣченіе Бога: какъ лампада (16) сквозь стеклянный сосудъ являетъ свой свѣтъ, такъ и душа блаженныхъ, истнившихъ плоть, благопрозрачныхъ, показываетъ свѣтлость красоты своей.

Три остальныя слова (21, 22, 23).

Въ словахъ на мученіе Іоанна новаго, Бѣлградскаго мученика, на перенесеніе мощей св. Параскевы Терновской, и въ надгробномъ словѣ Святителю Кипріяну, соединилось въ Григоріи Цамблакѣ чувство благоговѣнія къ святынѣ Церкви православной съ чувствомъ соплеменности, которымъ онъ такъ дорожилъ въ Боговидцѣ Моисеѣ, желавшемъ скорѣе погибнуть вмѣстѣ съ своимъ народомъ, нежели покинуть его, и въ своемъ усопшемъ дядѣ, Святителѣ Кипріянѣ.

Общее заключеніе.

При разборѣ словъ Григоріевыхъ, увлекаясь глубиною мыслей, мы почти не обращали вниманія на Византійскую витіеватость и цвѣты схоластической риторики, которыми оно усѣяно. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приведенныхъ нами, можно было видѣть тому образчики. Это, конечно, самая слабая сторона его слова: проповѣдникъ платилъ ею дань вѣку и греческимъ школамъ, въ которыхъ учился. Но высота истины, имъ исповѣдуемой, возноситъ его превыше недостатковъ времени и школы. Они спадаютъ, какъ земляная кора, а истина, въ глубинѣ слова хранимая, остается все таже, самосуща и неизмѣнна, какъ самоцвѣтный камень. Эта истина проходитъ черезъ всѣ вѣка нашей древней и новой жизни и связуетъ все слово нашихъ проповѣдниковъ одною невидимою связью въ одно стройное логическое цѣлое. Отсюда только можно объяснить, какъ Филаретъ и Иннокентій встрѣчаются мыслями съ Григоріемъ и Фотіемъ, съ Кирилломъ и Иларіономъ. Для истины

вѣчной нѣтъ различія между XIX и XV вѣкомъ: мѣняются формы ея выраженія, она же все пребываетъ одна.

На равной степени сознанія является у насъ Божія истина въ умахъ представителей Церкви, гдѣ бы они ни родились, ни воспитывались, въ Греціи, въ Болгаріи, или въ Россіи, и въ формахъ какого бы вѣка ни выражались. Какъ солнце, она освѣщаетъ равно наше проповѣдное слово всѣхъ столѣтій и проникаетъ его равною глубиною. Это наша духовная собственность, наше родное и вѣковѣчное сокровище. Въ началѣ XV вѣка, въ другихъ странахъ Европы, вы найдете уже разнообразные плоды ума человѣческаго; но едва ли гдѣ, за исключеніемъ страдавшей и умиравшей Византіи, истины ученія Христіанскаго были такъ глубоко сознаваемы, какъ они сознаны въ словѣ двухъ проповѣдниковъ, озарившихъ у насъ начало этого вѣка.

Фотій былъ Грекъ, Григорій Болгаринъ: что же влекло ихъ къ намъ? что побуждало къ дѣйствію? что связывало ихъ съ народомъ Русскимъ? Безъ взаимнаго сочувствія, безъ связи внутренней, это дѣйствіе было бы невозможно и безплодно. Имъ принадлежало разумное богословское сознаніе истины Христовой; народу Русскому ея сердечное пониманіе. Вотъ въ чемъ слились оба проповѣдника съ нашимъ народомъ — и слѣды ихъ поученій остались неизгладимы въ его жизни.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ пятнадцатой лекціи.

(1) Подробности жизни Фотіевой заключаются въ V томѣ Никоновой лѣтописи (стр. 17—108). Кромѣ того см. Творенія Св. Отцевъ. Москва 1852. Годъ десятый. Книжка 2-я. Прибавленія. Фотій, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи (стр. 207—271).

(2) См. Указатель Московской Патріаршей ризницы, составл. Архимандритомъ Саввою. Изд. 2-е. М. 1858. стр. 38 и 39.

(3) «Не зазрите же убо смѣренію моему, яко неискусну ми сущу писанію вашему и языку.»

(4) Поученія Фотія я изучалъ по рукописи Сунод. б. подъ заглавіемъ Патерикъ, 216 № по старому каталогу и 225 по новому, л. 344—443. Здѣсь находится всего 16 поученій, а именно: 1) о нынѣшнемъ разореніи и мятежи церковнѣмъ, писанное по случаю избранія Григорія Цамблака и напечатанное въ Актахъ историческихъ Т. I. № 19. 2) Къ священническому всему и иночьскому чину о великомъ Божіемъ священствѣ. (Напечатано въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ. Т. I. № 181. 3) Слово вкратцѣ рекомое ради днесь праздника сего пречестнаго благовѣщенія пречистыя владычица нашея Богородица о новосотворенномъ храмѣ во имя воздвиженія и о водруженіи сего храма благородному и славному В. Князю Александру (Напечатано въ Дополн. къ актамъ историч. Т. I. № 182.) 4) Слово на срѣтеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. 5) Слово о вторѣмъ и страшнѣмъ пришествіи

Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. 6) Поученіе въ недѣлю православную о постѣ и о молитвѣ. 7) О находящихъ на ны всяческихъ праведныхъ гнѣва и ярости ради о всемъ познаніа всѣхъ и увѣреніа, понеже бо яко скоръ есть Богъ въ спасеніе всѣмъ обращающимся къ нему и медливъ же есть на мученіе. Въ семъ же словеси притча есть о блудномъ сыну пришедшіа недѣля. 8) Поученіе о бездожіи, и яко аще не отдадимъ другъ другу сътрѣшеніа отъ всего сердца нашего, и аще не благодареніемь трьпимъ вся находящаа на ны грѣхъ ради нашихъ, аще не обыщемся и не престанемъ отъ зла, ни Богъ оставить намъ сътрѣшеніа наша, ниже аще въ роптаніи и въ благодареніи пребываемъ, не токмо бльша сихъ наведеть Богъ на насъ, но и муцѣ вѣчной предани будемъ. 9) Поученіе о еже много кратцѣ реченное и глаголанное, и нынѣ паче ко всѣмъ рыданное и о еже находящихъ на ны всячьскыхъ праведныхъ владычныхъ прещеній бывающихъ различными язвами и болѣзни и тлетворными въздухи, еже сіе все бывшее къ наказанію нашему бысть. 10) Въ еже по пръвоначалственныхъ оградахъ, въ пречестную обитель успеніа пречистыя владычица наша Богородица и отъ пръвоначалственаго изъобразованіа божественыхъ отець, иже преподобіемъ зде просіавшихъ, великаго Андоніа (*) и Θеодосіа, и проч. (Напечатано въ Дополн. къ акт. историч. Т. I. № 180, I.) 11) Къ иже началство духовное съдръжащимъ и того желающимъ епископомъ и священничьскому и иноческому всему чину, и благороднымъ и благовѣрнымъ княземъ, и христоименитому всему исполненію святаго людства. 12) Въ пречестную сію обитель успенія пречистыя владычица наша Богородица настоятелю духовному Архимандриту и священникомъ, и инокомъ всего о Хрістѣ пребывающаго съединьственнаго полка духовнаго. 13) Поученіе въ туже обитель съ такимъ же надписаніемъ какъ прежнее. (Нап.

(*) Какъ въ этомъ написаніи имени Андоніа вмѣсто Антонія слышенъ новогреческій выговоръ самаго Митропол. Фотія!

въ Дополн. Т. I. № 180, II).—14) Благороднымъ Княземъ и велможамъ, и священническому всему и иноческому чину, и всему христоименитому исполненію святаго людства. (Напечат. въ Дополн. Т. I. № 183). — 15) Поученіе о находящихъ на ны всячьскыхъ владычнихъ праведнихъ прещеній, бывающихъ различными язвами, и о братолюбіи.—16) Благовѣрнымъ Княземъ и велможамъ и священническому всему и иночьскому чину и всему христоименитому исполненію св. людства. — Послѣднія два повтореніе прежнихъ поученій съ немногими измѣненіями. — За тѣмъ слѣдуютъ повѣсть о предсмертномъ явленіи Фотію Ангела и его духовная грамота.

Въ I-мъ томѣ Дополненій къ актамъ историческ. примѣчаніе 32 е, стран. 12, напечатано содержаніе рукописи библіотеки Ярославскаго Архіерейскаго дома, въ которой находятся Слова и Посланія Митрополита Фотія. Я сличалъ заглавія ихъ съ тѣми, которыя находятся въ Сунодальномъ Патерикѣ, и нашелъ между ними совершенное сходство. Издатели Актовъ полагаютъ, что и Слово объ исхожденіи Св. Духа (л. 63 на об. рукописи), хотя и не обозначено именемъ Фотія, но принадлежитъ ему; мнѣніе основано на словахъ: *паче же и на великую сію землю пришедшю*, и на томъ, что о крещеніи Пермской земли Стефаномъ говорится какъ о событіи, уже совершившемся.

Напечатаны изъ сочиненій и грамотъ Фотія слѣдующія: Актовъ историческихъ Т. I. № 18. 1414. Настольная грамота Герасиму Еп. Владимерскому на Волынь.—№ 19. 1415—1419. Окружное посланіе о незаконномъ избраніи Литовскими Епископами Григорія Самблака, въ санъ Кіевскаго Митрополита, отдѣльно отъ Московскаго. (См. выше въ Сунод. рук. Поученіе 1). —№ 20. 1416. Посланіе Псковичамъ о соблюденіи законоположеній православной вѣры, удаленіи отъ церковныхъ мятежниковъ и покровительствѣ православнымъ людямъ, выходящимъ изъ Литвы.—№ 21. 1416. Имъ же, о необщеніи со стригольниками. — № 22. 1416. Поученіе

Псковскому духовенству, о строгомъ соблюденіи церковнаго устава въ богослуженіяхъ, о неотпѣваніи самоубійцъ, неядѣніи удавленины и невзиманіи роста.—№ 23. 1416. Посланіе Псковичамъ, о томъ, что онъ разрѣшая ихъ отъ крестнаго цѣлованія, благословляетъ отмѣнить новую уставную грамоту Князя Константина Димитріевича. — № 26. 1418. Посланіе въ Снѣтогорскій монастырь, о недѣйствительности устава, даннаго оному Суздальскимъ Владыкою Діонисіемъ, съ подтвержденіемъ инокамъ соблюдать правила общежитія, а мірянамъ не вступаться въ дѣла духовныя.—№ 30. 1426. Посланіе Псковичамъ о моровой язвѣ. — № 33. 1427. Имъ же, о убѣжденіи стригольниковъ возвратиться къ православію, съ повелѣніемъ духовенству, упорныхъ и нераскаянныхъ отлучить отъ Церкви, а вѣрнымъ не имѣть съ ними общенія. — № 34. 1427. Псковскимъ посадникамъ и духовенству, о приведеніи стригольниковъ въ раскаяніе увѣщаніями и наказаніями, о ротникахъ и удаленіи ихъ отъ званія судей и церковныхъ старостъ, также о небытіи старостами въ церквахъ двоеженцамъ и троеженцамъ. — № 35. Прежде 1430. Псковскимъ посадникамъ и духовенству, о соблюденіи чиноположеній православной церкви и христіанскихъ добродѣтелей, о необливаніи при крещеніи младенцевъ, съ запрещеніемъ употреблять при томъ Латинское мvро. — Въ Прибавленіяхъ къ тому же тому: № 254. 1393. Настольная грамота Константинопольскаго Патріарха Антонія Митрополиту Фотію. Въ этой грамотѣ и годъ и имя Патріарха обозначены невѣрно, потому что Фотій назначенъ былъ въ Митрополиты въ 1409 году, Патріархомъ Матѳеемъ, а не Антоніемъ.— № 256. Послѣ 1410. Грамота, съ увѣщаніемъ о возвращеніи похищеннаго церковнаго сокровища.—№ 257. Благословенная грамота иноку Павлу Обнорскому, на устроеніе монастыря и освященіе въ немъ церкви, съ увѣщаніемъ братіи о соблюденіи иноческихъ обѣтовъ.

Актовъ Археографической Экспедиціи Т. I. № 20. 1421. Жалованная грамота В. Кн. Василія Димитріевича М. Фотію, о дозволеніи купить въ Талышѣ волостную

Яковлевскую деревню, съ тѣмъ чтобы она тянула судомъ и пошлинами къ Митрополиту и проч. — № 23. 1425. Жалов. гр. тогоже Князя М. Фотію, объ освобожденіи отъ пошлинъ пришлыхъ въ митрополитскія села людей на пятнадцать лѣтъ, а старожильцевъ на пять лѣтъ, о подсудимости ихъ Митрополиту, и о судѣ смѣсномъ. — Въ Дополненіяхъ къ этому же тому № 369. 1410. Посланіе Новгородцамъ, о соблюденіи законоположеній церковныхъ.

Дополненія къ актамъ историческимъ. Т. I. Прибавленія. № 180. 1410 — 1431. Два посланія (I и II) Митрополита Фотія въ Кіевопечерскій монастырь, объ иноческихъ обязанностяхъ. (См. выше въ Сvнод. рук. №№ 10 и 13.)—№ 181. 1410—1431. Поученіе священникамъ и инокамъ, о важности священства и объ обязанностяхъ священнослужителей. (См. выше № 2.)—№ 182. 1419 — 1430. Поученіе, на освященіе походной церкви, устроенной для православныхъ воиновъ Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ. (См. выше № 3.)— № 183. 1419 — 1430. Посланіе Литовскимъ православнымъ священникамъ и мірянамъ, при вторичномъ вступленіи его въ управленіе Западно-Русскою церковью. (См. выше № 14.)

Къ ненапечатаннымъ поученіямъ М. Фотія слѣдуетъ отнести еще два поученія съ одинаковымъ заглавіемъ: «поученіе Фотѣя Митрополита кіевскаго и всея Руси къ великому Князю Василію Дмитріевичу.» Отрывки изъ нихъ приводитъ Авторъ статьи, помѣщенной въ Твореніяхъ Св. Отцевъ. Кн. 2. 1852 года. Оба поученія находятся въ рукописномъ сборникѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря въ 4 д., составленномъ по благословенію игумена Нифонта въ 1536 г., прежняго каталога № 414.

(5) Вотъ слова Іоанна Златоуста: «Долженъ есть инокъ, аще ястъ, аще піетъ, аще сѣдитъ, аще служитъ, аще путешествуетъ, аще ино что творитъ, непрестанно вопити то: Господи Іисусе Хрісте Сыне Божій, помилуй мя!... Да имя Господа Іисуса, сходящее во глубину

сердца, смиритъ змія содержащаго пажити, душу же спасетъ и оживотворитъ. Непрестанно убо пребуди во имени Господа Іисуса, яко да поглотитъ сердце Господа, и Господь сердце, и да будета два сія во едино.... Не отлучайте отъ Бога сердца вашего, но потерпѣвайте и храните е всегда съ памятію Господа нашего Іисуса Христа, дондеже внутрь въ сердце водрузится имя Господне, и ничтоже ино помышляйте, точію яко да возвеличится въ васъ Хрістосъ.»

(6) Содержаніе этихъ посланій я излагалъ по вышепомянутой статьѣ о Митрополитѣ Фотіѣ (стран. 223—226).

(7) Никон. лѣтоп. Т. V. стран. 24.

(8) Григоріа мниха и прозвитера, Игумена обители Плинаирьскыа, надгробное иже во святыхъ по истинѣ Кипріану Архіепископу Россійскому. Выпишемъ изъ этого слова тѣ мѣста, которыя относятся къ біографіи Григорія. «Его же (Кипріяна) убо наше отечество изнесе.» — «Отъиде доброта она, яже паче солнечныхъ зарей, вамъ же и надсладчяйшаа, братіа бо вамъ есмы отъ лучшіи, понеже и отець вашь, иже плачю намъ предлежитъ вина, братъ бѣаше нашему отцю.»—«Мы святого оного лица вмалѣ сподобихомся видѣти отроческый еще носяща возрастъ, абіе же отъ насъ отъиде, и старости насъ постигши, не ктому того видѣхомъ»... «Суть бо оттоли до тридесяти нѣгдѣ лѣтъ, егда отъ васъ воздвигся къ великому сему и царици градовомъ грядяаше.» (Слово писано въ 1410 году, слѣд. если 31 годъ вычесть, будетъ 1379 й, когда Кипріанъ пріѣзжалъ изъ Москвы въ Царьградъ и къ себѣ на родину.)—«Тогда великое сіе свѣтило видѣхомъ, братіе, и священныя оны руцѣ нашеи коснушась главѣ, купно убо благословяюще, купножъ и хотящая намъ случатися духомъ проричяюще.» — О любви народа къ Кипріяну по смерти его говоритъ: «не до двоихъ, или тріехъ годъ *иже прииддоша*, но и простертію лѣтнему съпротяжется и ваше ко отцю любленіе».... Кипріянъ скончался въ 1407 году, стало быть слово писано въ 1410 году.—«Ему же

вмѣсто Геона рѣки была рѣка Нѣмонъ протичющіа Литвы, на ней же горкому насъ стрѣтшю возвѣщенію, ниже плакати можахомъ.»—Внизу слова приписано: «Написахъ Кипріану: о Кипріане по истиннѣ еси свѣтило Россійской земли, Григоріе Цамблакъ писавый слово сіе надгробное бывый Митрополитъ Кіеву и всеа державы Литовъскыа.»

(9) См. вышепомянутую ст. Фотій, стран. 238. Также О Григоріѣ Цамблакѣ, Митрополитѣ Кіевскомъ, какъ писателѣ. Статья Преосвященнаго Макарія, Епископа Тамбовскаго въ Извѣстіяхъ И. Академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности. Т. VI. л. 7—10. Оттуда перепечатана въ историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и Словесности. Спб. 1857. ст. VII. О пребываніи своемъ на Аѳонѣ онъ говоритъ самъ въ 4-мъ словѣ: «Но азъ вѣмъ горы Афоньскія.»

(10) Ник. лѣт. Т. V. стран. 54, 58, 59, 70, 71. Ст. Митрополитъ Фотій стран. 233—249.

(11) Сочиненія Григорія Цамблака я изучалъ по двумъ рукописямъ Сvнодальной библіотеки за №№ 384 (52) и 386 (308), обѣ въ 4-ку, также отчасти по ВеликимъЧет. Минеямъ Митрополита Макарія, гдѣ, кромѣ особенной книги, вмѣщающей всѣ слова Григоріевы въ Іюльскомъ томѣ съ полнымъ ихъ оглавленіемъ, эти слова разсѣяны отдѣльно по праздникамъ, къ которымъ относятся,—также и по рукописямъ библіотеки И. Н. Царскаго, когда она еще принадлежала покойному ея собирателю и находилась въ Москвѣ. Вотъ заглавія словъ, извлеченныя изъ полныхъ рукописей въ томъ порядкѣ, какъ они помѣщаются: Григорія смиренаго инока и презвитера 1) о божественныхъ тайнахъ, и яко достоить хотящему причяститися испытовати себе, и о еже не памятозлобствовати, и яко довлять сіи пять дній истиннымъ покаяніемъ предочистити человѣка, и яко достоить христіянину терьпѣти напасти, и на Іудея глаголющихъ, поятъ ли Богъ жену и роди сына, и о блаженнѣмъ Филогоніи, архіепископѣ Антіохійскомъ. (Слово относится къ 20-му

Декабря, когда празднуется память Св. Филогонія.) — 2) О усопшихъ, и о еже, яко страніи, жити на земли, и о Антихристѣ, и о воскрешеніи мертвыхъ , и яко суетно и труда полъно житіе человѣческое, и яко смерть сонъ и отъ трудовъ покой есть, и о милостыни. (Это слово говорено, вѣроятно, въ родительскую, въ день поминовенія усопшихъ.) — 3) О иноческомъ житіи, яко ангеломъ подобится и на иже отъ неправды и хищенія богатящіихся. (Изъ начала этого слова ясно видно, что оно имѣетъ отношеніе къ предъидущему и говорено въ слѣдъ за нимъ).—4) Слово похвалное отцемъ преподобнымъ, въ суботу сыропустную. (Изъ начала этого слова также видно, что оно говорено въ слѣдъ за третьимъ словомъ.) — 5) Похвално святымъ великомученикомъ четыредесятимъ. (Въ заглавіи этого слова, ко мниху и презвитеру, прибавлено: игумена обители Пантократоровы.) — 6) Слово въ недѣлю вербную. (Здѣсь Григорій въ заглавіи именуется архіепископомъ Россійскимъ.)—7) Въ Св. великій четвертокъ на часѣхъ. На преданіе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и о Іюдѣ, и на иже опрѣсноки приносящихъ таиньствомъ, и о сребролюбіи. (Опять въ заглавіи: игумена обители Пантократоровы.) — 8) Во св. и великій пятокъ на часѣхъ, о еже узрите животъ вашъ висящъ предъ очима вашима и на еретики, и о еже: жено се сынъ твой, и къ ученику: се мати твоея, въ распятіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. (Въ заглавіи также Игум. об. Пантокр.)— 9) Слово на славное вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа. (Въ заглавіи Григорія, Епископа Россійскаго.)— 10) Слово на рожество предотечи и крестителя Іоанна. (Въ заглавіи просто инока и презвитера). — 11) Похвалное святымъ и верховнымъ апостоломъ Петру и Павлу. (Въ заглавіи тоже.)—12) Похвалное святому пророку и боговидцу Иліи (Въ заглавіи игум. об. Пантокр.)— 13) Слово на божественное Преображеніе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. (Въ заглавіи Архіепископа Россійскаго.)—14) Слово на всечестное успеніе преславныя владычица наша Богородица и приснодѣвы Марія.

15) Слово на Усѣкновеніе главы честнаго и славнаго пророка и предтеча и крестителя Іоанна. (Оба слова озаглавлены именемъ Григорія Архіепископа Россійскаго.) — 16) Слово на всечестное рожество пресвятыя Владычицы нашея Богородица. (Инока и прозвитера.) — 17) Слово на воздвиженіе честнаго креста Господня. (Архіепископа Россійскаго.) — 18) Похвалное святому славному великомученику и мvроточцу Димитрію. (Архіепископа Россійскаго. — 19) Слово похвално святому и великому въ мученицѣхъ и побѣдоносцю Егорьгію. (Имени Григоріа не обозначено.) — Здѣсь оканчивается оглавленіе Великихъ Четіихъ Миней. По двумъ сvнодальнымъ рукописямъ слѣдуютъ: 20) Мученіе святаго и славнаго мученика Іоанна Новаго, иже въ Бѣлградѣ мучившагося. (Списажеся Григоріемъ мнихомъ, Игуменомъ обители Пантократоровы, и прозвитеромъ великой церкви Молдовлахіиской.) — 21) Григоріа, мниха и прозвитера, Игумена обители Плинаирьскыа (отъ $\pi\lambda\grave{\eta}\nu$ (внѣ) и $\grave{\alpha}\grave{\eta}\rho$ (воздухъ), надгробное иже во святыхъ по истиннѣ Кvпріану Архіепископу Россійскому. — Въ концѣ этого слова приписано: «Написахъ Кипріану: о Кипріане, по истиннѣ еси свѣтило Россійской земли, Григоріе Цамблакъ писавый слово сіе надгробное бывый Митрополитъ Кіеву и всеа дръжавы Литовъскыа.» Кромѣ того, еще встрѣчаются въ рукописяхъ отдѣльно: 22) Слово похвальное иже во св. отцу нашему Евѳимію Патріарху Терновскому (Рукоп. Гр. Толст. Отд. II. № 205.) — 23) Сказаніе о Св. Параскевіи, како принесена бысть во славную Срьбскую землю, списано Григоріемъ Цамблакомъ. Помѣщается при житіи преподобныя матере нашея Парасковіи, списаннымъ Еvфиміемъ, патріархомъ Терновскимъ. Опис. рукоп. Царскаго стран. 71. № 135. л. 549. — 24) Повѣствованіе о Сербскомъ царѣ Стефанѣ Дечанскомъ, писанное Григоріемъ, игуменомъ Дечанскимъ. (Помѣщается обыкновенно въ Прологѣ подъ 9-мъ Маія.) — 25) Богослужебный стихъ на Успеніе Пресвятой Богородицы. Открытъ В. М. Ундольскимъ подъ заглавіемъ: «на Успеніе Пре-

святой Богородицы, поемъ сей стихъ на цѣлованіе, твореніе киръ Григорія Россійскаго Цамблакъ».... Напечатанъ при статьѣ: Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1846. № 3, и перепечатанъ сполна въ вышепомянутой статьѣ Преосвященнаго Макарія. — Въ Опис. Библ. Гр. Толстова Отд. I. № 256, л. 121. есть слово Григорія Архіепископа Россійскаго въ недѣлю цвѣтную,—и въ Рукоп. Царск. № 365. л- 354. отъ слова цвѣтнаго. Въ Опис. Рукоп. Царскаго № 264 л. 530 об. встрѣчается Григорія мниха и презвитера слово похвалное святымъ тремъ отрокомъ и Данилу пророку, и яко искушенія и напасти находятъ Святымъ на объявленіе тѣхъ добродѣтели, и о святомъ причащеніи.

(12) «И понеже вашу любовь зряй, слово ученія сладцѣ пріемлюще, якоже нѣкую добрую и тучную землю сѣмена.... Прежде похваливше вашее усердіе теплое, толико бо къ церкви тщаніе ваше, елико чадомъ къ матери, елико болящему ко врачю, елико жаждущему ко источнику, елико кораблю къ пристанищу: толикоже и насъ веселить преспѣяніе ваше, яко и вѣстници радостни будемъ добродѣтели вашеа пославшему насъ Патріарху.» —«Но и о общемъ и чаемомъ воскресеніи всѣмъ послѣдованно къ вашей пробесѣдую любви, вѣмъ бо несытное вашее же о таковыхъ желаніе, отонудуже и къ вашему множае распалихся любленію, елижды бо аще что отъ божественаго писанія въ вашая всѣяхомъ слуха, вы и яко благая и тучная земля въ малѣ времяни показовасте таковыхъ сѣмянъ прозябеніе, насъ убо о предваршихъ веселяще и инымъ касатися усерднымъ сдѣвающи. Тѣмъ же и блажу ваше еже ко ученію усердіе.»

(13 a) Слово похвальное Апостоламъ Петру и Павлу, приписанное Митрополиту Ѳеодосію (1461 — 1465. См. Изв. Ак. Т. II. л. 21.) есть только сокращеніе Григоріева слова, съ особымъ небольшимъ приступомъ.

(13 b) Мнѣ извѣстно одно сказаніе народное *объ Ильѣ великомъ и Миколѣ милостливомъ,* въ которомъ пред-

ставлена вся полевая работа крестьянина отъ первой пашни до уборки хлѣба, совершающаяся при безпрерывныхъ препятствіяхъ со стороны Иліи пророка и при милостивомъ покровительствѣ Николая чудотворца, который своимъ заступленіемъ отвращаетъ всѣ бѣды, посылаемыя гнѣвнымъ пророкомъ Ветхаго Завѣта. Я слышалъ это сказаніе въ Саратовской губерніи, въ Петровскомъ уѣздѣ. Оно заключается тѣмъ, что къ крестьянину приходятъ подъ конецъ *Злыдни*, олицетворенныя въ видѣ какого-то полунагаго мужика. И тутъ спасаетъ его отъ *Злыдней* милостивый Микола.

(14) Здѣсь проповѣдникъ употребляетъ два греческія слова для мачты корабля—*катартъ* (*κατάρτιος*, *καταρτία* и *κατάρτιον* (корабельная мачта), и *тропи* или *тропі* (*τρόπις*) для означенія корабельнаго дна. Здѣсь я позволю себѣ разногласіе въ чтеніи текста съ тѣмъ, которое принято Преосвященнымъ Макаріемъ. Вмѣсто принятаго чтенія: «Что же ли нарицаемаа *тропіоне*, иже все ставленіе корабленое содержится»—я читаю: Что же нарицаемая *тропі*, о нейже все ставленіе корабленое содержится.

(15) Для объясненія этого мѣста нельзя не привести словъ Василія великаго изъ творенія его о Святомъ Духѣ. «Въ первый день седмицы совершаемъ молитвы стоя прямо (*), но не всѣ знаемъ тому причину. Ибо не только, какъ совоскресшіе со Христомъ и обязанные искать вышнихъ, въ воскресный день прямымъ положеніемъ тѣла во время молитвы напоминаемъ себѣ о дарованной намъ благодати; но и потому сіе дѣлаемъ, что этотъ день, по видимому, есть какъ бы образъ ожидаемаго нами вѣка. Посему, будучи началомъ дней, у Моисея названъ онъ не первымъ, а единымъ. Ибо сказано: *бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ* (Быт. 1, 5); потому что одинъ и тотъ же день возвращается многократно. Посему онъ же есть и единый и осмый, изображающій

(*) То есть, безъ земныхъ поклоновъ и колѣнопреклоненій.

собою дѣйствительно единый и воистину осмый день, о которомъ Псалмопѣвецъ упомянулъ въ нѣкоторыхъ надписаніяхъ Псалмовъ (Псал. 6 и 11), то есть, оное состояніе, которое послѣдуетъ за теперешнимъ временемъ, оный непрекращающійся, невечерній, несмѣняющійся день, оный нескончаемый и нестарѣющійся вѣкъ.»—Богословы XIV и XV вѣка примѣняли это къ седмицѣ тысячелѣтій — и осьмую тысячу считали уже вѣчностью.

(15) Въ подлинникѣ читаемъ *ламбада* по греческому произношенію, явно обнаруживающему вліяніе Греческаго народа на образованіе Болгарина Григорія.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

I.

ОБРАЗЕЦЪ ПИСЬМЕНЪ ПСАЛТЫРИ 1296 ГОДА.

Онъ приложенъ къ 30-й страницѣ, гдѣ о Псалтыри упоминается, равно какъ и въ 40-мъ примѣчаніи къ XI лекціи на 86 стран. Объ этой Псалтыри говоритъ К. Ѳ. Калайдовичъ въ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, какъ указано въ примѣчаніи. Описана она подробно въ Описаніи Славянскихъ рукописей Московской Сѵнодальной Библіотеки, Отдѣлъ первый. Священное Писаніе. 1855. подъ № 13, стр. 181—186, Гг. Горскимъ и Невоструевымъ; еще подробнѣе въ Палеографическихъ и Филологическихъ матеріалахъ для исторіи письменъ Славянскихъ, собранныхъ изъ XV-ти рукописей Московской Сѵнодальной Библіотеки И. д. Э. О. П. Ѳ. И. Буслаевымъ, стр. 23 № V.

Рукопись писана на пергаминѣ въ малый листъ, крупнымъ уставомъ, для княгини Марины въ 6804 (1296) году писцомъ Захаріею, который, будучи воспитанъ издѣтства въ такомъ обычаѣ, переписалъ много святыхъ книгъ, и между прочимъ, уже будучи въ старости, написалъ на Волокѣ Евангеліе апракосъ для игумена Антонія къ Покрову Св. Богородицы, а эту

Псалтырь послѣ того. Къ каѳизмамъ Псалтыри присоединяются покаянные тропари и молитвы; между послѣдними встрѣчается и молитва святаго Ѳеодосія Печерскаго за вся крестьяны. Прочтемъ текстъ перваго псалма, изображенный въ снимкѣ.

Блаженъ мужь иже не иде на свѣтъ нечтивыхъ ⁘
И на пути грѣшныхъ не станеть
И на сѣдалищи губитель не сѣде ⁘
И въ законѣ гни воля его ⁘
И въ законѣ его поучиться днь и нощь ⁘
И есть акы древо саженое въ преисходящихъ водъ ⁘
И еже плодъ свой дасть въ время свое ⁘
И листъ его не опадеть ⁘
И вся елико створи поспѣеться ему ⁘
Не тако нечтивии не тако ⁘
Нъ яко прахъ его же въскрываеть вѣтръ отъ лица земли ⁘
Сего ради не въскреснять нечьстивии на судъ ⁘
Ни грѣшници въ свѣтъ праведьныхъ ⁘
Яко свѣсть господь путь праведьныхъ ⁘
И путь нечтивыхъ погыбнеть.

Правописаніе Русское; съ частымъ употребленіемъ о вм. ъ, е вм. ь; древнѣйшее употребленіе буквъ ъ и ь частію удерживается, но только по преданію книжному.

Признаки въ начертаніи буквъ слѣдующіе.—Въ И средняя черточка сохраняетъ еще довольно вѣрно свою горизонтальную форму, но мѣстами начинаетъ

однако колебаться и отходить отъ горизонтальнаго положенія. Въ буквѣ Н черточка діагональная напоминаетъ греческое начертаніе этой буквы. Въ іотированной буквѣ Е черточка соединительная сохраняетъ свой древній горизонтальный характеръ. Буква Ж съуживается къ верху, а не къ серединѣ; буквы З и Ч сохраняютъ свою древнюю форму, но послѣдняя отъ круглоты верхней своей половины начинаетъ переходить къ продолговатой формѣ. Изъ юсовъ осталось только ѧ, замѣняющее ꙗ послѣ согласныхъ, какъ напримѣръ въ словахъ: всѧ, времѧ; буква же ꙗ употребляется безъ согласной. Знаки препинанія крестообразное четвероточіе, которымъ стихъ отдѣляется отъ стиха, какъ бы въ означеніе крестнаго знаменія, которымъ переписчикъ, вѣроятно, сопровождалъ написаніе каждаго стиха Псалтыри.

II.

ОБРАЗЕЦЪ ПИСЬМЕНЪ

ЕВАНГЕЛІЯ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ.

Онъ приложенъ къ 127-й страницѣ III-й части. Митрополитъ Евгеній въ біографіи Епифанія Славинецкаго (Т. I-й его Словаря о писателяхъ духовнаго чина страи. 177) приводитъ историческую записку о трудахъ, предпринятыхъ Епифаніемъ для перевода вновь священнаго Писанія. Въ этой запискѣ сказано: «Первая Славянская книга бѣ у преведенія сего преводу и рукописанія Святаго Алексѣя Митролита всея Россіи Чудотворца, писанная въ лѣто 6863 (т.е. 1355) до смерти его за 23 лѣта, яже и доднесь обрѣтается въ Обители его въ Чудовѣ монастырѣ въ книгоположницѣ блюдома и прочитаема бываетъ надъ болящими.» О томъ же Евангеліи говорится въ статьѣ: Св. Алексій Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, Творенія Св. Отцевъ. Годъ 6, кн. I, стр. 95. Здѣсь приведено и мнѣніе Аббата Добровскаго о семъ Евангеліи. Въ Достопамятностяхъ Москвы К. Тромонина, 1845, приложенъ снимокъ съ надписей, находящихся на рукописи Св. Алексія, и двухъ страницъ изъ рукописи (Посланія къ Евреямъ I, 1—11). Въ Обзорѣ Русской Духовной литературы Преосвящ. Филарета Харьковскаго (стр. 71) приложено чтеніе притчи о талантахъ въ сравненіи съ Греческимъ текстомъ отчасти и съ варіантами 10-ти Славянскихъ списковъ, предшествовавшихъ рукописанію Святителя.

Новый Завѣтъ, по церковному несомнѣнному преданію приписываемый Святителю Алексію, писанъ на пергаминѣ, весьма мелкимъ уставнымъ письмомъ, въ 12-ю долю листа. Правописаніе Русское. Передаемъ текстъ приложеннаго снимка:

Бж҃твеное еуа҃лье еже отъ Їоа҃на.

Исконн вѣ слово. ї слово вѣ кв҃у. ї в҃ъ вѣ слово. сь вѣ искони кв҃у. вса тѣмъ выша и везнего вы҃ ничтоже еже вы҃. втомъ животъ вѣ и животъ вѣ свѣтъ чл҃вкм. и свѣ҃ во тмѣ свѣтить҃. а тма его не сва҃ ⁘

Вы҃ чл҃в посла҃ отъ в҃а. їма ѐму ї҃оан҃ъ. сь пріде в свѣдѣте҃ство да свѣдѣтелствуе҃ о свѣтѣ. да вси вѣрую҃ имь. не вѣ о҃ свѣ҃. но да свѣдѣтелствуе҃ о свѣтѣ. Бѣ свѣ҃ истинный и҃ просвѣщает҃ всако҃ чл҃вка грядущ҃а в мир҃. в мирѣ вѣ. и мир҃ имь вы҃ и мир҃ его не позна ⁘

Въ своа пріде. и свои его не пріаша. елици҃ приаша и. да҃ имъ обл҃а чадо҃ вь҃и выти. вѣрующим҃ во има҃ е҃. и҃ не ис кровии. ниже отъ хотѣ҃а плотска. ниже отъ хотѣ҃а мужска. но отъ в҃а родишася ⁘

И слово пл҃о вы҃. и всели҃ в ны. ї відѣхо҃ сл҃ву е҃. сл҃ву ако единочада҃ отъ оц҃а. исполнь вл҃гти и истины. Їоа҃ свѣдѣтелствуе҃ о не҃ ї возва гл҃а. се вѣ его҃ рѣхъ.

Иже в слѣ҃ ме҃ грядыи. пре҃ мною вы҃. зане первѣе ме҃ вѣ. ї отъ исполне҃а е҃ мы вси приахо҃. и вл҃гть вз вл҃гть. ако зако҃ мосее҃ да҃ вы҃. вл҃гть и истина і҃с х҃м вы҃.

При сличеніи сего текста съ греческимъ подлинникомъ и Славянскими списками, съ перваго раза видно стремленіе съ одной стороны подойти ближе къ греческому тексту, съ другой замѣнить нѣкоторыя Славянскія реченія болѣе народными Русскими. Въ примѣръ перваго мы можемъ привести выраженія, здѣсь въ первый разъ встрѣчающіяся, изъ нынѣшняго текста Новаго Завѣта: *слово бѣ къ Богу*, *се бѣ искони къ Богу;* сюда же относятся выраженія: *иже не ис кровии* вм. *иже не отъ крови*; *иже въ слѣдъ мене грядый* вм. *грядущій по мнѣ*; замѣтимъ также замѣну двухъ отрицаній однимъ и сближеніе порядка словъ съ текстомъ греческимъ: *и безъ него бысть ничтоже еже бысть.* Въ примѣръ втораго приведемъ употребленіе Русскаго мѣстоименія: *онъ и имъ*, вмѣсто *тъ* и *тѣмъ*, *Мосеемъ* вмѣсто *Мосеомъ*. Замѣчательно также сокращенное выраженіе: *да вси вѣруютъ имъ*, намѣсто: *да вси вѣру имутъ имъ.*

Что касается до признаковъ палеографическихъ, то ясно видно, что греческія начертанія возъимѣли большое вліяніе на переводчика. Это показываетъ сокращеніе буквъ, взаимно сплетаемыхъ, напоминающее подобныя сокращенія въ рукописяхъ греческихъ, также и частое употребленіе десятиричнаго і. И и Н напоминаютъ особенно начертанія греческія, И своею горизонтальною перекладинкой, а Н своею діагональю, начинающейся отъ самой вершины. Знаки удареній на слогахъ, точка надъ і и знаки надъ нѣкоторыми гласными звуками напоминаютъ также греческое правописаніе. Перекладинки въ связныхъ іотированныхъ гласныхъ начинаютъ уже отходить отъ чисто горизонтальнаго прежняго направленія. Изъ

согласныхъ Ч въ верхней половникѣ своей переходитъ къ формѣ болѣе продолговатой. Юсовъ нѣтъ обозначающихъ носовое произношеніе; ѧ употребляется съ согласными, а ꙗ для выраженія самостоятельнаго звука Я. Къ знакамъ препинанія принадлежатъ точка, поставляемая большею частію посрединѣ, и крестообразное четвероточіе, которымъ отдѣляются стихи, читаемые за одинъ разъ въ воскресномъ возглашеніи пасхальнаго благовѣстія. Знаками облеченными или титлами текстъ изобилуетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕХЪ ПЕРВЫХЪ ТОМОВЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Лекція первая.

Общественная потребность мысли.—Выборъ предмета.—Народное самопознаніе. — Отношеніе народнаго къ человѣческому и Божественному.—Слово—выраженіе духа и души народа. — Стихіи духовно-душевной жизни народа. — Ихъ взаимное отношеніе.—Слово—ихъ общая оболочка.—Объемъ нашей Исторіи Словесности. Причины обширности объема: мѣстныя—современныя во взглядѣ на Словесность и ея науку.—Задача Словесности въ Европѣ. — Надежда и мысль Россіи.

Тема лекціи: обозрѣніе курса.—Раздѣленіе Исторіи Русской Словесности.—Два главные періода. — Подраздѣленіе древняго періода.—Обозрѣніе содержанія. — Языкъ устный и письменный.—Пѣсни.—XI вѣкъ: Иларіонъ, Θеодосій, Несторъ.—XII вѣкъ: главныя явленія. — XIII вѣкъ: Безплодіе. Серапіонъ.—XIV вѣкъ: Петръ Митрополитъ. Москва—разсадникъ духовной силы.—XV вѣкъ: Церковь даетъ силу государству и единство народу. Ересь Жидовская. Іосифъ Волоцкій. Отдѣленіе Кіевской Митрополіи. — XVI вѣкъ: Даніилъ Митрополитъ. Максимъ Грекъ. Митрополитъ Макарій. Ересь Θеодосія косаго. Зиновій. Іоаннъ Грозный и Курбскій. Начало дѣйствій на югѣ. — XVII вѣкъ: Междуцарствіе. Грамоты. Полемическая дѣятельность Кіева. Охраняющее дѣйствіе Москвы. Патріархи. Никонъ. Расколы. Борьба съ Латинствомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Лекція шестая.

Лекція седьмая.

Лекція осьмая.

Лекція девятая.

26

Лекція двѣнадцатая.

Лекція тринадцатая.

Лекція четырнадцатая.

Лекція пятнадцатая.

—

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

—

ПОГРѢШНОСТИ.

Отъ стран. 129 до 143-й на правомъ заголовкѣ слѣдуетъ читать: *двѣнадцатая*, а не одиннадцатая.

2-9393.

